

Les plus déserts Lieux

PHI

Philosophie critique

Philosophie poétique

Sur la Noblesse

Sur l'Art

L'Éthique

La Mystique

L'Intelligence

L'Ironie

Regards poétiques

L'Enthousiasme

La Mélancolie

Sur la Politique

Les Uniques

Personnel

Hermann ILINE

1998 - 2004

Переписка с ЕВГЕНИЕМ ВИТКОВСКИМ

Таблица

Введение

I

1998-й год

07/28 ЕВ ГИ	3
08/19 ЕВ ГИ	6
08/20 ГИ ЕВ	10
08/23 ЕВ ГИ	13
08/24 ГИ ЕВ	17
09/05 ГИ ЕВ	21
10/22 ЕВ ГИ	24
10/30 ГИ ЕВ	26
11/01 ЕВ ГИ	29
11/05 ГИ ЕВ	34
11/07 ЕВ ГИ	41
11/10 ЕВ ГИ	43
11/12 ГИ ЕВ	51
11/24 ЕВ ГИ	57
11/24 ГИ ЕВ	64
11/25 ЕВ ГИ	75
11/25 ГИ ЕВ	77
11/27 ЕВ ГИ	86
11/29 ГИ ЕВ	101
12/10 ЕВ ГИ	116
12/16 ЕВ ГИ	130
12/16 ГИ ЕВ	137
12/18 ЕВ ГИ	143
12/21 ГИ ЕВ	147
12/28 ЕВ ГИ	153
12/29 ГИ ЕВ	160

1999-й год

01/01 ЕВ ГИ	167
01/02 ГИ ЕВ	172
01/05 ЕВ ГИ	185
01/06 ГИ ЕВ	192
01/09 ЕВ ГИ	200
01/10 ГИ ЕВ	210
01/13 ЕВ ГИ	220

01/15 ГИ ЕВ	230
01/18 ЕВ ГИ	238
01/19 ГИ ЕВ	249
01/23 ЕВ ГИ	260
01/25 ГИ ЕВ	272
01/28 ЕВ ГИ	280
01/30 ГИ ЕВ	288
02/09 ЕВ ГИ	295
02/10 ГИ ЕВ	300
02/14 ЕВ ГИ	306
02/15 ГИ ЕВ	313
02/19 ЕВ ГИ	319
02/21 ГИ ЕВ	324
03/04 ЕВ ГИ	332
03/06 ГИ ЕВ	335
04/23 ГИ ЕВ	340
04/30 ЕВ ГИ	341
05/02 ГИ ЕВ	343
06/14 ЕВ ГИ	347
06/14 ГИ ЕВ	348
06/14 ЕВ ГИ	354
06/15 ЕВ ГИ	359
06/15 ГИ ЕВ	363
06/16 ГИ ЕВ	366
06/17 ГИ ЕВ	368
06/27 ГИ ЕВ	369
07/28 ГИ ЕВ	371
07/29 ЕВ ГИ	375
08/09 ГИ ЕВ	379
12/27 ГИ ЕВ	381
12/30 ГИ ЕВ	383

2001-й год

10/06 Нат ГИ	385
10/06 ГИ Нат	388
10/09 Нат ГИ	391
10/09 ГИ Нат	394

10/13 Нат ГИ	397
10/15 Нат ГИ	403
10/15 ГИ Нат	411
10/15 ГИ Нат	417
10/16 Нат ГИ	423
10/17 ГИ Нат	431

2002-й год

02/22 ГИ ЕВ	435
02/24 ЕВ ГИ	436

2003-й год

12/30 ГИ ЕВ	439
12/30 ЕВ ГИ	440
12/30 ГИ ЕВ	442
12/31 ГИ ЕВ	443

2004-й год

01/18 ГИ ЕВ	445
01/25 ЕВ ГИ	447
01/25 ЕВ ГИ	448
01/27 ГИ ЕВ	450
02/01 ЕВ ГИ	451
02/01 ГИ ЕВ	452
02/02 ЕВ ГИ	454
02/03 ГИ ЕВ	455
05/27 ЕВ ГИ	456
05/27 ГИ ЕВ	457
05/28 ЕВ ГИ	460
05/28 ГИ ЕВ	462

Послесловие 463

Указатель имён 467

Содержание 473

Введение

Не думаю, что найдётся в Европе знаток одновременно и славянской и германской и романской поэзий, сравнимый с Евгением Витковским.

Я считаю своё знакомство с ним, порой принимавшем тональность чуть ли ни дружбы, одним из замечательнейших событий своей жизни. Совсем уж сблизиться мешали частенько противоположные черты наших характеров и привязанностей. Культура, ответственность, дидактичность, с его стороны, и вкус, темперамент, предубеждения, нарциссизм - с моей. Во мне - пренебрежительное отношение к месту знания в качестве литературной писанины. В нём - скрупулёзность, точность, исчерпанность. Но у него - деликатнейший взгляд на технику поэтического перевода и бескрайний словарный запас. У меня - кое-какие неуклюжие и жалкие попытки рифмоплётства и, в частности, тягостные, тяжелоступные переводы с немецкого, французского, английского. Всё же, после знакомства с лучшими из толкователей, мне хватило здравого смысла, чтобы тотчас отказаться, с брезгливостью и горечью, от моих безнадежных потуг и уж не возмнять себя больше поэтом с точки зрения технической. Я - поэт по свойствам отражения или преломления жизни во взгляд, в эмоцию, в слово, в мысль, но никак - по естественности, текучести, гармонии речи. Этими качествами блестяще владеет Евгений.

На закате наших жизней, мне захотелось окунуться ностальгически в ту атмосферу наших созвучий или перебранок, где взгляд противостоял глазам, музыка - слуху, танец - походке, поэма - матеме, пение - речи.

Вряд ли в XXI-м веке найдётся хоть один любитель такого рода обменов, в которых почти полностью отсутствует злоба дня. Особенно это касается, конечно, моих собственных писем, в которых столько каприза, безосновательности и произвола. Но и знания, кругозор и серьёзность Евгения настолько непревзойдённы и недоступны нашим современникам, что и его письма не найдут, пожалуй, даже маломальского признания или хотя бы любопытства. Вертикальные шкалы - глубина-высота - нынче не в ходу. Владычествует плоская.

А посему, эта публикация - скорее, моё "предстояние", с опущенными и чуть-чуть увлажнёнными глазами, - перед юностью, перед Евгением, ещё юным, задиристым, многоголосым, перед нашими московскими встречами, где поэзия звуков и образов так славно вписывалась в поэзию переулков, монастырей и мальчишеских дерзаний.

28/07/1998

Герман,

Полтора года назад – с опозданием сам видишь на сколько, пришло ко мне твоё письмо, которое я тут же потерял, ибо перестраивал квартиру. А сейчас нашёл и решил ответить – Бог даст, ты по тому же адресу.

После *Курсива Берберовой*, который вышел удачным, если не считать того, что в предисловии...

Женя

А твои переводы из *Рильке* у меня целы, боюсь, кое-что в научных изданиях в скором времени появится, ибо в истории искусства имеет значение всё, что сделано. Вспоминаю, как в БИЛ мы сидели втроём, и покойный Рожанский нёс такое, что уши увядали.

Ну, а теперь - всерьёз.

Россия не проваливается нынче уже никуда, она просто перестала быть империей. Это на пользу империям - погибать, ибо язык митрополии становится языком мирового значения (вспомни Британскую - вот ответ; впрочем, это всё я написал в предисловии к тысячестраничному тому *Киплинга* (половина тома - стихи), который я составил, где собрал все свои и не свои переводы, - книга вышла месяц назад тиражом 20 тысяч, оный продан и печатается второй; будет и третий и дальше, так что даже тиражи у нас прежние, а качество книг с прежним несравнимо уже хотя бы потому, что нет

никакой цензуры, а для меня это и есть свобода. Иван Толстой пустил в эфир мною выдуманное выражение "бриллиантовый век книгоиздания", - его мы и переживаем сейчас. Я печатаюсь в США, американцы в Москве, а моя четырёхтомная антология эмигрантской поэзии первых двух волн "Мы жили тогда на планете другой" (1920 - 1990) давно уже превратилась в учебник (даром что четвёртый том пока что поступил в продажу на чёрном рынке и больше нигде. Издательство по каким-то финансовым соображениям всё никак не может вывезти тираж из типографии.

Твоя Россия жива: не затем мы промыкались в диссидентстве четверть века. И нет разницы, где ты живёшь. В Марселе жил и умер Борис Божнев (умер в 1969 г.) - чуть ли не лучший поэт-сюрреалист в русской поэзии. Чем не Россия в Марселе.

Не знаю, способен ли я вообще выбраться из Москвы, но в прошлом году мой сын Вадим и жена Маша прокатились по всему южному берегу Франции и были очень довольны (впрочем в Сет они приехали поздновато и на знаменитое кладбище их не пустили, а потом их занесло в Сан-Себастьян, где никакого полиглотства не хватил (оба - античники в сумме активно знают по восемь языков, включая два мёртвых), узнали только, что по-баскски общественный сортир - "комунак" и с этой новостью убралась в Париж. Этим летом ездили в Венецию и Равенну, мне привезли фотографии русских могил на Сан-Микеле. Они уже два с половиной года как сделали меня дедом, сейчас сидят на собственной даче под Вышним Волочком, переводят библейские апокрифы (кое-что издано, и имело успех), выращивают моего внука Фёдора, кабачки и т.д. Такая вот Россия.

Тарифы у нас на телефон кошмарные, а с первого июля я ушёл с поста главного редактора издательства "Полина", и снова стал свободным художником. Сейчас делаю (составляю) антологию "Французская поэзия последних семи столетий", двухтомного [Бодлера](#), огромный том [Уайльда](#) - и пишу параллельно два романа, косвенно продолжающих прежний, трёхтомный, который продал и жду выхода. Впрочем куски в печати были. И даже итоговую книгу Аркадия Штейнберга мы издали. Деньги на издание находить всё же проще, чем придумывать путь в обход цензурных ловушек.

Пока смолкаю. Если пишешь (даже и не по-русски) - пришли что-нибудь, хоть через Интернет, хоть почтой.

Вполне твой

Евгений Витковский

19/08/1998

Дорогой Герман,

Надеюсь, что раскодирование моей кириллицы не причиняет тебе лишних осложнений, если хочешь, могу прислать параметры, и ты сможешь писать кириллицей сам. Всё же это бред - изъясняться на русском языке с помощью латинского паллиатива. Та же беда у моих друзей в нью-йоркском *Новом журнале*, но кое-кто освоился и прекрасно пишет по-русски. Сразу порадуюсь, что моё письмо, посланное, как вижу, по устаревшему адресу, дошло. Хоть я задал программу поиска "Ильина в Южной Франции", но никакой уверенности, что тебя отыщут, не было.

Сразу отвечу на заданные тобой вопросы. *Павел Второй* никакого отношения к папе Римскому Пьетро Барбо (Папа Римский Павел Второй, понтификат 1464-1471 г.г.), понятно, не имеет, и самозванцы с таким именем в России объявились лишь теперь. всё куда проще: поскольку попали в мои руки доказательства того, что Александр Первый не умирал в Таганроге в 1825 году (другое дело, что нет ни малейших оснований идентифицировать его со "Старцем Федором Кузьмичом"), а жена его в 1826 году умерла, подумалось мне, что если б нестарый император ещё раз женился достаточно благородным образом, а потомок его оставил бы дальнейшее потомство - то имели бы на сегодняшний день действительно законного наследника престола. Роман почти весь написан в 1980-1984 годах, в начале девяностых переписан (слишком многое сбылось буквально), а теперь нашёл издателя. Герой носит имя *Павел* именно во избежание омонимов, да и вообще в беллетристике так выходит, что герои сами себе имена дают. Большого о романе не напишу, просто пришлю его, когда выйдет.

Ты переоцениваешь моё знание французского, но присланный тобою опус прочту. Уже вижу, что буду спорить. Но это потом. О Regis Debray слышал и знаю, что у нас какие-то отрывки были в печати, но *толком* ничего не знаю. Мои познания во французской литературе кончились на *Валери*, Роб-Грийе и Мориаке, - *Бонфуа* уже определённно *не идёт в глотку*. Явно не мой язык, - *Борхес* не зря говорил, что *как инструмент французский хуже других европейских* (пример от меня - единственный язык, никак не принявший силлабо-тонику, прекрасно получающуюся не только на славянских и германских, но и на итальянском, к примеру), поэтому требует от творца *большей гениальности*, чем от того, кто пишет на более гибком языке (а русский или немецкий определённно таковы, английский же располагает вообще иными возможностями, оттого так увлекательно переводить английских абсурдистов). Это не меняет моего мнения о том, что величайший европейский поэт XX века - именно *Валери*.

Из книг - если найдёшь оказию - могу передать многое, сам решаю, что тебе интересно. Последнее, что вышло - составленный мною двухтомник Ивана Елагина (весьма полный) и *Полное собрание поэтических произведений Франсуа Вийона* в русских переводах, - я там ничего не переводил, только написал предисловие, а почти все баллады дал во множестве переводов, иные имеют по 10-11 вариантов. Но эта книга пока что только в виде сигнала. Вот-вот выйдет сделанный мною Китс (там тоже моё предисловие, но и переводов моих тоже много), в двух разных изданиях - *Рильке* (однотомник и трёхтомник), делаю для кого-то двухтомного *Бодлера*, для кого-то - трёхтомного Кэрролла, для кого-то - пятитомник Осоргина. И это ещё далеко не всё. Отдаю долги культуре...

Между Венецией и Римом всё время мотается мой сын Вадим (когда деньги есть) - влюбился именно в этот кусок Италии. Будем живы - следующим летом уговорю его добраться к тебе (благо невестка моя, Машка, убежденная про-галлистка), но едва ли раньше. Сам я едва ли подвижен - см. перечень моих текущих работ выше в письме - далеко не полный. Ничего, пусть дети катаются. А ты сам авось до Москвы доберёшься - теперь это совершенно иная страна.

МИТРОПОЛИЕЙ я называю не Российскую империю, а Россию, освободившуюся от почти всех колоний. Москва для меня - родной город, а не полюс веры; я всё-таки из прихода о.Александра Меня, который даже лекцию прочёл о переведенных мною староголландских апокрифических пьесах (лекция опубликована). Христианство и античность для меня мало соприкасаются, да и вообще экуменизм мне ближе всего. (Не для постороннего глаза: на шее ношу *два креста*, традиционный православный и мальтийский, подаренный другом-мальтийцем (я кое-как знаю мальтийский язык и переводил тамошних поэтов) - подчеркнуто католический. И это осознанное действие, а не подбор сувениров).

Не прибедняйся ты насчёт своего русского языка. Мне тоже хотелось писать стихи на африкаансе (бурском), благо прост, как эсперанто. Но сделал выбор в пользу русского - притом прозы, а не поэзии, благо она меня уже совсем не ограничивает. Может быть, моя *стихийная естественность* берётся, видимо, от того, что русской крови во мне нет - есть немецкая с примесью крымского *купажа* караимско-тюркского разлива, сколько-то (очень мало) польской, и - всё. Но об этом как-то не вспоминаешь, пока не зовут на всякие посиделки - то немецкие, то армянские (сын женился на полуармянке), то ещё на какие. Мне всё равно, родина - не кровь, а речь. И русская мне, как выяснилось,

годится, я на других стараюсь не говорить (но письма пишу, благо полно родичей в Германии и Австрии, там же и друзья, но друзья чаще знают русский).

Мне *во всём до самой сути* доходить не интересно, меня интересует в искусстве скорей панорама. А суть и смысл искусства в нашем веке, слава Богу, уже открыты; см. Johan Huizinga, Homo Ludens, в любом издании, если не читаешь по-голландски, лучшие переводы - на английский и на русский, - кстати, [Хёйзинга](#) не зря знал русский язык и переводил (для себя)... Гаршина (только недавно сделанное в его лейденском архиве открытие. И смысл жизни - там же. Ибо [Хёйзинга](#) нашёл, что же было ПРЕЖДЕ СЛОВА. Оказывается - ИГРА. Если хочешь влюбиться, поищи эту книгу в магазине или в Интернете. После неё Шпенглер как-то сразу для меня увял, да и не он один. Атеист [Ницше](#) был великим поэтом, но... был атеистом. А это всего лишь шестая по численности среди религий матушки-Земли, и не интересна она даже у [Ницше](#). Насчёт античности - это беседуй с моим сыном, он как раз античник. Я, как до античности доходит, больше в справочники лезу. В язычество, впрочем, готов обратиться, только не в атеизм, как и в его чернушные разновидности вроде марксизма или сайентологии. На всякий случай, если будешь мне что-то слать через Интернет: мой "пентиум" не кушает того, что по-немецки называется "komprimiert", "уплотнённым". всё прочее до сих пор удавалось прочесть.

С теплом и нежностью

Женя
(Е.Витковский)

20/08/1998

Дорогой Женя,

С грехом пополам пробую набирать текст МЫШКОЙ ! То-есть одну букву в три секунды. Больше строчек 20 мне не выдержать. Отвечу лишь по ходу твоего письма.

О Regis Debrau слышал - безусловно самый яркий француз сегодня. Редкая метафористичность.

Мои познания во французской литературе кончились на Валери, Роб-Грийе и Мориаке - второй, на мой вкус, немногого стоит ; третий – чистой воды француз и только, без общечеловечинки, а вот первый – моё излюбленное чтиво. Особенно его записные книжки. Самая блестящая интуиция в мировой литературе !

Борхес не зря говорил, что как инструмент французский хуже других европейских - испанский галлам не пример. Французский инструментарий был опробован во всех жанрах, где блистали иберы, от Веги с Кальдероном до Сервантеса и, право же, не осрамились.

Единственный язык, никак не принявший силлабо-тонику - это то же самое, что сказать – русский не принял силлабо-долготу (латинян или греков). Нет тоники во французском и всё тут.

Прекрасно получающуюся не только на славянских и германских, но и на итальянском – прости меня, но единственным уследимым следствием стало, в этих типах стихосложения, распложение псевдо-поэтов, где убери просодию – остаётся лишь неприглядная проза. Самый

скромный первый шаг во французской поэзии начинается лексикой, что уже выше просодии. Мнящих себя поэтами во Франции гораздо меньше, чем в Германии или России.

Кто пишет на более гибком языке - in der Beschränkung zeigt sich erst der Meister учил меня Гёте.

Это не меняет моего мнения о том, что величайший европейский поэт XX века - именно Валери - а я продолжаю цепляться за Рильке, и вообще немецкую поэзию с русской ставлю выше всех прочих. Коли одаришь своими переводами, то буду премного рад, поскольку - прости за прямоту - никто лучше твоего этого не делал.

Не прибедняйся ты насчёт своего русского языка - спасибо за великодушие, но я всё же чую порой шестерёночный скрежет в моей разладившейся механике.

Родина - не кровь, а речь - я бы сказал - это манера улыбаться или плакать.

Меня интересует в искусстве скорей панорама - я это подметил. Есть писатели климата и писатели пейзажа ; мне ближе первые, ты же - среди вторых.

Хёйзинга нашёл, что же было ПРЕЖДЕ СЛОВА. Оказывается - ИГРА - что думают об этом открытии жертвы римских арен и петровых потешных побоищ ? Я всё же держусь за Иоанна, добавив только, вслед Гёте, Фрейду и Валери, что дело, извращение и тайна (l'étrange) также изначальны.

С благодарностью и бесконечным уважением,

Гера

(Г. Ильин)

23/08/1998

Дорогой Герман,

В ответ на твою просьбу прислать тебе мою кириллицу - сгрузил тебе полмегабайта четырёх приглянувшихся гарнитур, если нужно, могу прислать и церковнославянскую *ижицу*, красивая гарнитура, иногда бывает нужна, когда (в моей прозе случается) имитируешь старинное правописание. Если сумеешь установить посланное - не будешь больше *мышить*, что, надеюсь, разуверит тебя в забвении русской речи. Пока установи посылаемое, а там сам реши, что тебе ещё нужно - у меня в запасе гарнитур до 1200 числом на все случаи жизни.

Насчёт [Валери](#) целиком с тобой согласен, только положи рядом *Friedhof am Meer* в переводе [Рильке](#), оригинал, и, если хочешь, мой перевод (есть ещё довоенные у Бенедикта [Лившица](#) и Сергея Шервинского, но мой от них резко отличается; кстати, о существовании перевода [Рильке](#) я узнал *после* того, как свой перевод (за пятнадцать лет!) сделал. Такого *стихотворения* не было в мировой поэзии с семнадцатого века, да и в двадцатом второго нет. Любовь к [Рильке](#) у меня осталась, но *для души* в немецкой поэзии мне его здорово заслонил поздний Готфрид Бенн, коего дюжину переводов опубликовал, а больше не хочется. В какой-то момент я из переводчика в своём отношении к почти любому поэту превращаюсь в читателя (вроде как переход из любовников в верные друзья, что ли). Записных книжек одолел целый *плеядский* том, но их, увы, три, а жизнь коротка. Но насчёт [Валери](#) мы с тобой, кажется, спорить не будем. Роб-Грийе - чистой воды *кэмп*, если знаешь это выражение (это когда уже так плохо, что гениально), а Мориакком я однажды во время болезни начитался по самые уши (*Подростка былых времён* одолел в оригинале, прочее - в переводе, убедившись, что тут можно и

переводом обойтись) и какую-то нежность к нему (из-за последней страницы *Подростка*) сохранил. Впрочем, некоторую любовь питаю к Сан-Антонио (но только к *длинным* книгам, вроде *Английской няни* - смешно до колик, хотя вряд ли это литература.

Насчёт силлабо-тоники: ведёшь со мной спор на моей территории. Квантитативное (силлабо-долготное) стихосложение древнегреческого стиха новогреческий утратил, латынь потеряла его в средние века, ваганты уже почем зря рифмовали и пользовались именно силлабо-тоникой. Так что эту форму не воспринял *ни единый* новоевропейский язык. Зато по-русски прекрасно есть силлабика, силлабо-тоника и даже чистая тоника (хотя последнюю нужно учиться слушать - не легче, чем додекафоническую музыку). Китайская пентатонная гамма европейскому уху слышна, но слышно что она бедна, Бетховен бы на ней писать не мог. Так что нечего французскому языку гордиться тем, что чего-то нет. Можно, понятно, пережить (японцы приходят в ярость от того, что по-японски невозможен кроссворд, и от ярости... учат английский), но знаю, что силлабо-тонические стихи во Франции есть (говорят, все плохие, только это ничего не доказывает) - просто, видимо, люди с талантом этим не пользуются ПОКА ЧТО - как мы в России до недавнего времени не умели читать свою силлабику (Кантемира, Буслаева и т.д.), а то, что у нас *золотой век* русской поэзии расположен не ПОСЛЕ *Пушкина*, а ДО него - от Ломоносова и гениального *Сумарокова* - до *Державина* и уж в самом конце - пушкинской плеяды (в которой - тут я солидарен с В.Ф.Марковым-калифорнийским - много второго сорта, а на *первый* кроме *Пушкина* тянут только три-четыре человека) - после чего на полвека вместо поэзии мы получили прозу. Да, кстати, среди живущих в Москве французов (что-то их много стало, не ведаю, почему) мнящих себя поэтами... боюсь, все. Хорошо, если во Франции не так. А насчёт

Борхеса это мы можем обсудить. Если скажешь мне, кто во французской литературе сыграл (или играет) роль собственно **Борхеса** (на 75% вышедшего из немецкой *пражской школы* - Мейринка, Перуца и т.д.) - с интересом прочту. В русской литературе, слава Богу, аналоги к концу XX века нашлись (прежде всего *прозёванный гений* Сигизмунд **Кржижановский**, 1887-1950), коего не без моего участия открыли лишь в 1989 году, - впрочем, в переводе на французский сейчас выходит уже третий том его собрания сочинений, так что ты, скорей всего, знаешь, о ком речь). Я говоря о даре новеллиста в русском значении этого слова, сам я этого дара лишен начисто, увы. Из того, что у Мейринка, **Борхеса** и т.д. получался рассказ, у меня получается либо роман, либо... один абзац в романе. И никакого выхода. Если хочешь, сброшу тебе для чтения тот роман, который начал весной - *Земля Святого Витта* - примерно треть готова набело и находится рядом с этим письмом. Но предупреждаю, что читать меня в прозе непросто даже мне самому, фразы бывают по 100-150 слов, и за половиной я сам когда-то лазил в словари.

Насчёт немецкой и русской поэзии в XX веке как о лучших в Европе я согласен безусловно (кому больше досталось по шее, тот лучше научился пользоваться головой и руками), но отдельные поэты за пределами этих литератур... Ох. **Пессоа** - ради него я португальский язык выучил. Кавафис (читай на любом языке, хорош, ибо не в язык впечатан). **Валери**. Рубен Дарио (хотя и числится латиноамериканцем, но европеец до мозга костей). Йейтс. Адриан Роланд Холст. И т.д. И очень длинное т.д.

Хёйзинга открыл ИГРУ, к которой никакие жертвы отношения не имеют. Иоанна он не опровергает, логос - не *слово*, игра была не прежде Логоса, а именно прежде слова. Ты прочитай его всё-таки, удовольствие гарантирую, ибо по нему извращение, тайна и т.д. - тоже только игра. Ему принадлежит любопытная формула: *Игру*

нельзя отрицать. Можно отрицать почти все абстрактные понятия: право, красоту, истину, добро, дух, Бога. Можно отрицать серьёзность. Игру - нельзя (Homo Ludens). - Если ты станешь отрицать игру, это окажется очень скучной игрой.

Насчёт метрополии и митрополии вышла путаница (та же разница, что между хрестоматией и христоматией: в последней паре вторая часть меньше первой, в первой - вторая меньше второй, поэтому пишу, как привык. В европейском значении надо бы говорить, конечно, метрополия, но уж больно несет названием ресторана-гостиницы-альманаха - и просто метрополитена. Вот и привык к греческому варианту. Россия (то, что от неё осталось, к счастью) и метрополия, и митрополия (ибо Иван в 1482 году поднял над Москвой византийского двуглавого орла именно в знак преемственности от погибшей эллинской державы). Впрочем, моё лингвистическое диссидентство ещё недавно приводило к бедам в издательствах - я писал по-русски БЕЗ ЕДИНОЙ УДВОЕННОЙ СОГЛАСНОЙ, - так работал мой слух. Но... трудно тебе, Савл, супротив рожна прати, пришлось приучить себя к нормальному правописанию. Забавно, но анекдот насчёт матери городов я - с тобой не сговариваясь - совсем недавно вставил в свою статью о У.Х.Одене...

Ладно, как говорит мой друг славист в Граце, генуг трепаться. Если уж заработала электронная почта, авось, поговорим ещё.

Обнимаю - Женя

24/08/1998

Дорогой Женя,

Мышить больше нет мочи. А оставить без ответа твоё послание никак нельзя, так что вот тебе ещё одна профанация злосчастной кириллицы.

Я не превеликий знаток [Борхеса](#), но в жанре *эмблематического* письма, я всё же считаю, что [Шар](#) (Char) ему ни в чём не уступает. [Шара](#) я очень люблю, а к [Борхесу](#) как-то с прохладцей отношусь. Не могу судить, можно ли считать новохристианских мистиков вроде С.Вейль (S.Weil) его конкурентами. У меня такое общее впечатление, что в собственно литературе, исключая филологию, француз, в этом веке, заметно изящнее прочего человечества в большинстве жанров. Мне кажется, я сужу без предвзятости; я ни к русской ни к французской литературам *печатно непричастен*. Есть такое замечательное словцо [Гёте](#), которое мало кто верно толкует : *Für Wahrheit, Wirklichkeit und Natürlichkeit hat der Gallier keine Liebe*. Великий галлофил хотел, я думаю, сказать, что среди любителей этих сомнительных ценностей водится столько всякого пенья, что любить-то стоило бы лишь страсть да гений !

Меня очень забавляют всякоро рода совпадения. Вот сразу целая куча. Твоё первое письмо пришло в один день с письмом [Р.Дебре](#), в котором тот цитирует [Киплинга](#), а ты как раз упоминаешь о своих киплинговских переводах. Я назвал [Шара](#), а, по моим расчётам, он писал свои стихи о свече, которая *горела на столе* чуть ли ни в один день с [Пастернаком](#). Это, конечно, старый образ, но всё-таки. А вот анекдотец, который меня изумил. В каком-то английском издании

Набокова надо было вставить русское слово КОРОВА (кириллица !). Наборщик ошибся одной буквой, и вышло : КОРОНА. Во втором издании, при исправлении была допущена новая ошибка в одну букву, и получилось : ВОРОНА. Лишь в третьем КОРОВА обрела свои права. Ты видишь прелесть ляпсуса ? Сравни с рядом : cow, crow, crown !

Опять о стихосложении. Мне кажется, ты подпал под влияние немецких филологов, говоря о месте тоники во французском языке. Когда я говорю : *силлабо-тоники в этом языке просто-напросто нет*, я имею в виду именно язык, а не его вторичные проявления (и гордиться тут, действительно, как ты говоришь, совершенно нечему, - это невосполнимое пятно в визитной карточке ЯЗЫКА, а не литературы). Микроскопической выпуклости последнего слога совершенно недостаточно, чтобы создать некий музыкальный рельеф ; и француз увидел бы в этой игре сомнительную арифметику, а не увлекательную фонетику (потуги **Рильке** навязать тонику французскому, в *Vergers*, никак неубедительны). Кроме цезуры, я не знаю ни одного другого, чисто ритмического средства во французской поэзии. И что это за тоническая французская поэзия, о которой ты говоришь, я ума не приложу, никогда о такой не слышал. На этот счёт, можно, правда, умолять хорошего французского писателя Владимира Волкоффа (уж, конечно, на голову выше гонкурянина Андрея **Макина**), пускающего, порой, в поэтические упражнения, в которых я-то могу слышать что-то вроде *как ныне собирается вещей Олег*, но никакому чистокровному французу и в голову не придёт упоминание об амфибрахии, это просто проходит мимо его ушей. На мой вкус, репутацию французского стиха гораздо больше подмачивает жалкая рифма и, что самое ужасное, религиозное уважение правописания в её выборе (это губит две трети моего интереса к классической французской поэзии). Надо было дожидаться прихода

Арагона и Десноса, чтобы удовлетвориться рифмой фонетической. Другая беда - скудный словарь. Не только Расину, но и Бальзаку и не снился словарь [Шекспира](#) или [Гёте](#). Но это подталкивает к большей изощрённости в стиле, и в этом француз непревзойдён.

Что касается Логоса, то экзегеты да филологи так уже всё перемололи, ничего толком не доказав, что я, признаюсь, больше ценю лириков и дилетантов, вроде [Паскаля](#) или толкования [Толстого](#) (который мне интереснее и Штрауса и Ренана и Жирара), с его разухабистым соединением Евангелий, где Логос переводится *разумение*, и всё держится убедительней отцов Церкви.

Кстати, о крестах. Меня, в три годика, окрестили, тайком от матери (а отца я не знал), мои дед с бабкой, со славными именами : Евдокия Прокопьевна и Платон Никифорович ! А в семь лет, одноклассники обнаружили мой крестик на шее, публично его содрали, и с тех пор я хожу в отпетых безбожниках, клеймённым, к тому же, бесстыдной тройкой по научному атеизму.

Вместе с марксистами, я смотрю на христианство, как на религию римских плебеев (в современном смысле слова), с выгодой для себя перенятую патрициями. Египетским богам, для проникновения в Европу помешала зоологическая экзотика ; а в Евангелиях вольготно расположилась греческая софистика, а римляне брали на веру всё, что им подбрасывали греки.

Как можно всерьёз копать в христианских догмах, когда год назад Папа римский признал, что у истока самой непримиримой розни между Востоком и Западом (*filioque*) был неудачный перевод : переходный глагол, употреблённый вместо непереходного, говоря об *исхождении духа* !

Надеюсь, что чувств твоих я не оскорбляю, но, право же, в близости божественному я отдаю предпочтение Дионису с Юпитером, а [Христа](#)

ставлю в ряд с дон Кихотом и князем Мышкиным. Даже святой Антоний со святым Андреем мне интереснее их вдохновенного предтечи. Чуда врождённых чувств добра, красоты и тайны с меня довольно, чтобы славить Творца, не нуждаясь в пространственных или временных Его координатах, будь это Олимп, Синай или Палестина.

Твоёго голландца, какнибудь, прочту. А тебе, кроме уже упомянутого [Дебре](#), горячо рекомендую [Сьорана](#) (Sioran). Надо мной, конечно, [Дебре](#) потешается, но я ценю [Сьорана](#) выше [Паскаля](#). Последний анекдотец : [Сьоран](#) написал в юности, в духе сознательного извращения, разносительную книгу о [Валери](#), и это придало всем его последующим книгам покаятельный тон отцеубийцы.

Auf Wiederlesen.

Гера
(Г.Ильин)

05/09/1998

Роясь в почтовом ящике, попал на нижеследующий текст. Не помню, не он ли был виной нашей затянувшейся паузы. Если же нет, то сунь ты его вживе в мусорную корзинку.

Для очистки совести я полистал [Борхеса](#).

У меня аллергия к авторам, пахнущим библиотекой, как бы ни был безусловен их талант. От [Борхеса](#) этим душком несёт изрядно, как, скажем, от нашего [Мандельштама](#) (оба, кстати, писали о [Данте](#) !) или от [Малларме](#).

Другой порок я вижу в злоупотреблении общепризнанными за *высокие* сюжетами или именами : это евангельские псевдо-мудрости, ни к селу ни к городу возносимый Шопенгауэр, хвалимый не к месту Верлен, Виргилий с Ариосто в украшение предместий Буэнос-Айреса - всё ради броской пыли в глазах.

Есть у него, конечно, замечательные стихи в сборнике *El Hacedor*, вроде *Poema de los Dones*, *Arte Poetica*, да и попавшие мне под руку английские его упражнения - это, мне кажется, очень неплохая поэзия. Но в бессвязных рассказах о *гнусности (infamia)*, где вываливаются в кучу познания автора обо всех углах Земли, или в пустопорожней болтовне о *вечности* я не нахожу ничего увлекательного. Испытываешь какую-то неловкость, читая эти смехотворные ссылки на Резерфорда или Кантора, якобы опровергающих Гераклита с [Ницше](#), вкупе с глубокомысленной теорией *вечного возврата*. Я признаюсь, грешным делом, что и меня могут изрядно позабавить эти *спиральные спиритизмы* вроде тех, что читают в русской истории воспроизведение участи Карфагена и, соответственно, придают триумфу Америки размах римского

владычества. Но это занимательная историо-фантастика, как бывает занимательная математика. Или предмет поэтизирования, как у [Ницше](#), которого его толкователи принимают чересчур буквально.

Насколько интересен Эйнштейн в своих скромных суждениях о деле поэтов или философов, насколько жалки эти современные Спинозы, ищущие благословения у математики и как бы сомневающиеся в убедительности бездоказательной красоты ! (Кстати, имя Эйнштейна приводит меня к мысли, что его изумительная интуиция в области искусства напоминает интуицию, в обратном направлении, [Валери](#) : в лингвистике, математике, философии.)

Конечно, переводя Кафку или [Жида](#), нельзя засидеться в дураках, но этому благопристойному и крайне претенциозному письму я решительно предпочитаю [Шара](#) или даже того же самого [Жида](#) с Кокто.

Вне галлов, прости господи, блеска в литературе почитай-что нет. И с этим чувством писали и Уальд и [Ницше](#) и [Пушкин](#) и [Казанова](#). Блеск (de l'esprit), понятное дело, не единственное достоинство письма, но когда поостудишь иронией возбуждающие, но скоропалительные клейма морали или глубокомыслия, остаётся, право же, одна игра, в которой блеск едва ли ни основное правило. Насколько тоньше, во Франции, разговор о месте литератора в судьбах человечества, о назначении и смысле стиля, о роли знания, женщины или воображения в качестве письма ! От англо-саксов с немцами у меня, как ты говоришь, *увядают* уши. Русский борзописец варится в собственном соку, никак не примешиваясь к европейской каше. (Вот тут бы сыграть тебе главную роль, - ведь с такими, как твои, познаниями о Европе вряд ли найдутся иные подходящие мозги !) В

наше время, чем больше киваний в сторону Америки, тем вернее дрейф страны в сторону Африки или прочих каких варваров. Только не увидь злорадства в этих словах ; к русским бедам никто сочувственнее моего не относится.

Впрочем, этому галлофильскому любованию, возможно, приходит конец. Ренан считал, что любовь к искусству свойственна человеческому детству, а в грядущей зрелости человек ничего кроме истины почитать не будет, к вящему ликованию [Толстого](#) и американских литературоведов. Мы, кажется, подходим к этому рубежу.

22/10/1998

Дорогой Герман,

Это не я пропал. Это случилось такое, чего я врагам не пожелаю: сдал в набор книгу Роберта Бернса (моя там только научная часть – предисловие, составление, комментариев) в 800 страниц, наборщик её... рассыпал, а потом набрал (не наоборот!) Что я получил – лучше не представляй. Просидел месяц по 14 часов день мордой в компьютер... Но уже сдал. Что обидней всего – за эту часть работы никто платить не будет, а в условиях нынешнего липового кризиса требовать с издательства доплаты – всё равно что с таковым порвать отношения. Что мне лишнее, я нынче безработный писатель, и хочу таковым ещё месяца два-три побыть, потому что роман дописывать надо (таковой незаметно превратился в четвертый том уже проданного – но всё ещё неизданного – *Павла Второго*).

Побывал у меня совершенно неожиданно лидер-корреспондент парижского журнала (? - еженедельника? – не знаю) *ТЕЛЕРАМА*, долго брал интервью по тому поводу, что им нужен был *не банкир и не колхозник*, а интеллектual, который что-нибудь думает о нынешнем кризисе. Наговорил я ему на два часа, он пришёл в восторг...и следом *ТЕЛЕРАМА* прислала фотокорреспондентку, которая отняла у меня полный рабочий день, фотографируя то с собаками, то без оных и т.д. Если это интервью уже появилось и журнал не вовсе занюханный – ты его раздобудешь скорей, чем я. Говорили мы во избежание ошибок через экстра-синхрониста, которого я немного поправлял. Интересно, оставят ли они мой список русских во французской литературе XX века – от Труайя и *Макина* до Эгора Грана (это, если не знаешь, Игорь Синявский, сын А.Д.). И мою идею *русского языка в качестве экспортного товара*. Ибо я действительно вижу в русском *непочатые*

ВОЗМОЖНОСТИ.

Только что вышедший кирпичик [Рильке](#) сразу распродан, второй тираж задерживается из-за смены типографии (отпечатано на тройку, хотя выглядит подарочно): впервые 15 переводчиков осилили 700 страниц плотного поэтического текста [Рильке](#). Экземпляр для тебя лежит, дай адрес – куда послать или кому отдать. Если сопрут – больше не достану. Трёхтомник в Харькове выйдет через месяц-другой, и его тоже тебе обеспечу. моё целиком – только там, но в нынешнем тоже много. Главная ценность пока что – всё-таки работа покойного Сергея [Петрова](#).

Умудрился прочесть уже третий том Жана Кальвина. От такого чтения впору пойти в католики, но образование требует. Вообще с грустью вижу, что в последнее тысячелетие человечество не создало ничего глубже метафизиков XVII века. Кстати, скоро кончу черновую работу над моей книгой избранных переводов – готовься принять пятьсот страниц (видимо, сразу два мегабайта). Если хочешь частями – тоже выполнимо, тем более, что моё творчество за пределами немецкого и голландского языков в порядок уже приведено.

Романы слать всё-таки подожду, даст Бог, пришлю в виде книг.

Кстати, отчасти я задержал ответ на твоё письмо потому, что ты озаглавил его *ЧЕТВЕРТЬ ОТВЕТА*, – а где ещё три четверти?

Пока – обнимаю. Скажи, куда [Рильке](#) слать.

Евгений (за неимением своего почерка – пишу «росчерком»).

30/10/1998

Вышел номер *Телерамы* со статьёй о *продырявленной* русской душе, о которой *настораживающе* плачутся русские интеллектуалы. Твоя великолепная фотография красуется на самом видном месте. Вышлю тебе этот журналчик с оказией, а может и по почте. К журналистам у меня всегда было недоброжелательное отношение, как и к психоаналитикам с политиками (ограничивая мишени моей желчи лишь пишущей братией). Бомарше и Бальзак, 200 лет назад, задали этот болтливый и назидательный тон, который всё шире вживается в литературу. Но на этот раз надо им отдать должное : заговорили не бродяги, не санитары, не сторожа, а *intellos*, хотя и парит над ними снисходительный и пронизательный взгляд сочувствующего европейца. Начинается репортаж с типично советских заклинаний (Анна Маас) о том, как *нас опять обманули, мы снова пешки*, и завершается приписываемым Ю.Афанасьеву утверждением, что *90% русских интеллегентов враждебно относятся к Западу*, что и подтверждается зловещей рекламой, на которой *рабочий и крестьянка* ставят на место зарвавшийся Манхэттен.

Твоё *неописуемое* обиталище (что-то вроде *юрты-читальни*) преподносится в том же духе, что и логово какого-нибудь бородатого аятоллы, с топором, Кораном и Интернетом, где витает фимиам и рыщут семь псов, доживающих *ядерную зиму*. *Когда приспущены все флаги, полощат лишь культуры стяги* - эти слова приписаны тебе (а ритм и рифма сорвались у меня сами собой).

Как-то сконфуженно, не зная, как это преподнести, упоминают газетчики о тиражах *Вийона* в России. Твой восторг перед русским

языком эти живодёры сводят к сентенциям о *сумме слов, невероятном их запасе*, как и работу Автономовой они характеризуют как *копание в русской лексике*.

Весь репортаж так и можно разбить на главы : *изба, кнут, указ, базар*, среди корорых вдруг вкраплена какая-нибудь *деконструкция*, чтобы впечатление *чумы* не осталось без своего *пира*. Как-то невнятно упомянут энтузиазм в концертных залах, куда бросается затравленный москвич.

Россия, по Рыклину, это Авгиевы конюшни, ждущие своего Геркулеса. Вот она, главная русская беда, на мой (довольно непросвещённый) взгляд : вместо расчищения близлежащего дерьма, разглаголивать о дерьме вселенском и рассчитывать на геркулесовы подвиги. Последним геркулесовым подвигом могло бы стать избавление россиян от лени буден.

По М.Кантору, российские беды *не в финансах, а в культуре* (это совсем по [И.Бродскому](#)). Если так и дальше думать, то не вылезть нашей злосчастной родине из дерьма ещё долгие-долгие годы. Призывы к *чести, совести, состраданию*, вместо чего-нибудь вроде : сработать табуретку не хуже поляков или гнать взашей мошенников. От *массовых* чтений Шиллеров и [Пушкиных](#), вопреки [Бродскому](#), рождаются не радетели народного блага, а Гитлеры со Сталиными. Для толпы нужно воспевать лишь образ опрятного буржуйчика и безупречного лавочника (дело политиков и журналистов) ; вся тайна западного преуспеяния в этом, плюс видение *князей мира* как таких же бессильных винтиков как и мы сами, а не злорадствующих и всемогущих плутов.

Из твоего списка русских во французской литературе эти следопыты сделали список телефонов таких же бедолаг что и ты сам. О русском языке как экспортном товаре я уже сказал, это завидное многословие.

Телерама не такой уж занюханный журнал, как мне объяснило чадо моё, Настасья, обучающееся уму-разуму в Париже (сам я журналов не читаю). Имеет он хождение по всей Европе и печатается в 700.000 экземпляров.

01/11/1998

Дорогой Герман,

Оказывается, даже в Интернете письма могут пересечься: вчера отправил тебе *философическое письмо*, а сегодня выудил твоё про *Телераму*. Спасибо за присмотр, эти курвы могли вообще не поставить меня в известность о том, что *интервью* вышло. Пришли по почте, если не трудно, – у меня, слава Богу, почти никогда и почти ничего за последние десять лет не пропало. Смешно, но я ослышался в разговоре, и решил, что у журнала – *семь тысяч* тиража. Оказалось – *семьсот*. Жюльверновская ошибка на два порядка...

Сердиться мне не на что: они сознательно купировали из моего разговора всё, что касалось Франции (как *Вийона*-то оставили? Надо думать, Франция его уже не читает). Насчёт Интернета, Корана и топора: топор у меня – точно – есть. И много других инструментов тоже. И Коран есть (а также Книга Мормона по-английски и по-русски, Конфуций и прорва всякой другой справочной литературы). Интернет позволяет нам с тобой разговаривать. Собак сейчас семь, но одну скоро продам. Гляди-ка, всё правда!..

Неприятна компания: если Афанасьеву угодно утверждать, что *90% интеллигентов...* – так я-то не интеллигент! Извини, интеллектуалу даже и неприлично быть интеллигентом. Интеллигент, чай, телевизор смотрит. А я не смотрю. Интеллектуалу недосуг, он письма пишет. Кто такой *М.Кантор* я вообще не знаю, но если он полагает, что беды русской культуры – в КУЛЬТУРЕ же, я, пожалуй, и знать не хочу, кто он такой.

Французский язык один из самых богатых и совершенных языков мира. Поэтому так соблазнительно быть французским писателем. Во

Франции прекрасно пишет всякий взявший в руки перо (водители, портные, летчики, артисты, музыканты, писатели...) Нужно только уметь соединять готовые словесные блоки и больше ничего. (Довид Кнут, рецензия на «Безделицы для погрома» Луи-Фердинанда Селина (1938 г., перевод с иврита В.Хазана). Здесь правда то, что лишние слова французскому не требуются: тезаурусу английского в полтора миллиона слов, немецкого или русского чуть ли не такого же объема французам, понятно, без надобности (правда, в итоге своего собственного [Рабле](#) читают в адаптации – буду рад, если ошибаюсь). И впрямь – зачем? А в итоге [Макин](#), который здесь ходил бы на уровне Урюпинска, получает Гонкуровскую премию, а в итоге Игорь Синявский как бы даже и *писатель*. В итоге – корреспондент *Телерамы* спросил меня, кто такой Теофиль де Вио...

Словом, больше я *интервью из братской могилы* не даю, хотите разговаривать – разговаривайте со мною с одним. Но всё равно тебе большое спасибо.

Когда я вытаскивал твоё письмо из Интернета, у меня был мой сын Вадим, который... и тебя помнит, и твою дочку! Так что привет тебе от моего взрослого сына.

Весьма я порадовался тому, что французы читают моего любимого [Рабле](#) (такого ранга *поэта* нет не только у Франции – ни у кого в мире нет), чья проза отчасти доказала мне, что стихи вообще не обязательны. Однако я не понял – читают ли [Вийона](#). Насчёт [Данте](#) – поговори с итальянцами. Читают они его или нет – вопрос загадочный, но знают неплохо, в этом я убедился много раз, притом *Рай* знают лучше, чем две первых части (у нас наоборот). [Шекспир](#) вовсе не пример, я английский выучил по нему, из-за этого с трудом читаю на современном. Страна оказалась меньше [Шекспира](#), и это не единственный случай. Для знакомства с Россией тоже можно обойтись

Житием протопопы Аввакума. Лучшей прозы в России не было до самого Гоголя.

По мне прежде всего высота взгляда... – пишешь ты. Этак мы будем рассматривать высоту взгляда поэта Мао Цзэдуна... Селин/Розенберг/Ромен Роллан/Фадеев и т.д. просто не могут быть обсуждаемы как писатели. Несмотря на *Николку Персика* в переводе [Набокова](#), Ромен Роллан всё-таки в первую очередь сталинист. И очень трудно думать о нём ещё что-нибудь.

Кстати, насчёт [Паскаля](#) как *брёда сумасшедшего* (стул на краю бездны и т.д.) – это отнюдь не отменяет великого художника слова [Паскаля](#) (как и [Хлебникова](#)), хотя выражение *мыслящий лопух* мне вспоминается чаще, чем *тростник* – первые встречаются чаще вторых.

О том, что Кальвина католики разносят ПУЩЕ [ЛЮТЕРА](#), узнал от тебя. Не понимаю и буду разбираться. Паствы он у Рима увёл немного. Мыслитель грошовый. Верующему человеку у него и опереться не на что, если только этот верующий не решит, что уж он-то спасен «по определению». А это та самая гордыня, которая всё-таки первый и самый страшный из всех мыслимых грехов. Далеко не всякий занудасхизматик для меня привлекателен (не о.Серафим Роуз во всяком случае). Но пустозерские метафизики и не совсем схизматики, и совсем не зануды.

Вообще я с большим удивлением обнаружил, что по крайней мере два писателя, над которыми я всю жизнь смеюсь как в цирке – писали очень всерьёз. Первый, безусловно, [Борхес](#), второй историк (не поэт) [Карамзин](#). Когда читаешь про *хрён двенадцатой степени* у [Борхеса](#) или же на третьей странице *Истории государства Российского* уже седьмой или восьмой по счету князь без особых причин *заливается слезами* –

результат оказывается восхитителен, но сильно отличается от того, который был замышлен автором. Так и [Петрарка](#) считал, что его *Триумфы* далеко затмили [Данте](#)... Кстати, а насчёт [Данте](#), которого я всё-таки прочёл в оригинале, – он сопоставим только с *Метаморфозами* [Овидия](#). Вот и сравни *лес из одного зерна* (лес самоубийц) или рассказ о мирмидонянах в главе 29 *Ада* (далее привести примеров сто, а?) с аналогичными местами у [Овидия](#) – и гениальный ссыльный поиграет гениальному эмигранту. От [Горация](#) тянет учебником латыни (ее – когда нет другой работы – мой сын преподаёт, и это очень скучно), Катулл куда живей, но это всё-таки лирика, а не эпика. Что же касается Вергилия как эпика... Умолкаю. *Энеиду* дальше первой песни не одолел. И, наверное, не одолею. А от *Георгик* и *Буколик* (их я читал как редактор переводчика, С.В.Шервинского) у меня начинается экложная кропивница-аллергия.

Достал Рене [Шара](#), возьму словарь, попробую оценить. Хотя на очереди к чтению десятки книг, преимущественно немецких. А Шестов чужим мне остался именно по мыслям. Как и его духовный двойник Вячеслав [Иванов](#). Не могу я воздевать руки перед чудом под названием *человек*. Времени нет, и... руки заняты. Насчёт нумерологии лучше мне не пиши, вокруг у всех на ней и так крыша поехала, а я не верю ни в число тринадцать, ни в число сто двадцать семь, а меньше всех верю в Нострадамуса.

Насчёт немецкого как лучшего языка для афористики – я что-то неясное написал. Ларошфуко есть только во Франции, – правда, только во Франции есть и Шамфор, чья максима насчёт *кишкой последнего попа Царя последнего удавим* нынче выдаваема за подлинные стихи [Пушкина](#) (неровен час, это и правда он, но, кажется, теперь принято считать их всё же поздней подделкой).

НО всё-ТАКИ (тебя цитирую): *Гёте* с <...> *Ницше* <...> – неуклюжие *тяжелоступы* *рядом с* <...> *Амьелем*... Ты что, и вправду этого швейцарского невротика выше *Гёте* ставишь? Стихи он писал под Беранже. И хуже, чем Беранже. А *Дневник* я уже трижды начинал и прочесть не смог.

Спасибо!

ЖЕНЯ

05/11/1998

Женя,

Снова берусь морочить тебе голову своими полу-отзвуками.

Весьма я порадовался тому, что французы читают моего любимого [Рабле](#) ; Насчёт [Данте](#) – поговори с итальянцами - я кажется опять что-то брякнул невразумительное ; я хотел сказать, что современному французу не нужно лезть в справочники, чтобы понять [Рабле](#), в отличие от [Шекспира](#) или [Данте](#), которые уже почти недоступны средним англичанину с итальянцем. Читают же [Шекспира](#) и [Данте](#) наверняка больше чем [Рабле](#).

Однако я не понял – читают ли [Вийона](#) - читают как разбойничью экзотику.

По мне прежде всего высота взгляда.... *Этак мы будем рассматривать высоту взгляда поэта Мао-Дзэдуна... Селин/Розенберг/Ромен Роллан/Фадеев ... Ромен Роллан всё-таки в первую очередь сталинист - к чему ты приплёл эти имена, ума не приложу. В том, что я говорю, нет ни догматики, ни теории, ни произвола, а простейшая констатация. Хотим мы того или нет, но берясь за перо, мы обречены этой геометрии : высоте, широте, размаху и глубине. Высота – это, упрощённо говоря, доля благородства, широта – число соединённых в целое предметов, размах – обращение к прошлому или заглядывание в будущее, глубина – доказательность. Это приложимо и к описанию сапожной лавки и к любовной лирике. И я просто замечаю, что те, кто прельщает меня больше всего, почему-то непременно тянутся к высоте.*

Великого художника слова [Паскаля](#) (как и [Хлебникова](#)) - в словесных упражнениях [Хлебникова](#), как и в подобных им ложно-статистических бреднях [А.Белого](#) (любителя твоего сапожника [Бёме](#) и преподобного [Р.Штейнера](#)), я не отмечал вообще какого бы то ни было присутствия мозгов, чего не откажешь [Паскалю](#). [Паскаль](#) - чуть ли ни единственный француз (может быть, с [Рабле](#)), у которого пробивается [шекспиров](#) взгляд на место темперамента в литературе.

О том, что Кальвина католики разносят ПУЩЕ [ЛЮТЕРА](#), узнал от тебя. Не понимаю и буду разбираться. Паствы он у Рима увёл немного - почти все протестанты Франции ссылались на Кальвина, следов же [Лютера](#) здесь почти нет. Спасение по предопределению и непричастность к нему дел не мешают протестантам выигрывать у католиков в цинизме, хотя и делает их менее лицемерными.

Князь без особых причин заливается слезами - открой Мишле, там при всяком повышении налогов на соль, депутаты Конвента сливают в общую реку жаркие слёзы.

[Данте](#), которого я всё-таки прочёл в оригинале - преклоняюсь в восхищении ! Я дальше страниц 30 не ушёл, поскольку итальянский учил по [Леопарди](#) и Моравиа. Это так же далеко от итальянского, что и латынь. [Овидия](#) с [Горацем](#) мне переводила и комментировала моя Настасья - сам я в латыни барахтаюсь довольно беспомощно - после [Данте](#) меня подкупает более грациозная образность и, самое главное, почти полное отсутствие описательности. А удовольствие от [Виргилия](#) (или [ВЕРгилия](#), тут какая-то неразбериха) у меня связано, пожалуй с игровым (!) аспектом, соревнованием с Гомером.

А Шестов чужим мне остался именно по мыслям - ещё раз признаюсь, что к *мыслям* у меня отношение самое пренебрежительное, и весомей моей злополучной высоты у меня нет критериев. *Высота* Шестова – в насмешках над системами, которые он весьма даже неплохо знал.

Не могу я воздевать руки перед чудом под названием **человек** – воздевает руки всякий из нас, с большим или меньшим пафосом. Если отказать в этом человеку, придётся воскресить памяти, геометрии или гласу улицы. Или же оставаться бесстрастным, что хуже всего.

Гёте с <...> **Ницше** <...> – **неуклюжие тяжелоступы рядом с <...> Амьелем...** Ты что, и вправду этого швейцарского невротика выше **Гёте** ставишь? - без малейшей пунцовости на бесстыдном челе ! Я же, как ты понимаешь, не о стихах говорю, а о стиле афоризмов. Трижды бросаемый тобою **амьелев** дневник я всегда открываю с удовольствием. А подверженные бессонице (**Паскаль**, **Ницше**, **Валери**, **Сьоран**) почему-то оказываются мне лучшими спутниками.

О французском. Если бы лексика и морфология определяли потенцию языка, то твои *анти-французские выпады* были бы неопровержимы. К счастью для галлов, в литературе, кроме имён предметов (*What's in a name ? that which we call a rose, by any other name should smell as sweet*), ценятся и высота, и тонкость, и свежесть связей между этими предметами, и здесь решающий суд произносят поэзия, вкус и ум, а не обширность словарей. Сам бог послал французам скудный и чересчур прозрачный язык ; это действует прекрасным стимулом (по ограничению) в той области, до которой с трудом добиваются счастливицы в языках, в которых покладистая лексика создаёт иллюзию творчества, - области остроумия и изящества. Когда, после французского интеллектуала, слушаешь англо-сакса, немца,

итальянца, испанца и ... русского – прости меня, но я порой соглашусь со здешним шовинистом : блеск (l'esprit) водится лишь во Франции. А то, что язык – явление не решающее, вот и яркое подтверждение : глянь на бельгийцев, швейцарцев-романцев или квебекцев и сравни с французом – пропасть !

Ни в одной другой стране не опробовано столько разновидностей энтузиазма и схоластики, как во Франции, и в результате – хотя сами французы в этом не любят признаваться – видимость легкомыслия и поверхностности, за которыми не всякий разглядит опыт и иронию. Родина рыцарства и галантности поставила слово во главу угла, там где прочие возводили истину, порядок или глубину.

Как и во всех странах, общественное мнение и во Франции диктует культ злободневной экзотики, забавников да потешников, откуда и феномены вроде А.Макина (и возомнить, что у урюпинца больше шансов преуспеть в Париже, чем в Москве, было бы большой ошибкой ! Кстати, И.Бродский хуже писал по-английски, чем Макин по-французски, но у И.Б. были потуги, хоть и жалкие, на размышления, у А.М. же мозгов – ни следа, *mais de cervelle - point !*).

Я, слава богу, никаких амбиций в сфере забавления публики не имею, но признание хорошего французского читателя доставит мне более ощутимое удовольствие, чем признание в иных странах, в том числе и в России. Я пишу для своего alter ego, и типа, ему близкого по вкусу, вижу только во Франции. Не к любителям же К.Пруткива, Г.Грасса или М.Твена мне обращаться. Я знаю, что в моём жанре – годном для Сиракуз и Рима, Китая и Парижа - не только в Москве, но и в Урюпинске мне лавров не снискать, а вот на тысячёнку французских читателей у меня есть обоснованные поползновения. (Из *язычных*

происшествий : прочитал в витрине газетного киоска : *Rosset (tennismen) s'employa à rosser le Russe* - да ведь это же *Карл-Квинт* почал трепать французов ! - К.Прутков ? И прожекты введения единомыслия на Руси тоже как-будто от него исходили ?)

Кстати, если ты мне скажешь, – и я безусловно этому поверю – что на Руси найдётся более сотни Е.Витковских, по требовательности вкуса и искущённости знания, то я осыплю себе голову пеплом и стану присматриваться к лауреатам Букеровской премии. Риск такого околпачивания, я думаю, всё же невелик.

Раз в три месяца, мне попадает в руки *Литературка*. Вряд ли познания её журналистов распространяются шире, чем у их злосчастных коллег из *Телерамы*, не сведущих о Th. de Viau (его, кажись, то ли четвертовали, то ли околесовали, то ль на кол посадили за малопочтение к матери-церкви - тебя решительно манят еретики : Кальвин тоже недалёк от костра был, хотя и кончил среди поджигателей...).

Боюсь, что европейская поэзия окончательно сдохла. Когда до меня доходят какие-то бредни, в которых *вечность, истина, пространство, время* крутятся в беличьем колесе случайных глаголов, мне становится тошно. Впрочем самая-то большая беда в том, что поэзию потребляют с той же невозмутимостью духа, что и москательный товар. В России, к счастью, столько вшивости в запущенных буднях, что, отвращаясь от них, многие нечаянно прибиваются к поэзии. А на Западе приходят в поэзию по такому же расчёту, что и в бухгалтерский учёт.

О роли языка в содержании и качестве письма я гораздо более сдержанного мнения, чем ты. *Леопарди* игривость итальянского не

мешала нить в германском духе, как и Гёте, порой, вполне по-итальянски мог говорить о каком-нибудь карнавале. Nietzsche и Wilde (рука не поднимается обрывать их имена) – это почти французские писатели, а Бодлер – чуть ни американец, вослед Е.По. Стендаль так же близок итальянцу, как Мандзони – французу. Но великость, почему-то, всегда связана с национальным духом, который только у великих же приобретает размах универсальности (это затаскано, но не очень понятно).

Что проку в роскошестве языка, если ею никто за полвека не воспользовался? Античная аскетичность французского – даже без синтаксической свободы греко-латинян – это камни во рту оратора, гвозди в ложе анахорета, нагота метящего в короли. Но творческий потенциал ограничений (*constraints, Beschränkungen*) ощущают лишь редкие, тонкие вкусы. Как и во всём мире, во Франции, статистически, властвует журнализм (3000 романов в год и 500 литературных премий тому порукой).

Частая психологическая ошибка заключается в сравнении прошлого с настоящим и развенчание нынешней пустячины. При этом забывают, что прошлое сводится к эху, дошедшему до нас лишь от самых выдающихся голов, в то время как наше сегодня захламлено разноголосицей, в которой лишь время делает свой отбор. Наш Герцен очень страдал этой близорукостью. И я себя часто одёргиваю от увлечения бесплодным поносительством. Тем более, что веку нашему не хватает прежде всего воодушевления, а в злопыхателях недостатка нет.

Дыхание служит двум целям, так удачно совпадающим в русском слове *надувать*, то-есть и объём придавать и вокруг носа отводить,

создавая иллюзию.

У общеизвестного словца Брехта о *несчастных странах* есть менее ценимое, но небезынтересное заключение : *... und noch unglücklicher, das ohne Helder geht* (это вроде *вольтерового* финала о пользе выдумывании бога : *... mais tout ce qui vit - crie : Il est, Il est !* или ядовитость Руссо, у которого, после красующихся на его памятниках слов *Tout est bien qui sort des mains du Créateur de toutes choses*, в оригинале добавлено *... et tout pourrit entre les mains des hommes.*)

Ещё раз об игре. К ней, и в самом деле, сводится всё. Игра – это ставка (то-бишь вкус и высота) плюс правила (то-бишь язык : слово и логика, логика событий (совершающегося) и логика фактов (свершившегося)). В это можно полностью погрузить и слово и дело, и извращение и тайну. Только доказывать тут фактами нечего ; это должно бы лишь иллюстрироваться психологически убедительными образами.

Жму руку,

Гера

07/11/1998

Дорогой Герман,

Уже не знаю, на какое письмо тебе пишу ответ, на все сразу, наверное.

Селина я упомянул случайно, это всё-таки не столько писатель, сколько самый знаменитый в литературе антисемит, даже – точнее – жидоед. Оценку ему должен бы давать Эли Визель, который тоже писал почти исключительно по-французски (увы, я читал его в русском переводе, да ещё израильского производства), – у самих евреев, судя по нобелевским премиям, второго такого писателя, как Визель, нет.

Искандер – интересный феномен. Из-за его *дяди Сандро* вся Россия очень хорошо знает, что Абхазия и дядя Сандро – это смешно, это чудесно. А про Грузию Россия помнит Сталина и Берию. В итоге Грузия проиграла абхазскую войну... Писатель Искандер, конечно, абхазский. Учиться у него русскому языку не советую. Но читать советую – и сам читаю.

Я не просто подписываюсь под твоей оценкой Сартра и т.д. – у меня уже он и К° уже и раздражения не вызывают, я их просто не читаю. То же Хайдеггер с Дерридою.

Любому философу я всегда предпочту [Рабле](#) и [Сервантеса](#), Свифта и Лескова. СКЕЛЕТ – вещь гармоническая и красивая, но я предпочитаю тот же скелет внутри живой плоти. На этот счет, впрочем, в *Amores* у [Овидия](#) как раз лучше всего, но я по памяти не восстановлю. Кстати, когда я говорил о том, что [Данте](#) превзошёл [Овидия](#), то имел в виду

только превосходство *Commedia* над *Метаморфозами*. В стихах про любовь после Овидия человечеству делать вообще-то нечего.

Пока умолкаю. Пиши!

женя

10/11/1998

Дорогой Герман,

Ты, я вижу, ночью письма пишешь. Я, кажется, начинаю заниматься тем же: просидел целый день за писанием романа, сейчас сообразил, что письма у нас длинные и в одну ночь не ответишь. Кое-что должен заметить сразу. Я [Хлебникова](#) как поэта (про его математический бред нет речи) до тридцати пяти лет вообще не воспринимал. Потом случайно открыл на поэме *Ладомир* и был потрясён: весь его бред оказался **понятен** – к этому времени я уже неплохо знал церковнославянский и русские диалекты. Оказалось, что стихи его в высшей степени хороши. Цифровой бред напал на него в другой эпилептической фазе. Кстати, отношения к [Андрею Белому](#) у меня нет вовсе: утратил после того, как Шервинский рассказал мне историю: они в Коктебеле катались на лодке, и кто-то бросил окурок в море. [Белый](#) устроил дикий скандал, якобы чуть не утопил всех. Это и весь [Белый](#)... Что такое д-р Штейнер – не рассказывай, я десять месяцев в антропософском издательстве работал, сыт на всю жизнь и все последующие. Сапожник Бёме, а в ещё большей степени Ангел Силезский, Брунетто Латини и т.д. не виноваты в том, что полоумный доктор (впрочем, одарённый человек, кто бы спорил) возвёл их в культовые фигуры.

С Латини связана дивная история. Наш директор требовал, чтобы мы его *Тезоретто* издали, ибо Штейнер ставил Латини выше [Данте](#). Я спросил его, как быть с тем, куда поместил сам [Данте](#) своего в некотором смысле Учителя – Латини. *Как – куда? В рай, конечно!* – было мне сказано. Мне пришлось уточнить, что не в рай. А в седьмой круг ада за содомию. Шеф обиделся, скоро мне из издательства

пришлось уйти – но книгу Латини я так и «увел». Не очень увлекательно (эдакий Плиний Старший в рифму). И понятен скорей параллельный немецкий перевод, чем итальянский оригинал, весьма мало повлиявший на язык [Данте](#).

Ни [Леопарди](#), ни Мандзони в оригинале я не читал, в переводе тоже не читал: жизнь коротка. Я вообще-то по-итальянски кроме *Commedia* и кучи всяких стихов (самые поздние – Уго Фосколо) ничего не читал. Впрочем, пытался *Имя Розы* читать, но попался наш перевод, настолько хороший, что мне стало лень в словарь лазить. А с [Данте](#) этот номер не проходит: для меня он на какое-то время заслонил всю мировую литературу. Да и сейчас я не уверен – был ли в человеческой истории писатель такого масштаба – ещё хоть один.

Насчёт Кальвина. Я прости, просто забыл, где ты живешь. Французский протестантизм после Варфоломеевской ночи оказался столь незначителен, что в итоге привёл к французскому же атеизму, тот к *Великой* революции, а она ко всему, что мы по сей день расхлебываем. Кальвинизм *серьёзно существует* в Швейцарии, Голландии и Шотландии, а ещё в Южной Африке; 97 семей гугенотов, переселившихся туда в семнадцатом веке, оставили в наследство бурам религию и фамилии (у половины буров, включая нынешнего посла в Москве, французские фамилии, произносимые на голландский манер). При моей любви к голландской культуре именно кальвинистов (контрремонстрантов) я стараюсь читать, забыв об их вероисповедании. Впрочем, от двух-трёх тамошних метафизиков никуда не денешься: Константейн [Хёйгенс](#) был поэтом не менее глубоким, чем Джон Донн, а метафоричностью его сильно превосходил. На днях пошлю тебе свой перевод его книги *Назидательные картинки* – эдакий образец жанровой поэзии

(разбавленной, при всём блеске, кальвинистским морализаторством, из-за чего две вещи я в книге переводить не стал – длинное *Введение* и ещё более длинного *Мудрого придворного*, – *Глупого придворного* я, понятно, сделал, как и *Профессора*, которого [Хёйгенс](#) боялся печатать в составе этой книги, чтобы не обидеть лейденских профессоров). Между прочим, часть текстов я переводил по изданию 1656 года! Ни с чем не сравнимое удовольствие работать с книгами семнадцатого века, с подлинными *Эльзевирами*: позже я вручную скопировал (ещё в нелегальные времена, трудился в мальтийском посольстве) девятитомник [Хёйгенса](#) (почти не комментированный). Кстати, один том из девяти написан по-французски, два – на латыни, и есть образцы творчества на четырёх других языках. Впрочем, прочтёшь мои переводы, тогда выскажешься. Пришлю по Интернету.

Насчёт французского шовинизма: обращал ли ты внимание, что само слов *шовинизм* – французское? Впрочем, тут Россия явно всех обогнала, подарив миру интернациональное слово *rogrom*; в голландском со времён царя Петра осталось слово *pirovaĵen*, что означает: большой кампанией нажраться, напиться и закатиться в бордель. Сифилис в России называют французской болезнью, во всей Европе раньше, по крайней мере) его называли болезнью неаполитанской, в Германии – польской, а что означает немецкое выражение *Polnische Wirtschaft* – ты и сам знаешь. Список можно продолжать на весь Интернет...

Насчёт ста Витковских – поручусь, что сто – есть. Но даже за сто первого уже не поручусь. Впрочем, культуре никогда не требовалось больше. Когда мне становится совсем плохо, снимаю трубку и звоню [М.Л.Гаспарову](#). Через десять минут разговора (при том, что у великого человека дефект речи, заикается он) на любую тему я вхожу в

катарсис и могу дальше жить. Он один раз в жизни говорил с Лотманом – пишет, что с ним было именно такое. Увы, количество вправду невелико. И часто мне интересней говорить с западными славистами, чем с родными литераторами. Кстати, я даже не сразу понял, что́ ты называешь *Литературкой* – я в эту газету не смотрю даже тогда, когда она что-то моё печатает – уже лет десять. Никакого отношения к литературному процессу она не имеет. Имеет сейчас, кажется, только нью-йоркский *Новый журнал*, но это я своих рекламирую, ибо дружил с прежним главным, покойным Юрой Кашкаровым, дружу и с нынешним – с Вадимом Крейдом, с которым на пару сделал трёхтомник Георгия [Иванова](#).

Насчёт *Букеровской премии* – это наше позорище, хотя один из лауреатов (Андрей Сергеев) – мой друг. Вообще к премиям у меня то самое отношение, которое сформулировал [Гаспаров](#), получив *Государственную...* за переводы Авсония (!): *Я себя чувствую как почтовая лошадь, которой насыпали овса*. Когда я на полном безденежье получил довольно большую Австрийскую, мысли мои были точно такие же. Кстати, Нобелевская почти того же стоит, что и Букеровская – я чуть в обморок не упал, когда узнал, что её в прошлом году получил Дарио Фо: ведь я читал его... в переводе на мальтийский язык (книг мало, а переводил мой друг-мальтиец) и знаю, что он такой же писатель, как я – космонавт. Впрочем, в этом году по ошибке дали премию Сарاماго, а его *Жизнь Рикардо Рейса* (роман, где персонажи [Пессоа](#) живут в одном пространстве с самим [Пессоа](#)) у меня зачитана до дыр. За последние двадцать лет *по справедливости* эту премию кто получал? Маркес, Милош, может быть, Шеймас Хини. Всё. Впрочем, не помню, в каком году получил Голдинг – вот и все действительно великие. А Клод [Симон](#)/Вислава Шимборская/Дерек Уолкот/Надин Гордимер/ и т.д. – это *на наши деньги* всё тот же Урюпинск, и когда премию дадут Пригову или Айги, это будет только

продолжением ленинского *чем хуже – тем лучше*.

Насчёт *твоего жанра*: к тебе очень близок Станислав Ежи Лец. А также Ларошфуко, но на нем все нынче двинуто. Кстати, что это ты валишь Марка Твена в одну кучу с Козьмой Прутковым? Впрочем, оба великие писатели (в отличие от Грасса, который всю жизнь выполняет программу-максимум, пишет каждую следующую книгу хуже предыдущей), и читатель у вас неизбежно будет общий. Ничего плохого в этом не вижу. Чего стоит у Леца: *Ложь отличается правды только тем, что не является ею...*

А насчёт Теофиля де Вио: главного поэта либертинажа к костру приговорили, но заменили пожизненной тюрьмой. Тем не менее поэт он (как и Скаррон) был получше Ронсара. Впрочем, у нас гениев восемнадцатого века ([Сумарокова](#), Муравьёва, даже и Ломоносова, даже и поэта-[Карамзина](#)) читаю, кажется, я один. *Толпа всегда толпа, в толпе лица не видно* – это ещё один наш гений, [Случевский](#), и добавить к этому нечего. Ну и плевать я хотел на толпу. У меня в романе человек получил *государственную премию Киммерии* – семьдесят два мамонтовых бивня, сложил из них беседку за огородом и ходит туда работать летом, напялив старый красный халат (это уже из Стефана Георге, впрочем, украдено – он красную мантию надевал, чтоб знали, что он работает – и не мешали). *Телерама* несмотря на 700 000 тиража когда-нибудь забудется, а вот то, что люди пишут сейчас – оно останется. Даже и [Бродский](#), которого не очень люблю, а прозу его читаю, рыдая от хохота: съездил он в Рио-де-Жанейро и очень обиделся, плохая страна Бразилия, брюки украли на пляже, а там четыреста баксов было, зеркала в гостинице мутные, а статую [Христа](#) подарил городу Муссолини: это всё, что нобелевский лауреат вынес из Бразилии (никак не Алейджадиньо, не карнавал и не *бразилизацию* человеческой кожи). Но когда [Бродский](#) умер, даже грустно стало

оттого, что его поклонники сменили этикетку на нем: был *гений*, стал *классик*, ибо ежу ясно, что с мыслями там не густо было. Извини, но *есть мысли* или *нет мыслей* – для меня всё-таки главный эталон в искусстве. Ибо если нет мыслей, то нет и повода для разговора. Впрочем, об этом есть у [Валери](#), насчёт того, что лев состоит из переваренной баранины. Если он её не переварит, то и льва не будет. А если мысли есть – можно и про *высоту* поговорить. Какая, интересно, *высота*, если мыслей нет?

Насчёт франко-канадского языка: доберись до стихов поэтессы по имени Рина Ланье (р.1915, померла ли, нет – не знаю). И выскажись. И покажи мне в современной Франции поэта такого уровня (про [Шара](#) пока воздержимся, дай прочесть). Впрочем, второго случая не подберу, за возможным исключением кое-кого в Вест-Индии, которая тоже вся в Париже.

Шовинизм, кстати, есть в любой стране и в самых странных формах. Попробуй заставить итальянца есть не-итальянскую еду. У меня не получилось (за исключением случая, когда я своей итальянской подруге скормил грузинский голубец с аджикой, она жаловалась, что в России всё *не острое* – думаю, она тот голубец до сих пор вспоминает). С другой стороны – скажи мне, как будет по-французски *gemütlich*? С интересом жду ответа. Французы утверждают, что *комфортабль*, а я не верю.

А воздевать руки я всё равно не буду. Обычно у меня они делом заняты.

ОБНИМАЮ.

ЖЕНЯ

P.S. Только что вынул из почтового ящика присланную тобою *Телераму*, которую почти с гарантией не увидел бы иначе никогда. К моему дому имеют отношение три фотографии (вначале, на развороте – и третья, где меня нет, но есть картина – неоконченная – Надежда Мальцевой и перед ней хозяйственная сумка). Надо сказать, что фотохудожница, балдища, не зря меня целый день мурыжила, вышло так, что хоть на монетах чекань. Оттенкам французского я доверяю по твоему пересказу, но чистая правда, что ничего, мною НЕ СКАЗАННОГО, мне не приписано. Зато компания меня сильно оттеняет своей глупостью. Интересно, правда, чего я профессор? Хотя по-европейски это скорей *респект*, чем ученая степень, но я как-никак решительно никакого высшего образования не имею (точней – не получил диплома, но это всё без разницы). Кстати, французское *igloo* надо, наверное, переводить не как *изба*, а как *берлога*. Про эскимосов кто помнит, а любое сравнение с медведем, даже косвенное, – всегда комплимент.

Еще раз тебе спасибо. Е.В. (девятое ноября, поздний вечер, давно уже десятое).

P.P.S. Только влез в Интернет, чтоб отослать тебе письмо и переводы (у меня сутки был оборван телефонный кабель, так что ещё день *вылетел*), как получил твоё насчёт ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ – и не то, чтобы удивился, а скорей расстроился. Два с половиной года проработав главным редактором коммерческого издательства, которое ещё и не такое дерьмо издавало, я всё-таки не привык, что приоритетность включения стиральной машины наехала на бедных Гонкуров, задница на Попокатепетль (это бы ничего, но, кажется, сей [раблезианский](#) образ придуман мной только что). Мы тут с тобой выясняем про [Паскаля](#) и [Вийона](#), а надо, оказывается, ДЕЛО ДЕЛАТЬ

(включать стиральный Попокатепетль...); напрашивается чудесный сюжет, впрочем, отчасти украденный из *Латунного сердечка* лучшего современного немецкого прозаика, Герберта Розендорфера, где герой *в масштабах Европы монополизировал торговлю порнографией среди священослужителей!* – сделать героем плейбоя, сумевшего убедить нудистов покупать стиральные машины, причем стирать в них дистанционно, скажем, грязное бельё гонкуровских лауреатов...

Ты не будешь против, если я твои пересказы опубликую (наверное, как свои – не нужны тебе новые враги во Франции, но могу и как твои) – чтоб нам за графоманов-букеровцев не очень краснеть).

Словом, *Поехали, крыша, кататься!* – Е.В.

12/11/1998

Дорогой Женя,

Прочитал твои переводы. Брось ты нести эту околесицу о ста Витковских !

Бывают у людей стихи, очищающие глотку, другие направляют глаза в интересных направлениях, третьи наводят долгожданную сумятицу в мозгах, - но ты ухитряешься разом добиваться всех этих целей ; от твоих стихов и дышится свободней, и глаз загорается, и мозгам есть от чего придти в восхищение. Не верю, не верю, хоть убей меня, что в оригинале содержится столько изумительного владения словом, музыкой и взглядом ! Это надо бы переводить на прочие языки с ТВОЕГО оригинала ! Нет второго Витковского, и быть не может ! Я всегда смотрел на твоё письмо с самым, может быть, бессвязным, бессудным и безусловным пристрастием, но ты даёшь мне, сегодня, убедительное подспорье моим первым восторгам, от которых, увы, оставались лишь расплывчатые впечатления. Никакой я, как ты видишь, не литературный критик, а просто очень и очень благодарный любитель вот такой словесности, которой ты меня сегодня одарил. Спасибо !

*Открыл на поэме **Ладомир** и был потрясён: весь его бред оказался понятен - прочитал и со стыдом признаюсь, что и в самом деле очень здорово. Ох уж эта размахистость в повергании так сказать идолищ, - как научиться скромности ? А ведь до чего сложнее петь гимны, надо бы в этом почаще упражняться !*

Леопарди я не читал - ей богу, стоит он внимания каждого

мизантропа, оттачивающего свои жала и сгущающего свою желчь.

Лец. А также Ларошфуко. Кстати, что это ты валишь Марка Твена в одну кучу с Козьмой Прутковым? и читатель у вас неизбежно будет общий. Ничего плохого в этом не вижу - нет уж, извини, компания Леца, К.Пруткова и Твена мне совсем не к лицу. А потягаться стилем с Ларошфуко, превосходя его иронией, мозгами и высотой (!), - одна из моих амбиций.

*Чего стоит у Леца: **Ложь отличается правды только тем, что не является ею** – ничего, мне кажется, не стоит. Это гораздо беднее того, что один захудалый французик сказал : *Une erreur peut être vraie ou fausse, selon que celui qui l'a commise s'est trompé ou non.**

Поэта-Карамзина читаю, кажется, я один - крохотный анекдотец : перед парижским Пантеоном выгравлены (около 1840 года) имена тысячи преотменных европейских поэтов. Среди них русских имён ровно одно – Карамзина.

Толпа всегда толпа, в толпе лица не видно – говорят, умение в толпе быть одиноким и умение заселять своё одиночество, - одно и то же свойство (?).

*Извини, но есть мысли или нет мыслей – для меня всё-таки главный эталон в искусстве. А если мысли есть – можно и про **высоту** поговорить. Какая, интересно, **высота**, если мыслей нет? - о месте мыслей в литературе нам, боюсь, будет очень непросто придти к согласию, хотя, как и в большинстве интересных склок, суть, скорее всего, сводится к разночтению в определениях. Что такое слово, мысль, каково место новизны или глубины ?*

Чтобы не мелочиться, я думаю, что мысль начинается с привлечения абстракций, выше некоего (здесь-то и натяжка, во имя ясности) уровня. В редчайших случаях, само сочетание понятий уже занимательно и самодостаточно. В большинстве же случаев, впечатление *мысли* возникает почти исключительно из-за формы, то-бишь слов, в которые облечена эта самая мысль. И это впечатление становится порой настолько неотразимым, что некоторые (вроде меня !) кончают тем, что признают за словом право первородства.

Новизна существует только в сфере формы (опять же [Валери](#) : *прекрасно то, что редко* - кто это прочтёт как надо !) ; все притязания на новизну *содержания* смехотворны, и всякое творчество - это искусство перевода, причём лучшие оригиналы не обязательно проходят через наши уши и глаза и стучатся в менее очевидные пред(д)верья.

Мой опыт читателя говорит, что те, кто гоняются исключительно за мыслями, отлавливают лишь худосочную дичь. А вот среди тех, кто предаётся возвращению слов, порой распускаются пышным цветом совсем не предвиденные мысли. (Я, как будто, оправдываю вегетарианца Каина и ополчаюсь на живодёра Авеля !) Кроме *мыслей* с математическим содержанием, я не знаю ни одной, которая сохраняла бы свой интерес в полном отвлечении от формы.

Глубина - это предугадывание, пред-упреждение самых изощрённых ниспровергателей наших *мыслей* ; и это выливается в готовность к братанию или потасовке, к расставлению капканов или распланиванию ковров. А глубоких *понятий* нет, есть лишь глубокие нити, которыми наш вкус вяжет малознакомые друг с другом вещи. Глубина это, может быть, умение начинать с нуля, не теряя из виду занятную цель.

Действительно, высота без мыслей – это причитания без покойника. Но мысли без высоты – это дорогостоящий склеп, к которому не хочется носить цветов. Хорошая высота – это поза обречённого и осуждённого, но верящего в бессмертие.

Скажи мне, как будет по-французски *gemütlich* - ты же не хуже моего знаешь, что даже слово *корова* в точности непереводаемо (ну и *корова !*, во французском переводе будет звучать *какая тыква !*). Во французском *фешенебельном* кругу употребляется всё чаще слово *cosy*. Для середнячка сойдёт *douillet* и *chaleureux*.

Французское *igloo* надо, наверное, переводить не как **изба**, а как **берлога** - я ввернул *избу* в пересказ *Телерамы* из-за очевидных штампов. Помнится, попалась мне во Франции брошюрка с рассказиками об экзотических краях, внёсших свою лепту во французский словарь. Скажем, из арабов шли *верблюды*, *алгебра* и *адмиралы*, из турок - *дервиши*, *ятаганы* и *гаремы*, из китайцев - *чай с жень-шенем*. А для иллюстрации заимствований из великого и могучего писалась приблизительно следующая картина. *Сидит мужик в избе, хлебает борщ. За кушаком кнут, на башке шапка, под тулупом кафтан. На стене торчит икона с царём да висит указ попа с генсеком : сажать на кол аппаратчика, загубившего спутник. Всем миром учинить перестройку колхозной телеги. Предать гласности левацкую соборность ивановых частушек.*

Хорошо писать в этом духе, для воспевания, скажем, немецкого засилья : *И без штангенциркуля способны увешанные аксельбантами вахмистр Ваня и фельдшер Петя, задай им шпицрутенов за штрейкбрехерство, воздвигнуть на плацдарме флагшток из обветшавшего за бруствером шлагбаума, не боясь ткнуть штепселем в неположенный циферблат. Вальдшнепы, из их ягдташа, украсили бы*

кунсткамеру любого проштрафившегося камергера в галстук и шлафроке с обшлагами, не говоря уж о фрейлинах без бюстгальтера, но со шлейфом, о камердинерах со шприцами и альпенштоками или о загнанных в цугцванг гофмейстерах с мундштуком под бакенбардами.

Другая разновидность интернационального письма – подражание итальянскому : личина страсти поразится боли, и чудо дела причинит увечье или английскому : индюк прыг в стог : стал пуст крик крыс, дай нам вой стай.

Ты не будешь против, если я твои пересказы опубликую (наверное, как свои – не нужны тебе новые враги во Франции, но могу и как твои) - для придания смаку, я не упомянул, в последнем письмеце, одной детали : гонкурянка-то - моя соседка ! И в округе говорят о ней не меньше, чем о рысаке, герое последних скачек. И мой пересказ почерпнут, можно сказать, с улицы, и содержит, небось, немалые неточности : на месте стиральной машины красуется, глядишь, бачок унитаза, а классическое меню вытесняет барочного прищлеца-интерфейса, которому я, зубоскаля, приписал весь коммерческий триумф. Так что если будешь печатать, то на свой страх и риск. Своё имя я ни в какие публикации пускать не намерен.

Своей родословной я так никогда и не интересовался. Дело в том, что ношу фальшивые и имя и фамилию. Муж моей матери, по фамилии Ильин, приходился, как будто бы, каким-то родственником то ли Ильину-Раскольникову, то ли одному из пассажиров *философского парохода*. Самому ему несказанно повезло : по вполне расстрельному делу, он отделался пустяком в 15 лет лагерей, счастливо перебрался за казённый счёт из Москвы в Сибирь, где после 3-4-х лесоповальных годиков на свежем воздухе был милостиво определён на повечное

поселение среди лесорубов. В 41-м, матушка-родина (замечательную видел афишу где-то – *Матушка-лень зовёт !*) предоставила ему возможность восстановить живой контакт с Европой, который и завершился пулей во лбу, в июле. Я родился после войны от бог весть какого родителя, посреди самой аристократической каторги Сибири : треть обитателей были московские и петербургские интеллигенты, другая треть - польские панычи-гордецы, не забывшие 39-го года, и последняя треть - немецкие военнопленные и изгнанники из Приволжской республики. В ту пору среди тамошних сирот развелось подозрительно много Фридрихов, Германов, Альбертов. Таким вот образом и я, вместо какого-нибудь Демьяна или Егора, схлопотал Германа, в четыре года изъяснялся на трёх языках, и в 53-м ликовал, как и большинство соседей-каторжан. Слёз народного горя, как в столицах, я не видел.

Ещё о премиях. В этом году, пять французских академий учредили премию принца (кузена Князя Монакского) Л. де Полиньяка ; и первая досталась тому самому [И.Бонфуа](#), которого ты так бесцеремонно и бессердечно очернил. Вручал её патриарх французской письменности, наших с тобой кровей человек, М.Дрюон. На заседаниях Академии, при обсуждении насущных проблем французского языка, М.Дрюон совещался с А.Труая и с Ж.Кесселем – по-русски.

Словом, Поехали, крыша, кататься! – откуда это ? это напоминает [Рембо](#) - *En avant, route !*

Обнимаю, Гера

24/11/1998

Дорогой Герман,

Вчера поздно вечером выудил из Интернета твоё двойное письмо... вместе с просьбой *Провайдера* восемь дней не пользоваться электронной почтой (на телефонном узле замена номеров и ещё что-то). Так что пишу письмо *впрок* и полагаю что напишу что-то пространное. Сразу сообщаю, что ты был прав и никакого фрагмента о *Борхесе* я от тебя раньше не получал. Ну, вышло, что ты ждал ответа на неотправленное письмо. Хотя *сейчас* оно мне было интересней, чем *тогда*, я кое-что передумал насчёт *Борхеса* и об этом ниже, но главное, кажется, то, что мы с тобой у него читаем совершенно разное. Ты его на каком языке читаешь? Я долго мыкался между чтением на английском и немецком (на немецком, понятно, он лучше, потому что весь вышел из *пражской школы*), теперь читаю по-русски, благо есть хороший трёхтомник. И получается, что мне из *Борхеса* нужно 10-12 рассказов... и всё. Правда, без них жизнь кажется обворованной (*Тлен*, *Укбар*, *Орбис Терциус*, *Лотерея в Вавилоне*, *Вавилонская библиотека*, *Пьер Менар, переводчик "Дон Кихота"*, *Сад расходящихся тропок*, *Deutsches Requiem* и ещё столько же, которые знаю почти наизусть). Стихи оценить не могу, языка почти не знаю, а от его рассказов про *гаучос* с души воротит. И всё это никак не отменяет того факта, что без *Тлен Укбар*... вся новейшая мировая литература была бы другой (все равно что отменять Аристотеля: можно бы, да только вся человеческая история рухнет). Дело в том, что *Хаким из Мерва* (вот ещё один *великий* рассказ) даёт мне (положим, не мне, но это разговор отдельный) сюжет аж на целую историю никогда не существовавшей религии, и дорога к приключениям духа открывается огромная. Ты не обращал внимания,

что Австралию открыли в 1505 году, а заселять стали в 1830-е годы, ибо раньше она не требовалась Европе? Так вот, то, что сделал Борхес своим *Тлёном* – это и есть такая Австралия. Кому неинтересно, тому неинтересно, но всё-таки часть света, материк. Мне как прозаику хочется заорать на весь мир: *Оставьте в покое! Что хочу, то сочиняю!* «Пи» сделаю переменной величиной, откажу в праве голоса мыслящему лопуху, а лучше ограничу его право: быть избранным он может, а избирать – нет. Ну, и так далее – познакомишься с моей прозой, вопросы исчезнут. Борхес перечисленными рассказами (а также Г.Гарсия Маркес *Осенью патриарха*, прочие романы у него так себе) дал мне дыхание. Впрочем, Лесков или Ремизов дали больше, но это разговор на другую тему.

Насчёт Хёйгенса (или Гюйгенса: знаменитый сын (Кристиан Гюйгенс, математик) создал изрядную проблему – как всё-таки читать их общую фамилию Huygens): может, в оригинале и нет того словесного запаса, что в моих переводах, но всё прочее там есть – прежде всего невообразимая метафоричность барокко:

*Hij is een Alle-mann, altijd en allerweghen,
Waer 'them den honger maect; een Bedlaer met een degen;
Een Papegay om Go'; een laccher van gebreck;
Een Meerkatt in een Mensch; een meesterlicke Geck;
Een Schilderij die spreeckt; een spoock van weinig' uren;
Een levendige Print wan 'sWerelts kort verduren;
Een hijpokrijt om 'tjock; een schaduw diemen tast;
Een drolligh Aristipp, dien alle kleeding past.*

Ну, и так далее, это начало *Комедианта*, который есть в антологии под рукой (хотя по старому правописанию, что затрудняет чтение, в одном

только нашем веке в голландском языке было четыре реформы). Можешь глянуть в мой перевод – почти дословно. Без такого *оригинала* мне переводить было бы просто нечего, а то, что я пользуюсь более богатой лексикой и формами, накопленными за три столетия светской литературы русского языка – вот уж это моё право. De l'esprit французского производства я и не пытался бы переводить, это то самое молоко, которое нужно пить, сунув голову в холодильник, – захочешь его оттуда вынуть, до стола не донесёшь – скиснет. Только я не уверен, что моя душа молока (блеска) хочет. *Беспанцирная желвь, безрогая улитка* в моём переводе тоже никак не переведутся, или так: *черепаха (уст.) без панциря, улитка (уст.) без рожек* – превращаются в чушь. Я могу тебе послать моего [Валери](#) (в меньшей степени – [Рембо](#)), увидишь, что у меня выходит то, чего не было в оригинале. Впрочем, шутки ради прочти.

Вот так приблизительно. И не громи меня за то, что temple я решительно отказываюсь переводить как храм – по словарю Таккеля это *открытое и возвышенное место, откуда авгуры следили за полетом птиц*, что язычнику [Валери](#) определённо приходило в голову раньше, чем храм и прочие значения. Я вообще-то убеждён, что это лучшее стихотворение XX века (вне вопроса о языках), мусолил я его пятнадцать лет, прочёл о нём всё, что мыслимо (даже отдельную книгу на итальянском), и даже напечатать-то его толком нигде не удосужился, только сейчас вставил в огромную антологию *Строфы века-2*, которая пока не вышла. Оригинал всё равно лучше моего перевода. Только в моём переводе есть кое-что, чего оригинал не содержит – ибо l'esprit едва ли даст уйти в ту глубину слова, в которую я могу уйти по-русски. Джунгли – вот что такое русский язык. Это не комплимент своему языку, это факт, который грех оставлять в девственном виде (да и вообще девственность – штука

нелитературная).

Собственно, мой перевод, как к нему ни отнестись, служит всего лишь доказательством гениальности [Валери](#), в которой, кроме [mudily Бонфуа](#) никто, кажется, и не сомневается. Привёл я его к тому, что по нему ты сразу поймёшь – **что именно** я нынче считаю переводом, у меня сделаны ещё *Набросок змея, Песнь колонн, Заря, Платан* и совершенно гениальная *Пальма*. Дальше (на *Пифию* и стихотворение *Старым книгам* из примечаний) не хватило пороку. *Всех не переброешь* – написал одесский парикмахер и повесился. Я не повешусь, но в отчаяние от того, сколько же я всего, что мог бы, НЕ СДЕЛАЮ, прихожу.

Среди комплиментов, мною полученных от тебя, один оказался неожиданным, и весьма приятным: если мои вирши *наводят сумятицу в мозгах* – моя задача, пожалуй, выполнена. Кстати, в поэтическом переводе существует формула, которую давно уже чуть ли не всерьёз называют *Закон Витковского: Самое трудное в поэтическом переводе – это НАЙТИ ОРИГИНАЛ*.

Например: *утверждаю*, что лучшая поэтесса XX века, писавшая по-немецки – Элизабет Ланггессер. Ну, такие вещи доказывать надо. Попробую доказать.

Ну, если не доказал – значит или перевёл плохо, или выбрал не то (вообще-то когда я это собирал по антологиям, книги Ланггессер у меня ещё не было, сейчас – есть, но переводить её безумно трудно, Томас Манн говорил, что у него с этой женщиной *образования не хватает разговаривать*). Но ни Кольмар, ни Ласкер-Шюлер, ни Нелли Закс, ни весьма милая моему сердцу Ингеборг Бахман и близко к этому уровню не приближаются.

Под твоими выкладками о роли мысли в искусстве мне в пору

подписать самому, однако я нигде не писал, что гонюсь *только* за мыслями, – я настаиваю на том, что если произведение искусства таковых не содержит, то оно произведением искусства не является, следовательно, вовсе обсуждению не подлежит. Что-то похожее есть готовой формулой у Вилье де Лиль-Адана (замечательного писателя, говорю о новеллах – и, кстати, интересна его графика-живопись, в Москве довольно много собрано его, Жорж Санд и Виктора [Гюго](#) живописных творений в Литературном музее), но формулу я забыл. [Малларме](#) совершенно справедливо сказал Дега, что стихи делают из слов, а не из идей, но лукаво умолчал, что если обойтись **ОДНИМИ** словами – выйдет словарь, а совсем не произведение искусства, иначе говоря, инструмент вместо артефакта, средство вместо цели, а «производство средств производства» дело не человека, а металлургической корпорации или компаний, произволящих в Германии полиграфическое оборудование. Дело нужное, но искусство ни при чем тут. [Хлебников](#) или наши северные писатели первой половины XX века (прежде всего Борис Шергин) дают мне существенно больше, чем А.П.Чехов, на которого только пародии можно писать (чем и занимался [Набоков](#)), а *Некрасов*, по моим наблюдениям – это второе самое смешное русское слово (после первого: как утверждал неуважаемый Илья Ильф, ничего смешней слова *жопа* нет ни в прошлом, ни в будущем на три тысячи лет с гарантией).

Словом, я хочу от искусства, чтобы оно содержало в себе мысль, и отказываю ему в праве таковым именоваться, если мыслей нет.

Всякое творчество – это искусство перевода: а я что тридцать лет всем кругом твержу? Как же, слушает кто... Мысль не новая, но её *не любят*. Интересно, а вообще-то существует хоть какая-нибудь классика поэтического перевода во Франции (только не Ронсар,

который переводил Анакреона, а думал, что своё пишет)? Слышал про какую-то антологию *Великие переводчики Франции...* но только слышал. На итальянский вообще ничего толком перевести нельзя, на португальский – из чего угодно рифмованного выйдут бразильские *trovas*, они же частушки. Испанского не знаю, увы.

P.P.P.S. Выудил из почтового ящика второй присланный тобой экземпляр «*УККК⇔→Ж**», с иголки: спасибо, достанется *Литературному музею*, которому я всё, что можно, в подарок отдаю, а за это имею право пользоваться их фондами.

объясняет ему, насколько в русском языке больше возможностей,

P.P.P...S. Сегодня провайдер ожил, так что смогу и письмо вечером отправить. За эти дни закончил 18-ю главу «Земли Святого Витта», перевалил за мегабайт, а значит – за половину романа. Вычитал тут оригинальнейшее творение: письмо Екатерины Второй *Вольтеру*, где она (как понимаешь, исконная русская женщина а-ля Некрасов) чем во французском... Оригинальные были у нас императрицы...

Простужен всё время, увы. Так что включение *емели* – немалая радость, ибо из дома не выхожу. Перечитываю *Данте*, этого на всю жизнь хватит.

На сегодня я, кажется, наболтался: вот тебе ещё один *Валери* в моём исполнении. Припоминаю, как я целое лето ломал голову над *плоским молоком*. Вообще-то, на мой взгляд, это лучшие европейские стихи о *творчестве*. (Рифма в первой строфе с рифмой у Лангессер совпала случайно и более мною не мусолена).

Перевод закончен лет десять назад, и с тех пор не исправлено ни слова. *Рильке* буквально бредил этими стихами, а *Валери* огорчался,

что немецкого не знает (не может оценить переводы [Рильке](#)).

Пиши! Е.

24/11/1998
Дорогой Женя,

Если так и дальше пойдёт, то Интернету впору присуждать почётное звание будителя русской эпистолярности – эдакая полилась у тебя многокрасочная речь ! Какой-нибудь новый [Тургенев](#), застав тебя за этим трудоёмким занятием, возопит : *Великий писатель Земли Русской, вернитесь в литературу !*, а я, злорадно и самодовольно потирая руки, снова стану нащёптывать в твои уши наущения и затравы, чтобы ты и впредь занимался делом, не сулящем премий и уходящем в завещания. Ты знаешь, [письменный Флобер](#) стократ интересней и умней, чем [Флобер боваровский](#) и даже [свято-антониевский](#). И мне, *неудавцу в полудюжине категорий*, эта роль развязывателя языков и провокатора мыслей подходит вполне.

Мы с тобой у него читаем совершенно разное. Ты его на каком языке читаешь? - по мере возможностей или в силу необходимости, как с изумительной логикой выражался российский чиновник, я читаю в оригинале. Кастильянскому меня обучал, кстати, известный на весь мир *террорист* Карлос.

Все равно что отменять Аристотеля: можно бы, да только вся человеческая история рухнет - не будь арабов, обошлись бы мы и без Аристотеля. Я, вместе с Толстым, думаю, что История ни на что не опирается, ничему не учит и служит лишь удобным словарём, кишасщем обоюдозаменяемостью. Последняя из исторических утопий, божий промысл о назначении наций, развенчивается у нас на глазах.

То, что сделал [Борхес](#) своим [Тлёном](#) – это и есть такая Австралия - тут я перехвачу твоё пристрастие к мозгам и скажу, что открывает

материки не тот, кто первым касается их берегов, а тот, кто доказывает их интерес для более обжитых побережий. Всё это, конечно, беспочвенные и голословные нападки, - у меня о [Борхесе](#) нет и сотой доли твоих познаний.

Пи сделаю переменной величиной, откажу в праве голоса мыслящему лопуху - первое - это великолепный проект ; к нему, может быть, сводится вся суть новаторства в литературе. Вокруг этого, опять же, крутятся чисто [валерьевы](#) понятия : *переменная* (variable), *подстановка* (substitution), *воссоединение* (unification). У обуздания *констант* есть более многотимый пращур : сближение *деревьев* (константа *пи* - это лишь частный случай : переиначить пень в корень !). А для второго у нас, пожалуй, кишка тонка ! Дальше затыкания собственных ушей нам не уйти.

De l'esprit французского производства я и не пытался бы переводить, это то самое молоко, которое нужно пить, сунув голову в холодильник, - захочешь его оттуда вынуть, до стола не донесёшь - скиснет... *l'esprit* едва ли даст уйти в ту глубину слова, в которую я могу уйти по-русски - это, опять замыкается на наши пересуды о *мыслях*, только на этот раз мы меняемся ролями : ты оказываешься на стороне *нешуточности* слова, а я примыкаю к *игривости* мысли. *Прозе нужны мысли да мысли, а поэзия, прости Господи, должна быть глуповата* - я думаю у [Пушкина](#) тут не прибаутка, а серьёзное эстетическое замечание, обрекающее на непереводаемость.

Мысли - это тот скелет, который оживает только благодаря мышцам слова и суставам вкуса. Блекнут и киснут с большей скоростью слова, чем *de l'esprit*. Конечно, неизмеримо проще возомнить, что производишь *de l'esprit*, чем питать иллюзию владения словом ; но от подлинного *esprit* остаётся незаменяемое впечатление *объёма*, которое

никакая чисто словесная оболочка не создаёт. И несмотря на сонмища пустых *спиритистов*, я отношусь с очень большим уважением к *de l'esprit à la française* и последнего его представителя, Сьорана, читаю с ничем не сравнимым удовольствием. *Упиваться* словом может и любитель скоропортящихся возлияний; литература и есть этот искусственный *холодильный* климат, где окисляют и опресняют вне зависимости от внешних голода и холода.

Джунгли – вот что такое русский язык - русские слова - это облака, взаимопроникающие, с постоянно изменяющимися очертаниями. Французское – кирпич, с острыми гранями и раз навсегда заданным весом.

Утверждаю, что лучшая поэтесса XX века, писавшая по-немецки – Элизабет Ланггессер - это гальки над берегом блеск гляцевитый - удивительно хорошо звучит! И даже то, что *Glanz* значит *блеск*, только добавляет прелести.

*И, прозрачной слезы, теневая картина
растрепещется, в зренья поэта вступив* - вот это и есть то, что меня так поразило в твоих переводах Гюйгенса – гармоничное соединение трёх тонкостей одновременно : слова, звука и мысли.

Если произведение искусства таковых не содержит, то оно произведением искусства не является... Что-то похожее есть готовой формулой у Вилье де Лиль-Адана - а как быть с музыкой, пластичным искусством? Высота хотя бы тем значительней мыслей, что она является критерием обще-художественным, то-есть приложимым не только к письменности, но и к музыке и к живописи и к архитектуре. Точнее, высота - это иррациональный критерий. Рациональными

являются взаимоотношения между мечтой и действительностью, окунание в поражение или в триумфаторство, место слабости и силы и т.д. При этом, и у мечты, и у поражения, и у слабости есть своя шкала высоты.

Наслушавшись бескрылых и узколобых заклинаний некоторых нобелевских лауреатов, подчас предпочтёшь шарлатана, который напомнит о крыльях и горизонтах. Высота - это ещё и умение обходиться сложенными, но незаменимыми крыльями.

Мыслителей, во Франции, пруд пруди ; и по ведению и веданию, сообразности и взыскательности к ним не придерёшься. *Увядают*, от их чтения, не уши, а ноздри – такое всё безвкусное копание в бездушном и безароматном *профессионализме*. Они *exercent leur métier*, как судебный исполнитель, водопроводчик или душеприказчик - своё (ремесло). Всякий метит в бунтари и первооткрыватели, но шкалы-то, чаще всего, оказываются самыми что ни на есть стадными. Высота, между прочим, это отказ от постепенного подъёма от *низости* (по [Борхесу](#)) до *возвышения*, с которого можно презирать *низы*. Высота, это, может быть, тот самый *пафос расстояния*, о котором говорит [Ницше](#), и который так безнадёжно не понят его толкователями. Расстояние это не пробег и даже не тип общения, а *угол зрения*.

Я бы сказал, что *высотник* ценит прекрасный образ вещей, а *мыслитель* - образ прекрасных вещей. Первый знает, что красоту, уловленную чувствами, невозможно передать образами, не перевав основательно самой сути, - любоваться зритель будет уже совсем иными вещами. Второй и не касается вещей, самих по себе незначимых, а берётся лишь за тяжеловесов, считая, что нет особой нужды в весах, когда весомость очевидна. Первый, таким образом, это *весовик*, изобретатель весов, а второй – *весовщик*, уверенный в

показаниях отлаженных весов.

Моё злопыхательство, по адресу мыслителей, не мешает мне разглядеть в Канте автора самых интересных идей у основ *искусственного интеллекта*, опереться на Гегеля, готовя очередное вероломство в области *убеждений*, или затащить Шопенгауера в уж очень непродыхаемую уединённость. Но их вес, во мне, пренебрежимо невелик по сравнению с мыслителями *malgré eux*.

А Вилье де л'Иль-Адан сказал : *L'art n'a pas plus de rapport avec les virtuoses que le Génie n'a de rapport avec le Talent. Les seuls Artistes sont ceux qui éveillent des impressions inconnues et sublimes*. Высота и неожиданность нитей !

Артисту стоит не распалиться от таких вещей, как знание и истина, которые сводятся, чаще всего, к памяти и расчёту. Их ему должны бы заменить вкус и интуиция, то-есть избирательность в подборе знаний и увлечение души, а не привлечение мозгов. По полноте знаний и строгости логического вывода, машина, в обозримом будущем, неминуемо превзойдёт человека. Дай-то бог, чтобы артисты оказались прозорливей счетоводов !

Кто только не треплется о накоплении знаний, но лишь сильному дано постичь, что наиболее плодотворный ход состоит в переводе известного в неизвестное, возможного в невозможное, а не наоборот, как в этом убеждено большинство (твоему *пи* славу пою !). И это не выверт оккультиста, наводящего тень на плетень, а *языкотворчество*, *грамматически* обоснованный переучёт истинностей. *За музыкою только дело*, и складированием партитур и натягиванием струн не исчерпывается, к счастью, арсенал возжигания глаз и выжимания слёз.

Малларме совершенно справедливо сказал Дега, что стихи делают из

слов, а не из идей, но лукаво умолчал, что если обойтись ОДНИМИ словами – выйдет словарь, а совсем не произведение искусства, иначе говоря, инструмент вместо артефакта, средство вместо цели, а «производство средств производства» дело не человека - лукавства, у школьного учителя Малларме, по-моему, было маловато. Поручаясь ОДНИМ словом, Малларме, по Клоделю, делает то же самое, что пьяница, доверяясь ногам. Я так редко схожусь во мнениях с Клоделем, что вот этот случай стоит отметить. Хотя, конечно, для Малларме слово означает нечто гораздо более глубокое, чем для Клоделя. Слово из словаря становится маллармеевым, когда оно вписывается в бессловесную картину.

А работа над инструментами может быть занятней артефактов. Как не вспомнить, в сотый раз, Валери, о трёх ступенях восхищения : перед предметом, творцом, его создавшим, и принципом, сделавшим его возможным. Создание инструментов – размышление над принципами ! А искусство, по-моему, всё целиком в средствах, которые скрытно приводят к нигде не обозначенной цели.

А.П.Чехов, на которого только пародии можно писать - меня интригует в нём одно общерусское свойство : метить в одно и попадать в другое, как и у Достоевского, и Чайковского, и Толстого. Чехов выкладывает ерунду за ерундой, а в конце, вдруг, возникает неподдельное, неотразимое впечатление. Непонятность средств – признак неплохого искусства. До чего обманчивы слова ! – вот от импрессионистов-то у меня, как раз, не возникает никакого впечатления ! Они сделали с красками то, что Малларме сделал со словом, - увели от жизни (не той, что в стенах, а той, что в образах).

Моцарт был дурнем из дурней, а на его высоте никто не мог удержаться, не ломая гармонии. Почему Ромео и Джульетта Прокофьева лучше Берлиозовых и даже Чайковских – да потому что

выше их, а не глубже и не точнее !

А Валери ? Ничего не смысля ни в математике, ни в метафизике, своими высокими прозрениями он преподаёт уроки и числоодам и иезуитам силлогизма.

*Интересно, а вообще-то существует хоть какая-нибудь классика поэтического перевода во Франции - кроме эсприт, ничего путного во французской поэзии нет, поэтому в офранцузженных Данте, Шекспире и Рильке есть от чего схватиться за животики. Вот что слышит, к примеру, француз в конце *Ромео и Джульетты*, вместо *For never was a story of more woe, than this of Juliet and her Romeo* (и отменного *нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте*) : *Car il n'est pas histoire plus triste que celle de Juliette et Roméo.**

Может быть, ты меня просветишь, что мог иметь ввиду один французский академик-грамматик (!), утверждая, что в отличие от большинства европейских языков, ударение во-французском не только ударение *высоты*, но и *интенсивности* и *тональности* ! Я опешил, это прочитавши. Оказывается, галл в три раза богаче прочих там, где я его почитал обделённым судьбой !

Ещё о языках и о парадоксальной пользе *бедности*. Для выгораживания французского, начну с противоположного конца : возьмём правописание. чтобы выучить испанское, нужны три часа, итальянское – три дня, немецкое – три недели, русское – три месяца, французское – три года. Что в результате ? Средний француз убеждён, что культура – в умении согласовывать причастия и знать место буквосочетанию *au* вместо *o*. То-есть мелочная сложность не позволяет сосредоточиться на сложности интересной : жанре, стиле, школе. Со словарём происходит обратное. Во всех странах,

совокупное интеллектуальное усилие одного порядка ; но у француза на лексику уходит 5%, у немца и русского – 50%. А остаётся – мысль, стиль, высота. Там, где средней руки русский уже выдыхается и чувствует себя близким к цели, француз только начинает подлинно литературную работу оттачивания и шлифования. Творчество на уровне словаря уже почти доступно машине, а вот до ухищрений стиля ей, пожалуй, никогда не добраться.

Отдаю, а за это имею право пользоваться их фондами.

объясняет ему, насколько в русском языке больше возможностей - тут что-то выпало из текста...

*Письмо Екатерины Второй **Вольтеру**, где она (как понимаешь, исконная русская женщина а-ля Некрасов) чем во французском... Оригинальные были у нас императрицы... - опять какая-то утечка...*

*Это лучшие европейские стихи о творчестве. **ПАЛЬМА** - почему-то **Валери** у меня никак не увязывается с хореом. У него ударение всегда как бы вытесняется подальше к концу. Лермонтовский амфибрахий кажется предпочтительней.*

Свой закон установила,

Указуя тенью час - блестяще и удивительно точно !

Древо, ты не виновато –

Копишь силу, копишь злато,

Знаешь верные пути:

*Разрыхляй корнями земли - **время вспахано плугом** того же происхождения.*

Возносишься из почвы к небу

Всё, что в прок и на потребу

Созреванию высот! - тут мы, кажется, все сойдёмся на одном.

Над дарами небосвода

Гнётся алчная толпа - **под...** было бы понятней ? или уж тогда млеет, что ли ?

Ты ничуть не оскудела,

Дар прекрасный отреша - в обратном направлении, один из замечательных образов у **Валери** : ощущение, что струишься самозабвенно в нечто, ... остающееся неизменным. Скромный намёк на бесконечное и участие в нём.

Немного лирического отступления на прежние темы. Чем оправдан интерес к метафизике ? Ей предназначалось копаться в *высшей реальности*, то-есть в первоосновах рационального сознания. И тон ей задали эти злосчастные греческие софисты, с их рассуждениями вроде : *Небытие может существовать, поскольку бытие, будучи необходимым во времени, становится лишь возможным в пространстве.* Понятийная акробатика первохристианских толкователей евангельского откровения сблизила их с языческими собратьями по словоблудию и породила схоластику, в которой плетение словес было освящено благим вероисповеданием. Против этого восстал **Декарт**, изгнав из метафизики всякую иррациональность, но ничего сполна-толкового, то-есть *готового к действию*, не предложил. Чем выше взгляд на жизнь, тем уязвимей знания и *положения* и тем весомей вера и метафористичность. Конечно, cogito кажется надёжней credo, но в *высших* сферах, я думаю, одно никак не может обойтись без другого. И absurdum заслуживает, подчас, не меньше внимания, чем

sum. И за самонадеянным ergo скрывается нередко столько же неуверенности, что и за более осторожными quia и ut. Нелепо наводить искусственного тумана в давно распутанные хитросплетения, но ещё нелепей отрицать таинственную игру теней близ самых ярких источников нашего света. Речевая смута возникает из : 1) косноязычия, 2) невладения предметом, 3) литературного приёма, 4) смуты в самом предмете. Оправдана она лишь в последних случаях. Ни тайна, ни добро, ни красота никогда не сведутся к каталогам, молекулам АДН и раздражимости синапсов. Думать противоположное значит exercer son métier в том же духе профессионализма, что и инженеры и вивисекторы. Я назвал бы философским такое утверждение, которое могло бы обойтись без имён и дат, и держалось бы лишь моим в нём присутствием и участием. Это исключает голую начитанность и официальную религию.

Ценный ум не в знании, а в искусном указывании узанному его места. (Нелюбимый мной [Декарт](#) резонно говорит, что, по-существу, *единственный подлинный ум - ум классифицирующий. Хоть слово грубо, но мне...* Вот только в типах классификаций мы с ним никак не столкнемся. Почти вся поэзия – в привлечении необычных классификаций.)

Р.Дебре сказал : *La pièce se joue dans le dos des acteurs* ; не подменяя драматурга, это напоминает нам место театра в разыгрывании жизни. Он же выдумал теорию о том, как идеи овладевают мозгами, различая три периода в истории человечества : идеосферу, графосферу и видеосферу, в которой мы, увы, и обитаем.

Ещё одно слово об идее игры, если она тебя и впрямь захватила. Есть такой *высококочтимый* француз, *культуролог*, как ты говоришь, Р.Каюа (Caillois). Помнится, водится у него книжица под приблизительно таким заглавием : *Le Jeu et les Hommes*. Там он занимается, как будто,

тем же, что и Хуизинга.

Твой *Cimetière Marin* настолько монументален, что на него лучше приберечь отдельное письмо.

Спасибо за внимание. Даже если мои уши и память и не из самых взыскательных и умудрённых, то у глаз и загласий твои стихи вызывают самое искреннее удовольствие.

Обнимаю,

Гера

25/11/1998

Дорогой Герман,

Поехали, крыша, кататься. Выражение *Крыша поехала* ты, я думаю, тут застал, а романс *Поедем, красотка, кататься...* (похабный перевод из Уланда, как я установил) был популярен задолго до нашего рождения. Мой приятель, совершенно сумасшедший, но небесталанный поэт Валерий Краско написал не блистательное, но недурное стихотворение, первую строку которого я и процитировал. Так у второсотрных поэтов рождаются классические строчки. Напечатанное мною два года назад в Филадельфии стихотворение (очень редко пишу своё, но бывает) начиналось: *Над всей Испанией – ночь и туман* (стихотворение вообще-то на сюжет из Гоголя) стало из-за этой строки *хрестоматийным* (даже на иврит переведено, но оценить, как догадываешься, не могу).

Наверное я, прочитав в качестве первой книги во французском оригинале *Трёх мушкетёров*, сильно пристрастен, но моя любимая французская книга в оригинале – Tallemant des Réaux, *Historiettes*, из которых Дюма в значительной мере свою книгу и сделал. Книга очаровательная, но я понятия не имею, читает ли её хоть кто-нибудь (русский перевод сильно сокращен, весь роман автора с *неплодоносной вдовушкой* убран и пр.). А *Леопарди* попрошу у Солоновича и попробую читать. Кстати, немного оживлю свой итальянский, от которого постепенно остаются одни руины. Но я определённо не мизантроп (и не наоборот), если только любовь к Свифту – не признак мизантропии (в чем меня уже упрекали).

Снова звонил Пастернакам – молчание полное, видимо, уже уехали.
Ну, pošлю [Рильке](#) почтой.

Пиши! Е.

25/11/1998

Дорогой Женя,

Завести речь о такой громадине, как *Морское кладбище* (МК) - дело мудрёное. Я, в отличие от тебя, никакой учёной писанины об этой вещи не читал, и поэтому в том, что последует, неизбежно будет много и наивности и отсебятины и пристрастности. [Валери](#), для меня, это человек, с которым я привык общаться запанибратски ; ни одного другого автора я не читаю с таким проникновением ; никто не внушает мне столько смирения, восхищения и преклонения. Судя о его вещах, я отталкиваюсь больше от его личности, чем от чисто технических сторон.

МК – это прекрасная иллюстрация моей мании слов и взгляда на мысли как на подручный материал, без права голоса ! Форма, требующая содержания. Гармония контрастов, нащупывающая *носителей смысла*. Подыскание сил, которые бы *оправдали* уже начерченную в уме траекторию. Упражнение, а не утверждение. Игра по ограничению, а не по правилу. По *преобразованию* ([валерьево](#) словечко – *transformation*), а не по образности.

У [Рильке](#) найдётся с десяток элегий или реквиемов, которые я поставил бы гораздо выше МК по чисто поэтическим свойствам. Но такое *сожительство* энтузиазма и ума встречается не часто.

[Рильке](#) говорит, [Валери](#) делает. У [Рильке](#) экспромт, у [Валери](#) симфония. У [Рильке](#) исполнение, у [Валери](#) сочинение. У [Рильке](#), за блеском формы, нет нужды в содержании ; у [Валери](#) броское содержание лишь подчёркивает мастерский указ формы. У [Рильке](#) *быть*, как и у большинства поэтов, имеет противоположностью – *не быть*, а у [Валери](#) – *знать*, которое кончает тем, что покорно гнёт шею.

Всё, в МК, надуманно (и слава богу !). Здесь нет и тени стихийности, импровизации. Точный расчёт, но не по цели, а по ограничению (*contrainte* - ведь тоже такое [валерьево](#) словцо) !

После роскошества твоего голландца и после всех твоих *заявлений о намерениях* и, самое главное, при всей моей любви к твоему творчеству, я считаю, что твой перевод неудачен, и как его переделывать – не могу обстоятельно сформулировать. Неудачен по причинам идейным, ритмическим и лексическим.

Впечатляет скрупулёзность и виртуозность, с которыми ты воспроизводишь неожиданные стыковки слов и образов оригинала, но я не нахожу того диктата ритма и подчинённости ему мысли, как в оригинале. Нет почти ни одного образа, и чуть ли ни одного значимого слова оригинала, которых бы ты не сохранил. А ведь ими можно было безнаказанно жертвовать во имя сохранения ритма и поддержания интенсивности контрастов.

У [Валери](#) задан, с небольшими модуляциями, один тип дыхания, держащийся на контрастах то ритмических (равновесия и взлёты, возвраты), то идейных (музыка/строгость, эмоция/разум). К ним он подыскивает, по почти случайному поводу, – предметы и образы. У тебя – мысли и утверждения создают, и каждый раз заново, - новое настроение. Я не хочу сказать, что первый подход всегда хорош, а второй никуда не годится, - подходы разные, и значительно !

У [Валери](#) соблюдена, почти без исключений, цезура на четвёртом слоге. Я считаю, что она обязательна в русском переводе. Впрочем, как переведена *Божественная комедия* ? это же её размер.

У *Валери* почти нет архаизмов (*хламида* да *гидра* не в счёт). Ты же нарочно наворочал их, признаться сверх меры. Так мог бы писать *Малларме*, но никак не *Валери*. У тебя два-три лексических слоя, тогда как у *Валери* – один, да и тот на редкость скуден и умышленно сух.

Ну а теперь по порядку. Почти каждое замечание будет неизбежно лишь мелочной придиркой, но синтезировать ты, я думаю, умеешь лучше меня.

КЛАДБИЩЕ У МОРЯ - почему у моря? - если *Meerfriedhof* действительно неуклюже – что можно понять как *двор морского покоя* - , то этого ещё недостаточно, чтобы забраковать точную, устойчивую и понятную по-русски кальку. Тем более, что море как МЕСТО (У ?) в МК играет совсем незначительную роль, а вот столкновение моря с кладбищем делает их одного поля ягодами. Даже *Кладбище И Море* было бы лучше, чем это У.

Обопри на себя лишь посильное - у Пиндара, мне кажется, никто не нуждается в подпорке, а предлагается *исчерпать поле посильного*.

Спокойный кров - кров, в отличии от кровли, это приют для бродяг и сирот, хотя и происходит от слова *крыть*. Здесь, может быть, подошли бы скорее *своды* или *плиты* или даже *небосвод* ?

Ходят голуби - тут возможна игра слов, *colombe* - это ещё и рыбацкая шаланда ; и тогда речь идёт о мелькании их мачт *сквозь* гробницы. Кстати, в конце *les focs picorent*, а *picorer* умеют и голуби и ... шаланды (тюкнуться носом в волну) – совпадение ?

Мудрый Полдень - речь идёт о *судье-Юге*. Распознает ли русский

читатель в Полдне – Юг ? (Среди полуденных зыбей...)

Внимать покой богов – сколь дорогая

За долготу мыслей плата мне дана! - долго внимание, а мысль упомянута вскользь.

Вся строфа – цепочка формальных контрастов : *tranquille – palpite – calme, pins – mer, acte – récompense, pensée – regard*. Ассонанс *recommencée – récompense* стоит передачи !

И через всё МК проходит этот образ : чувства дают толчок, мысль обескураживает или заводит в тупик, но вновь воспрянувшее чувство восстанавливает первичную гармонию. Звучит чуть ни по Гегелю, но это триумф синтетического чувства, интуиции, находящей силы, чтобы противостоять зануде-разуму.

*Как тонок путь молниевидных вспышек.
Сжигающих алмазных искр излишек,
Какая тишь на пенах зачата!
Возляжет солнце над пучиной водной –
Твореньем чистым истины исходной
Мерцает Время, явствует мечта.*

- редкая, ювелирная виртуозность !

Завесы чьи - так непросто сунуть это неудобное русское *чей* (или *что* в смысле *который*), где так незаметно служат своему плебейскому делу французские скромнецы : *dont* и *qui*.

О Небо, вот я пред тобою ныне! - тут в оригинале – один из идейных ключей МК : *Beau ciel, vrai ciel...* - противостояние красоты и размышления. *Regarde-moi qui change !* - вот это метание между двумя судьями и лежит в основе динамики МК !

От праздности могучей – властной ? - за которой остаётся последнее слово ? Душа кончает тем, что диктует разуму итог.

Сиянью мудрого блаженства - невозможно понять, о чём речь идёт ! *admirable justice* - это признание за душой – за тенью ! – превосходства над светом – разумом !

Меж пустотой и чистым бытиём - как догадаться, что за загадочным бытием скрывается такой простецкий и нелюбимый *Валери événement pur*, то-есть повествовательность !

Звенеть остался в будущем моём - не моё будущее имеется ввиду, а то, что значимость произведения вытекает из диалога с ним (и значит – дело будущего !), а не из заложенной в нём самой ценности. Ещё один выпад против повествовательности !

Ты знаешь ли, лжеузник сонной пуши - читатель уже не может восстановить, что речь идёт о душе !

Залив, решётки скудные грызущий

Слепящих тайн моих закрытых глаз - герметично ! Живое море размывает могильные ограды.

Чью плоть ничтожишь утлым приговором,

К земле костистой гнёшь чело, в котором - контраст между телом-

душой и челом-разумом не чувствуется !

*О мёртвых просверк мысли не угас - искра идёт от моря и освещает то,
что вне смерти !*

*Утешен я священным сим отрезком
Земли, что напоён бесплотным блеском,
Где светочей господствует волшба, –
Здесь всё одето в камень, золото, хвою,
Здесь мрамор тенью шевелит живую,
И море стережет мои гроба.*

- ничего не скажешь, безупречно ! Кроме, конечно, ритма ! Цезура !

*Пасу моих могил спокойных стадо –
Здесь робким голубям бывать не надо - не исключён намёк на
пенистых барашков, в которые лучше не соваться в утлой
шаланде/голубе.*

*Изглодана цикадами короста - если стрекоза поёт, то почему бы
цикаде не грызть !*

Стон девушки, заласканной в щекотке – плеоназм ?

*Всё станет прах, и вновь пойдёт в игру - время неудачное, надо бы
всё пало в прах, и вновь идёт в игру.*

*Рождённый звуком, я простерт во прахе - здесь главная строчка МК :
Le son m'enfante et la flèche me tue ! оказывается совсем без эха !
Душевный подъём идёт от живого чувства, явного звука стрелы, но*

зеноново размышление об *абстрактной* стреле ставит в тупик, омертвляет, убивает восторг.

Жуткой тенью черепахи

Душе недвижимый кажется Ахилл - обманчивое *жуткой* уводит от главного : апории, сковывающие душу.

Довольно, плоть, тебе дремать в оковах! - опять центральной фраза : *forte pensive* - не схвачена ! Вот он, основной валерьев контраст : живая форма, властно и произвольно использующая подручные мысли, которые, к тому же, обдаются свежестью ветра и моря !

С тобою слиться мне пришла пора! - нет контраста, как в *Courons à l'onde en rejaillir vivant !* - был мёртвым – от кладбища логики – теперь окунается в живое море чувства !

Весь в идолах солнцеподобных звёзд - идолы – символ творчества у [Валери](#), в противоположность законам, убеждениям, доказательствам...

Сверхгидра, что пьянеет, пожирая

Свой собственный, свой ярко-синий хвост - *se mordre la queue* значит *возвращаться в круги своя*, замыкаться на начальном шаге : душа, после первого восторга и ушата, полученного от разума, в конце концов обретает свой исходный жар.

Крепчает ветер!.. Значит – жить сначала!

Страницы книги плещут одичало - это чистый [Рильке](#) !

Спокойный кров – кормушку кливеров! - опять тут был контраст :

tranquille – picorent - штиль и вал !

Не громи меня за то, что temple я решительно отказываюсь переводить как храм – а ведь перевёл-таки именно как храм !

Открытое и возвышенное место, откуда авгуры следили за полетом птиц, что язычнику Валери определённо приходило в голову раньше, чем храм - Валери не только к распятиям скептически относился, но и ко всякому гаданию на гуще или потрохах. Он советует, как раз, как можно чаще возвращаться к нулю !

Я вообще-то убеждён, что это лучшее стихотворение XX века - дай-то бог, чтобы после моих припирательств у тебя к нему добавилось восхищения ! Перед таким умом и вкусом не зазорно клонить голову долу и радоваться каждой с ним встрече !

Оригинал всё равно лучше моего перевода - у него не совсем та же цель. В той, что ты себе задал, ты преуспел изрядно !

Только в моём переводе есть кое-что, чего оригинал не содержит – ибо l'esprit едва ли даст уйти в ту глубину слова, в которую я могу уйти по-русски - твой стих безусловно роскошнее обусловлен. А вот слова esprit я бы не употребил по отношению к МК. De l'esprit занимаются обычно, когда из пустяковой скорлупки вытягивают словесную жемчужинку. А Валери берётся за живность с более развитыми членами.

Надеюсь, не очень покоробил своей завсегдашной размашистостью. Мы люди слова, и ко всякому слову о слове, должны относиться и с иронией и с пристрастием !

Жму твою крепкую руку, тягающуюся с великаном [Валери](#),

Гера

27/11/1998

Герман, салют!

Ни хрена заслуг у Интернета нет кроме скорости доставки и удобства писания с исправлениями на почти всех нужных мне языках: со школьных лет пишу всему миру письма на много страниц; в Голландии мою переписку с Валерием Перелешиним (1913-1992), русским поэтом, выходцем из Китая, за 1971-1990 годы, готовят к печати отдельной книгой (ибо архив попал туда). Наша с тобой переписка, однако, выигрывает в скорости: вчера отослал, вчера получил ответ, сегодня уже пишу ответ собственный. Писание писем всегда было для меня частью жизни, в своё время [Казанова](#) (как-никак!) выработал формулу радости, получаемой от жизни: *беседа, занятие любовью, еда*: причем не без оснований старый жулик полагал, что занятия эти отчасти взаимозаменяемы. Писание писем и есть беседа. Можешь провести все аналогии, [Казанова](#) всё-таки прав был.

Про хорей и ямб в переводе с французского: это уж принцип. Никаких размеров кроме этих (ямб – для четных, хорей – для нечетных размеров) я в переводе с французского не использую, нужно же как-то отделить французский материк внутри русской поэзии. Попытки переводить [бодлеровский](#) двенадцатисложник четырёхстопным анапестом с треском проваливаются (за одним исключением: *Вальс двадцатилетних* в переводе Павла Антокольского, ну, так ведь *вальс*), ибо это тот же двенадцатисложник, которым писал Буало, да и *Плеяда*. Что бы мне там ни слышалось во французских ритмах, я так и останусь в переводе с французского при ямбе-хорее, а дополнительных аргументов более чем достаточно в мою пользу: они в твоих письмах. А насчёт *ударения подальше к концу* – ты

присмотрись, как выглядят почти все строки вроде *непоспешен, непоспешен...*: это, строго говоря, не хорей, а пэон третий, – *Панельные артиллеристки, Стреляющие из зрачков В торжественных, как зубочистки Носителей воротничков* – придуманный мною тридцать лет назад образец пэона второго, который спокойно читается и как ямб, и как амфибрахий.

А чего стоят *русские пентоны!* Шенгели вымучивал экспериментальный образец:

*Ребристые, золотистые, пересыпчатые барханы
Стремятся в недостижимую неизведанную страну,
Где дремлют в уединении темнолицые богдыханы,
Вдыхая тяжелодымную золотоопийную волну <...>*

И т.д. – воспроизвожу по памяти, лень искать этот *лабораторный* опыт, – при том что Шенгели просто как поэта ценю весьма высоко. Но не о нём дело, – сидя во Владимирской тюрьме в конце сороковых годов, едва ли что-то зная о *теории пентонов* Даниил Андреев СВОИМ УМОМ и СВОИМ СЛУХОМ находил такие ритмы:

*Гроб выстреливается пурпуровым аксамитом –
Почеть царская отходящему к небеси,
И в грядущее вычеканивается по плитам:
«Князь великий и самодержец всяя Руси» <...>*
(«Гибель Грозного», поэма)

И ведь Андреев писал такими ритмами и стихи и поэмы, разница в приведенных примерах в том, что у Шенгели – пентон второй, у Андреева – пентон третий, а ещё в том, что Шенгели сочинял стихи ради примера, а Андреев, как ни рассматривай этого нашего

домашнего [Данте](#), определённо писал стихи «из нутра». Я сам пробовал вариации этого пятнадцатисложника – после некоторой подготовки оказалось и не очень трудно. Кстати, если располагаешь местом для книг, могу выменять для тебя четырёхтомник Андреева, или первый том, где основные стихи (но без второго, где *Роза Мира*, там много непонятого окажется).

Твоё исправление к *Пальме* принял сразу, так и будет напечатано в *Строфах века – 2*, которые выйдут ещё в этом году (книга будет весом почти в четыре килограмма). Жаль, что не догадался переслать тебе остального [Валери](#) давным-давно.

Между прочим, русская силлабо-тоника целиком заимствована из немецкого, а русская совершенная рифма – скорее из французского, ибо у нас, как и галлов, ценится опорная согласная (у немцев так пишут куплеты для кабаре, опорная согласная считается смешной). Спасибо [Сумарокову](#) и Муравьеву, а также вернувшему на эту дорогу русскую поэзию Вячеславу [Иванову](#) (XIX век у нас рифмовал плоховато), русский язык располагает настолько сложным поэтическим арсеналом, что его в три года не выучишь. Боюсь, кстати, что и французский тоже – не на три года; в своё время для меня было неприятным открытием, что у [Гюго](#) Sion (или даже Sïon!) – это один слог, а у [Аполлинера](#) – два (едва ли можно оправдаться тем, что [Аполлинер](#) поляк); Ришелье, который на пальцах у Дюма отсчитывает слоги в строке – отнюдь не обидный образ поэта-силлабиста; впрочем, даже в силлабо-тонике треть моих учеников так и не обучается слышать строку сразу, без счёта.

Если кому-то пришло в голову гордиться назойливо фиксированным ударением французского – *бедный, бедный Каннитферштан*. Я знал

однорукого, который демонстрировал невероятную силу оставшейся руки (помнится, левой), рельефность мышц и прочую красоту. Кто бы спорил – рука красивая. Но человеку лучше бы иметь две, пусть менее красивых. Кстати, сторонники современного иврита (сефардского), в котором тоже навязчивое ударение на последний слог, смотрят на тех, кто всю жизнь учил *ашкеназийский* (европейский, разноударный иврит) как на бедных идиотов. В русском языке есть тяготение к установке ударения на *третий с конца слова слог*; так об этом даже специалисты не все знают. Однако в поэзии мы получили дактилическую рифму, а что она красива – ежу ясно. Но смешно было бы ею гордиться. Пользуемся, и хорошо.

Кстати, чтобы не забыть – на другую тему. Подлинный текст выглядит не как *Credo, quia absurdum*, а *Credo, quia absurdum est non credere* (извини, если что-наврал в согласовании, пишу по памяти, эту мелочь я давно и случайно нашёл). Так что нет тут ни малейшей метафизики. Вообще в античности была *одна* метафизика (куча всего, что так наименовали последователи Аристотеля), из которой росли естественные науки, а в семнадцатом веке из откровений средневековых схоластов и кое-какого собственного опыта выросло нечто совсем *другое*, что мне приходится называть *метафизикой*, дабы не опускаться до глупого понятия *барокко*, которое на старопортугальском означает черную и кривую жемчужину, в ценности которой (истинной) имею большие сомнения. В двадцатом же веке более глубокого прорыва в метафизику, чем *Кладбище у моря* я просто не знаю, у иных поэтов – отдельные строки... и всё. Когда поднимаешь рациональный пласт и находишь под ним – в качестве незыблемой основы – пласт полностью иррациональный, наверное, это и есть вступление в метафизику (не зря, может быть, [Паскалю](#) стул на краю бездны примерещился – с такого стула удобно смотреть было бы

в бездну, если б не отдавало сие занятие мыслями Козьмы Пруткова).

Ты, кстати, заметил, что твои слова (см. конец предыдущего письма): *Я назвал бы философским такое утверждение, которое могло бы обойтись без имен и дат...* – чуть ли не точная цитата из [Валери](#) (в моём переводе – *Лишь я служу тебе противоречьем...*). Мне ли, как понимаешь, с тобой спорить. Сам ты и объяснил мой интерес к метафизике. Не к античной: там и так полно достойного внимания. Кстати, без Аристотеля (которого мало читал, плохо знаю и вообще не люблю) мы всё-таки не обошлись бы: вся европейская наука за две с половиной тысячи лет выстроена на нем. Погляди, что выросло из его утверждения, что Платон Атлантиду выдумал. И сомнения бы не было, что она находилась там, где указано (я, кстати, убеждён, что там её и нужно искать – если кому делать нечего).

В *Алисе в стране Чудес* (во второй части больше, чем в первой) как раз наличествует идеальная современная метафизика (переменная; именно Кэрролл изобрел *волшебные шахматы*, где доску и фигуры придумывает каждый индивидуально; чемпионаты по ним проходят с 1930 года, я уже нашёл их в Интернете, но ни черта не смысла в шахматах вообще, я их там и оставил). Если уж на то пошло, то абсурдистский английский юмор (русский очень к нему близок) – идеальный пример метафизики. Иной (нежели литературное или иное произведение искусства) *метафизический артефакт*, этот бред г-жи Блаватской и афериста Сеннета, как известный неуловимый Джо, на фиг никому не нужен. Метафизика стала предметом профанации, а я решительно не желаю продолжения подобного *статуса ква*. И ради простоты именую метафизическую поэзию XX века просто *темной* (как писал [Хёйзинга](#), *уходящей от разума читателя, чуждого поэзии*) – [Валери](#), [Пессоа](#), [Йейтс](#), [Рильке](#), [Мандельштам](#) и ещё с десятков имен.

Кавафис сюда не попадет, он гениальный девальватор античности, и его школа есть в любой европейской стране, – увы, часть его популярности – от слишком большой лёгкости чтения.

Машина, может быть, и выиграет у всего мира сразу в шахматы (только докажи мне, что она ВЕДАЕТ, ВО ЧТО ИГРАЕТ), и даже в го (что труднее), начнет сочинять плохую музыку и плохие стихи, помнить всё на свете про всех на свете и т.д. Однако *Commedia* она не сочинит, Книгу пророка Захарии не напишет, академию Плотина не создаст, а в лучшем случае из неё получится *портативный визирь* – какой-то арабский визирь, помнится, возил за собой колоссальную библиотеку на 400 верблюдах – по алфавиту! В *искусственном интеллекте*, который японцы обещают поставить нам с тобой на стол через десять лет, будет столько же *Рабле*, сколько в свиной коже, в которую *Рабле* переплетён.

Аналогий с музыкой ты мне не приводи, я в ней плохо смыслю и дальше умения слышать двенадцатитонную гамму (отчего имею любовь к Шёнбергу) не двинулся. Любимыми композиторами так и остались Гайдн и Бетховен, а русская музыка для меня исчерпана восемнадцатым веком (Евгений Фомин, *Орфей в аду* – и не только). Не люблю я депрессивного Чайковского, не могу оценить Прокофьева (хотя понимаю, что гений, но... медведь мне ухо оттоптал, когда отучившись шесть классов музыкальной школы и уже неплохо держа скрипку я потерял часть среднего пальца на левой руке на *уроке труда* в школе – и плакали мои музыкальные занятия). Исключение составляет церковная музыка Гречанинова, это что-то вроде ре-минорной токкаты Баха – только до идиота не дойдёт. Музыкальное образование моё *еле можаху* и совершенно дилетантское. Чего не скажу о живописи, я всё-таки почти профессиональный искусствовед.

Так ли уж ничего не смыслил [Валери](#) в математике? Может быть, но то, как он извивался вместе с децимой в *Наброске змея...* Да вот тебе и *Набросок*. Его, кстати, никто, кроме меня – насколько мне известно – переводить даже не пытался.

Не поручусь, что вовсе нет опечаток, но ты поймёшь. Просмотри извивающуюся рифмовку – что-то он такое сделал, что ни до него, ни после ПОКА ЧТО не создано. Впрочем, суди сам, ты язык знаешь существенно лучше меня.

Откуда это у тебя столько друзей-террористов? Режи [Дебре](#) тоже имеет в биографии не самого приятного му..., скажем деликатно, ...дилу ЧЕ, а КАРЛОС – это не ИЛЬИЧ КАРЛОС САНЧЕС случаем? Где ты берёшь таких знакомых? Менее всего я тебя осуждаю (я однажды пожал руку Рамону Меркадеру, убийце Троцкого, – правда, я не знал, с кем меня знакомят), но что за странный круг знакомств? А кастильского я не выучил именно из-за *Commedia*, – кстати, если хочешь оживить язык, прочти отдельно главу семнадцатую *Ада* (и немного перед ней, это полет Гериона), а в ещё большей степени самое, наверное, потрясающее место в первой части [Данте](#), конец песни двадцать пятой, где ставший змеем грешник меняется обликом с Аньоло Брунеллески, потом Франческо Кавальканти меняется обликом ещё с кем-то – и такое длинное и т.д., что лучше сам смотри в текст. Подобной фантазмагории до [Данте](#) я ни у кого представить себе не могу, а после него – только в порядке имитации. Привожу не глядя в текст: из-за [Данте](#) мне времени на испанский язык и не хватило. Кстати, на Канта тоже: я его открыл и закрыл. Слишком сложно для моей фантазирующей головы. Кстати, отсюда и моя любовь к Вилье де Лиль-Адану. Кстати, цитату ты привёл восхитительную, но не ту,

которую я имел в виду, – уже доберусь до своего экземпляра, найду, – это в романе *Будущая Ева*.

R.Caillois оказался мне неведом даже по имени. Попробую найти, как-никак тема игры меня интересует больше прочих. Сиоган для меня тоже только имя, впрочем, как и несъедобный Деррида, на полке стоит и ждет своего часа. Когда мне недостает фантазии, я способен читать даже путеводитель по Тегерану, который мне, Бог свидетель, совершенно неинтересен. (Примечание: уже нашёл)

Кризис вроде бы кончается, так что свободного времени может стать меньше, письма – короче. Но не обязательно, письма я пишу... ох, лучше не думать, сколько лет: я тихо обалдел, когда понял, что в мой возраст *четыре раза* успевает уложиться всё существование Третьего Рейха...

Обнимаю –

ЖЕНЯ

P.S. 24-е ноября. С утра, прежде чем садиться сочинять, полез к себе в почту и выудил твоё письмо о *Кладбище у моря*. Наконец-то (это за семь или восемь лет с тех пор, как тот вариант, который ты прочёл, стал *последним*, а до него их было без счёту, больше десяти) я услышал что-то интересное о своём детище, которое до самого последнего времени даже напечатать не старался. Два замечания принципиальных, и вынужден признать, что они – не от хорошей жизни.

Морским кладбищем по-русски устойчиво называется кладбище старых кораблей, и больше решительно ничего. Хуже того, не очень

грамотные переводчики (двое из известных мне семи) прямо убеждены (один уже умер, но не о том речь), что именно о кладбище кораблей тут речь и идёт. Ну и что прикажешь делать? У [Рильке](#) – *Friedhof am Meer*, причем перевод сделан в 1921 году, ещё до выхода *Шарм'а*.

Второе – моё больное место. Это насчёт цезуры. В том-то и дело, что у [Валери](#) почти везде, а не везде. Это как *живой* и *почти живой*. Цезура или есть везде, или её нет нигде. Я давно заметил, что русский шестистопный ямб (который навязчиво распадается по цезуре, хочешь того или не хочешь) достаточно заявить бесцезурным, если сделать бесцезурной *первую строку* стихотворения (позже пришлю доказательство, сейчас не хочу отвлекаться). Русский глаз этой самой цезуры в пятистопном ямбе почти не видит, [Пушкин](#) жалел, что использовал такой ямб в *Борисе Годунове*; я в своё время перевёл пьесу (2 500 строк) Вондела *Адам в изгнании* языком восемнадцатого века, намеренно ни разу не использовав букву и звук Ё на рифме. Думаешь, хоть один человек заметил – или оценил, когда я об этом сам рассказывал? Хотя – в принципе – полагалось бы плюнуть на то, что у [Валери](#) цезура стоит не везде, и в переводе ввести её *везде*. В идеале, наверное, так и сделаю рано или поздно, если жизни хватит. Кстати, *Над времени обзорною вершиной* у меня как раз и служит переводом слова *temple*, другого описания авгурского холма сочинить не мог. Дело не в гадании по потрохам и не в распятии, а в том, что это холм, а не здание. Говорят, что там на кладбище этот холм даже есть (то ли *был*?)

У [Валери](#), если помнишь, сперва возник образ строфы, которую он заполнял словами (может, и вранье, но красивое). Строф – 24, в каждой строфе 6 строк, последняя строка закольцовывает первую: такая солярная символика едва ли могла появиться бессознательно, оттого часть строф прочитывается как *дневные*, часть – как *ночные* (отчего и искры вверх летят и т.д.). НЕ-единство строф я не сам

выдумывал, мне из-за них весь текст переделывать пришлось. Свет действительно то есть, то нет его, присмотрись.

Одно твоё замечание осталось для меня загадкой: где у меня архаизмы? Словотворчества – вроде *лжеузник* и *златочерепитчатый*, – понятно, много, но архаизмы-то где? Разве что *спокойство* вместо *покоя*, но это стиль, а не архаика, всё это есть в живой речи и в живой прозе XX века. *Хламида* у меня стала *хитоном*, согласен, но это замена реалии (чтобы не вспоминалась незабвенная хламида-монада), а *гидра* (которую комментаторы толкуют как гностического змея Уробороса!) просто гидрой и осталась бы, кабы не такое же простейшее из того же аквариума, где хламида-монада, пришлось без большой нужды сочинять *сверхгидру*, что тоже не архаизм. Архаизмы вроде *велий* и *донележе* я как будто не использовал.

Насчёт ритма – старался подчинить, как мог. Другое дело, что плавный ритм в подобном монументе и не мог образоваться, согласных в русском как-никак в 1,9 раз больше, чем во французском, но это свойство языка. То, что у меня кое-где вместо *Валери* получился *Рильке* – бессознательная беда, у меня местами и Готфрид Бенн там просвечивает (поэт заметно более важный для меня, чем *Рильке*), но это результат того, что я рассматриваю данное произведение всё-таки как *своё*, а не переводное в прямом смысле. Вся моя теория поэтического перевода сводится к тому, что сперва надо стихотворение максимально хорошо изложить по-русски, а потом подтягивать к оригиналу, – я всех тому и учу, что в переводе нужно идти не от оригинала, а к оригиналу.

Насчёт голубей/шаланд: этот комментарий, увы, общее место, и ничего с этим по-русски не получается (*Спокойный кров, где ходят голубицы Блеснет из-за сосны, из-за гробницы...* – было у кого-то, но пиния всё ж таки не сосна). Таких издержек не меньше сотни, ты мне ещё и шесть новых указал (лень перечислять, я пока попробую

исправить, насчёт Ахилла и пр.)

Что-то ты странное написал: *У Рильке за блеском формы нет нужды в содержании*. Это у поэта, создавшего одну из самых сложных философских систем XX века, философию двойной смерти (рождающейся вместе с человеком и умирающей вместе с ним – или не умирающей – и т.д.), которая и составляет суть всех его четырёх основных реквиемов (четвертый – *Сонеты к Орфею* как цельный реквием). Ты уверен, что не ошибся?

обопри на себя лишь посильное: я греческого не знаю и взял готовый перевод [Гаспарова](#), так что на это замечание даже и ответить не могу. Разве что поставить эпиграф по-гречески без перевода, как обычно и делают. Я понятности ради добавил из перевода [Гаспарова](#) предыдущую фразу. Мне вообще этот эпиграф мало что говорит что в [гаспаровской](#) версии, что в твоей: камертоном стихотворению он не служит. Или же я действительно какой-то греческий оттенок не в силах изловить. Наверное, оставлю греческий текст – по крайней мере смотрится он вполне орнаментально (я даже буквы греческие не всегда помню как читать, у меня для справок по греческому – сын).

У тебя – мысли и утверждения создают, и каждый раз заново, новое настроение – извини, ты сказал мне комплимент, которого я даже, возможно, и не заслуживаю. Исходя из солярной символики каждый час как раз и отмечен новым настроением (раз уж даже освещение меняется), и в мои задачи входила постройка *своего* монумента, *по возможности* воспроизводящего то, что получилось у [Валери](#). Необходимость использовать в четыре раза больше слов – при переводе на русский издержка неизбежная. Увы. Однако – *кров* по моим представлениям просто крыша, по которой ходят голуби или *покров* залива возле Сета, по которому движутся эти самые *шаланды*

(издержки семантики). Меньше всего я защищаю свой перевод, но я обнаруживаю, что за значением слов мы просматриваем что-то разное. Полдень в данном случае для меня – просто южная сторона, Средиземное море (где и стоит солнце в полдень). Честное слово, читателей, которые примут это за *время* (хотя итальянец, у которого я выкопал солярное чтение, именно на этом настаивает), у меня не предвидится, любители Роберта Рождественского [Валери](#) читать не будут. А вот от слова *Юг* по-русски так и тянет летним отпуском и лагерем *Артек*. Если предложишь третье что-нибудь, приму немедленно.

Кстати, насчёт [Малларме](#): тут я каюсь, ибо взялся за [Валери](#), чуть не наизусть всего [Малларме](#) выучив (все комментаторы находят у [Валери](#) тонны скрытых цитат). Любви к [Малларме](#) не обрел, но перевод в эту сторону, конечно, перекосило. *Mea culpa, maxima*, надеюсь, хотя главная моя вина в том, что я за это дело вообще взялся. Я ещё раз советую прочесть тебе моё творение БЕЗ ОРИГИНАЛА, этот монстр рос слишком долго (15 лет ежегодных вариантов), чтобы не обрести жизнь вполне независимую. А с [Малларме](#) действительно как-то неуютно вышло. Кстати, насчёт сохранения чуть ли не каждого слова – это относится в моих переводах отнюдь не только к [Валери](#). Кроме игровых стихотворений (скажем, с передачей португальского шипения и *жипения*) я вообще почти слово в слово перевожу – а чего терять, если помещается? Про слова у [Гумилёва](#), в одном из очень немногих его стихотворений, тянущих на эпитет *гениально* (собственно, их только два – *Слово* и *Лес*) всё сказано, даже то, что для низкой жизни можно числами обойтись – проверено, так и есть.

Так что ничем ты меня не покоробил. Я просто принял с десятков замечаний по ключевым строчкам и буду ломать голову. Что же

касается *целого*, то уж никак я не ставил целью создать на русском языке то, что было в оригинале (поэтический перевод – по [Данте](#) – вообще невозможен). Если хочешь получить образец того, что мне В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ обычно предлагают как истину в последней инстанции, то вот тебе образец:

[Валери](#) не способен по-настоящему увлекать. <...> "Кладбище у моря" – самое прекрасное стихотворение Валери, потому что в нем он испытывает нерешительность. Здесь, в полуденной безбытийности, на берегу, где чистое ощущение и чистая мысль без конца отсылают друг к другу, всё же смогло проявиться, порваться на поверхность что-то неоформленное. В мерцании могил открывается какой-то вход» и т.д., и т.д. – и это [Ив Бонфуа](#) от 1963 года. А перевод блистательного Бенедикта [Лившица](#) у нас обычно знают по такой строфе, идеальной с точки зрения французского посольства, выдающего деньги на издание [Бонфуа](#) в любом количестве:

*Спят мертвецы в земле, своим покровом
Их греющей, теплом снабжая новым.
Юг наверху, всегда недвижный Юг
Сам мыслится, себя собою меря...
О Голова в блестящей фотосфере,
Я тайный двигатель твоих потуг.*

Может, я чего не понимаю, только на мой взгляд у [Бонфуа](#) – набор слов без намека на содержание, и в переводе [Лившица](#) – то же самое. А *Beau Ciel, vrai Ciel...* мне самому жалко, и буду ломать голову. Как ты понимаешь, я могу мегабайтами слать тебе своё творчество там, где сверить меня с оригиналом ты не сможешь, и не затем посылаю [Валери](#), чтобы ты меня хвалил. Учеников, которые готовы хвалить что

угодно, написанное мной, у меня не один десяток, но с ними разговаривать неинтересно.

Е.В.

А если хочешь сравнить –

*Die Toten habens gut in diesen Brocken,
sie werden warm und ihr Geheimnis trocken.
Mittag dort oben, Mittag ohne Schwung,
denkt in sich selbst und ist sich selbst zum Lohne...
Haupt ohne Rest und ganz geschloßne Krone,
ich bin in dir die Spur Veränderung.*

Это, как видишь, [Рильке](#): та самая одна из наитемнейших у [Валери](#) строф. Я не [Рильке](#), но обращаю твоё внимание, что на цезуру твой любимый поэт плюнул, и писал Mittag, а не Süd, как следовало бы по предложенным тобою выкладкам. Клянусь тебе на любой священной книге, что перевод этот обнаружил, когда свой закончил (впрочем, почти сразу). Из-за этого перевода я, видимо, на цезуру и плюнул.

Тебя-то я сумею убедить. Но, кажется, добьюсь того, что сам приму обратное мнение... и сяду переделывать ямб в цезурный. Кстати, что это там лепечет [Бонфуа](#) о том, что [Валери](#) лишил французскую поэзию *немого е*? Я что-то не понял.

Кстати, попробуй узнать (у кого хочешь) – поименно первый десяток ныне живущих французских поэтов (без деления, кто первый, кто десятый). Это мне нужно в свете того факта, что составление антологии *Семь столетий французской поэзии* мне всё-таки предстоит.

Если трудно, плюнь.

Е.В.

P.S.S. Сходил к *хозяевам* и оплатил услуги провайдера, так что могу жить спокойно и не глядеть, сколько часов у меня осталось оплачено в Интернете. Вот тебе развлечения ради пара глав из начала того романа, который сейчас пишу (готово 18, это немного больше половины). Немного надоело о стихах говорить.

Для справки: первая глава в немного сокращенном виде опубликована в газете *Комсомольская правда / Дайджест* от 12 апреля 1998 года. Остального я даже читать никому не давал.

Е.В.

29/11/1998

Привет, голубчик!

Ты меня решительно разубеждаешь в закоренелом предрассудке, что кроме бестолочи русский писатель ничего в свои письма вложить не может. Облаянный тобой Чехов – тому прямое свидетельство : дальше аханий о запущенных чирьях он, в своих откровениях, не уходит. Насколько француз непревзойдён в этом (одном из достойнейших, на мой взгляд) жанре! Ничего подобного нет ни у англо-саксов ни у немцев! Мадам де Севинье, [Вольтер](#), [Флобер](#) и множество других – после них, все эти Лоренсы, Миллеры, Пристли, Джойсы – такая, право, ерунда! Если, однажды, ты заговоришь о самом себе с той же запальчивостью, что и о незаслуженно забытых поэтах, можно будет сказать, что, наконец-то, на Руси, появился писатель, у которого руки чешутся не только при мыслях о своих героях или издателях. А у Интернета есть одно странное свойство: добавлять нахальства. Это одно из редких качеств, которые мы с тобой пускаем в дело с одинаковым остервенением ; только у тебя оно сопровождается доводами и ссылками, а у меня, чаще, падает как снег или ... дубина на голову.

[Казанова](#) ... - очень хороший ... французский писатель. Отмечаю, потому что открыл на днях, что, оказывается, Марко Поло свои монголо-китайские воспоминания написал по-французски ! [Петрарка](#) чуть ни взялся писать по-провансальски...

Вальс двадцатилетних в переводе Павла Антокольского... - мне очень нравился его перевод *Пьяного корабля*.

Двенадцатисложник, которым писал Буало - выхватываю имя Буало, чтобы упомянуть полюбившегося тебе Феофила. Я его, может быть, вопреки буаловским насмешкам, и поставил бы выше Малерба, но дотянуться до Ронсара, прости, никак не могу, как и не могу, вслед за тобой, прочить Донну бóльшую будущность, чем Мильтону, и ставить Таллемана в один ряд с Монтенем.

Цитируемые тобой стихи, с диковинной ритмикой и словесной экзотикой (Шенгели, Д.Андреев), наводят меня на *общее место*, с которого, может быть, и стоило мне начинать с тобой перепалку о *пейзажах и климатах*. Из самых двусмысленных слов, на которых мы (я, наверное, чаще твоего) спотыкаемся, - это слово *слово*. Из интересных его прочтений мне видятся два : слово о-писательства и слово при-писательства, первое служит для надписей, второе - для подписей. В этом я вижу главное различие между двумя серьезными и одинаково почтенными литературными кланами. При первом подходе к письму, отсутствие сильных мыслей приводит, для меня, к роковым последствиям - забавы и словесные выкрутасы - тут я, как будто, на стороне *мыслей*. При втором же типе *темперамента*, изошрённость над-словесных связей оказывается важней *мыслей*. И я говорю о *подписях*, потому что единоличье вкуса я различаю только при такой словообработке. И **Валери** - стопроцентный *при-писыватель*, а всем приспешникам первого письма - в том числе и Прусту, о котором вежливо писал статейки - наклеивал *маркизу, выезжающую в пять часов*.

Для иллюстрации моих пристрастий, упомяну корифея французского описательства, Шатобриана (того самого, что *быть Шатобрианом или ничем !* ; того, что переводил Мильтона слово в слово, за что его журил **Пушкин**). Забавно, конечно, клеймить прогресс, вытесняющий из английского пейзажа Мильтона, когда *по железным хлябям тычутся*

бродячие котлы (это о паровозах : *sur des ornières de fer se meuvent des chaudières errantes*), но мне стократ ближе его близкий друг - *приписыватель* и ныне всеми забытый Жубер (Joubert). А иногда о- и при-писыватель оказываются в одном лице, как, например, во [Флобере](#).

У нас, как и галлов, ценится *опорная согласная* - тут какое-то недоразумение (может быть, я не разбираюсь в терминологии).

Qui vous a placés là ?

De quel vaisseau sans mats... - для галла - чистая рифма, для русского - проходит начисто мимо ушей.

У [Гюго](#) Сион (или даже *Сїон!*) - это один слог, а у [Аполлинера](#) - два - в классической поэзии, *i* перед гласными звуками почти всегда слоговое. Как у [Валери](#) :

D'une ardente allIance expirée en délices...

Je pais longtemps, moutons mystérIeux...

La sainte impatIence meurt aussi

Никто так в *жизни* не произносит, но в стихах это допускается.

Иврита, в котором тоже навязчивое ударение на последний слог - а я думал, что французский - явление уникальное ! Не знал !

Подлинный текст выглядит не как *Credo quia absurdum*, а *Credo, quia absurdum est non credere* - такое общее место вряд ли могло кого-то увлечь. Нет, исходная фраза (по недоразумению приписанная Бл.Августину и, якобы, выражавшая природу его веры) - приемлемое переложение фразы Тертуллиана, в которой о смерти [Иисуса](#) сказано,

что она *credibile, quia ineptum est*. А у Августина, как раз наоборот, поносятся манихейне, *обязывающие* верить, когда не хватает доказательств.

Сама же фраза – безобидная тавтология : бездоказательность *абсурдна*, но верить-то, рано или поздно, надо, не во всём же модусам следовать.

*В двадцатом же веке более глубокого прорыва в метафизику, чем **Кладбище у моря** я просто не знаю* - ты это твоему, запылившемуся на полке, Дерриде скажи – он-то уверен, что своей *деконструкцией* он нам, неучам, истинный свет указывает. Я ни слова в этом бреде не понимаю, но то, что меня раздражает в этих мудрецах, - это поразительное, в своём кругу, взаимопонимание. Помнится, дерридовы сентенции, в брошюре *Московские вечера*, пребойко парирует твоя соратница по *Телераме* Автомонова. Я, признаться, смирился с тем, что на *метафизику* работают только такие *кафедральные* авторитеты, как Фуко, Делёз, Деррида, Ферри, и имя **Валери**, рядом с таким дерьмом, никак не могу поставить, к *метафизике* он, в моих глазах, абсолютно непричастен.

*Докажи мне, что она ВЕДАЕТ, ВО ЧТО ИГРАЕТ... Однако **Commedia** она не сочинит* - уже ведает, Женя ! И ловушки расставляет, и растягивать удовольствие от твоей агонии умеет, и подноготную своих расчётов складнее grosмейстеров излагает ! И стихи будет писать бойчее 99% виршеплётов ! Спеши, брат, наше поколение – одно из последних, перед тем, как грянет пророчество Ренана : *L'art est propre d'une humanité encore dans l'enfance, laquelle, devenue adulte, ne goûtera plus que la vérité.*

*Так ли уж ничего не смыслил **Валери** в математике?* - да, безусловно,

но я мечтаю так не смыслить в стихосложении, чтобы судить о нём с сотой долей [валерьевой](#) математической прозорливости !

НАБРОСОК ЗМЕЯ - прекрасные русские стихи ! О переводе, может быть, потом, когда освежу оригинал, но о русском поэте Е.Витковском я могу определённо заявить, что лучшего не знаю ! Раньше я об этом, пожалуй, лишь подозревал, но ты приводишь всё более и более веские доводы. Извини, что с *МК* не смог отвлечься от оригинала, чтобы слушать лишь поэта. Чувствую себя от этого последней свиньёй, но ты, кажется, всё понял и не пеняешь мне на этом.

... в чистоте Небытия

Вселенная – зерно дефекта! - как у Кальдерона : *El delito mayor del hombre es haber nacido.*

Творец теней пламенородный! - как тут не узнать лучшего [Валери](#) !

Мое мышление прогрелось... - обычно [Валери](#) настаивает на противоположном движении : *воображение утвердилось* !

Господь, в безумстве, первым словом

Промолвил – Я! – эти строки я имел ввиду, когда ставил *тайну* [Валери](#) в один ряд с *иоанновым словом* и *гётевым делом* ! А главный их общий враг – прописное я !

Где столь суровая душа,

Что не открыта сну и бреду? - замечательный [Валери](#) ! Какой ещё сновидец мог так легко обращаться к суровости !

Душа, застывшая – наружу

Прорыва не перенеся - чудесный (для Евы !) образ ! Соблазн-то, как будто, был в красоте ! Если я верно понял, то мысль изумительная !

Что ненадёжней, чем слова

Творца, – шептал я, – слушай, Ева:

Наука хладно и без гнева

Докажет лживость божества!

О, просто хитрость такова –

Плодов сего не ешьте древа, –

Но ведь о них мечтает чрево!

Ты лишь представь, помысли, дева,

Хотя бы надкуси сперва, –

Не в сочности ли вечность, Ева? – ну что можно сказать перед такой полной гармонией ! – умолкаю, благодарный, совращённый, ублажённый...

Он дожидается плодов

Отчаянья и беспорядка! - один из лейтмотивов **Валери** : *вера и порядок* - такие же западни !

Откуда это у тебя столько друзей-террористов? ... а КАРЛОС – это не ИЛЬИЧ КАРЛОС САНЧЕС случаем? - да, тот самый. Тут было бы так соблазнительно тиснуть что-нибудь о моём *бунтарстве*, о тяге к приключениям и всякого рода пироманству, но, увы, всё достаточно прозаично и бессвязно. С Карлосом я оказался, на шесть месяцев, в одной комнате общежития, на Воробьёвых. Благопристойно-буржуйского происхождения, он бредил герильей в своей родной Венесуэле и больше рассуждал о маскировке, чем о перераспределении благ по марксистскому рецепту. В обмен на мои алгебраические уроки, он меня натаскивал испанскому, по *Дон Кихоту*

(он-то хотел по Х.Марти, да я запротестовал). Или педагог я оказался никудышный, или алгебра революции перевесила в нём алгебру *представлений групп*, но с мехмата его быстренько отчислили. А лет пять назад, сравнивая жизнеописание *врага номер один* развитого человечества с моим наставником, я понял, что был вскормлен на *груди гадюки*.

Режи *Дебре* тоже имеет в биографии не самого приятного мудилу ЧЕ - с РежиСом *Дебре* всё гораздо интереснее. (О Че я не стану распространяться. Замечу лишь, что, конечно же, для наращивания валовых национальных продуктов такая молодость, такой романтизм – были помехой. В наши дни, Миссолонги водились лишь по ту сторону Атлантики – на Колыме, увы, отсутствовала янычарская экзотика -, и *Р.Дебре* – это последний Байрон, отмахнувшийся от лже-аристократизма своей кафедры философии, чтобы предаться менее сомнительному аристократизму партизанских джунглей.)

Причуды игры в моей памяти порой изумляют меня самого ! Произнёс слово *аристократ*, и вдруг, в пять секунд, возникла вот такая загадочная цепочка : аристократ – Америка – князь П.Вяземский – *Кржижановский* – *Пушкин* – Конёк-Горбунок ! Это настолько забавно, что я прерываю своё повествование, чтобы изложить по-порядку эти ассоциации.

Семь лет назад, я пустился в десятидневное путешествие по Америке с одним на редкость тонким французским аристократом. Его компания мне была приятна хотя бы тем, что он из того одного процента европейцев, которые с ужасом и отвращением смотрят на американизацию своего континента. Повод же к поездке был вот каков : ему наставила рога наша соплеменница, урождённая княжна А.Вяземская (только что, в этом месяце, получившая, кстати, сразу две

литературные премии – чего это они всё вмешиваются в мои рассказы!), и ему очень хотелось докопаться до истоков таинственной русской души, чтобы как-то залечить незаслуженные раны. Анна, по её утверждению, восходит прямиком к ниспровергателю русского Бога, с которым меня как-то сдружил его большой поклонник, В.Перельмуттер. Тот самый, что открыл [Кржижановского](#), о котором ты писал! В одну из встреч с В.П., я ему сказал, что не знаю сказки замечательнее Конька-Горбунка, и что она стоит пера [Пушкина](#). И вот на днях приезжает И.Пастернак и объявляет, что В.П. доказал, что будто бы Конька и впрямь написал [Пушкин](#)! Нравится тебе такая логика в повествовании? чёрт знает что творится у нас в голове, когда работу берёт на себя совсем другой истолкователь!

А сдружился я с [Р.Дебре](#) вот по какому поводу. Ранней осенью 96-го я прочитал его роскошнейшую – по метафорике – книгу *Loués soient nos Seigneurs*. Я уже знал его по гордой *Comète, ma Comète*, знал и отрывки его буйной биографии, читал восхищённые отзывы Альтуссера и гонкуроносца Ж.Гракха (опять тянет в отступления: этот паршивый Гракх, с которым [Р.Дебре](#) поддерживает закадычество, говорит, что [Валери](#) – это *мысли для альбомов барышень*! Для П.Клоделя, [Валери](#) – это *безмятежный осёл*, для Сартра – *глашатай мещанства*. Ты уже слышал о всяких [Бонфуа](#). Самая большая беда человечества, быть может, это неравномерное распределение чуткостей и мозгов, и перевес в одну сторону делает из нас чудовищ. *El sueño de la razon produce monstruos*.). В ту же пору, на первых полосах французских газет появилось сообщение, что жена С.Альенде открыто обвиняет [Р.Дебре](#) в том, что он, в тюрьме и под пыткой, выдал Че. О [Р.Дебре](#) говорилось, что он, узнав об этих обвинениях, близок к самоубийству. Я немедленно связался с ним, уверяя, что человек

такого благородства, которое необманчиво угадывается в его книгах, должен быть выше этой низости. Чтобы забыться, я предложил ему забраться вдвоём куда-нибудь в медвежий угол. Таким образом, я приготовил наш общий набег на Чечню. Но ещё до отъезда он выбрался из прострации ; и в Чечне я оказался один, на четыре дня. Насмотревшись вдосталь на калашниковых – а по внешности я, оказывается, вылитый горец, что располагало к доверительности – я уже мог со знанием дела рассуждать о засадах, последних сигаретах и изобретательности в заплечном деле. Не знаю, то ли языком, то ли чудачеством, я ему стал довольно близок (его дочурка, кстати, опекает мою Настасью в Париже) ; и в узком кругу он меня величает *ментором*, - французская страсть к кличкам. Может быть, это следы моего университетского прошлого ; я напреподавался, за двенадцать лет, от Москвы до Ниццы ; и падкость к назидательному тону вероятно не совсем исчезла. Хотя число перепробованных мной ремёсел перевалило уже за десяток !

*Если хочешь оживить язык, прочти отдельно главу семнадцатую Ада - в оригинале, я застрял на десятой песне. Открыл, и сразу попал на недружелюбный отзыв о вкусе наших предков : крылатое чудище было изукрашено так, что даже татары с турками не могли до такого безобразия докатиться : *con più color sommesse e sopraposte non fer mai drappo Tartari nè Turchi*. Ещё одно отступление : в многопереиздаваемой истории Возрождения, написанной лучшими итальянскими авторами, в главе, посвящённой влиянию возрожденчества в прочей Европе, воспроизводится фотография с подписью *Успенский собор московского Кремля*, очевидное и прямолинейное заимствование Фиораванти архитектуры Quattrocento. Изображён же Владимирский Успенский собор XII-го века !*

Сьоран для меня тоже только имя - заранее скажу, что никаких словесных выкрутасов у него не найдёшь. Это уникальное соединение Паскаля, Ницше и Валери, только без страсти первого, без заносчивости второго и уравновешенности третьего. Но с блеском третьего, отчаянием второго и верой первого. Virtuoz в подставлении подножек самым захватывающим душевным подъёмам и взлётам, в приятии самой стерильной пустоты, где даже голоса богов постестняются звучать, боясь зубоскальства. Самый жизнерадостный пессимизм, который я когда-либо встречал.

Несъедобный Деррида - есть у него, поди, какая-то жвачная ценность, только она не для моего аппетита, и уж тем более чрева. Ты меня, ей-богу, изрядно этим замечанием поддерживаешь - неужели я один такой непонятливый уродился !

Морским кладбищем по-русски устойчиво называется кладбище старых кораблей - но ведь по-французски ситуация та же самая ; и никому до Валери не приходило в голову так назвать что-нибудь иное. А когда, тридцать лет назад, на другом сетовом кладбище хоронили барда Ж.Брассенса, все упоминали первое кладбище как именно *Морское*.

Цезура или есть везде, или её нет нигде - 99%, всё же ближе к есть, чем к нет !

Русский глаз этой самой цезуры в пятистопном ямбе почти не видит - согласен, что для француза она важней и зримей.

Ни разу не использовав букву и звук Ё - что ты называешь звуком Ё ? Два звука : ё или смягчитель согласных ? Во втором случае, надо уж

тогда и о изгонять !

Дело не в гадании по потрохам и не в распятии, а в том, что это холм, а не здание - или просто абстракция всякого сосредоточения, как у французов, где храм любви обозначает чаще всего женские половые органы ! (В предыдущей строфе ты повторил за Валери : минервин храм).

Одно твоё замечание осталось для меня загадкой: где у меня архаизмы? - я хотел сказать, что твоему словотворчеству у Валери могла бы соответствовать только архаика, поскольку сам он словотворчеством почти не занимался (кроме, быть может, замечательного и вездесущего имплекса !).

То, что у меня кое-где вместо Валери получился Рильке – бессознательная беда - никакая это не беда ; у Валери, и в самом деле, есть вполне рильковы интонации (а о путях влияния и не догадываюсь). И упомянул я Рильке никак не в упрёк !

О голубях, Полдне – ты совершенно прав, и добавить тут нечего. Это пустяки, рядом с существенным.

У Рильке за блеском формы нет нужды в содержании... Ты уверен, что не ошибся? - по этой-то причине я и не включаю Валери в число лучших поэтов нашего столетия ! Я ценю поэта, когда поверхностное его чтение оказывается весомей глубинного ! А с Валери всё время возникает желание разбирать по косточкам. В Рильке, наверное, есть интересные прочтения при наморщенном челе, но у меня такого желания не возникает. С Рильке я танцую, а не шагаю, пою, а не разговариваю. Рильке, вне поэзии, мне почти не

интересен (кроме, может быть, его диковинных сношений с Россией). А **Валери** и без своей поэзии мне незаменимо ценен. Двух из его 260-ти *Тетрадей* мне хватило бы, чтобы признать за ним первый, по тонкости, взгляд, в этом веке.

Мне вообще этот эпиграф мало что говорит... Или же я действительно какой-то греческий оттенок не в силах изловить - никто так редко не цитирует других, как **Валери** (для его выгораживания я не боюсь бросить тень на своё последнее детище) ; и эта цитата никак не случайна и очень даже прямо связана с *МК* ! Метящие в мудрецов поэты становятся часто или посмешищем или подсвечивают себе совсем не поэтическим светом. *Посильное* - это та грань, где доверие к музыке переходит в увлечение механикой ! То, что *возможно* (а в оригинале стоит именно *возможно*, а не *посильно*, что звучит, конечно, неплохо, но не так точно) в механике, должно быть невозможно в поэзии, хотя обратное и не всегда верно.

У тебя – мысли и утверждения создают, и каждый раз заново, новое настроение – извини, ты сказал мне комплимент - комплимент поэту и чуть ни упрёк той переводческой *машине*, о которой, собственно, я только и говорил (было бы непростительным хамством, с моей стороны, судить в твоём переводе — поэта !).

Кров по моим представлениям просто *крыша*, по которой ходят голуби или *покров залива возле Сета* - у меня *кров* как-то не вяжется ни с первым, ни со вторым. Не вижу слова, которое значило бы и *увенчание* и *свод* и *гладь*.

Я ещё раз советую прочесть тебе моё творение **БЕЗ ОРИГИНАЛА** - этого, какось, я не сделал, как со *Змеем*, и твой совет, безусловно,

полон здравого и даже нездорового смысла !

Для низкой жизни можно числами обойтись - Валери бы добавил : жизнь возвышается, когда числам предпочитают операции (*transformations*), а операции оказываются приложимыми и к числам и ко снам.

Может, я чего не понимаю, только на мой взгляд у Бонфуа – набор слов без намека на содержание, и в переводе Лившица – то же самое - кроме пресного, но благоразумного чистое ощущение и чистая мысль без конца отсылают друг к другу, всё прочее кажется бредом сивой кобылы. А от перевода Лившица хоть хватайся за животики ! Из Головы в блестящей фотосфере надо бы создать музейный экспонат и показывать детям, чтобы отпугивать от потуг переводческого ремесла.

А Beau Ciel, vrai Ciel... мне самому жалко - судить иль петь ? любить иль знать ? не знак, а звук ? и свет и тень ? и вздох и счёт ? – чёрт его знает – головоломка !

Если хочешь сравнить –

*Die Toten haben's gut in diesen Brocken,
sie werden warm und ihr Geheimnis trocken.*

*Спят мертвецы, – к их тайне благосклонно
Земли от зноя высохшее лоно; - у Рильке лучше : парадоксально warm
и изящно Geheimnis trocken ! Мне это больше нравится, чем у Валери !
Благосклонность труднообъяснима, а сухость тайны приписана земле,
что не так интересно. И зной уводит от простого, но выразительного
отогревания скелетов.*

denkt in sich selbst und ist sich selbst zum Lohne...

Там, наверху, в пленительном безделье... - интересный контраст – только у Валери : в благодатной земле – неожиданные перемены чувств, а в свете небесном – замкнутый круг мыслей.

Haupt ohne Rest und ganz geschloßne Krone

Чело, и совершенное очелье - тут Рильке теряет нить и несёт бессвязную отсебятину (*Rest, geschloßne*), у тебя точнее, но яснее был бы образ висков и венца – более связанное следование предыдущих строк : *pense – висок, mystère – венец*.

ich bin in dir die Spur Veränderung.

Я – смысл твоих глубинных перемен - два отвлечённейших понятия, *Spur* и *смысл* там, где у Валери стоит будничное *changement*. Ведь перемены были и там и сям, и единство и тех и других проходит через мои единоличье и произвол. Я, конечно же не *Spur*, но и не *смысл* перемен, а сами перемены.

На цезуру твой любимый поэт плюнул - как это плюнул ? За одним исключением (*Die Toten haben's...*), в духе французского немого е, а значит, простительном, - цезура соблюдена !

И писал *Mittag*, а не *Sud*, как следовало бы по предложенным тобою выкладкам – нет, брат, я этого совсем не предлагал ! Я лишь усомнился в способности средне-русского читателя разглядеть что надо (к полуденным светилам все привыкли, но к Полдню ?). Ты меня

уверил в его развитости, и сомнение отпадает. Какой там к чёрту Юг !
A Mittag, кстати, - такой же вырожденец, что и Полдень - северный Mezzogiorno !

Тебя-то я сумею убедить. Но, кажется, добьюсь того, что сам приму обратное мнение... и сяду переделывать ямб в цезурный - о цезуре я остаюсь прежнего мнения.

Кстати, что это там лепечет Бонфуа о том, что Валери лишил французскую поэзию немого е? - такое даже Министерству Нар.Образования не под силу, а Валери, мне кажется, держался в стихосложении самых консервативных позиций. И, скажем, дичайшие орфографические рифмы у него пользуются тем же благоговенным почтением, что и у Буало.

Кстати, попробуй узнать (у кого хочешь) - поименно первый десяток ныне живущих французских поэтов - высылаю тебе небольшую антологию.

10/12/1998

Дорогой Герман,

Выудил из провайдера (только сегодня – 6 декабря) твоё письмо, и даже не уверен, что выудил его *целиком* – оно кончается на словах *высылаю тебе небольшую антологию*, а дальше ни большой антологии, ни маленькой, ни даже подписи. Но спасибо и за то, что выужено: если для тебя интернетная переписка чем-то отличается от обычной, то для меня – только скоростью (и ценой, что ли): проведя в мире переписке с недоступными лично людьми больше трети века, я как-то привык доверять мысли бумаге, с которой у экрана близкое родство. Насчёт приспособленности французского языка к писанию писем ты солидаризировался с Чаадаевым, и мне ли спорить? Хуже всех письма в России писал лучший писатель – Гоголь. Почитаешь его письма, два самых толстых тома в девятитомнике) – и сразу кажешься себе Плинием Младшим. Нахальства мне прибавить ничто не может: в двадцать лет я сформулировал своё «главное»: Я НЕ ПРИСОЕДИНЮСЬ НИ К КОМУ. ЖЕЛАЮЩИЕ МОГУТ ПРИСОЕДИНЯТЬСЯ КО МНЕ. Интернета тогда не было...

Должен тебе сообщить (с хорошим знанием предмета), что очень любимый мною Марко Поло вообще ничего *не писал*: его сокамерник как-то научился понимать тот итало-китайский кошмар, который купец принимал за родной язык, а записывал сокамерник понятное им на старофранцузском. Но и то правда, что во времена Марко Поло основным языком Европы французский и был: самая ранняя версия его книги датирована 1298 годом (судя по всему, купец надолго засел в генуэзской тюрьме и скуки ради *тискал рóман* (как поздней [Сервантес](#), о других примерах не говорю) для сокамерников.

Традиционно считается, что французская версия книги потому и возникла, что Марко Поло говорил на венецианском диалекте (мягко говоря), а записывавший за ним Рустикан Пизанский (то ли Рустичано, то ли Рустичелло) – на тосканском (то ли генуэзском, если он тогда был), и ради успеха книги – а культурным языком из «новых» в западной Европе до [Данте](#), а пуще того до [Петрарки](#), был французский – пользовался французским (старофранцузским), которым, кажется, владел не ахти как. Рукопись Рустичано цела и вроде бы хранится в Париже, глубже этого я предмет не копал. В общем, двигало подельниками не чувство глубокой любви к Франции, а то самое, отчего наплодилось нынче русских людей во французской (и не в ней одной) словесности. [Петрарка](#) по-провансальски написал кое-что, но *сохранились только латинские переводы*, зато лихо писал на провансальском... Ричард Львиное Сердце. Даже одна сирвента сохранилась, а их, как ты, может быть, знаешь, сбереглось не густо, да и написано было во много раз меньше, чем *лирики*.

Таллемана в один ряд с Монтенем я не ставил (уж хотя бы потому, что Монтеня всерьёз обворовывать стали только в нашем кончающемся веке), но всё равно он очарователен. Мильтона тоже ни с кем не сравнивал (я перевёл и напечатал *Il Penseroso*, а мой учитель Аркадий Штейнберг всё-таки перевёл *Потерянный рай*). Только Мильтона давай сравнивать с голландцем Вонделом (притом в моём переводе), а Джона Донна – с Константином [Хёйгенсом](#) (в моём же переводе). Визионера с визионером, маньериста с маньеристом. Нельзя быть выше и ниже, пребывая в разных плоскостях.

Но пока оторвусь от поэзии. Как ни крути, но те *молодые люди*, которые по записям Шенгели вышли на след архива [Кржижановского](#) – о чем Перельмутер пишет в предисловии к первой же книге Крж. –

Воспоминание о будущем (1989), – это всё-таки я, и решительно никто другой. В 1978 году я весь архив [Кржижановского](#) перечитал, часть скопировал, многое передал на Запад – и никто меня не стал слушать. В восьмидесятые годы, когда меня больше интересовала собственная проза, эмигрантская литература и поэтический перевод, я Перельмутера на архив [Кржижановского](#) *вывел*. Так что приоритет мной ему подарен. Америку открыл всё-таки Колумб, хотя она и не в его честь названа. Перельмутер же нынче живет на пенсию в Мюнхене, бывает в Москве и всё дальше от меня чисто как человек – а от его пушкинистики (как и от любой другой) мне хочется сесть за преферанс. История с *Коньком-горбунком*, может, и правда, только почему всем плевать на открытие Кирилла Тарановского, что *Луку Мудищева* в первом варианте написал [Лермонтов](#)? Я тому нашёл полсотни новых доказательств, но скучен мне XIX век. Исключая десяток имен, для меня с 1841 по 1894/5 год в русской поэзии одна скучища.

Одним из тех, кого не очень люблю, но кто русскую поэзию из этого болота вывел, был Вячеслав [Иванов](#), вернувший в русскую рифму опорную согласную. Я имею в виде согласную ПЕРЕД последним ударением в строке:

*...Как после тяжкого поэзии ущерба
Европа слышала и Тасса и Мальгерба,
Как жил Депро и, жив, он бредни осуждал
И против совести Кинольта охуждал <...>
«Евгении» ли лъзя превесить «Мизантропа»,
И с «Ипермнестрою» сравнительна ль «Меропа»?
Со Мельпоменою вкус Талию сопряг,
Но стал он Талии и Мельпомене враг <...>*

И т.д. – А.П.Сумароков. *О худых рифмоторцах* (1771 или 1774 годы). Как видишь, перед последним ударением в строке – подставлены одинаковые или почти одинаковые согласные, – обогащенная, чисто французская рифма. Ну, или – что ли –

*...Пусть я влиянья не имею,
Но то всегда сказать посмею,
Что я давно служебник муз.
Тринадцать лет не миновалось, –
Охотой сердце порывалось
К творцам стремиться в союз.*

Кажется, тоже около 1775 года – М.Н.Муравьев, талантливый папаша ублюдков-декабристов. Погляди после этого на рифмы их младших современников – всё поймёшь. А вот тебе Вячеслав Иванов от 1900 года (*Сфинкс глядит*):

*Как замок медный, где Даная
Приемлет Зевса дождь золотой, –
Гора зардела медяная
Под огнезрачную фатой*

*Не дева негой бледной млеет
Под ливнем пламенным небес –
Зыбь хрисолитная светлеет
В эфире солнечных завес.*

*Как сизый пепл, над влагой рея,
Ночь сторожит огнистый день,*

*Где – стройный Сфинкс – легла Капрея,
Как тайны изваянной тень <...>*

Это всё было долгое и вынужденное предисловие. А дальше придется мне кое-что по старинке для тебя перестукать, потому что в электронном виде у меня этих текстов нет. Это – второй мой основной учитель, Сергей Владимирович [Петров](#) (1911-1988), с которым с 1971 года и до самой его смерти дружил близко, а со вдовой дружу и сейчас. Переписываю почти наугад.

Опубликовано, впрочем, только в крохотной книге [Петрова](#) *Избранные стихотворения* в 1997 году тиражом 500 экз. не с моим предисловием, а с чужим, из-за чего этого чужого (В.Шубинского) вдова отлучила от дома. Стихотворение взял наугад, надо бы *Босха* или *Киноцефалию* переписать, но очень длинно, а я всё-таки что-то кроме писем обязан тоже писать. Обращаю внимание не на стихи, а на способ рифмы, порой уходящей в строку на пять слогов (*Приходит гость из Гатчины / как приговор от Них: Бобровый, молью траченный / расстрига-воротник* – это тоже [Петров](#), выделено мною курсивом то, что рифмуется). [Петров](#) считал, что русская рифма не только не истощена, но даже и разработана плохо. Ясно ли теперь тебе, что такое мои любимые ОПОРНЫЕ СОГЛАСНЫЕ? При этом обрати внимание, что в немецком языке такая рифмовка считается пригодной разве что для кабаре, ибо немцам от неё смешно. Во французском опорная дай Бог какая: просмотри опорные у [Бодлера](#).

Приведенный же тобою образец *...a placés là – ...sans mats* в русском языке тоже воспринимается как рифма, но как *бедная*, попадаетея у Фета (*Не жизни жаль, но жаль того **огня** / Что просиял над целым мирозданьем / И в ночь идёт, и плачет, **уходя***), встречается редко и требует как минимум перекрестной рифмовки на фоне *густой мысли*.

Как пишут в таких случаях в китайских антологиях в сноске:
Подражанию не подлежит.

Интересно, что тебе запомнился *Пьяный корабль* в переводе Антокольского. Из тех, что выполнены анапестом, он безусловно лучший, кроме нескольких смешных ошибок в языке. Дело в том, что я в своё время написал большую работу о русских переводах *Пьяного корабля*, разбирая восемь переводов (Эльснер 1909 – Давид Бродский 1929 – И.И.Тхоржевский 1930 – Бенедикт [Лившиц](#) 1937 – Антокольский (ок.1955, издан в 1960) – Леонид Мартынов 1975 – Кудинов 1982 – Самойлов 1984). Эльснер был неполный (19 строк из 25), первый русский опубликованный перевод ([Набоков](#) 1928) мне тогда (1986) ещё не разрешили анализировать. Позже выплыл архивный перевод Льва Успенского (1939, опубликован в... Одессе, в многотиражке только в 1986 году), я нашёл в архиве бредовый перевод Сергея Боброва от 1910 года (печатать не стал: там стихотворение называется... *Пьяное судно*) и перевод Александра Голембы, сделанный в 60-е годы, который впервые печатаю я в антологии *Строфы века – 2*, которая, Бог даст, до конца года выйдет, несмотря на 1200 страниц, формат почти *ин-фолио*. Кроме того, перед глазами имелись два блестящих перевода на немецкий – Пауля Целана и Зигмара Лёффлера, первый потрясающий поэтически и с набором ошибок, второй – чуть ли не дословный, и поэтически тоже неплохой. В итоге всех этих анализов я обнаружил: а) что всё стихотворение прекрасно расшифровывается, если знать точку отсчета – стихотворение Леона Дьеркса *Старый отшельник*, и ещё ряд фактов; б) что это, по всей видимости, подделка Верлена. О первом я писал и пишу, о втором прошу молчать даже тебя. В итоге я перевёл и *протограф* Дьеркса (чуть не слово в слово, там иначе нельзя было) и сам *Корабль*, не слишком гонясь за собственно поэзией, а стараясь

сделать то, что называется *аналитическим переводом*. Ну, читай...

Всего у меня переводов из Рембо, кажется, тринадцать, но прочее как-то незначительно и для меня (внутренне) и для Рембо (объективно). *Оргия* – тоже наверняка подделка: Рембо не оставил автографа, а Верлен *вспоминал стихотворение двенадцать лет и – о счастье – вспомнил*. Прикажете верить? Однако, если это подделка, то это всё равно стихи Рембо. От Рембо ничего не убыло, но несколько прибыло Верлену. Так же, как *Слово о полку Игореве* будучи подлинником – всего лишь осколок чего-то, что то ли было, то ли нет, а если это подделка Карамзина, то подделка гениальная, и многое прибавляет Карамзину. У меня много доказательств того, что подделки в русской поэзии отнимают славу у их создателей, но об этом в другой раз.

Но это ты вспомнил Рембо, а я решил отчитаться. Хоть сравнивай с оригиналом *Корабль*, хоть нет, а великого поэтического произведения при таком стремлении к точности не выходит. Насчёт прочих стихотворений – сам оценишь.

Насчёт слов для надписей и для подписей – я пожалуй, согласен. Но хотел бы в равной мере принадлежать к обоим кланам, в зависимости от настроения с утра. Впрочем, такое настроение, в котором я стал бы читать Пруста ещё раз, мне неизвестно. Мне и первое чтение кажется потерянным временем. *Мне у него УКРАСТЬ НЕЧЕГО – и потому читать его неинтересно*. Стихи он писал так себе, хотя есть удачные.

За разъяснение про «и» перед гласными звуками спасибо, однако исключений очень много, согласись, когда читают в один слог. Насчёт навязчивых ударений в современном *сефардском* иврите – чистая правда, они даже в словах, взятых из идиша, переносят ударение на

последний слог, а старый *ашкеназийский* (т.е. европейский) иврит рассматривают... как мертвый язык. Вот и произноси: менора́ вместо менóра, мезуза́ вместо мезу́за – и даже *блинцИ* вместо *блины*... В конце концов, не наше дело.

Дерридовую деконструкцию я плохо понимаю и всё время подозреваю, что мне преподносят не текст, а набор слов а-ля жулик Жолковский. Метафизикой называется то, что *я* таковой называю, у Дерриды метафизика другая, мне там неинтересно, ибо там... деконструкция. Я ходил в московский зоопарк смотреть (по блату) как удав (метра полтора) заглатывает крупного кролика. Происходит это примерно раз в два месяца, свидетелей не положено – при малейшем шорохе удав добычу бросит и голодным останется. Так вот: хрен с ним, с кроликом, он с первой минуты – еда. А удав, чья толщина в диаметре 8-9 сантиметров, должен с головы кролика натянуться на всю его тушку, которая в плечевом поясе имеет диаметр больше 20 см. Длится это почти два часа (как мне сказали, я удаву понравился, видимо, и день выдался удачный): так вот, легче женщине родить, чем удаву пообедать. Он напрягается в форме какого-то сложнейшего иероглифа (для сравнения – представь, что ты должен сквозь своё горло пропустить цельного индюка), он отдыхает, вновь напрягается в диких схватках, чтобы часа через полтора натянуться кролику на плечевой пояс. всё прочее – дело десяти минут, удав пообедал и уполз переваривать. Никакая съемка не даст впечатления, надо не шелохнувшись простоять эти два часа в серпентарии и смотреть сквозь стекло за этим мучением. Дело вроде простое (обед), да только сил на прорыв в метафизику уходит примерно столько же, во всяком случае, ни с чем больше я это занятие сравнить не могу: требуется экстатическое состояние, а какая экстатика у дерридиной деконструкции? Был в этом непосильном обеде истинный прорыв в

метафизику, честное слово.

[Валери](#) писал стихи редко, с ужасным усилием (*Парку* и *Шарм* – во всяком случае), погляди у него рассуждение о *прессованном творчестве*, которое не требует многих произведений, ибо важна плотность, а не размер. Чье-то мнение что *метафизика отличается от физики также, как метагалактика от галактики* интересно тем, что я его не понимаю: а чем они отличаются? Устройство вроде бы то же, разница в размере и *кирпичах*. Уж скорей – вещество звезды внутри сферы Шварцшильда, не выпускающей световых лучей наружу. Аналогия тоже так себе, но хоть какой-то смысл получился. А у [Валери](#) такая сфера – в каждой главной вещи. И очаровательное *Завещание Брассенса*, написанное той же строфой, но с деликатно укороченными третьей и шестой строчками – всё-таки шутка, хотя и поёт он чудесно, и стихи прекрасные, но это всё же тень от гномона, а гномон – то же стихотворение [Валери](#). Кстати, весьма неплохой перевод (Марка Фрейдкина) [Брассенса](#) я печатаю в *Строфах века* – 2 страниц за тридцать от своего [Валери](#).

Машина, чтобы написать *Commedia*, должна а) принадлежать к белым гвельфам, б) жить на грани тринадцатого и четырнадцатого веков, в) бежать с родины в эмиграцию, иметь тысячи разных и колоритных друзей и врагов, причем находиться с ними в настолько сложных отношениях, чтобы делать грубые ошибки ([Данте](#) одного и того же человека встречает в Аду и в Чистилище!), г) быть смертельно обижена на весь белый свет, д) быть по профессии аптекарем – и пусть тогда пишет, Господь ей в помощь, она тогда не машина, а просто человек, и если человек этот создан искусственно – какая мне разница.

Хёйзинга потому и не признает ни шахматы, ни бридж играми, что в них исчезает элемент случайности. А как, интересно, машина, будет жульничать при сдаче карт (при игре, надеюсь, с другой машиной), нарушать правила и передергивать, подглядывать в карты партнера через отражение в портсигаре, пить коньяк во время игры и жрать макароны под утро (желательно хорошие, с хорошей солью), а потом платить проигрыш, занимая у друзей? Если машина это всё сможет и ещё (хотя бы как я) научится перелицовывать чужезычные стихи (о *Commedia* подождем разговаривать), а также обучится приличному мордобою, да ещё, как ты, неизвестно зачем попрется в Чечню – о да! Тогда это машина хорошая и умная, дорогу я ей не уступлю, но выпить с ней хотел бы (слова Байрона о Вальтере Скотте).

Так что наше поколение одно из последних поколений шахматистов, но не поэтов, и даже не карточных шулеров. Тут я прогресса пока не вижу. Да и *Гений-2* – скорее всего – инсценировка. Гамбургский счет должен быть такой: посредине игры у *Гения* приступ поноса, должна приехать его третья жена и бить морду четвертой жене, противник должен иметь возможность перекупить до 90% обслуживающего персонала *Гения*, ещё две-три сотни подобных условий. Как тебе перспектива?

Очень меня развлек твой рассказ о знакомстве с террористами. В юности мне тоже нравились песни Бирмана про *Команданте Че Гевару*, но потом появилась песенка Юза Алешковского; поётся на мотив *Разлука ты, разлука: Эрнесто Че Гевара Гавану покидал, Поскольку легкой доли Он в жизни не искал. "Хоть курочку и дорогу Возьми!"* – кричат друзья. Сказал Гевара тихо: *Мне курочку нельзя. Мне курочки не надо! Я в нищую суму Кусочек рафинада Кубинского возьму. Возьму его с собою, По жизни пронесу, А если станет горько – Возьму и пососу. Разлука ты, разлука, Чужая сторона! Марксистская наука*

Теперь ему жена. Как призрак по Европе Че Африкой прошёл, Нигде своему сердцу Покоя не нашёл. Хотел свалить Сукарну, Но вылетел в трубу, Зато в горящем Конге Свалил Касавубу <...> Удачного момента Че ждет в одной стране, И платит алименты Покинутой жене. (Запомнилось со слуха, процитировано по памяти и не полностью). Вот и всё, что в моей голове осталось от Че, впрочем, кое-какая пародия на его биографию есть в моём романе *Павел Второй*, но весьма скрытая, об этом в другой раз. По мне так ЧЕ и ПиноЧЕ должны сидеть в одной камере. Марксизм устарел, как манихейство, романтизм одного с его *просветленными*, жравшими несусветное количество растительной пищи, дабы *освободить свет материи*, стоит родного партактива.

Насчёт перепробованных ремесел я, пожалуй, тоже зашёл за десяток – от расклейщика афиш до главного редактора в литовском издательстве. Это включая массажиста, кинолога, специалиста по лекарственным травам, эксперта по старинным русским и даже французским открыткам (несколько лет кормился тем, что разыскивал здесь ничего не стоящие французские редкости, наподобие *парижских торговцев* или *подкования быка в Медоне* – взамен получал то, что хорошо продавалось здесь, так что я ещё и работник прилавка). Прочие мои профессии ты, пожалуй, сам вспомнишь. Мне как прозаику всё это что-нибудь да дало. О прочем тебе судить по *отдаче*.

Насчёт Гериона у [Данте](#) – ты попал точно в самое любимое место, где у [Данте](#) прорывается сравнительно редкое чувство юмора. Насчёт вранья о двух Успенских соборах изрядно посмеялся.

Насчёт того, что [Валери](#) – *мещанин* или что-то там такое, так это почти точная цитата из пьесы Леонида Андреева *Дни нашей жизни*, там один

из персонажей вылетает на сцены с воплем: *Фридрих Ницше – мещанин!* Жизнерадостного пессимиста Cioran'a придется читать. Как говорится, ноблесс оближивает.

Mittag dort oben (в процитированной строфе ВалеРильке) – где тут, прости, цезура? Die Toten habens – тоже где? Мораль – из шести строк в двух цезуры нет. 1/3, г-н математик! А по всему переводу Рильке процент заходит за эту треть. Эдак и у меня цезура кое-где есть (например, в первой же строке, даже во второй). И 99% меня не убедят – должны быть все 100, тогда – поднимаю вверх конечности. Но согласен, что лучше, где цезура всё-таки есть. Покойный Перелешин расцеловал бы тебя за требование к цезуре (что особо пикантно – старик был лютым гомосексуалистом, каковое своё активное занятие не прекращал и за семьдесят лет, а воспевал чуть ли не до смерти). И ещё раз напоминаю: это моё *Кладбище у моря*. У Валери всё по-французски. Но насчёт заглавия – обрати внимание, что во французском языке Валери своим гениальным произведением создал прецедент, и *Морское кладбище* перестало быть только кладбищем кораблей – оно стало ещё и конкретным стихотворением, и конкретным кладбищем – и не зря Брассенс сочинил свой *пастиш*.

Насчёт буквы Ё: я имитировал стихосложение восемнадцатого века, в котором *придет* и *воспоет* рифмовалось со словами *нет* и *ответ*, а не с *вот*. И так целую пьесу, и цезуру ставил только мужскую (а не дактилическую, что в шестистопном ямбе весьма его разнообразит) – и никакого отклика. Я и плюнул. Для кого стараться?

А словотворчество моё довольно мнимое. Большинство этих слов – редкоупотребимые, не более, и я найду хороший словарь, где они были до меня, – не без исключений, понятно, обнаружил же Даль, что

ни в одном словаре нет слова *просека*! Кстати, насчёт влияния [Рильке](#) на [Валери](#) – солидная загадка, ибо [Валери](#) по-немецки едва читал и горевал, что не может оценить его переводы, да и польщён был определённо. Моя давняя теория о том, что *темная поэзия* (по [Хёйзинге](#) – *ушедшая от разума*) просто висит в европейском воздухе XX века, могла бы поискать тут подтверждения, да только я уже сам этой теорией мало интересуюсь. Кстати, *глубинное* чтение [Рильке](#) мне дало очень много. У любой глубины, заключенной в форму слов, есть дно, предел, сами слова – дальше этого дна идти не положено, там – первичности и числа, что ли, поэзии там нет. А глубинное чтение *Картезианского монастыря* или *Ярмарки из Явлений Христа* даёт мне ясное доказательство, что к 1897/8 году [Рильке](#) был уже полностью сформированным мастером, видимо, уже и гением в расхожем значении слова. Во всяком случае, в 1900 году в Россию действительно приезжал величайший поэт Европы. Об этом я много писал и публиковал, трёхтомник [Рильке](#) с моим предисловием я попробую тебе добыть, когда выйдет (в Харькове) – там есть что почитать *по-русски*.

Посоветовался с сыном насчёт точного перевода эпитафии (греческого) у [Валери](#). Он прочёл не то, что ты, и не то, что [Гаспаров](#), я не стал вникать – что именно: видимо, [Валери](#) двусмысленность этого текста пленила (все тот же лев, состоящий из баранины).

Извини, но насчёт *...К ИХ ТАЙНЕ БЛАГОСКЛОННО / ЗЕМЛИ ОТ ЗНОЯ ВЫСОХШЕЕ ЛОНО* – ты пишешь, что у меня сухость тайны приписана земле. Извини, не земле, а ЛОНУ, которое появляется и в другом месте по другому поводу. Известно ли тебе, что *специалисты* традиционно считают эту строфу вместе с тем местом, где упомянут *народ под корнями*, самыми темными местами во всем [Валери](#)? Кроме того я

вообще заметил, что у меня текст несколько эротичней оригинала. *Само вырвалось*, что называется.

Насчёт *чела* вместо *висков*: а ты бы удержался от возможности поставить рядом *чело* и *очелье* (единственный русский аналог *диадемы*, какой я выискал)? *Венец* не годился, он у избы тоже бывает.

Вот я вроде бы по тексту твоего письма кое-что высказал, а [Рембо](#) ты сам помянул, потому он у меня вставился по ассоциации из соседнего файла. Жду *небольшую антологию* современных французов, а тем временем отправляюсь писать последнюю треть очередного романа. Часть прозы достается тебе в виде писем. Впрочем, я в жизни написал и напереводил столько, что соскучиться со мной ты не рискуешь.

ЖЕНЯ

16/12/1998

С добрым утром, провансальский пессимист!

(это у меня – утро, которое началось с выуживания из компьютера двух твоих писем. Если не угадал время суток, то исправь на *Добрый вечер, марсельский противоптимист!*)

Удивил ты меня добрыми словами про *Пьяный корабль*, говорю без кокетства. Чем-чем, а этим я не избалован. Сообщаю лишь, что *сувой* по словарю – всего лишь водоворот, как *завой* – бутон. Не знать это позволительно, непозволительно не пользоваться хорошим словом, когда оно *есть*, зафиксировано словарем и – не скрываю – даёт хорошую рифму, Кстати, с этим су... часто бывают ошибки: Виппер и Соболевский всерьёз полагали, что в фамилии *Суворов* ударение надо ставить на первый слог, потому что *сувор*, *видимо*, означает мелкого вора. Увы, маститые античники плохо знали древнерусский, а в нем было нецерковное имя *Сувор*, представляющее собой такую же русскую перегласовку, как *Фрол* вместо *Флор*. Этот *сувой* у *Державина* по меньшей мере (в прозе) один раз упомянут. Но в принципе мне достаточно того, что слово есть у Даля, который, конечно, не икона, но... серьёзный аргумент.

Мой перевод *Пьяного корабля* просто напечатали среди пяти других в двуязычном издании 1988 года, и в книгах *Рембо* (которых с тех пор было едва ли не десятков) не переиздавали: при том, что из наличных 13 моих переводов из *Рембо* переиздаются почти все – остальные. Отчасти виной я сам (всегда рекомендую переиздать перевод *Набокова*, мне его соседом быть престижнее), остасти долбо...робы-составители, которым нравится анекдотический перевод Мартынова.

Однако единственный комплимент у меня был: в Одессе один мой знакомый обнаружил его в САМИЗДАТЕ, и предположил, что перевод не издан вовсе. Такое со мной было всего два или три раза. Однако сам к своему переводу отношусь скорее хорошо: в отличие от *Кладбища*, тут я стремился по мере невозможности создать по-русски более или менее то же самое, что есть во французском тексте. Так что твои похвалы оказались для меня весьма неожиданны, я не кокетничаю. Кстати, несколько строк (...*И на колени я по-женски падал сам...*) попробую по твоим замечаниям подправить: в отличие от [Валери](#), я в этот перевод с 1988 года не заглядывал. Хотя кое-чем (прежде всего расшифровкой через Дьеркса) нагло горжусь и по сей день.

Не согласен только с тоху-ва-боху: это не ритуальное действие, это прямое заимствование из Библии (*безвидна и пуста*), закрепившееся во французском и отсутствующее в русском. В переводе Леонида Мартынова была попытка:

*Зимой я одолел приливов суматоху,
К ней глух, как детский мозг, проснувшийся едва.
И вот от торжества земных тоху-во-боху
Отторглись всштурмленные полуострова.*

Ни хрена себе, а?

Но если ты думаешь, что я *vdostal' nasluszals'a ot istinnyh l'ubitelej poeticzeskogo slova* (хотел бы я знать, кто это такие) хоть чего-нибудь по поводу своего [Рембо](#), так это зря ты так думаешь. Мои ученики меня не обсуждают (запрещено), а прочие влюблены кто в перевод Давида Бродского, кто в мартыновское чудовище. Кстати, а насчёт того, что я тёртый гордец – может, и так, только без

самовлюбленности. *Обратиться будет не к кому* – я это понял лет 10-12 тому назад, и спешно завёл свой семинар поэтического перевода, воспитал два (теперь уже три) поколения учеников, и хожу вполне в *мэтрах*, только сам себя не рекламирую. От одиночества не погибаю совершенно (хотя именно его боюсь смертельно, потому так и боюсь). Желающих присоединиться ко мне достаточно много. Ты же треплешься со мной по Интернету, а я скармливаю тебе себя в количествах почти неприличных (впрочем, оставляя за тобой право меня не читать).

О Киммерии писал Волошин, да только и у него, и у [Мандельштама](#) так назывался Крым. Я взял довольно хилую гипотезу о том, что Киммерия была где-то на Урале, и всё прочее выдумал с начала до конца. Глоссолалия *Кеми – Коми – Кама – Камень – Киммерия – комар – кома – карамора – кимвры – кимбры* и т.д. получилась сама по себе, а *сочинять* я люблю беспредельно. И если я со своей прозой поставил себе планку и впрямь то ли в [Сервантеса](#) высотой, то ли в Свифта, так это потому, что лучше я уж сорвусь с большой высоты, чем *возьму* небольшую.

Кстати, если не скучно – могу слать дальше. Этот роман перебелен по 21-ю главу включительно, а тебе заслано только две.

Интересно, что ты усмотрел Рериха (почти позор нашей культуры) пополам с Львом [Гумилёвым](#) (уж полным позором) там, где у меня прёт наглая пародия на [Данте](#)! Ты погляди на способ появления (в три зверя) *Мирона Павловича Вергизова* перед Веденеем (что есть древнерусский вариант имени Евгений). И вообще Веденей-то ведь идёт в девять кругов России, а всё остальное – декорация.

Кстати, я за эти дни пережил сильнейшее потрясение. Практически случайно я купил в русском переводе *Хазарский словарь* серба

Милорада [Павича](#), и совершенно заболел этой книгой. Если бы Голдинг и [Борхес](#) писали вдвоем, наверное, это бы и вышло, только сейчас (пока что) [Павич](#) даёт мне больше. Пребываю в состоянии *Что может быть хорошего из Назарета?* (читай – из Сербии). Оказывается, ещё как может быть. И уже знаю, что есть другие его романы, говорят, не хуже. Так меня не *забирало* с *Имени розы*, а до того – с *Осени Патриарха*. То есть – третья книга за четверть века (не-русская, с Россией счет отдельный и... на другие деньги).

Возвращаясь к иронии – я твоё творение уже наполовину (если считать по байтам) осилил, и скоро начну ругаться. Ты всё-таки переоцениваешь моё знание французского – для меня это СЕДЬМОЙ язык, без словаря мне никак. Кланялся тебе Ларошфуко – и нет на тебя именно его. Но кое-что я по-русски и ответить не сумею. Ну, жди компота из немецкого с английским с примесью французского (кроме немецкого, везде будут грамматические ошибки). Кстати, а где ж всё-таки *маленькая антология* французской поэзии?

Тут в письме приключился перерыв: в гости приходила знаменитая поэтессе-зечка Ирина Ратушинская и её муж Игорь, как-то не поставившие меня в известность, что придут вместе с близнецами неполных семи лет. Так что компьютера добрался через сутки. Чувствую себя всё ещё больным (не с похмелья, а оттого, что декабрь – плохо переношу холод и стараюсь на улицу не выползать лишний раз). [Павич](#) дочитан, я так и остался под обалдением – почему проза я знаю даже лучше, чем проза стихов.

А по этому случаю – почитай, что такое *проза в стихах*. Покойный автор сочинил эту поэму в 1949 году, я переводил по амстердамскому изданию 1960 года, где было много комментариев, мой африкаанс неплохой, но тут полно реалий. Один раз я это творение напечатал,

самым странным комментарием (и единственным пока достойным внимания отзывом) были слова двуязычного парня с московского радио (белого бура): *Как вышло, что в оригинале и в переводе одно и то же?*

Если читать будет лень – не обижусь.

Ну, если хватило терпения – поздравляю. Дикое количество имен имеет двойное чтение (Нехо и Нехао, Эанес и Эаниш), – назло публикатору, у меня есть варианты на любое чтение, даже для рифм. Я сделал целую книгу Оппермана (это – треть), но печатать её оказалось некому. Ну, распечатал кое-что по периодике – и всё. Если для тебя прежде всего важен высокий блеск в глазах – именно с ним Йорик Оппермана и Витковского лезет в Южную Африку. А что выходит... так выходит более или менее всегда одно и то же. Кстати, не прими за мелкий укус, просто понять хочу: какой блеск был в глазах [Лютера](#), когда он на паперти в соборе в Виттенберге приколачивал свои тезисы?

Насчёт чтения: имей в виду, что языков, кроме двух родных, на которых я могу читать бегло, всего ничего: голландский (с африкансом в придачу), английский, португальский. Итальянский хуже, французский то оживает, то пропадает, а мальтийский так и увяз на середине. Но шутки ради могу прислать десяток-другой мальтийских стихотворений XX века.

А возвращаясь к моей прозе: я очень даже кого и чего спасаю. Вытащив прежним романом Россию из коммунизма, я теперь тащу её из евразийства и всех прочих сектантских разновидностей. Я мог разместить выдуманный город хоть посреди Аральского моря, но заметил ли ты, что я портретно описываю Петербург? Само слово

КИММЕРИОН обронил [Карамзин](#) (у Гомера его нет), а я... подобрал. Всея разницы – что город каменный, а вода природно теплая, поэтому от неё валит пар почти весь год, и виден город фрагментами, сквозь пар и туман. Кстати, такой город – уменьшенная копия Петербурга – в Сибири есть, это Норильск. Отсюда и взялась идея поставить *град на сорока островах*, копией которого царь Петр и выстроил якобы Петербург.

Для твоего сведения: что такое *случай*, давно сформулировано. В частности, если ты опускаешь монету в метро орлом вверх (или вправо), то это может быть случаем, может – привычкой. А вот если ты возьмешь тысячу человек и обнаружишь, что они бросают монету орлом вправо, то это уже случай. В шахматах это невозможно, так же как не умеет машина толком научиться играть в обыкновенный покер – слишком много темных карт в колоде. А если покер будет на семи картах при двух закрытых... да ещё с невыбраной колодой... Ну, будет она играть хорошо. Но не лучше, чем в орлянку. Кстати, в *волшебные* шахматы Кэрролла машину пока даже играть не учат. Как ты научишь машину менять правила каждую партию? Научишь – вперед. Мои луддиты головы с ней играть.

Что более удивительно: а вот отличать добро от зла машина прекрасно научится, используя старинную схему двух триад: а) тезис, б)антитезис, в) синтез = триада Логоса, – а) тезис, б)отрицание, в)синкретизм = триада Эосфора. В русской философии (теологии, точнее) её красиво использовал А.Позов (Абрам Посидис, хитрый грек, отсиживавшийся в эмиграции... в Лейпциге, печатавшийся по-русски в Испании, а помирать поехавший, как водится, в Грецию). Будучи наложены на отдельное произведение искусства (если только в нем вообще отделено добро от зла, а не правит тот Анарх, которого сочинил Мильтон для Хаоса), эти триады отлично демонстрируют

разницу между добром и злом. Кстати, если человек этой разницы не видит, то он не человек. Мой компьютер, может быть, и слаб для такой задачи, но если бы мудрилы пропустили *Страсти по Иоанну* Баха через эти триады, честное слово, Эосфор (сиречь Люцифер) оттуда рога бы не высунул. Я могу привести примеры и посложней. Из [Валери](#) того же. Кстати, из [Бодлера](#) выползает триада Эосфора – проверено. Но сие означает, что добро и зло разделены, а главный мой завет (положим, не мой, но мне годится): НЕ СЛУЖИ ХАОСУ.

Обнимаю – ЖЕНЯ

16/12/1998

Сувор, видимо, означает мелкого вора - как сутенёр - всего лишь неудавшийся тенор, а суматоха - неполноценная мачеха, что ли ?

В отличие от *Кладбища*, тут я стремился по мере невозможности создать по-русски более или менее то же самое, что есть во французском тексте - для меня это было действительно второе открытие того, что я претотменно знал.

Так что твои похвалы оказались для меня весьма неожиданны - я взял было П.Антокольского под-руку, - дай-ка я ещё пощекочу женькино самолюбие, - но после второй строфы плюнул и сознался, что П.А. тебе в подмётки не годится !

И на колени я по-женски падал сам... попробую по твоим замечаниям подправить - твоё прочтение разделяется всеми известными мне переводами. По смыслу это не исключено, но по грамматической привередливости всё же вероятней мой вариант. Я думаю, что большой беды в оставлении твоего текста в первичном виде нет. А вот *жрёт лазурь* лучше бы заменить каким-нибудь *пьёт взхлёб*.

Тоху-ва-боху... это не ритуальное действие - я подозреваю, что Рембо играл на фонетической близости к индейским словечкам, вроде *томагавка* (надо у Ф.Купера поискать !). Библейская нить, с древнееврейскими понятиями как-то не вяжется с контекстом, где действительно что-то ритуальное угадывается. А *кавардак* - уж тогда какая-нибудь *геенна* или *тьма внешняя* ?

Желающих присоединиться ко мне достаточно много – счастливец !

*Ты же треплешься со мной по Интернету - уж если обновлять язык, так с лучшим его носителем ! К тому же на редкость деликатным ! Лет эдак десять назад взялся я было за это *освежение* с одним мрачным профессором МГУ, но уже со второго письма он меня так осадил, что я с тех пор зарёкся пускаться в душеизлияния на родном языке. (Профессор мне, без обиняков заявил, что мой язык - какое-то чудовищное надругательство над ясной и прозрачной речью, к которой он привык с пелёнок...)*

*Интересно, что ты усмотрел Рериха - я теперь понял, что когда ты говоришь *интересно*, это значит – бестолково, с потолка. Да, так оно и есть, пожалуй. Не докопавшись до живого контакта, я действительно выудил из памяти имена, связанные, для меня, с чем-то *неживым*, сгустивши, небось, красок.*

*У меня прет наглая пародия на [Данте](#)! - я, просто, уверенней чувствую себя в итальянских средневековых усобицах, чем в собственной истории. А когда история перестаёт восприниматься как живая, я говорю о *минералогии*. С [Данте](#) я оказываюсь среди знакомого пейзажа и среди понятных хлопот, а с *Виттом* я не догадываюсь, чем он живёт.*

Хазарский словарь - я признаюсь, что даже не знаю, связано ли появление хазар на Волге с вытеснением евреев из Палестины ? И семитской ли они крови ?

Имени розы, а до того – с [Осени Патриарха](#). То есть – третья книга за четверть века - мы с тобой действительно живём как-то в

параллельных плоскостях, с нечастыми пересечениями. Меня [Эко](#) с [Борхесом](#) не *шевелият* ! Ты тянешь в облака [Пессоа](#) – хороший взгляд да с мозгами туговато – и охаиваешь [Амьеля](#), который – в том же самом жанре ! – мне гораздо интересней ! [Пессоа](#) – на уровне [Рильке](#)-прозаика (*М.Л.Бригге*), которого не очень люблю (знаю, знаю, что *грандиозная* вещь, с *прорывами* и т.д., но не по мне). Интересно провести параллель по роли города в XX-м веке : Париж [Рильке](#), Прага [Кафки](#), Буэнос-Айрес [Борхеса](#), Лиссабон [Пессоа](#), Москва [Булгакова](#), Дублин [Джойса](#), Рим [Моравиа](#)... Опять эта загадочная *эпидемия образов* !

*А где ж всё-таки **маленькая антология** французской поэзии?* – я выслал почтой.

Если для тебя прежде всего важен высокий блеск в глазах – всё точно, кроме *блеска* – я чаще говорю о глазах опущенных, а блеск припасая только для слова.

Не прими за мелкий укус, просто понять хочу: какой блеск был в глазах [Лютера](#), когда он на паперти в соборе в Виттенберге приколачивал свои тезисы? – с *блеском*, в русском языке – беда ! Это и *éclat*, и *esprit*. В первом смысле он и для глаз годится – то ли со смеха, то ли с рёва, то ли от обалдения – а во втором он – двое совершенно разных оценщиков слова и мысли. Блеск слова – в гармонии, изысканности, благозвучии для слуха или ума. Блеск мысли – в неожиданности, игре парадокса и иронии, уровне абстракции и обобщения. А [Лютера](#) я не читал, не судья.

Заметил ли ты, что я портретно описываю Петербург? – нет ! С норильской-то окраской ? Есть три города на белом свете, о которых

грешно говорить обиняками : Париж, Венеция и Санкт-Петербург. Их мыслимые аллегории – только вне прочего градостроения !

Для твоего сведения: что такое случай, давно сформулировано - ой, боюсь, ты упрощаешь дело ! Во всяком случае, определения ты так и не даёшь, и бьюсь о заклад, не дашь ничего путного и в следующем письме, поскольку вопрос этот совсем не так прост, как ты это изображаешь ! Твои примеры, прости меня, пока всего лишь лепет... Сам пока воздержусь подавать голос, ожидая от тебя чего-нибудь более убедительного.

А вот отличать добро от зла машина прекрасно научится - то, что этому никак не научится человек, доказывает, что машина и подавно до этого не докатится ! Важна не способность отличать, а само предсуществование чувства добра, которое никак не вложить в машину, и что так гениально сделал с нами Творец !

Схему двух триад: а) тезис, б)антитезис, в) синтез = триада Логоса - при чём тут этот злосчастный Логос, неужели с нас Гегеля недостаточно ! Из греческих Логосов, как и из божьих передраг с Израилем, можно всего чего угодно выжать – это игра в словеса !

а) тезис, б)отрицание, в)синкретизм = триада Эосфора - об эосфорах не слышан, но синкретизм для меня остаётся безобидным антонимом эклектизма, то-бишь мыслью, которая, прежде всего, сводит выкладки к некоему общему ядру, избегая разбрасывания и многополярности.

Эти триады отлично демонстрируют разницу между добром и злом - ты, оказывается, больший безбожник, чем я ! Сводить проблему добра

к категориям логики, - до этого даже большевики не додумывались !
Окстись, креста на тебе нет !

*Кстати, если человек этой разницы не видит, то он не человек - и ты, и впрямь, общаешься с каким-то выродком ! Не вижу я её ! И это-то, вкуче с неодолимым влечением к какой-то к ней причастности и делает из меня *homo credens*, скорее чем *homo faber* и, ещё менее, *homo ludens*. Человек, ясно *видящий* эту разницу, - или фанатик, или *homo cum acquiescentia animi* - один из самых антипатичных видов. Непокойная совесть - состояние человека с *несовершенным*, а значит здоровым, зрением.*

Из Бодлера выползает триада Эосфора - проверено - боже мой, как можно проверять поэзию ! Ты сегодня что-то такое несёшь - наверное, с похмелья ! *Валери* бы от тебя сегодня отказался !

*Главный мой завет (положим, не мой, но мне годится): НЕ СЛУЖИ ХАОСУ - идол этот, действительно опасен, но для успешного ему противостояния стоило бы снова вспомнить Валери : *Deux dangers : l'ordre et le désordre*. Порядок упомянут первым ! *Искусство нередко неярко запутывает то, что ярко распутано наукой* - Б.Пастернак. Художественная гармония держится непредсказуемым распределением света и теней ; и *служа хаосу*, можно добиваться гармонии, и рушить её, оставаясь в услуге у нелицеприятного света.*

Как всегда, в конце, прибаутка. О мире как вселенской деревне : услышано на улице : ворчит старушенция, с пуделем, побывавшем в полицейском участке : не умеют работать эти русские : *спутник опять сошёл с геодезической орбиты, и мне это обойдётся в триста франков*. У шавки в ошейнике - радиопередатчик, посылающий сигналы на

спутник, а оттуда – хозяйке. Зазевалась, пёс присел где не надо, жандармы его прихватили – вышел срам и штраф. Вот она, современная жизнь !

Выпалил всё одним духом !

Обнимаю,

Гера.

18/12/1998

Привет, любезный,

Ты ответил быстро, я выловил твоё письмо сегодня же, но ответ, похоже, буду писать долго. Для начала с грустью напоминаю, что ты – папа семнадцатилетней Наташи, а я – отец Вадима, которому идёт двадцать восьмой год, а внуку моему Федору, Бог даст, в марте уже три года. Хотя ты на какой-то пустяк и старше меня (то ли нет?), то как *папаша* я существенно старше, да к тому же и дедушка. Клавиатура у Вадима своя, освоил он её раньше меня, – соберётся во Францию, увидишь его с женой: ребята – античники, мне с ними часто тяжело тягаться, когда дело доходит до *классического образования*.

С похмелья я писем не пишу, я с похмелья... мучаюсь похмельем, да и то бывает эта 5-6 раз в год, и чем дальше, тем реже. Способность пить я теряю с каждым годом, увы. Но уж на это жаловаться по Интернету не буду. Хватит без этого радостей.

Сутенер и пр. – обещаю – станут московским фольклором. Кстати, какой это там му..., извини, дрила объявил твой русский язык надругательством над русской речью. У тебя много если одно неточно стоящее слово на письмо. Так это, скорей всего, описка. Я и не замечаю. У меня, поди, опечатки тоже есть. А что касается меня как лучшего носителя русского языка... очень жаль, но после смерти С.В. [Петрова](#) (1988) это, видимо, почти правда. Только не потому, что он у меня такой замечательный. Это потому, что у других он хреновый. И это очень, очень жаль. Но, повторяю, я барахтаюсь и пытаюсь воспитывать учеников.

Кстати, мысль о том, что в *тоху-ва-боху* [Рембо](#) пригрезилось что-то

индейское, мне в голову не приходила. Непременно что-нибудь с этим сделаю. Но тогда *тьма внешняя* не годится вовсе. Подсказки принимаются. Идея мне понравилась. От этого перевода я ушёл далеко и вполне в силах его почистить.

Осень Патриарха – это не [Борхес](#) а Маркес, изрядный антагонист первого, автор одной (ну, двух) книг, прочее читать невозможно. *Хазарский словарь* почти не имеет к хазарам отношения. Если попадетса – попробуй прочесть. Сейчас я уже остыл, но книга в золотой фонд всё равно попадет. Кстати, что ты такое несёшь, сопоставляя [Амьеля](#) и [Пессоа](#)? [Пессоа](#) – великий поэт, накропавший что-то там в прозе. [Амьель](#) – плохой поэт, сочинивший впрямь оригинальный *Дневник*, и очень плохие стишки в подражание Беранже. Говоря о [Пессоа](#), я говорю только о стихах. Да вот они, наконец.

Вот кое-что из моих переводов – всего их за две тысячи строк (как всегда – не хочешь, не читай, я не обижаюсь, вышло две книги, мною составленных, вторая даже хорошая (1989). Под псевдонимом *Коэльо Пашеко* ничего кроме этой чисто сюрреалистической поэмы нет, но она мне приглянулась. Из *Кампоса* перевёл немного, прочее – из основного *Кансьонейре* с добавками из *Менсажем* и публикаций 70-х годов. А проза его... уволь. Кстати, досталось же мне за кое-какие вещи в этих переводах, особенно в *масонских* стихотворениях! Если прочтёшь, сам увидишь. Перевёл я, понятно, много больше.

Интересно у меня означает не *с потолка* а что-то вроде *вот те на!...* И нечего обижаться. Если мне захотелось сварить компот из [Данте](#) и [Карамзина](#) то это, согласись, моё право. Не то, что, чтобы вышло совсем несъедобно, а просто *очень не всякому окажется для желудка*.

Для меня усобицы гвельфов (белых с черными) и склока Михаила Ярославича Тверского с Москвой интересны уже тем одним, что происходили одновременно. А мой *биоморфизм*, ясное дело, трудно усваиваем. Слава Богу, пишу не только это. Хотя прозу числю всё-таки главным своим делом (см. мои предисловия к Г.Иванову и т.д.).

А почему это я не имею права описывать Петербург? Город этот, постепенно превращающийся в курортный придаток Москвы, ничем не выслужил особого положения (как и Венеция и Париж). На его месте ещё в 1500 году стояла чухонская деревня, а Летний сад так и вообще Петр конфисковал а майора Канау. В творчестве всё-таки должна быть свобода, или как? Что за этикетки – имею право, не имею? Я имею право (в творчестве) *на что угодно*. Ну, и у читателей есть право – послать меня...

Уж демократия – так демократия. Немного разъясню тебе «триаду Эосфора»: тезис Кай – человек! Отрицание – Кай – не человек! Синкретизм: нет никакой разницы, человек Кай или нет, он и то, и се, и одновременно ни то, ни се. Вот тебе и образец дьявольского искусства. А Триаду Логоса, ох, не Гегель придумал, ею уже Ориген пользовался! А *непорядок Валери* – вовсе не хаос. Это *отсутствие порядка*. Вообще об этом подробнее см. на последних страницах неоконченного (из-за смерти) романа Карела Чапека *Жизнь и творчество композитора Фолтына*. Чапека я люблю. Как и *Цветаева*. Хотя по чешски – ни в зуб ногой.

Насчёт того, что такое СЛУЧАЙ – выйди в порт и сыграй в мору с человеком, языка которого ты не знаешь. Если он тебя не обворует – вот тебе готовый СЛУЧАЙ. А человек добро от зла **ДАВНО** научился отличать, И если ты думаешь иначе – кто-то тебя нагло обманул.

Правда, для этого нужно научиться различаться ПРАВО И ЛЕВО. С этим и впрямь сложности – увы...

Оригинально услышать от тебя, что креста на мне нет. Есть (копия креста XVII века, православного), и крещен я при рождении – а принадлежу к приходу о.Александра Борисова, в прошлом о.Александра Меня, чью лекцию о моих переводах апокрифов Йоста ван ден Вондела считаю одним из важнейших событий моей жизни. Большевики никогда не свели были разницу между добром и злом к категориям формальной логики – в их фигуре тут же рога бы повылезали. Кстати, с интересом вижу, что ты уже готовый homo credens – только не перейди, пожалуйста, в ислам, как сумасшедший Генон. Насчёт же совести – прости, она у меня спокойная. Первая заповедь мормонов звучит *ТРУДИСЬ* – этим они мне симпатичны...

Ну, выпасай пока дочь на Лазурном берегу...

Обнимаю –

ЖЕНЯ

21/12/1998

Привет, электронный мой приспешник !

Ты – папа семнадцатилетней Наташи - Настасьи, то-бишь Анастасии !

*Что ты такое несёшь, сопоставляя [Амьеля](#) и [Пессоа](#)? [Пессоа](#) – великий поэт, накропавший что-то там в прозе. [Амьель](#) – плохой поэт, сочинивший впрямь оригинальный [Дневник](#), и очень плохие стишки в подражание Беранже - мы с тобой постоянно навещаем те же самые стойла, но один из нас – со стороны хвостов, а другой – голов, и потом одному в голову лезет Авгий, а другому – Пегас. [Пессоа](#) как поэта я совершенно не знаю, не владея португальским, и сужу о нём исключительно по *Книге беспокойствия*, в которой меня всякий раз привлекает намечаемый набег и тут же разочаровывает скудная добыча. Настоящие трофеи – и тут ты, наверное, прав – добывают всё же складные мозги, а не торжествующие свистопляски. [Пессоа](#), без сомнения, хорошо знал *Дневник Амьеля* (о стишках которого и упоминать не стоит) и почерпнул в нём немало. А вот поэта я сегодня, только благодаря тебе, узнаю. [Пессоа](#)-прозаик – это удивительно точное воспроизведение мыслей [Амьеля](#) (о которых я совсем не дифирамбически настроен) и настроения [Рильке](#)-Бригге.*

Вышло две книги, вторая даже хорошая - мне очень нравятся вот такие твои словесные интонационные изюминки.

*И нечего обижаться - при всей обширности наших несхожестей, у нас, кажется есть одно неплохое общее свойство : непотребительское отношение к слову, невтягивание его *калорийности* в наши тепличные обиняки.*

А почему это я не имею права описывать Петербург? ... Что за этикетки – имею право, не имею? - речь шла о средствах, а не о цели. К тем самым трём городам какие угодно аллегории приложимы, но только – по эстетике, а не по цензурному уложению – без ссылок на другие города же. Никакой Лион, никакой Амстердам ничего подлинного не выражают в иллюстрации Парижа, Венеции или Петербурга. Это как объяснение [Пушкина](#) цитированием Шишкова.

Кай – человек! Отрицание – Кай – не человек! Синкретизм: нет никакой разницы - тут нет ни интересной логики ни интересного искусства! Сколько языков (в отвлечённом, [валерьевом](#) смысле : *langage*, а не *langue* - не хватает русскому языку этого нюанса!) – столько и типов отрицания (лингвисты говорят о *семантическом* отрицании как единственном, выходящем за рамки логики и позволяющем артисту говорить о *ни том ни сём*, не теряя здравого смысла). У обитателей Крита (*критинов* что ли?) был, наверное, развит дух терпимости, но в современных европейских языках у *синкретизма* устойчива лишь прямо противоположная интерпретация : отворачивание от всего, не укладывающегося в заданную систему понятий (наверное, по аналогии с *синхронизмом*).

Триаду Логоса, ох, не Гегель придумал, ею уже Ориген пользовался! - подлинный открыватель не тот, кто первым упомянул (а об этом ты очень убедительно говорил в письме о *проблеме оригинала*!), а тот, кто вписал, занёс в коллективное сознание. Евангельское послание не содержит ровным счётом ничего оригинального – ни в образах, ни в событиях, ни в поучениях – но только очень большой недоброжелатель станет кивать на мессопотамлян, комментируя евангельские заповеди! Но всё же основное не в этом, основное в

том, что добру логика никак в соседи, а тем более в оправдатели, не годится ! Истину, в конце концов, можно усаживать рядом с красотой – им есть что сказать друг другу, но у добра с логикой органы речи совсем в разных местах помещены. Логика – язык машины, добро – встроенный в человека *прагматический анализатор*, чей *программный текст* (source !) нам недоступен.

А **непорядок Валери** – *вовсе не хаос*. Это отсутствие порядка – размерность присутствие/отсутствие столь же стерильна в эстетике, что и бытие/небытие. **Валери** говорит о двух иллюзиях *самовыражения* : в прямолинейном переносе в область раз навсегда усвоенного – *порядок* – или в самозабвенной доверчивости увлекающему нас хаосу – *беспорядок*. Первое – окаменевшая классика, второе – близорукая романтика.

В твоём символе веры - *не служи хаосу* - я вижу прямой укус и лишний повод затеять полемику с далеко идущими последствиями (в эстетике, конечно, не в арифметике и даже не в боксе !).

Бесключевого хаоса, я думаю, в искусстве нет. И чувство раздражения или отвергания идёт либо от недоступности ключа либо от отказывания ему в важности. Непростителен хаос в том *послании*, которое могло было сложиться на языке ясности. Но что такое ясность ? По **Валери**, это сговор с самим собой о неуглублении освещённого предмета. Это бессильная передышка перед рождением нового, более общего, языка, на котором однажды достигнутая ясность вдруг расплывается и создаёт поле для новых, непредвиденных ясностей, среди которых старая может оказаться среди сора или сери. Я не против изложения первородной ясности, но ирония - а это и есть вера и умение творить новые языки - обязывает меня не отводить ей места вечной истины, якобы заключающей в себе что-то

окончательное обо мне и, тем более, о мире.

А проиллюстрировать всё это можно на самом простом из мыслимых языков, арифметическом (на другие, более богатые, это распространяется почти автоматически).

Кто станет спорить, увидевши формулу " $1 + 1 = 2$ " ? Но, рано или поздно, находится зануда, который нагло спросит : *а что такое символы 1 и 2 ?* Да это же просто знаки, причём читаемые всеми, по умолчанию, в десятичной системе. А прими двоичную, и формула превратится в $1 + 1 = 10$! Её уже примут меньше читателей, чем первую. Ещё более придирчивый зануда задастся вопросом : *а что значит - равняется ?* И потянутся : *с точностью до, только в одной размерности, по определению* - и вот и новые тождества, новые аналогии, новые углы сравнения - короче, новый язык. Наконец, найдётся умница, который плюнет на цифры и обратит весь взгляд на операцию : *а что такое складывать и какими свойствами обладает эта операция, независимо от окружающих её чисел ?* Так вот, когда этот, самый изощрённый, писатель излагает результаты своих обобщений, большинство читателей, не сомневавшихся в $1 + 1 = 2$, принимают его за сумасшедшего или за наводящего тень на плетень.

Вот пример из знакомой нам сферы : [Малларме](#) и [Валери](#). Обобщения [Малларме](#) идут по линии фонетики и смысловых ассоциаций - такого рода языкотворчество ведёт поэзию к языку, на котором можно бредить, но нельзя задыхаться от волнения ; это почти механическая замена цифр 1 и 2 на напоминающие их по очертаниям символы - мне это неинтересно ; это забавная игра с сомнительным закладом. У [Валери](#) - всё внимание сосредоточено на операциях (*transformations* !). И с ним испытываешь огромное удовлетворение, открывая, что мыслим язык, на котором слагаются и песни и теоремы. А переход от операций к результатам - это знаменитое [валерьевом](#) дело - в противовес бесплодному словоизвержению - этот переход

становится возможен благодаря наивной и гениальной идее *подстановок* : соединения известного с неизвестным, из которого рождается новое древо, с прояснёнными ветвями. И напрасно ты словословишь лишь *артефактам* и пренебрегаешь работой над инструментом - во всяком случае на словах ; *искать истины* каждый дурак умеет, а вот разобраться в том, *что* истины воздвигает или ниспровергает, - это упражнение для избранных.

[Малларме](#) тоже, небось, думал - во всяком случае его почитатели в этом убеждены -, что *un coup de dés jamais n'abolira le hasard* в чём-то просвещает нас относительно *случая*. Для меня это - неплохая игра, ценная лишь тем, что по той же формуле можно наплодить кучу подобного глубокомыслия, например : *un coup d'œil jamais n'abolira le regard*. Кстати, я почти уверен, что М. это приходило в голову.

Человек добро от зла ДАВНО научился отличать, И если ты думаешь иначе – кто-то тебя нагло обманул - так может думать только человек дела, уверенный, что делом можно что-либо выразить, надёжно перевести с усвоенного оригинала. Оригинал можно или *благоговейно* чтить – так делаю я – или браться за его самоуверенный перевод – как, кажется, поступаешь ты.

Правда, для этого нужно научиться различаться ПРАВО И ЛЕВО. С этим и впрямь сложности – увы... - вместо логики ты теперь геометрию взялся притягивать и снова – за уши ! Правые или левые ориентации с предельной простотой различали с помощью *векторных произведений* на первом курсе политехникумов. А разобраться с добром не помогают ни духовные академии ни усердное чтение [Толстого](#).

Ты уже готовый homo credens – только не перейди, пожалуйста, в

ислам - моя вера предельно наивна и лишена всяких зацепок для какого угодно суеверия (то-есть произношения имён, дат и окончательных советов). Все Будды, Моисеи, евангелисты, Магометы – для меня не больше чем литературные явления. У меня голова заходится только от вглядывания в меня самого (даже и после какого-то презанятого чтения) и ни в какие церковные ворота, какими бы широкими они не были, я не уйду. С богом *дельному* человеку позволительно общаться только вне истории.

Насчёт же совести – прости, она у меня спокойная - не завидую ! Спокойной она может быть только у того, кто уверен, что между делом и смыслом жизни заключён ясный с – до – говор о *намерениях* и согласии с ролью *интерпретатора*, а не творца. Непокойна она, в высоком смысле, не от того, что *мышки скребутся на душе*, а от того, что душа селится гораздо выше подошв и сыров.

Заповедь мормонов звучит ТРУДИСЬ – этим они мне симпатичны... - какой коммерческий агент, какой головорез, какой *имидж-мейкер* не подпишется под этим благим призывом ! Мне кажется порой, что ты нарочно порешь такую несусветную ахинею, чтобы меня раззадорить вернее ! Лет шесть назад, я провёл целый месяц в компании мормонов. Это существенно раздвинуло мои представления о пределах человеческой пустыни.

Жму лапу,

Гера.

28/12/1998

Привет, любезнейший,

Очень ты меня порадовал, наконец-то уловивши, что я (*ты нарочно порешь такую несусветную ахинею, чтобы меня раззадорить вернее!*) в письмах к тебе занят бываю изрядным провокаторством. Прошу прощения, собеседник неразъярённый мне неинтересен. Однако аhинеја, которую я несу, хорошо продумана и не на тебе одном отточена. В частности, утверждение $1+1=2$ или $1+1=10$, – чего это *один*? Если один слон плюс плюс один пирожок, то в ответе всего один, в крайнем случае ОКОЛО двух! В моей выдуманной Киммерии не умеют считать русские деньги – там двенадцатиричный счёт, для мелких нужд – двоичный. В итоге для обмена русских денег на киммерийские там возникает целая гильдия – Евреи... Где нет простора для выдумки, там... меня там, короче говоря, тоже нет.

И в синкретической триаде Эосфора (см. своё собственное предыдущее письмо) и вправду *net ni interesnoj logiki, ni interesnogo iskusstva*, там вообще ничего нет, кроме угодного Эосфору сведёния всего, что есть на свете, к скучному примитиву, к двум измерениям вместо трёх, лучше (по его люциферову мнению) – к одному. Так что всё, что ты написал о синкретизме – святая правда. Всего только и предлагаю тебе, что рассмотреть СИНТЕЗ и СИНКРЕТИЗМ как совершенные антонимы. Погляди, что выходит, без ссылок на авторитеты.

Я и забыл, что у [Пессоа](#) есть неоконченная и скучная *Книга беспокойствия*: [Пессоа](#) – только поэт, в прочих жанрах он не реализовался вовсе, хотя стихи по-английски писал недурно, *Антиной*

и 35 сонетов – эдакий португальский Уайльд. Пессоа один из величайших европейских поэтов XX века, ну, а доказал я это или нет – тебе судить. Выбирал я его сильно однобоко. Но я так как ко всем подхожу. Амьеля он наверняка читал, он вообще страдал избытком образования. Но в его поэзии следов Амьеля не вижу. Португалия вообще сильна сама по себе – даже перевода у слова *фадо* нет. У меня этих фадо целая полка на кассетах, и отношусь к ним с большой любовью. При этом фадо совершенно непереводимы (полная пошлятина остается), хотя Карлос до Кармо что-то такое изображает по-французски, но боюсь, что в зале Олимпик у него одни лиссабонцы сидят.

Не знаю там насчёт Венеции и Парижа, а Петербург мне, москвичу, кажется городом ну в самый раз для пародии. Люблю его безмерно, валяюсь на Английской набережной каждое лето как на курорте и чувствую себя в диковатой, очаровательной провинции. Потому и сел сочинять его в уральский пущах и скалах, что по мне такой город можно выстроить даже на острове Диско. Его полная неестественность так пленительна, что я просто обязан сделать его (как лицо одушевлённое) своим персонажем. Люди, объехавшие весь мир, говорят, что я не смог бы проделать подобное только с Иерусалимом. Не знаю, но, видимо, правда... Что-то в этом духе (после экзерсисов Гауди) говорят о Барселоне. Тоже не знаю, но верю меньше.

А я и есть **ЧЕЛОВЕК ДЕЛА**. Если в коже столько меланина, глупо говорить, что ты не негр. И очень люблю браться за перевод – но сил, увы далеко не всегда достаточно. Потому и пишу прозу, что не могу найти такого оригинала, который взять бы да и перевести. Куда бы легче – переводить то, что за меня уже написали. Но – увы – старая аксиома Витковского гласит: что самое трудное в переводе? Найти

оригинал...Боюсь, со мной никто не будет спорить.

Насчёт лева и права: сколько народа погибло из-за того, справа налево должна быть наклонена планка восьмиконечного креста? Очень много. Ну, а теперь обойди церковь. Так где лево и право?

А совесть у меня и впрямь спокойная, христианин я, хоть убей! А значит – в человеческой истории есть точка отсчёта, и не несу я ответственности за смысл жизни – кто мне её дал, тот её этим смыслом и наделил, а моя задача скромная – не коптить небо; как молились старцы в Оптиной Пустыни: *Да будет, Господи, воля Твоя, а не моя!* Надо один раз в жизни увидеть святого – и вопросы исчезают. Я – видел, и довольно мне... Копаться же в себе – *рефлексией заниматься* – это по ведомству Чехова (*Водки надо пить меньше*). Понимаю, что тебе такую проповедь читать скучно, но ты сам напросился. Непокойно у меня на душе по другой причине: боюсь не успеть сделать на земле всё, что должен. ЭТО ОЧЕНЬ МНОГО, мне сорок девятый год – а работы на полвека. Так что на совести-то спокойно, а на душе – нет.

Заповедь мормонов оказалась мне очень близка потому, что вокруг меня десятки и сотни *духовных* людей ни фига не делают, то ли в лучшем случае, то ли в худшем читают Судзуки, Штейнера и Кастанеду и уж точно *не трудятся*. В слове ТРУДИСЬ для меня коммерции нет совсем. Китайское У-ВЭЙ (*не-деяние*) (написал бы по-китайски, да гарнитуры нет) – это не безделье. А оным последним заняты вокруг почти все, отчего я и впадаю больше в ярость, чем в тоску.

Получил твою открытку с видом Сета: он ещё и на взгорье стоит, оказывается, – впрочем, сын мой говорит, что Сет и Ла Корниш соотносятся как Одесса и Большой Фонтан (т.е. не более, чем *рядом* расположены). Вдвойне спасибо. Во времена [Валери](#) – кажется – города там было всего ничего. А про смерть [Рембо](#) в Марселе – забавно. Там же, кстати, в 1969 году умер один из лучших русских поэтов-эмигрантов первой волны, Борис Божнев (двухтомник издан в Беркли, у меня есть, и если какая-никакая букинистическая русская торговля в Марселе есть, там должны попадаться его раскрашенные от руки издания-самоделки, тиражом до 100 экз. – впрочем, кто-то заезжий их уже искал, две нашёл!) В Марселе же умер в 1930 году, перебираясь из Китая, Борис Бэта (Буткевич), о котором есть у [Берберовой](#)).

Был сегодня в трёх издательствах и двух книжных магазинах. Роман Милорада [Павича](#) *Пейзаж, нарисованный чаем* (второй, изданный по-русски) так и не нашёл, Москва на [Павиче](#) сошла с ума. Вот уж воистину дивны дела Твои, Господи... Был в журнале *Иностранная литература*, где интенсивно печатался в 1973-1992 годах, а потом принципиально перестал (впрочем, в 1996 году напечатал статью о переводах Сергея [Петрова](#)). Позвали меня туда из-за очередного анекдота: недурной голландский поэт Rutger Kopland (b.1934, у Галлимара дважды – 1985 и 1998 – выходили его книги в переводе на французский, есть книга по-немецки, но мне, как понимаешь, без надобности)... будет, кажись, окажется первым голландским лауреатом Нобелевской премии. Весь вечер его читал, и со зла на тот факт, что иначе его какая-нибудь стерволючь будет пахать для ИЛ с подстрочников, согласился сделать подборку. Вот ведь гады; Хейгенс им не нужен, им нужен Копланд, ибо *современный*. И не то, чтобы поэт плохой, но пиши он по-русски, мы б его и не заметили в третьем

ряду обэриутов...

А на вечере *Бессмертной библиотеки* читал своего [Киплинга](#) и своего же [Рембо](#) (*Оргию*). [Киплинг](#) завораживает, [Рембо](#) никто не слушает. Еще – со вчерашнего дня перевёл мало кому известное (но длинное) стихотворение Оскара [Уайльда](#) *Ave Imperatrix*. Если перевод не забракую сам, пришлю в январе. Как и все стихи [Уайльда](#), очень красиво – но не совсем стихи.

Вышел избранный Игорь Чиннов (1909–1996), поэт первой волны эмиграции, завешавший мне свою *поэтическую* часть библиотеки.

Тебе может понравиться, думаю. Понемногу складываю стопку книг для тебя. Как найду психа, готового вести мои багажи (в Париже трое-четверо есть) – передам.

Тем временем относительно близкий мне человек стал главным редактором издательства *Прогресс* – и интересуется, получится ли на русском языке отдельной книгой *Cioran'a* – что тогда посоветуешь издавать? И вообще *что* посоветуешь издавать (не [Макина](#) же) из того, что во французской культуре XX века *попало в тень?* – не отвечай сразу, подумай.

По имеющимся слухам, моя антология *СТРОФЫ ВЕКА-2* выходит 28 декабря (сигнал), что означает 1998 год на титульном листе и некое количество авторских экземпляров (каждый в 4 кг весом) – событие важное даже не столько в моей жизни, сколько в поэтической жизни России, если не остального мира: среди 527 поэтов-переводчиков есть люди неожиданные, а ещё больше неожиданных среди тех, кого переводили (об этом тебе уже писал). [Валери](#) там не только мой, но со своими переводами я разрешил себе единственный дубль – *Платан* в переводе Козового. Сам будешь судить, у кого лучше. Ну, вот тебе

немножко моих переводных стихов на Новый год. Беру почти наугад.

За подобные этим Naturgedichte Крамера (число около 160), изданные в виде НОМЕРА ГАЗЕТЫ, в декабре 1994 года Австрийское министерство просвещения объявило меня лауреатом года, и полгода вся моя семья жила на свалившуюся с неба премию. В прошлом году (100-летие Крамера, который родился, как и Гамлет, 1 января) австрийцы оплатили двуязычное издание Крамера (ещё, кроме моих, переводов 30 чужих, но мною отредактированных, но с му-, прости, – дацким предисловием), увы, распроданное. Впрочем, о твоём отношении к этому виду поэзии даже догадываться не могу. Одно подскажу: в оригинале без словаря диалектизмов этого поэта читать почти невозможно. А я просто лет 20-25 для своего удовольствия его переводил, иногда печатал. Так вот и сложилось что-то.

Впрочем, всё, что я делаю, требует десятилетий, иногда нескольких. Так, наверное, Паунд писал свои *Канты*, и жаль, что такое гуано получилось – намерения были замечательные, да и ранний Паунд был поэтом хорошим.

Дописал набело двадцать третью главу *Земли Святого Витта*. В январе в Кёльне выходит часть следующего романа, но таким тиражом, что лучше я тебе текст сосканирую и пришлю (набора в нормальной системе у меня нет). Авось не заскучаешь – там у меня... из чертей варят мыло (что не сюжет, а одно из занятий одного из героев, управляющегося с чертями *силой неверия*: она в данном случае больше, чем сила веры).

В остальном же – с Новым годом тебя и семейство (а если есть кто из христиан – то с любым Рождеством на выбор; я с моим экуменизмом и мальтийским крестом на шее вдобавок к православному, праздную

все. Заодно ещё и китайский Новый Год, но он в этот раз только 16 февраля).

Жму лапы и загривок.

женя

29/12/1998

Здравствуй, мирнейший мой Женя,

Ну, после таких беззлобно проглоченных провокаторств - с обеих сторон - нашей переписке уже ничто грозить не сможет ! Тем более, что ты продолжаешь благовоспитанно и терпеливо переносить мои *надругательства* над родным языком (я, кстати, никогда не перечитываю своих клавиатурств и по твоим цитированиям вижу, что клавиши порой срываются не те что надо). Ведь я, порой, напоминаю того самого мистера Кука, из *Угрюм-Реки* (ты меня удивил ссылкой на эту презабавную книжицу в предисловии к *Берберовой*), у которого вместо положенных *кошек* на душе вдруг начинают скрестись незванные *мышки*.

Собеседник неразъярённый мне неинтересен - я тоже привык к тому, что обмен мнениями принимает форму гражданской войны, а не Нагорных проповедей. Способность любить почему-то лучше просматривается в нашей манере лягаться, чем в предавании размазыванию слюней. Мы складываем лучшее, что есть в нас, на недостижимых звёздах ; и тянясь к ним, натываемся на мелочные *тела*, на которых искомый свет *души* оставляет случайные отблески. Чуткий глаз тот, что умеет из калейдоскопичной мешанины восстановить качество породившего её света. (Чего это я ударился в какую-то слезивость ?)

Рассмотреть СИНТЕЗ и СИНКРЕТИЗМ как совершенные антонимы. Погляди, что выходит - под таким углом зрения, я совершеннейший *синкретист*, хотя при обязательном условии, что другим его антонимом является — анализ ! В искусных отрицаниях узнаётся толковый

человек !

Пессоа один из величайших европейских поэтов XX века, ну, а доказал я это или нет – тебе судить - сразу хочу заорать, что поэт *Пессоа*/Витковский превосходит ! Меня всё больше интригует взаимоотношение дара поэтического и дара прозаического в одном и том же человеке. Феноменов, вроде *Пушкина* с *Лермонтовым*, европейская литература, кажется, не имеет. *Гюго*, *Ницше* или *Уальд* - не в счёт !

Никогда бы, наверное, не поверил, что недалёкий и скудоумный автор *Неспокойствия* может быть таким целостным и стройным поэтом !

Замечательны *Возведение лесов*, некоторые сонеты - например, 11, 14 - *Я грежу. Вряд ли... ..*

Хороший, хоть и всего лишь технический, признак : это не нуждается в прозе или пересказе - это поэзия из первоисточника, чистая, а не переводная !

Ты сам, через *Пессоа*, даёшь блестящую формулу моего отношения к вопросу о добре :

Пускай влекусь к добру - по всем приметам

*Дурной дороги выбор предрешён - добавь мне нечего ! Кроме, разве, уточнения, что дурным выбор будет всегда. Избегают его только по глупости или малодушию. Жизнь - это поражение ! *Wer spricht von Siegen - Überstehn ist alles !**

*Но в его поэзии следов *Амьеля* не вижу - давай пошлём этого профессора куда-нибудь подальше, чтобы он не путался под ногами ! Он занимает в наших пересудах незаслуженно много места.*

Что-то в этом духе (после экзерсисов Гауди) говорят о Барселоне -

других выдуманных городов, кроме разве что Мишу-Пишу (?), в Андах, поди и нет на белом свете. А Барселона город хоть и вызывающий, но стоит вполне на своём месте и никаких заморских поветрий не воспринял. Единственный город на Средиземноморье, который удачно вписался в европейскую перспективу XX-го века. Париж или Мюнхен гораздо ближе Барселоне, чем Марсель или Неаполь.

А я и есть ЧЕЛОВЕК ДЕЛА - как все заковыристые слова, *дело* может обозначать вещи почти противоположные. Для *Валери*, делу противостоит не безделье, а непроверяемость, уход от поверки разумом. В этом смысле, быть *дельцом* значит не попустительствовать легковесности и глупости. В более же расхожем смысле, делу показывает кукиш мечта. В дело вплетены вещи, а в мечту - образы. Дело знает, к чему и как идти ; мечта - на какой звезде должен задерживаться взгляд.

Совість у меня и впрямь спокойная, ... не несу я ответственности за смысл жизни - жизнь складывается из *дел* и *чувств*. Если судить дела только по их деловой роли, а чувства - только по регистрам затронутых струн, - то, пожалуй, со спокойной совестью ходить незасорно. Но беда (или благодать ?) в том, что эти суды подчас скрещиваются. И тогда становится стыдно за кособочьи дела, перевирающие наши чувства, и за безгласые чувства, не умеющие оставить отпечатка весомым делом.

Моя задача скромная – не коптить небо - я где-то сказал, что лучше коптить небо, чем совсем с ним не знаясь. Тебя, небожителя, это не касается ; но глянь-ка, как все вокруг уткнуты носом в землю.

В слове ТРУДИСЬ для меня коммерции нет совсем ... это не безделье. А

оним последним заняты вокруг почти все - коммерция, нынче, пропитала все *активные* глаголы и одним из первых - *трудиться*. Все современные коммерческие успехи сводятся к этому, окончательно скомпроментированному глаголу. Россия - исключение. По всему свету, самые светлые головы пускаются в коммерцию или в инженерное дело ; а в России - находят себя лишь на кухнях, в концертных залах или среди рифмованных строчек.

Получил твою открытку с видом Сета: он ещё и на взгорье стоит, оказывается, - впрочем, сын мой говорит, что Сет и Ла Корниш соотносятся как Одесса и Большой Фонтан - в Сете я оказался при не совсем обычных обстоятельствах. Мой шурин завлѣк меня в парусную авантюру : сплавать вдвоём до Балеарских островов - 400 км. В пути нас застал жуткий шторм ; северный ветер, мистраль, доходил до 80 узлов ; я промок и порядком передрожал, хотя и шли мы вдоль берега. На полпути лежит Сет, в котором у моего семейства есть родственники. Я малодушно предложил высадить меня там и взять на борт более отважного морехода. А на *Морском* кладбище, в двух шагах от *Валери*, похоронен один из первых воздыхателей моёй тѣщи. Вот такие совпадения ! Упомянувши тѣщу, как не взяться и за тестя ! - он у меня родился в одной деревне с д'Артаньяном — гасконец ! Трижды сбегал из немецкого концлагеря и в конце войны весил 35 кг.

Ла Корниш - это приморский бульвар ; ближе к морю лежит *Новое* кладбище (с которого я выкопал, в спешке, *Ж.Брассенса* и уложил на *Старое*, ставшее, после *Валери*, *Морским*), а на крутом склоне, в сторону взгорья, расположилось *Старое*. От могилы *Валери* видны 4 вещи : если поднять голову - маяк, если опустить (да-да именно опустить !) - море, под носом - плиты, а между плитами и морем - те самые пинии. И рыбацкие шаланды, в тот день, были очень даже

видны ! Кстати, на надгробье [Валери](#) выгравировано *O récompense après une pensée qu'un long regard sur le calme des dieux...*

[Киплинг](#) завораживает, [Рембо](#) никто не слушает - чёрт знает что ! Не знаю, какого ты мнения о [Киплинге](#), но ставить такую серость в один ряд с [Рембо](#) - это хамство !

Перевёл мало кому известное (но длинное) стихотворение [Оскара Уайльда](#) *Ave Imperatrix* - там, помнится, есть довольно щепетильные рассуждения о *Treacherous Russians*. Пользуешься послаблениями цензуры, паразит ! Впрочем, французу тоже у него достаётся, с *heights of Trafalgar*. Это тебе не какой-то там [Киплинг](#) паршивый, с его неудающимися встречами Запада с Востоком.

Получится ли на русском языке отдельной книгой [Сьорана](#) – что тогда посоветуешь издавать - я читал у него почитай-что всё, и выбор сделать мне было бы чрезвычайно сложно, ибо мне у него всё — нравится ! Слабых книг у него нет. Только автобиографические и ложно-критические его опыты менее удачны, чем всё остальное, потому что в них неизбежно втискиваются так ненавистные ему слова, вроде *следовательно, ибо, затем*. Что касается значительных явлений французской литературы XX-го века, то я не чувствую себя вправе давать какие бы то ни было советы - у меня дыр в сведениях гораздо больше, чем полных картин. читатель я совсем не *кромешный*, не следуя ни поветриям, ни желанию не отстать от века.

Если есть кто из христиан – то с любым Рождеством - в семье у меня все крещёные. Жена - католичка, а чад своих я крестил в Ницце, в русском соборе. Из всех общественных организаций Франции, с наибольшим уважением отношусь к Католической церкви, во всяком

случае с бóльшим, чем к правительству или к академиям. Так что никакой антипатии к радетелям Креста у меня нет.

С Новым тебя Годом ! Дай Бог, чтобы у тебя было как можно больше согласия между книгами, радостями и делами !

Обнимаю - сказал бы *по-медвежьи* да с моим ростом лучше сказать - как сурок : не очень понимающе, но с большим дружелюбием !

Твой Гера

01/01/1999

Привет, сурок !

(Просьба прочесть обращение – с нежностью: загляни в своё предыдущее письмо, ты сам себя обозвал СУРОК, а поскольку я уже много лет в доме БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ – так тебе и оставаться в Интернете *И мой сурок со мною...* Сам себя наградил, не жалуйся.)

Ну, компьютерщик, наломал ты в предыдущем письме! Вместо обычной копии кириллицы, взятой из моего письма, ты прислал мне... ряд вопросительных знаков, и мне пришлось по своему письму и твоему тексту разгадывать буквально кроссворд – столько-то букв на такую-то тему. Вот тебе образец:

" ???????????? ?????? ? ???????????? ??? ???????????? ??????????. ?????????, ??? ?????????, " - pod takim uglom zrenija, ja soverszennejszjij " sinkretist ", hot'a pri ob'azatel'nom uslovii, czto drugim ego antonimom javl'aets'a - analiz ! V iskussnyh otricanijah uznajots'a tolkovyj czelovek !

Ни хрена себе, а? Но я всю эту клинопись уже прочёл – так что просто прими на будущее. Потрудился бы ты всё-таки кириллицу поставить, а то вместо азбук *мефодьица* и *ахинеица* (первая из моей прозы, образец второй см. выше в собственном исполнении) я начну писать глаголицей (что любил Ремизов, а как прочтёшь его глаголицу – матюг на матюге и ничего больше). Не реши только, что сержусь, но часок (пока расфровывал) идиотом себя ощущал изрядным.

Ладно, вот тебе упоминавшийся [Уайльд](#). Перевод ещё сыроват, но имей в виду, что к *очень большой точности* тут у меня стремления не было, чего стоила одна мука с *крылатыми псами Виктории* (иди

передай по-русски две Виктории!). Стихотворение это – удивительный образец того, как начинает поэт в одной тональности, заканчивает – в другой. Чередование рифм – от скуки: по-русски уж очень нещеподобно смотреться сто с лишним строк на сплошных мужских рифмах. И, повторяю, перевод ещё *сырой*.

Прямо скажу, что не помни я, что Кромвель для ирландца [Уайльда](#) неизбежно должен был означать ругательство, я бы последнюю строфу воспринял как полный бред. Однако же что вышло, то вышло. Единственный мой (не считая голландских верлибров) перевод за последний месяц или два. Но [Уайльд](#) будет ещё, и, думаю, скоро.

[Киплинга](#) ругаешь зря – с моей стороны отклика не найдёшь, я его перевожу больше 20 лет (итог – 20 стихотворений) и по-настоящему люблю. Впрочем, о нём Эллиот хорошо сказал, что это никакая не великая поэзия и вообще не поэзия – но зато стихи, и великие стихи. Я знаю, что не любить [Киплинга](#) – хороший тон, только... Ну, ладно, пришлю кое-что, продолжим беседу. Уж если ты скажешь по моим переводам, что [Киплинг](#) – серость, я, глядишь, и поверю. Но очень огорчусь.

Пользуешься послаблениями цензуры, паразит! – я растроган. Я эту милочку и при советской власти в гробу... ну, скажем деликатно, видал. Было тут сборище: бывших диссидентов пригласили на встречу с *бывшими цензорами*. Рейн и приехавший из Америки Бобышев – пошли. Я отказался, сказал, что меня цензура не касается. И вправду: я ведь её, голубушку, так зло притеснял, всё норовил такое подсунуть, что у неё и специалистов не было чтобы решить, кто прогрессивный, кто реакционный. А *империалистическую* поэзию я весьма ценю. Империи разваливаются, оставляя великие легенды и даже иногда

великую литературу. А у демократов всё время получается Чернышевский (даже мой любимый Торнтон Уайлдер им иногда пахивает). Ну, тебе доказывать не надо, ты-то точно империалист (иначе как любил бы Древний Рим?)

Ну, продолжаю первого января 1999 года. Позавчера меня славно поздравили: вышла моя антология *Строфы века – 2*, 527 поэтов-переводчиков, около 1200 страниц, прорва иллюстраций, почти 4 кг. Веса. Экземпляр пока сигнальный, но будет ещё в январе и тебе в подарок; однако почтового верблюда найди сам: это чудо на почте принимают только как посылку, а цена посылки выходит вдвое выше цены книги. Впрочем, цена книги при таком объеме оказалась либеральной – ок.25\$, что немного. Теперь оказался ИЗДАННЫМ и мой [Валери](#) (моего там, кроме истории литературы XX века в анекдотах и пр., только [Валери](#) – все шесть – и одно стихотворение Адриана Роланда Холста (1888–1976) с голландского, которое вставлено из-за того, что столбец пустой оставался, а с [Валери](#) почти никто «не монтируется». Впрочем, это лучший голландский поэт XX века, так что, видимо – судьба. Кое с кем я основательно свёл счеты, каюсь. Но... моя книга, чего хочу, того ворочу, говоря великим могучего русским языком. Поскольку год назад в *Библиотеке поэта* выходила походая (но – на 75 поэтов и *лишь покойников*) антология, жду *сравнительных рецензий*. Тираж – 10 тысяч, что много хоть на Востоке, хоть на Западе.

Факт выхода книги означает, что могу продлить свою безработность ещё месяца на два, Бог даст, дописать роман, а там и предыдущий выйдет (а это тоже кирпич с килограмм весом). Потом, как говорят португальцы, *как Бог скажет*. Может оказаться, что я делаю что-нибудь вовсе дикое – наподобие полного Леконта де Лиля. Кстати, на предмет сочетания в одном человеке поэта и прозаика – тут с Россией

вправду мало кто конкурировать может (в англоязычных странах – Эдгар По, [Уайльд](#), ну... Томас Харди, ну, нелюбимый тобою [Киплинг](#)). С натяжкой – Мелвил... Что-то ни хрена больше не вспоминается. Хотя нет – Кэрролл. Теперь список, боюсь, для английского языка почти полон. Прозу Йейтса (и [Пессоа](#) тоже) читаешь, краснея за великих поэтов. Во Франции, за возможным исключением [Гюго](#), *наверняка* никого такого не знаю. Могу лишь съехидничать, что стихи Анатоля Франса лучше его прозы. Проза [Бодлера](#) – не совсем попадает в жанр.

А в немецкой словесности всё-таки есть плохой поэт Гейне, написавший гениальные *Флорентинские ночи*, есть в общем-то всё-таки универсальный гений [Рильке](#), – всё, что ли? Гете судить не могу, проза всё-таки много хуже поэзии. У Брентано над прозой только спать можно. Может, я кастильского не знаю, там что есть? В португальском не ищи – там точно никого нет в первом ряду (хотя во втором – есть). Насчёт [Борхеса](#) – сильно сомневаюсь. Судя по переводам, его поэзия – это заметки на полях его же прозы. Нидерландский гений вообще драматургичен и поэтичен, а прозы хорошей отродясь не было (найдёшь *почтового верблюда* – получишь *Литературный памятник*, драмы Йоста ван ден Вондела в моём переводе и с моими комментариями, представляющими из себя чуть ли не самое обширное по-русски исследование... в области демонологии!)

Какие мы там языки забыли? Хорошей итальянской прозы до Умберто [Эко](#) я вообще не читал (видимо, дыра в образовании, но это от излишней любви к [Данте](#)). У поляков тоже либо то, либо се. Так что здесь русский язык оказался и вправду уникален. Об этом писал (не без издевки) Владимир Марков, обнаруживший, что у нас стихи писали вообще все. [Набоков](#), [Цветаева](#), [Пастернак](#), даже Брюсов (этот вообще как прозаик лучше) – список на мегабайт. И как-то никаких выводов

не вижу пока. Кстати, поглядишь в моей антологии – с каким блеском в ней представлен Сигизмунд [Кржижановский](#) (переводил Тувима). И не он один. Впрочем, дождись книги.

Ладно, чтобы письмо не *лежало*, не буду долго дальше думать о отправлю сегодня же, на полумысли.

Обнимаю!

Женя

02/01/1999

Привет, берложец !

Ты сам себя обозвал СУРОК, а поскольку я уже много лет в доме БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ – так тебе и оставаться в Интернете И мой сурок со мною... Сам себя наградил, не жалуйся - этот зверь пришёл мне в голову, потому что при всей падкости на писунов-полуночников сам я безбожный соня. И опять же, при частом свирепом надувании щёк и топорщении залёженной шерсти, - кончаю предьявлением совсем не заковыристых когтей, не говоря уж о годных на одни орешки зубах. По аналогии с сутенёром, можно пришить мне теперь определённый фатализм, полу-рок, полу-судьбу.

Ты прислал мне... ряд вопросительных знаков - дома у меня пять (5 !) машин стоит, и перебегая с одной на другую выходят порой вот такие проскачки. Высылаю тебе, с извинениями, изначальную версию.

Потрудился бы ты всё-таки кириллицу поставить, а то вместо азбук мефодьяца и ахинеица - дело лишь за мефодьевой клавиатурой или за удобным способом чередовать азбуки на ахинеевой. Не дошли руки ни до того ни до другого. Надо будет заказать. А ахинеицу плету, как учёный дьяк, с усердием, но с нудцой, - конечно, это святотатство.

Перевод ещё сырой - не знаю, могут ли пригодиться замечания о подмоченных опытах – но вот тебе на всякий случай горсть зубоскальств и недоумений.

Желты, знакомы с русской пулей,

Мчат леопарды - желты уж больно далеко от леопардов (полторы строки).

*Английский Лев Морей покинул
Чертог сапфирной глубины,
И разъяренно в битву ринул,
Где гибнут Англии сыны – чертог ? Ринул ?* Речь идёт о сапфирной гавани !

*Вот, в медь со всею мощью дунув,
Горнист велит издалека:
На тростниковый край пуштунов
Идут из Индии войска - велит* зависает в воздухе, без дополнения.

*Однако в мире нет спокойней
Вождей афганских, чьи сердца
И чьи мечи готовы к бойне
Едва завидевши гонца* - однако, очевидно, служит для затыкания слоговой дыры. Дважды – чьи ! Это слово почти невозможно употребить естественно в русском стихе.

в смиренье робком - плоховато звучит. Штамп.

*Кабул, чья гордая громада.
Лежит под горной крутизной,
Где в водоемах спит прохлада,
Превозмогающая зной* - *dread* - скорее жуткая. Опять эти чья – где.
Tanks - тут, скорее, колодцы.

Сам шах черкешенку в подарок - чего это ты нашего царя заменил шахом ?

Как наши беркуты свободно

Сражаясь, брали высоту!..

Лишь будет горлица бесплодно

Таить об Англии мечту - орлы – в Азии, а горлица-то в Англии ! Ей просто не до взлёта, не до полёта.

Не будет смеха и веселья

И ожиданья вдалеке:

Тот юноша на дне ущелья

Лежит, и держит флаг в руке - она, как раз, смеётся !

Так много лун и лихолетий

Настанет – и придёт к концу

С тоской проситься будут дети

В домах разрушенных – к отцу - сплошное враньё ! Английские детишки тоскуют об отцовских коленях. В домах опечаленных !

На кладбищах чужого края –

Цветут цветы чужой земли - они не на кладбищах, а валяются где-то, со сломанными щитами. А цветы, которыми они хотели бы укрыться, растут лишь в Англии.

Ни перстью, ни волной морской! - что это за персть среди пучин ?

Вы, раны чьи лекарств не знали,

Чей путь ни для кого не нов!

О, Кромвеля страна! Должна ли

Ты выкупить своих сынов? - опять чьи – чей ! Почему вы ? – Ты, Англия ! Твой изнурительный путь нескончаем ! За каждый выигранный шаг ты платишь жизнью своих сыновей.

Не золотой венец, – терновый,

Судьбу сынов своих уважь..

Их дар – подарок смерти новой:

Ты по делам им не воздашь – сумбурно ! Добавь терний поверх злата ! Смени гимн на тризну. Твоих сыновей не вернёт ни волна ни ветер.

Пусть чуждый ветер, чужие реки

Об Англии напомнят вдруг - укутали в свой саван цвет английского воинства !

Ужель мы выгадали много,

В златую мир забравши сеть,

Когда в сердцах царит тревога –

Ей никогда не постареть - опутав весь мир цепями злата. Почему царит ? – вечно юная, необразумившаяся.

Мы всюду – сеятели розни

И надзиратели беды - разруха и беда – на нашем берегу ! Мы – мрачные стражи своего безрадостного дома.

Нет больше ни любви, ни страха,

Всё просто кануло во тьму - канули любимые !

Но да не будешь ты позорно

В веках пригвождена к столпу:

Заклав сынов, в венке из терна

Еще отыщешь ты тропу - Конец войне ! Мы оскорбили покой павших.
Иди же по кручам, надев терновый венец, осиротевшая Англия.

Да будет жизненная сила

С тобой, да устрасит врагов

Когда республики Светило

Взойдёт с кровавых берегов! - вновь готовы кровавые паутины, и мразь, плетущая её, поносит встающую из пучины юную Республику.

Последние две строфы перевернаны и замутнены изрядно !

Киплинга ругаешь зря ... это никакая не великая поэзия и вообще не поэзия – но зато стихи, и великие стихи. Я знаю, что не любить *Киплинга* – хороший тон - судя по тому, что следует ниже, ты его, как принято, заносишь в империалистов, а значит в нелюбимчиков всюду торжествующих демократов. Перечитывая недавно Тагора, я лишний раз убедился, что *Киплинг* глубоко прав, говоря о невозможности подлинной встречи Запада с Востоком. Эти встречи могут происходить только на *высоте*, а главной особенностью Востока является полное её отсутствие. Прости за смесь серьёзного с анекдотичным, но признаюсь, что оторопел, узнав совсем недавно, что корова, в Индии, обязана своим почитанием исключительно тому обстоятельству, что в её глазах индеец видит воплощение доброты ! Ругнул же я *Киплинга* по очень простой причине : всё может сойти с рук писателю, владеющему иронией, - иронии у *Киплинга* нет ни на грош. Без иронии, спасение – в *разъярённости* (это я твоё словечко сунул, для удобства !), с двумя формами : изощрённой или свеже-своеобычной – не вижу я у *Киплинга* и этого. Жду твоих переводов.

Down to Gehenna or up to the Throne

He travels the fastest who travels alone - рыскающих одиночек не люблю. Одиночество не для дорог и целей, а для лунного света и недоступных средств. Надрываться в пустыне – то же что ворочать локтями на ярмарке.

Меня цензура не касается - ты единственный под-советчик, не плачущийся на былые рогатки и запреты ! Сколько я читал бреда о невозможности докопаться до [Ницше](#), Бердяева или Фрейда, в царстве Великого Хама ! Только большой лентяй или недотёпа мог до чегонибудь не докопаться, в Москве.

Империалистическую поэзию я весьма ценю. ... А у демократов всё время получается Чернышевский - тут мы с тобой, кажется, поём под одну дудку. Демократия хороша только делом, а свирепость слова надо препоручать империализму или, как я чаще выражаюсь, аристократизму.

Ты-то точно империалист (иначе как любил бы Древний Рим?) - [Овидия](#) я перечитываю чаще [Данта](#). Какова цепочка : сдержанный ответ любовницы, на деревянной табличке – проклятие дереву, давшему эту табличку – мерзость даваемой им тени – хрипота паршивых филинов, отдохавших в этой тени ! Демократ дальше слёз, наверное, не ушёл бы.

Вышла моя антология [Строфы века – 2](#) - поздравляю и радуюсь новым глоткам – вернее, месяцам - свободы, которые это тебе даёт.

В канун Нового Года пришла нежданная новость : один легкомысленный парижский издатель, как будто, готов выбросить в

окно некоторое число дензнаков, необходимых для печатанья, в 2-3х тысячах экземпляров, моих заметок. Всё решится в феврале. Я не большой гордец : хоть я и не мечусь в поисках издателей, но появление моей книжицы будет так же приятно, как приход деда Мороза.

*Гейне, написавший гениальные **Флорентинские ночи** - я уже забыл их.* А вот о **цветаевой** пьесе хотел бы рассказать анекдотец. Года три назад меня застал, на парижской улице, дождь. Чтобы переждать его, я сунулся в один крошечный театришко, наудачу, и угодил на **Флорентийские ночи**. Читала – и отчасти, играла – Сафонова (какое имя, будь она итальянкой ! – Новая Сафо !). Письма **Цветаевой** могли бы стать таким чудом, попадись ей поэт-потакатель в духе **Рембо** времён *Illuminations* (а письма самого **Рембо** – уму непостижимое убожество !). Такая жалость, что **Пастернак** мог писать *безудержные* письма только людям без размаха ! Какие-то серые бабы-тётки лишили русскую около-литературу лучшего образца распалённого общения.

У нас стихи писали вообще все. ... как-то никаких выводов не вижу - я, признаться, кроме **Пушкина** и **Лермонтова**, никого бы больше в эту категорию не включил (даже не **Пастернака**). Поэтому смотрю на это как на чудо, а значит, без обобщений и выводов. Это, видимо, присуще периоду зарождения языка. В иных странах развитие шло через : язык, проза, техника, поэзия. **Пушкину** и **Лермонтову** повезло в том, что технику им изобретать не нужно было, за них это сделали европейцы.

Возвращаюсь к **Сьорану**. Проект русского издания меня очень бы заинтересовал. Вот кое-какие отрывочные сведения.

Сьоран - сын православного священника, философ по образованию (диссертация о Бергсоне). Во Франции с тридцатых годов.

Был соседом **Р.Дебре** и, как и он, любил шляться по Люксембургскому саду. Проживи он ещё с годик, я бы его, наверное, увидел. Р.Д. всё время отмечал моё родство со С., чего я, конечно, никогда не отрицал, и это для меня, большая похвала.

Книги **Сьорана** все, кроме *Дневника*, небольшого размера, от 60 до 220 страниц.

Их можно разбить на три категории :

1. Остервенелый лиризм.

1.1. *По вершинам отчаяния.*

Написана по-румынски, в 22 года. Разухабистость молодого магистра философии, раздающего затрещины Христу, вечности, смерти, страданию, любви, бессонице. Стоит перевода только в том случае, если ваш приятель, переводчик с румынского, подышает с голода без работы.

1.2. *О слезах и о святых.*

Тоже по-румынски. Но с упором на темы одиночества, музыки, теологии. Будущий **Сьоран** уже вполне просматривается, хотя хлёткость пока довлеет над добрым стилем.

Уже чувствуется тяга к афористичности.

1.3. *Настольная книга побеждённых.*

Он уже нащупал свой стиль.

1.4. *Азбука разложения.*

Первая книга, написанная по-французски. Вершина лирической сырановой струны. В духе *Illuminations* или *Охранной грамоты*. Самая *связная* из его книг. Позднее, он от неё отречётся (как и [Пастернак](#) !). Единственная книга, где можно упомянуть поэзию. Последние семь страниц – то, что предпочитал [Сьоран](#).

2. Афоризмы виртуоза пустоты.

2.1. *Силлогизмы горечи.*

2.2. *Искушение существованием.*

2.3. *Падение во время.*

2.4. *Злой Создатель.*

Книга, которую предпочитал сам Е.С.

Нападки на Христа.

Копание в христианских мистиках.

Подмигиванье Будде.

Самоубийство.

Лишь последняя из пяти глав – в стиле афоризмов.

2.5. *О неудобстве прихода в мир.*

2.6. *Четвертование.*

2.7. *Признания и анафемы.*

Наиболее яркая, по стилю, книга.

2.8. *Книга помех и приманок.*

2.9. *Тяга к худшему.*

2.10. *Закат мысли.*

Гимн мечте и иллюзии, скептицизм перед системной мыслью.

3. Автобиографические и критические книги.

3.1. *Попытки восхищения.*

Статьи о любимых авторах, друзьях, учителях.

3.2. *История и утопия.*

Упомянута, между прочим, и Россия.

3.3. *Беседы.*

Диалоги, полные желчи, нетерпения и скептицизма.

3.4. *Антология портрета.*

3.5. *Дневник.*

Вышла, пока, лишь первая треть, 1952 - 1972 годы. 1000 страниц. Ценна только для безусловных ценителей, вроде меня.

Третью часть, наверное, не время переводить. Первую - было бы опасно, как бы не отпугнуть. Кроме *Азбуки разложения*, которую легче читать, чем фрагментарные книги второй части. Вторая группа самая представительная.

На какой размер можно рассчитывать ?

Вот тебе кое-какие пустячки о здешних традициях.

Каждый французский моряк носит чёрный, так называемый *Трафальгарский* галстук, траур по трёпке, заданной англичанами.

Во флоте строго запрещено употреблять в пищу кроликов. Именно их подавали накануне Трафальгара.

В провансальской деревушке, где жил и писал [Петрарка](#), бьёт фонтан, носящий имя Лауры. Его музей занесён на такую высоченную гору, что забраться туда могут только молодые. Несколько тамошних семей утверждают о своём родстве с Лаурой.

Мэр Тулузы, принимая участников научной конференции, назвал парижан *тяжеловесными наследниками графа Монфора*, и это поняли все, хотя эпизод относится к XIII-му веку, когда грубые северные бароны оскверняли своим присутствием изысканный юг.

Подъезжая к Пиренеям, можно увидеть памятник Катарам, которых предательски истребляли в XIII-м веке.

В предальпийских горах всё ещё висит полукилометровая цепь, натянутая на высоте одного километра и висящая с крестовых походов. Это было заветом крестоносца в случае, если ему удастся вернуться живым.

В Марселе цела башня, в которой умер последний провансальский король, Рене, отец слепой Иолант(д)ы, той самой : *кто может сравнится с Матильдой моей....*

В легенде об основании Марселя греками - около десятка имён ; их носят центральные улицы.

Под Марселем находится одно из мест паломничества христиан - пещера трёх Марий. По западно-европейской легенде, после смерти Иисуса, Богоматерь, Мария-Магдалина и третья евангельская Мария приплыли в Марсель и укрылись в этой пещере, в которую и я трижды заглядывал. А вокруг - последняя провансальская дубрава, остальные вырубили в своё время на обшивку кораблей.

Сарацины, в 8-10-м веках, забирались в провансальские высокогорья. После них остались квадратные башни (круглые - от генуэзцев). В деревнях попадаются улочки под названиями *Стыд сарацина*, *Отрада мусульманина*, *Взгляд полумесяца*.

В деревне, где я живу, есть 20-метровый закоулок, называющийся *Проспект Аллоброзцев*, в честь того альпийского племени, которому много пакостей натворил Юлий Цезарь.

Марсель уже много лет судится с испанской Валенсией о возвращении огромной цепи, перекрывавшей когда-то вход в гавань и увезённой Карлом *Квинтом* после неудачной осады в начале XVI-го века. В обороне настолько весомо участвовали женщины, что с тех пор целый район Марселя называется *Майскими Красавицами*, а одна из улиц - бульваром *Наших Дам*.

В римском амфитеатре Арля устраивают корриду, а в немском - теннисные турниры. С римского акведука под Нимом прыгают вниз головой, с резинкой на ноге, любители острых ощущений.

Не балагурил я ещё по-французски. Надо попробовать.

Довела я его до угла. Положи на плетень пироги и давай-ка пойдём в буерак, не деля ни дрожжей ни лаптей, не боясь ни ежей и ни коз. Укажу я ему на траву и сама попрошусь под него, как в постель. Он, кобель, обнажит небесам свою плешь и покажет мне кузькину мать. Не выходит !

По-сурочьи, то бишь, тепло и юрко жму лапы.

Твой Гера.

05/01/1999

Привет, сурок!

Два дня пьяный *провайдер* отвечал на мои команды гнусным воем, куда приятель не догадался просто к ним позвонить по обычному телефону и обложить их. Они объяснили, что нам следует... и т.д., но через час (хотя мы не делали ничего) их контора стала просто отвечать на призывы моего коннектора – так что очередной раунд за мной. Ну, и выловил два твоих файла. Наклейки (кириллические знаки) я могу просто купить тебе и прислать, наклеишь на клавиатуру (они прозрачные) и введёшь переключение. У меня стоит тройка: английский – немецкий – русский, плюс все недостающее в *символах*. Машин у меня тоже три, но модем один, и нет смысла заводить второй – телефон у меня на меня же и зарегистрирован, а второй покупать – никаких денег не хватит (точней, хватит – но зачем?), в Москве эта радость (телефон) работает отвратительно (не тебе это рассказывать). Тех, кто звонит мне из Калифорнии или Иерусалима я слышу существенно лучше, чем тех, кто звонит с соседней улицы.

Кстати, напиши свой почтовый адрес – я его что-то не нашёл у себя. За замечания по *Уайльду* спасибо, 50% приму, кое-что уже не актуально – я и сам переделал. Есть у меня и просто описки (что ты мог заметить по опечаткам в основном тексте письма). Но мне ещё *Новую Елену* переводить того же *Уайльда*, *Пантею* и кое-какую мелочь. *Пантеи* (поэмы, написанной знаменитой строфой *Уайльда*) откровенно боюсь. Но уж как-нибудь, не такое одолевали...

Насчёт *Киплинга*. Не ленись отыскать его рассказ *Как голосованием признали землю плоской*. Потом продолжим насчёт иронии. Меня от

хохота при чтении этого рассказа свело коликами, если с тобой не будет того же – очень удивлюсь. [Киплинг](#) (как [Борхес](#), но с другого конца) несет в себе комическое, порою чисто [раблезианское](#) начало. Кстати, хочу тебе переслать кроме своих переводов и составленную мною книгу, 960 страниц, благо ещё могу достать. Я-то переводил чистый империализм (называй его аристократизмом, я согласен), притом иногда на первый взгляд довольно трескучий, но кто-то должен был сделать *Английский флаг*, в частности?! Я и сделал. Стихи о Южной Африке тоже по большей части дела я в силу знания реалий (обращал ли ты внимание, как много слов попало в английский из африкаанса и удержалось – от *aardvark* до *корје* и до конца алфавита?). Словом, давай считать разговор о [Киплинге](#) *отложенным*.

Очень огорчился, что я оказался *единственным под-советчиком, не жалующимся на цензуру*. Неужто все такие нытики? Не скажу, что ВСЁ было доступно (*всё* не доступно никогда, и одесский парикмахер, перед тем как повеситься, не зря написал записку: *Всех не переброешь*). Много анекдотов о цензуре узнаешь из прозы, обрамляющей мою антологию *Строфы века – 2*, когда найду способ её тебе переправить. Список людей, которым я её собрался дарить, до смешного короток – в основном потому, что многие и так получают от издательства, но ещё и потому, что моих с тобой ровесников уж больно много поумирало за последние годы. Сделав две таких антологии (а ведь первая, четырёхтомная антология эмигрантской поэзии, была ещё трудней) по китайским канонам я должен считать себя академиком...

Ты пишешь о памятнике КАТАРАМ – это собственно Монсегюр или кто-то ухитрился поставить памятник жертвам Монсегюра? Я однажды отредактировал большой роман на эту тему, и знаю, что последний

папа катаров умер аж в 1978 году (и никто не поручится, что нет очередного). Вообще меня эти катары в своё время весьма интересовали, но потом достоверно известные факты стали повторяться, а дальше пошла такая откровенная брехня насчёт того, что САН-ГРААЛЬ надо читать как САНГР РОЯЛЬ, что [Христос](#) на браке в Кане Галилейской женился на Марии Магдалине и катары – это его потомки, – тут уши мои завяли и интерес к теме я утратил.

В римском амфитеатре Арля – корриду... А в Албании, чуть ли не в самом большом античном театре из числа сохранившихся (то ли втором по размеру, не помню) с 60-х годов и до недавнего времени был ГАРАЖ. Про то, что творится с античными памятниками в Турции, мне такое рассказывали, что конюшня, якобы устроенная наполеоновскими солдатами в Успенском соборе Кремля, кажется вполне невинной забавой. Но, с другой стороны, поёт же Паваротти в римских термах – не надо забывать, что получается пение *в бане!* Насчёт названий улиц – тут мою позапрошлогодную находку в Царском Селе перешибить будет трудно: я случайно вышел на угол Комсомольской и Церковной... Иди сочини такое!

Вот насчёт [Пушкина-Лермонтова](#) я думаю резко *иначе*. Русский золотой век поэзии начинается в 1739 году *Одой на взятие Хотина* Ломоносова, первым ясным образцом силлабо-тоники, тут же усвоенной [Сумароковым](#), у которого таланта было куда как поболее чем у Ломоносова, продолжается двумя десятками гениальных людей (из которых главный – [Державин](#)), и уже кончается в 1837-1841 году последними своими гениями, за возможным исключением Языкова, Каролины Павловой и ещё нескольких человек – до самого начала *серебряного века* никакой заметной поэзии в России нет, связывает оба века только [Случевский](#). Между прочим, прозу [Державин](#) писал не

хуже, чем стихи. [Карамзин](#) тем более. То же и о XX веке – проза [Ходасевича](#) и даже Георгия [Иванова](#) (про Бунина и [Набокова](#) молчу – они вообще кто, поэты или прозаики?) вполне сравнима с их же поэзией. У Даниила Андреева вообще неясно – где стихи, где проза. При сложном моём отношении к [Андрею Белому](#), о котором Замятин хорошо сказал, что у его прозы *хронический анапестит*, должен констатировать, что и там проза сливается с поэзией. Есть, конечно, иные случаи – [Гумилёв](#) прозаик никакой, [Кузмин](#) тоже в прозе отнюдь не то, что в поэзии, а если брать вторую половину XX века, то граница будет ещё резче.

Порядок развития жанров в языке иной (изучен мною на собственной шкуре): великая проза возникает в языке ПОСЛЕДНЕЙ, именно она – признак зрелости литературы. Сперва возникает поэзия, потом язык обретает норму ([Данте](#), Камознс, [Шекспир](#), Гете – как примеры), именно поэтический гений обычно оказывается в любой стране *главным* писателем; в последнюю очередь может возникнуть проза. А может этого и не сделать: на украинском языке (на котором по капризу жизни говорю и читаю с той же скоростью, что по и по-русски) великая поэзия определённно есть ([Антонич](#), [Маланюк](#), [Ольжич](#) и т.д.), а прозы нет даже на уровне второго ряда. М.б. дело в том, что однажды заметил в письме ко мне покойный Игорь Чиннов: итальянский язык НЕ КРАСИВ вне пения и поэзии, то же (это уже я продолжаю, а не Чиннов) с украинским: язык идеален для пения (и для рассказывания на нем анекдотов), а прозе нужно другое (*mysli, mysly preslovutyje!*). И уже крайне редки случаи, когда национальный гений прозы оказывается выше национального гения поэзии (определённно [Сервантес](#), а насчёт Франции я уж и не знаю – где во Франции поэт, превосходящий масштабами прозу [Рабле?](#)). Запад, кстати, относит это к России – и читает [Тургенева](#) (которого Россия

давно не читает), [Достоевского](#) (тут есть некий *вооруженный нейтралитет*), [Толстого](#), Гоголя (в Голландии последний – самый читаемый русский автор). В конце прошлого века крупнейшим европейским прозаиком, боюсь, был умерший в 1900 году португалец Эса де Кейрош.

Ладно, вот тебе сколько-то моего любимого поэтического империализма – сколько под рукой есть в компьютере. Всего сделал я [Киплинга](#) 20 переводов, около 1000 поэтических строк.

Здесь что-то около половины переведенного мною [Киплинга](#), но я слишком люблю кое-какие *чужие* переводы из [Киплинга](#), чтобы их переделывать (*Россия – пацифистам* [М.Гаспарова](#) или *Пыль* А.И.Оношкович-Яцыны), чтобы тратить время на дурное *соствязание*. Я потому и перевёл *Пьяный корабль*, что разглядел: у всех – *одинаково плохо*. И сделал свой *аналитический* перевод, столь высоко тобою оцененный, что я теперь его даже перечитал и нашёл в нем какие-то достоинства. Между прочим, если в Марселе говорят *мне вырезали грыжу в госпитале* [Рембо](#) – значит, не всё для Франции потеряно, значит, хоть [Рембо](#) читают (даже если не читают – но хоть из-за грыжи-то знают!) Сын говорит, что на юге Франции в каждом закоулке – улица Мистралья. А вот читают ли Мистралья и прочий *фелибриж*? Кстати, читают ли старых трубадуров? Пусть хотя бы совсем культурные люди (т.е. 3–4 известных тебе человека)? Очень ты меня удивил выражением *перечитывая Тагора*. Я не только перечитать, я дальше второй страницы ни один его роман начать не могу! Подыхаю от скуки. А насчёт *высоты* на Востоке – для того нужна не Индия, а Китай (не Япония, не что-то ещё – только Китай!). Могу дать список *рекомендуемой литературы*. Я перевёл стихи в пьесе Ма Чжи-юаня (начало четырнадцатого века, современник [Данте](#) и, кстати, Марко Поло) *Осень в Ханьском дворце*. Уверяю, что это не хуже [Шекспира](#), к

тому же сильно похоже на *Ромео и Джульетту* (только в роли Ромео – император, а Джульетту отбирает монгольский хан в заложницы-наложницы). Кстати, переводил я, понятно, с подстрочника, но не совсем: именно начав изучать китайский я стал портить глаза – и вынужден был сие занятие бросить. На уровне газеты со словарем и сейчас разбираюсь, но нет нужды, китаистика в России одна из лучших в мире.

Так вот, твоя *высота* целиком вписывается в традиционное конфуцианство и отчасти в даосизм. Обращал ли ты внимание, что людей, любящих Китай и Японию *одновременно*, нет в природе? Либо – *Хань*, либо – *Ниппон*. Так вот, все мои симпатии на стороне *Хань*. Чего стоит один только образ *гусиное перо за тысячу ли* (символ письма), обычай срывать у последней заставы на выходе из города ветку ивы, ударять по стволу – лишь после этого расставаться с тем, кто провожает, и больше не оборачиваться? Китаец, встречая друга, не говорит ни *здравствуйте*, ни *добрый день*, у него проще: *Чи фань ла ма?* (*Ты сегодня ел?*) А китайское *пьянство* – способность целую ночь, глядя на отражение луны в чашке с вином, читать стихи (чаще всего о луне же, но это уже не важно)? И удивительно то, что европеец (если я европеец) тоже способен находить во всём этом радость.

Я переложил с подстрочников небольшую книгу одного из «восьми великих» китайских поэтов, Су Ши (он же Су Дун-по), и до сих пор вспоминаю эту работу как истинный катарсис: европеец, не чувствующий красоты китайского *ши*, такой же дикарь, как китаец, не желающий внимать септатонной гамме (впрочем, лучший современный дирижер – как назло индус, Зубин Метта, и мои теории сильно скрипят). Бетховена китайцы ценят не ниже, чем мы – соевый соус и

кое-какие методы китайской медицины (тут матушка Европа осрамилась, прозевав иглоукалывание и вообще акупунктуру как таковую).

А я и не сомневался, что у твоих заметок очень скоро найдётся издатель. Я представителю *Телерамы* говорил, что у французской литературы великое будущее: пусть поглядит, сколько русских пишет по-французски! Этого, понятно, они печатать не стали, но я остаюсь при своём мнении и преобольшом количестве доказательств. Зато поглядел бы на русское творчество обрусевших французов (есть тут, к примеру, некий Абриль – уж которую русскую книгу тискает) – впрочем, знаю тебя, не стал бы ты глядеть на это. Ни один иностранец, не впитавший русский язык с детства, насколько мне известно, ничего интересного по-русски не наваял. Если не считать иностранцем Искандера, но у него-то родной всё-таки русский. Русский *вширь*, с его дикой диалектогией, двойными и тройными ударениями, несусветно длинными словами, не выучивается и за двадцать лет, увы.

Кстати, возник неожиданно серьёзный вопрос. В только что вышедшей книге стихов и прозы Филиппа Жакотте Sjoran везде транслитерирован как ЧОРАН: это что, правильно? Ответь обязательно, от этого зависит, смешно сказать, надпись на обложке, а её потом не переделаешь.

Сегодня православный Сочельник – с Рождеством тебя, Суроче, и всё твоё семейство!

Пока что на полуслове заканчиваю – считай, что белый медведь погладил марсельского сурка по загривку.

Обнимаю!

06/01/1999

Привет, косолапый медолюб !

*пьяный провайдер ... призывы моего коннектора ... очередной раунд за мной ... два твоих файла - куда смотрит РАН ! Французская Академия травит, с переменным успехом, всякого чужеземного пришлеца. Хоть бы ты отвадил россиян от этого гнусного имиджа, заменив его на удобовыговариваемый *имаж*, как *мираж*, *плюмаж*, *абордаж*, *ажютаж* (раж !).*

напиши свой почтовый адрес -

Monsieur Hermann Iline,
30, ...,
13013 – Marseille
France

Насчёт [Киплинга](#). Не ленись отыскать его рассказ [Как голосованием признали землю плоской](#) - не поленюсь.

Закончил, по-итальянски, по твоему наущению, 17-ю песнь *Ада*. Мог бы повторить, почти слово в слово, то, что писал тебе о выдержках из *Св. Витта* : крайняя минералогичность, почти пустыня. Нескончаемые описания красок, коими расписаны кошельки ростовщиков. Звериная геральдика. Спускание на Герионе, как на ковре-самолёте, на восьмой круг. Невероятно беспорядочен синтаксис ; любой школьник заработал бы за такую писанину сплошные двойки. Из придаточных предложений можно образовать

настоящее дремучее дерево, по ветвям которого прихотливо порхают капризные местоимения. Во многих фразах забываешь, где подлежащее, где сказуемое.

На днях, Л.Плющ, пишущий книжицу о [Мандельштаме](#), удивил меня его фразой: *минералогическая коллекция - прекраснейший органический комментарий к Данту*. Ей-богу, в [Мандельштама](#) я не заглядывал, когда писал о *Витте* ! От таких совпадений мне всегда почему-то становится очень радостно - есть бог, *всемирный бог деталей* !

(Не могу не поделиться ещё одним прелестнейшим совпадением, случившимся на прошлой неделе. Перелистывал Евангелие, со своими пометками 60-70-х годов ; наткнулся на фразу *Кто не берёт креста своего и НЕ следует за мною, недостоин меня*, - второе НЕ обведено огромным вопросительным знаком, и сбоку : *как было бы хорошо без этого идиотского НЕ* ! В тот же день перечитываю Дневник [Жида](#) и нападаю на эту цитату. Оказывается, по латыни этого *не* нет, как нет его и в английском переводе. Во всех же остальных европейских языках убогая псевдо-логика подтолкнула переводчиков к опреснению замечательного образа.

По поводу того же Евангелия, обращал ли ты внимание, что *долги и должники* русского Отченаша превращаются в *оскорбления и оскорблённых* у латинян ? Евангелие, для филолога, это неисчерпаемый кладёзь недоразумений и двусмысленности ! Слышал ли ты историю двухгодичной давности с папской энцикликой о *filioque* ? Оказывается, всё дело в неудачном переводе греческого переходного глагола латинским непереходным – и перегрызали друг другу глотки, тысячу лет, понапрасну !)

У меня в памяти, почему-то, раньше оставались от Данта прежде всего *исторические*, а не *минералогические* штрихи, но вот теперь я понимаю, что Дант (как, конечно, и намёки там-сям на [Валери](#)) был у тебя перед глазами, когда ты расписывал *Св. Витта*.

То, что мне нравится в [Данте](#), - это ложно-скромный отказ от мелочного выдумывания *новых* вопросов. Всем известные вопросы задают то Вергилий, то Беатриче, а самого [Данте](#) увлекает лишь новизна ответов.

Заключение : моё предпочтение [Овидия](#) с [Горацем](#) вполне себя оправдывает ! Хотя и прочитал недавно у [Жида](#), что, - сожги мы все стихи на белом свете, - одной *Божественной Комедии* достаточно, чтобы дать полное представление об европейской поэзии. Я с этим никак не могу согласиться : нет там - из наших знакомцев - ни метафоричности [Шекспира](#), ни дыхания [Рильке](#), ни ума [Валери](#), ни тона [Мандельштама](#), ни волнения [Пастернака](#), ни певучести [Ахматовой](#), ни звонкости [Цветаевой](#).

Ты пишешь о памятнике КАТАРАМ – это собственно Монсегюр или кто-то ухитрился поставить памятник жертвам Монсегюра? - французских катаров, альбигойцев (это сродни богомилам или немецким *Ketzer'am*), карал тот самый граф Монфор, которого до сих пор помнят южане как символ северного варварства. Крестовый поход быстро принял форму противостояния тонкого, аристократического Юга и хамского, мужичьего Севера. Любопытен не сам факт существования памятника ЖЕРТВАМ Монфора, а то, что эти события являются частью современного мировосприятия.

Последний **папа** катаров умер аж в 1978 году - мне кажется, это какая-то легенда. Катарскую ересь легко выкорчевали в XIII-м веке, когда в лоне официальной церкви образовались ордена,

провозглашавшие те же идеалы, что и суровые альбигойцы. Например, доминиканцы (моя Настасья училась в доминиканском лицее!). А живучие легенды о катарах водились вплоть до конца XIX-го века. Никакого следа их приверженцев, после XIII-го века, нет.

Угол Комсомольской и Церковной... Иди сочини такое! - во время моего двухлетнего московского бродяжничества (когда не было у меня ни двора ни кола, и крепчали познания то в шведском то в польском, переводами с которых кормился), укрывался я то на Крестовоздвиженском, то в Предтеченском переулках (теперь это рутина, а тогда – великая диковина), то на улице 26-ти Бакинских Комиссаров. В Марселе, армяне окрестили улицу их района : *имени геноцида 24-го апреля 1915-го года.*

Вот насчёт Пушкина-Лермонтова я думаю резко иначе - это было, с моей стороны, очевидным провокаторством, поскольку ты уже на эту тему высказался достаточно определённо. Твоё восприятие литературы идёт из глубинного чувствования текста, на том уровне, где встречаются все языки, все приёмы ухода от простого называния предметов. Ты и Нибелунгов и Роланда и Игоря можешь воспринимать в оригинале, а мне, без живого вписывания в мой, современный, способ выражения, - чересчур чужой язык становится непреодолимой преградой – мне нужен перевод. И язык *пре-пушкинцев* – не мой язык. Только с *Пушкиным* я безнатурно угадываю, как смеялись и унывали мои предки, а *Карамзина* или *Державина* мне приходится чуть ни на французский переводить, да и то, глядишь, их смех и слёзы оказываются то галльского, то тевтонского свойства. *Бедной Лизе* мне сказать нечего, а вот с *Татьяной* я всегда рад пошушукаться.

Связывает оба века только [Случевский](#) - будет время, растолкуй ты мне это в двух словах.

Порядок развития жанров в языке иной ... великая проза возникает в языке ПОСЛЕДНЕЙ, именно она – признак зрелости литературы. Сперва возникает поэзия, потом язык обретает норму ([Данте](#), [Камозэнс](#), [Шекспир](#), [Гете](#) - ты говоришь о поэзии в высоком смысле, а я только в формальном да, к тому же, с точки зрения профессиональной кухни, а не по степени отхода от реалий быта. И ты, конечно же, прав. Писать романы и повести не приходило в голову людям, жившим без общей социальной подкладки; и единственной формой отхода от товарообменного письма становился жанр, который мы сегодня называем поэзией, а для них это было единственным способом заговорить на не всем понятном языке. Тогда не было ни прозы (то-есть, чего-то звучного) ни поэзии (то-есть, натруженного!), а было вели-писание. Не знаю, как хроники и благочестивая письменность влияли на выделение литературы из общего буквоедства. Насчёт нормы, я думаю, ты неудачно выразился – хотя в принципе, и верно. Не бывает таких эпох, когда люди могли бы сказать: мы живём в языке без норм; язык в любом состоянии воспринимается его носителями как вполне законченный и цельный. Зато возникают новые потребности, новые типы восприятия и заострения слова.

*Не всё для Франции потеряно, значит, хоть [Рембо](#) читают (даже если не читают – но хоть из-за грыжи-то знают!) Сын говорит, что на юге Франции в каждом закоулке – улица Мистрала. А вот читают ли Мистрала и прочий **фелибриж**? Кстати, читают ли старых трубадуров? - [Рембо](#) читают только под угрозой двойки по литературе, поскольку он фигурирует в программе, как и Ронсар, [Вийон](#), [Лафонтен](#), [Гюго](#), [Бодлер](#), [Верлен](#). О распространении провансальского*

языка красноречивей всего говорит то, что МНЕ доводилось давать его уроки ! Самое курьёзное в этом, может быть, то, что я брался за него с *Мирей*, с переводом Левика на русский ! Трубадуров тоже, пожалуй, никто кроме дряхлых педантов не читает. Зато пышным цветом распускается провансальский фольклор ; почти в каждой деревне есть танцевальная *самодеятельность*. В моей, эта группа называется Руделе-Фелибрен.

*Ты меня удивил выражением **перечитывая Тагора ... насчёт высоты** на Востоке – для того нужна не Индия, а Китай* - скучно с Тагором, но так порой охота заняться наведением мостов, хотя и знаешь, что берега находятся на несопоставимых уровнях. Пробовал я как-то разобраться в японской душе с помощью знаменитого французского математика Р.Тома, написавшего об этом целую книгу. Кроме азиатской *имманентности*, во всём противоположной нашей *трансцендентности*, так ничего внятного я оттуда и не выудил.

Людей, любящих Китай и Японию одновременно, нет в природе? - меня очень занимали китайские пословицы. Хотя выводов я делать пока не в состоянии. У турок-то тоже неплохие пословицы, хоть и препаршивая культура.

Гусиное перо за тысячу ли - l'oise, la libellule et le veau gouvernent le monde - а это какой-то латинянин сказал, и тоже очень неплохо. (Пчела – это из-за воска, которым навасчивали таблички для письма ; а телёнок – для наследника пергамента.)

Сколько русских пишет по-французски! - в антологии, которую я тебе выслал, из 250 авторов найдётся с дюжину, прямо или косвенно скифов. Книжица, похоже, не дошла. Её автор – марселец, Ж.Гарсен.

Попробую сыскать другой экземпляр. Поэтов там, кстати, не больше дюжины. Один из русских французов даже ухитрился от нобелевской премии отказаться !

*Русский вширь, с его дикой диалектогией, двойными и тройными ударениями, несусветно длинными словами, не выучивается и за двадцать лет, увы - для отваживания лицеистов от выбора русского языка, здешний учитель, армянин, большой недоброжелатель нашего отечества, предлагал кандидатам выговорить одним духом слово *выкристаллизовавшимся*. Тем, кто проглатывал меньше четырёх слогов, зачитывались тексты, вроде тех самых *похищающих ощущения в чаще и шутящих о хрящах щучьей чешуи*, после чего запуганные русофилы переметались к араболоубам. О французах, взявшихся писать по-русски, не слыхивал. Впрочем, однажды показал мне один *непонятый* поэт, автор диссертации о Сологубе, - перевод на русский – *Пьяного Корабля* ! Жаль, что не сохранил ! Переплакал я над ним немало.*

Сьоран везде транслитерирован как *ЧОРАН* - за кого себя считал сам *Сьоран* ? Никак не за румынского писателя, а только французского ! Мы же говорим *Ионеско*, а не *Ионеску*. Румыны, действительно, произносят Чоран, но сам-то *Сьоран*, в своих магнитофонных записях по-французски называет себя *Сьораном*, а не Чораном. Немецкого поэта зовут Целан, а не Челан. Если бы *Сьоран* не отрёкся от своего румынства, то, конечно, спору нет, надо бы было называть его Чораном. Строго говоря, вопрос это деликатный ; и абсолютно точного решения я пока бы не давал. Это дело практики. Я думаю, самый верный способ решить эту загвоздку – обратиться к немцам : если они произносят Чоран, то так и русским надо делать. Англо-саксы произносят С'ёран, с ударением на первом слоге.

Сегодня православный Сочельник – с Рождеством тебя, Суроче, и всё твоё семейство! - со звательным падежом ты всегда был в ладах. Помню, как ты восставал – и был безусловно прав – против *Господь*, вместо *Господи*. Ну и тебя, медвеже (?), с тем же самым Рождеством. Помню, как я обучал Настасью русской азбуке, по машинным, латинским номерам ; *РХ* - рождество *Христово*, *ХВ* - *Христос* воскресе, *ОН* - отче наш, *ВС* - водка Столичная и т.д.

Сую в твою берлогу мою оттаявшую лапу ! Надеюсь, что до спячки дело ещё не дошло ?

Твой Гера

09/01/1999

Обнимаю, суроче!

(Для начала: этот звательный падеж неправильный. Но мне так удобно, и звучит красиво, – правильно на –че обращаться лишь к предметам с окончанием на *Ц*. Но я предполагаю форму *сурочец* (не самый крупный сурок, т.е. не тарбаган), тогда обращение будет правильным. Правильный звательный падеж от *Медведь* – *медведю*, но это звучит плохо, так что обойдемся ложными формами *медведец»* – *медведче*).

Ты, выходит, ночью мне письмо писал? Я отправил тебе файл перед тем, как за стол садиться, по случаю Сочельника, а утром лезу в Интернет – и нá тебе, уже ответ. Растроган весьма – никто мне никогда не писал писем в *Ночь под Рождество*.

Хотя я и армянский дедушка (у меня невестка полуармянка), но должен констатировать, что твой провансальский *армянин-недоброжелатель* просто жулик. *Похищающих ощущения...* и вся цитата – имитация не русского языка, а *польского*. Штейнберг предлагал желающим выговорить самый длинный русский гиатус:

*А её я у Аа, а её я у Аи, а её я – а-а! – и у Яузы
Целовал, обнимал и т.д.*

Шутка, конечно, но ведь это имитация гавайского языка (помнишь *Алоха Оэ* у Джека Лондона? Вне отношения к писателю, я эту мелодию нашёл на новозеландском диске тихоокеанских мелодий и весьма её ценю, хотя маорийским мелодиям вроде их классического *Покарекаре*

ана... она уступает сильно).

О Джеке Лондоне – тот же Штейнберг: *Это писатель бульварный, желтый. Но если бы у меня была дочь, и я не знал бы точно, что в груди у её жениха что-то такое при чтении Джека Лондона не происходит* (жест закручивания кола себе в грудь по большому диаметру – Е.В.) – *я бы свою дочь ему в жены не отдал*).

Насчёт *Улицы имени геноцида...* и впрямь смешно, кабы не было так страшно. У меня в следующей книге (*Кавель*), фигурирует угол улиц 25 октября и 7 ноября, где, разумеется, расположен тринадцатидневный провал во времени... и единственное во Внешней Руси консульство Киммерии в городе Арясине Тверской губернии, ежегодно отмечающем годовщину своей окончательной потери независимости: в августе 1991 года отмечалось как раз пятисотлетие, поэтому город и не заметил смены власти в Москве. Кстати, не такое уж преувеличение: город Козельск ежегодно отмечает годовщину своего ПАДЕНИЯ перед татарскими полчищами, валлийцы считают славной датой 1536 год – последний год автономии Уэльса от Англии и т.д. Еще у меня где-то празднуется (не то готовится? забыл) *Торжественное Покушение* на императора (то ли я это только хотел куда-то вписать, и не записал?) И не очень-то преувеличиваю, в Швеции, говорят, есть *Музей победы Карла XII в битве под Полтавой*, я сам отыскал у Вондела и Марвелла по оде, написанных по случаю победы в одном и том же сражении между английскими и голландскими войсками на море (70 английских кораблей три дня пыталось перебить конвой из пяти кораблей, сопровождавших... караван с грузом бискайского вина с острова Ре! Сражение не кончилось ничем, вино выпили голландцы, а англичане объявили себя победителями – иди теперь выясни, что же там было на самом деле. В книге Вондела я напечатал русские переводы обоих

стихотворений и предложил читателю ломать голову самому, – добился того, что у меня уже десять лет просят *по секрету* сказать, что же там на самом деле было.

Если у [Данте](#) в полете Гериона минералогия – **СДАЮСЬ!** Не зря же моя самая первая профессия (в 14 лет полученная) – гранильщик, не зря так люблю камни и умею с ними разговаривать, даже женщинам всю жизнь вместо цветов камни дарю (обида бывают, но редко – камни как-то дольше живут и хранятся. И говорят они и семи, кто к ним обращается, очень отзывчиво: я на глазах потрясенной публики в Коктебеле изменял цвет покупаемого опала для этого нужно очень синее море и не всякий камень – только никогда не имевший хозяина, *ненадеванный*. Меня чуть шлифовальщики не наняли: синие опалы ценятся много выше светлых. Больше мне делать нечего, как творить чудеса по заказу... Мог бы проделать это ещё с десятком камней (с разновидностями берилла – совсем легко, самое трудное – сделать сапфир зеленым, но этого я никогда сделать не сумел). Так что таки-да, поймал ты меня на *горячем* – я человек очень каменный.

Леонид Плющ, который, прибыв во Францию в 70-х, сказал на аэродроме первые слова: *Я был и остаюсь коммунистом*, случайно выловил из [Мандельштама](#) очень красивую фразу (хотя вообще-то к [Данте](#) *Разговор о Данте* имеет мало отношения, это сплошной разговор о [Мандельштаме](#)). Твоё предпочтение [ОВИДИЯ](#) С [ГОРАЦИЕМ](#) тоже замечательно: тебе приходится положить на чашу весов ДВУХ (очень разных) поэтов, чтобы предпочесть их ОДНОМУ. Если помнишь, я противопоставлял [Данте](#) и [Овидия](#), и никакого Гвидо Кавальканти не использовал в качестве разновески (а уж подавно очень чуждого [Данте](#) [Петрарку](#)).

Не бывает таких эпох, когда люди могли бы сказать: «мы живём в языке без норм». С приветом! всё средневековье именно так Европа и прожила, для высоких целей пользуясь латынью, а мужичье разговаривало на языке без норм (Франциск Ассизский писал на умбрийском диалекте, к примеру). Английские короли триста лет говорили на французском, над Генрихом Вторым издавались, что он даже умеет разговаривать с мужиками. Японцы писали изысканные стихи на китайском, не умея свой родной даже записывать. Пока не придет гений и не кодифицирует язык – дело дохлое, народ живет именно в языке без норм. Если бы не Данте – Италия запросто могла бы оказаться умбрифицирована, а то и вовсе говорила бы на языке Роже Второго (того, который Мальту освободил), – кстати, мальтийцы обижаются на имя Роже или Рогир – только Руджир, Руджиру. Если бы не реформа Лононосова-Сумарокова (и приписанного сюда Тредьяковского) – русский мог бы до сих пор жить в силлабике Антиоха Кантемира, поэта вовсе не малого, но русский слух был бы устроен сильно иначе.

Кстати, Герион в 17-й главе летит отнюдь не как ковёр-самолёт. Там есть поразительная деталь: покуда Герион спускается, и нет в поле зрения ни верха, ни низа – он кажется автору *парящим*. Как только он опускается – выясняется, что Герион летел СО СКОРОСТЬЮ СТРЕЛЫ! Интересно, откуда Данте мог знать об этом эффекте? Подозреваю, что только с натуры. Едва ли он летал на самолётах, в которых точно так же НЕ ЧУВСТВУЕТСЯ СКОРОСТЬ. И – кроме того – Вергилий садится позади Данте, чтобы защитить его от жалящего хвоста Гериона: ничего себе «ковёр-самолёт» со склонностями скорпиона...

Антология, тобою посланная, могла и впрямь пропасть (случаи были – время праздничное, мне самому чужие бандероли приносят иной раз),

– надеюсь, находимая. Нужно в самом деле: до лета я кирпич под названием *Семь столетий французской поэзии* должен сдать в типографию. Почему семь? А всё из-за [Данте](#), он приурочил своё странствие к 1300 году (хотя и путается в датах преизрядно, но кто не путается – тот не человек), конец *старофранцузского*, после чего на сто лет главным языком Европы оказался как раз итальянский, лишь к концу реконкисты *удавленный* опять-таки французским.

Насчёт [Державина](#)...

Ладно, не переписывать же мне всю *Жизнь Званскую* от 1807 года, когда [Державин](#) уже *заканчивался*, а [Пушкин](#) под стол пешком ходил! Обрати внимание на одну лишь последнюю строку приведенного фрагмента – место, где хозяин Званки, гуляя по парку, тростью рисует на земле церковь! Что же касаясь до *державинского*, инверсированного языка – то совершенно зрелым, литературным, неинверсированным язык был уже у Протопопа Аввакума.

Это – начало девятнадцатого века, допушкинское, и конец семнадцатого.

А вот тебе мой любимый [Сумароков](#):

Оба сонета примерно датируются 1755 годом (по крайней мере – в нем опубликованы). Если первый ещё с натяжкой восходит темой к тому, что некогда сочинил довольно забытый Tristan L'Hermite, то второй – ни много, ни мало – *сонет об аборте!*

Короче говоря, ко временам [Пушкина](#), Россия имела зрелую, более чем столетнюю традицию светской поэзии, прозы и драматургии, если хочешь, вот тебе ещё несколько строк от 1803 года:

*По-русски сочинять возможно чисто, плавно,
И при Неве стяжать бессмертно имя славно.
Препоны нет к тому. – Ужель единый Галл
Лавровые леса себе отмежевал? <...>*

Хотелось бы знать, что ты скажешь, когда узнаешь, что это стихи графа Хвостова, пугала огородного пушкинской эпохи. А легко было [Пушкину](#) издеваться над Хвостовым, который был старше него *на сорок два года* и принадлежал другой эпохе, женат был на племяннице Суворова и виноват лишь тем, что вовремя не помер? Вот уж он-то точно был поэтом русского ЗОЛОТОГО ВЕКА. Впрочем, тут я наболтаю на мегабайт и приведу примеров на три: когда [Цветаева](#) называла [Мандельштама](#) *Молодой Державин*, она очень точно знала – что именно хочет сказать. И не то, чтобы я [Пушкина](#) не любил (читаю почти всё время). Очень уж не переносу *пушкинистов*. Хотя в одном они молодцы: доказали, что [Пушкин](#) привез из Одессы триппер, перезаражал им всю свою деревню и регулярно на три месяца попадал в положение, при котором ничем, кроме литературы, заниматься не мог: так что не было бы триппера – не было бы двух-трёх томов в его собрании сочинений!.. Очень важный факт для литературы...

Бедной Лизе мне сказать тоже нечего. А вот княгинюшкам из совершенно пародийной *Истории государства Российского* иногда можно и матернее словцо замолвить: что ж ты, дура (и т.д.). В ещё больше степени – сочиненной тем же [Карамзиным](#) Ярославне из липового *Слова о полку Игореве*, – почему оно безусловно липовое, я тебе вроде бы уже писал, Лотман не нашёл, что мне ответить (*Хождение за три моря*, явный подлинник, [Карамзин](#) скопировал и преподнес государыне ОРИГИНАЛ, а *Слово о Полку*... скопировал и той же государыне подарил КОПИЮ?) Верить прикажете, что не приказу

государыни трудился, а? Не зря же в 1809 году, выражая восхищение *Словом*, едва ли что подозревавший [Державин](#) писал, что *слышен в нем дух Оссианов*.

С *Татьяной* мне и вовсе говорить не о чем, я уж скорей пошушукаюсь... с Матреной Марковной, купчихой из *Луки Мудищева*, которого – тут Кирилл Тарановский, видимо, прав – протограф принадлежит действительно М.Ю.[Лермонтову](#).

Удивительную ты цитату из латинянина по-французски прислал – истинный Китай. Хорошо бы ещё узнать, кто это сказал – мне бы пригодилось (Запад и Восток сходятся... в Китае!) Ну, что в китайском ресторане они сходятся – это ты без меня знаешь.

Насчёт [Случевского](#) – это на мегабайт. Отложу до следующего вдохновения. Мысль простая: между *золотым* и *серебряным* веком (в последнюю треть прошлого века, что-то с 1860-го года и до середины девяностых) – у России лишь один великий поэт, Константин [Случевский](#). Берусь доказывать, но сообщи сначала, *есть ли он у тебя на полке*. А то мне опять переписывать: сканнер не разбирает тексты *горячего набора*, увы, и мой *Мустек* оказался приобретением практически бесполезным. Впрочем, нет: пришлю тебе сосканированный мой портрет работы питерской художницы Натальи Верди – она меня нарядила в костюм пятнадцатого века, а я сам дал портрету название *Тевтон*. Сколько-то крови псов-рыцарей во мне течет совершенно точно, и не вижу повода сей факт скрывать. Может быть, даже в конце этого письма расположу (четверть мегабайта). Если пользуешься цветным принтером (я – нет), можно забавно распечатать. Не пользуешься – останусь на экране.

правительстве Петэна и т.д. Словом, впишу я в уже заканчиваемого *Святого Витта* страничку-другую на эту тему. Роман перебелен почти на 80%.

Дóлги до церковнославянском – почти синоним оскорблений, должна эта фраза означать *и прости нам долги (оскорбления) наши, чтобы и мы простили их должникам (оскорбителям) нашим*. Катары, считая, что больше никакой молитвы **Христос** людям не завещал (что не совсем правда, но близко) читали только её. Кстати, история с Монсегюром – печальный пример того, что империализм и аристократизм отнюдь не синонимы, гробил катаров как раз *ортодоксальный* Папа: впрочем, кажется, он запрещал убивать катаров (христиан каких-никаких) из арбалета как *слишком смертоносного оружия* (по нашим понятиям, видимо, *оружия массового уничтожения*). Вообще обрати внимание, что ещё более ранние вальденсы целы по сей (впрочем, по большей части в Уругвае). Сектами и пр. занимаюсь всю жизнь. Вальденсы интересны как единственный жизнеспособный росток до-реформатской реформации.

Кстати, к вопросу об умственных способностях компьютера: когда, как ты полагаешь, машина будет способна перевести *Пьяный корабль* лучше меня? Это не издевательский вопрос, я спрашиваю именно о том, что у меня – с твоей точки зрения – получилось. У меня есть странное предположение, что она подобное произведение скорей *напишет*, чем *переведёт*. Я ведь не против машины вовсе – пользуюсь же! И **Уайльда** перевожу, не беря стила в руки – прямо на экран. Впрочем, раньше я вовсе обходился без бумаги, заносил на неё лишь предпоследний, условно говоря, вариант.

А про твои экзерсисы в преподавании провансальского – даже не знаю, всплакнуть или ржать по-лошадиному. Да ещё через русскую муть Кончаловской–Левика. У нас тоже в своё время учебник фризского языка вышел...в Киеве. И прозу с фризского переводили там же. *Бедный, бедный Каннитферштан!*

Ладно, я пошёл переводить *Новую Елену Уайльда*.

Не скучай, Суроче!

Твой

ЖЕНЯ (ММ – Медведь Минеральный)

10/01/1999

Привет, медведче !

После телерамового профиля римского императора - вот и император Германский - Карл Квинт да и только ! Завидно ! Орёл ! Надо будет мне как-то поплутовать под Фотошопом, чтобы из суровой сурочьей правды вышло что-нибудь монументально-львиное. Цветного принтера у меня нет, полюбовался только на экране.

Похищающих ощущения... и вся цитата – имитация не русского языка, а польского - что я и писал в недавнем письме. А недоброжелателя я очернил чуть сверх меры.

В Швеции, говорят, есть **Музей победы Карла XII в битве под Полтавой** - с экспонатами, привезёнными из Стамбула ? И пополненными подвигами янычар, натасканных, во времена Крымской войны, другим недоброжелателем россиян – Мицкевичем.

Если у [Данте](#) в полете Гериона минералогия – **СДАЮСЬ!** - [Рильке](#), как ты знаешь, написал целую серию стихов о драгоценных камнях.

Леонид Плющ, который, прибыв во Францию в 70-х, сказал на аэродроме первые слова: **Я был и остаюсь коммунистом**, - на Л.Плюще наглядно иллюстрируется траектория советского интеллигента : привязанность к трескучим предметам, чьё простое упоминание должно подтверждать причастность к культуре. У него в голове невероятная каша : теория относительности à la В. [Хлебников](#) (или антропософия à la [А.Белый](#)), Каббала, Столп и утверждение истины, теория цвета и мистика в архитектуре, отцы Церкви... И всё

это выкладывается как избранническое прикосновение к вечным истинам, и с такой серьёзностью и такой полной безликостью. Прости за идиотское сравнение : когда ты мне толкуешь о прогуливании псов, я чувствую больше *причастности к культуре*, чем от высокопарных каталогически-калейдоскопических упражнений, в которых самоличия ни на грош. Когда-то знание было синонимом культуры ; в наше время они - почти антонимы.

Плющ - приятель И.Пастернака, а мне он совсем неинтересен. Я неизлечимо заражён французской легковесностью : для меня все предметы хороши, если касаться их своим голосом, игривым словом или ... высоким взглядом, налитым иронией и отвлечённостью. А если, к тому же, есть ещё и *разъярённость* по поводу вещей, близких своей недостижимостью, - то и совсем славно ! Человек хорош подпольный или зазвёздный, а из культа стен и окон вытекает только стойло. Только взглядом можно вылечить чесотку конечностей. Все дороги ведут в бараний загон.

На деле, мне досталось от коммунистов немало шишек. Меня изгнали из МГУ в результате банальной травли, устроенной тогдашним секретарём парткома мехмата, а ныне ректором МГУ Садовничим. Как он топал на меня ногами, помахивая перед моим носом секретной, по-видимому разносной, *характеристикой*, которую я так и не увидел !

Интересного русского коммуниста я не встречал ни разу, но к коммунистической идее у меня самое дружелюбное отношение. Только не забывай, что во мне уживаются два несовместимых взгляда : логика дела и вкус слова. Во всём, что касается дела, я последовательный консерватор, и всегда буду за последнего лавочника, особенно если противостоит ему первый поэт ! (В слове, для меня, - и этика и эстетика и, самое главное, - высота !) Пускать в дело ком-идею значит, роковым образом, насаживать произвол,

снудывать энергию сильных и поощрять апатию слабых. Произвол прекраснотушия неизбежно наследуется произволом душителей.

Приход поэта во власть готовит посажение хама на царство, уже в том же поколении. Чем глубже и шире укоренена практика купли-продажи в головах наших сограждан, тем верней наступает благополучие и тем надёжней защищены свободы. Только не заставляй меня воспевать *словом* эту свинскую идиллию ! От неё меня тошнит, тогда как коммунизму возражает лишь бесстрастная логика, приходящая к ужасным выводам из вполне симпатичных посылок. Коммунисты, бряцающие делом, - тупые демагоги. Коммунист, остающийся в пределах человеческого слова, - мне неизмеримо ближе деловитого *профессионала*. Аристократизм не должен выступать на эпидерме ; его места обитания - подкожные. Аристократ слова может быть коммунистом, но если он потянется вслед и за делом, то это признак вывиха в мозгах.

Предпочтение ОВИДИЯ С ГОРАЦИЕМ тоже замечательно: тебе приходится положить на чашу весов ДВУХ (очень разных) поэтов, чтобы предпочесть их ОДНОМУ - **мне нужно репы С редькой** значит мне нужно И то И другое, даже без желания валить их в одну кучу. А тягаться в литературоведческих опытах я не могу не только с мудрым Плющом, но и с немудрёным соседом-аптекарем, много лучше моего начитанного Трубадурами и посрамляющего меня всякий раз как я нагло упоминаю чьё-то средневековое имя. *Овидия С Горацием* я всю эту осень почитывал, благодаря Настасье. Она ведь учится на подготовительных курсах для поступления в школу Хартий и Грамот, где, после истории, важнейшим предметом является латынь.

Очень чуждого [Данте Петрарку](#) - недавно был в деревушке, где родился маркиз де Сад. На мемориальной доске говорится о непутёвом срамнике, потомке *Лауры*, вдохновительницы [Петрарки](#). А А.Вяземская – потомка и князя-поэта и Ф.Мориака.

Все средневековье именно так Европа и прожила, для высоких целей пользуясь латынью - высота этих целей – за исключением желания легко пересекать границы - та же самая, что и в употреблении церковно-славянского : пускание пыли в глаза – голословный авторитет.

*А мужичье разговаривало на **языке без норм*** - в латыни этих норм никак не больше. О *нормированных* языках мы с тобой пока не сталкиваемся. Я считаю, что нет неполноценных языков, а есть бездарные их носители. Тредьяковский так же уверенно себя чувствовал в языке, что и [Пушкин](#), да был ухом и глазом менее обласкан, чем царскосельский удачник и шалапут. Никому не дано предвидеть, как будет развиваться язык (что бы там ни лопотал [В.Хлебников](#)) ; и прогресса в нём так же не бывает, как и в искусстве. Не развитие языка обогащает литературу, а способные литераторы. У тебя какой-то *а-постериорный* взгляд : глядя из нашего сегодня, язык *X*, в год *N*, кажется более развитым чем язык *Y* в год *N - 3*. Психологически немислимо, чтобы человек, писатель, в какую угодно эпоху, говорил бы : невозможно выразить на моём *неразвитом* языке такие-то тонкости. Заносчивость преуспевших и собственная лень объясняют серь и застой лучше и проще. Когда [Пушкин](#), на *неразвитом* языке, вдруг пишет лучше Ламартина и не хуже [Мюссе](#) - чудо происходит в его слухе, а не в обновлённой грамматике.

Язык это не служебный механизм для *передачи* готовых мыслей и образов ; он, прежде всего, - самодостаточный их источник. И я думаю, что все языки - в том числе и один и тот же язык, в разные эпохи - обладают приблизительно одинаковой потенцией в глубине, яркости, изяществу. Не знаю я примеров, подтверждающих превосходство французского над монгольским из-за большей его развитости. Не знаю прекрасных картин или движений души, не выразимых на каком-то языке. За качество литературы ответственны одни литераторы !

После Античности, никаких радикальных технических новшеств, мне кажется, не было ; и здесь, тоже, всякий прогресс абсурден. *Флоберы*, Прусты, Джойсы, сюрреалисты, *новые* романисты грозились учредить неслыханные и универсальные приёмы. Теперь, слава богу, таких потуг, как будто, нет.

Английские короли триста лет говорили на французском - но отнюдь не потому, что французский был *развитее*, а потому, что это был язык завоевателей. А потрепавши французов, поубавили и репутации спесивому языку.

Японцы писали изысканные стихи на китайском, не умея свой родной даже записывать - это не содержит ни малейшей информации о качестве языка, а лишь о степени цивилизации. Язык варваров не обязательно варварский.

*Пока не придет гений и не **кодифицирует** язык* - не верю я в это ! *Кодифицирует* язык только употребление (*usage*). *Гении* привлекают внимание к оттенкам, УЖЕ содержащимся в языке.

*Народ живет именно **в языке без норм** - всё это враки ! У мужичья никак не меньше норм, чем у самого изысканного риторика, а пожалуй что и больше, ибо оно, мужичье, беззаботней расщепляет норму, создавая на её месте две или три новые.*

*Если бы не **Данте** - Италия запросто могла бы оказаться **умбрифицирована** - ты это говоришь, как будто бы наш итальянский язык заведомо превосходит любого потенциального отпрыска умбрийцев. Мы об этом не можем иметь ни малейшего представления ! Никакого прогнозирования, в области языков, и быть не может ! И у визиготского могла бы сложиться блестящая биография.*

*Кстати, Герион в 17-й главе летит отнюдь не как ковёр-самолёт. ... он кажется автору **парящим** - это и есть ощущение ковра-самолёта, в отличие, скажем, от птицы, молнии или вихря.*

*Антология, тобою посланная - строго говоря, это была не антология, а представление, самими авторами, самих себя, в 1 - 3 страницы, от Ф.Саган до К.**Симона**. Что тебе кроме имён нужнее всего ?*

*Насчёт **Державина**... - без перевода *на прозу*, от этой поэзии не бог весть что остаётся. Я, повторяю, читатель поверхностный : если, скользя по одной интонации, я испытываю удовольствие, то можно порой и копнуть, хотя лучше и этого не делать. От хвалимого знатоками *Бога* у меня не осталось никаких стойких впечатлений.*

*Мой любимый **Сумароков** - загадочный ты человек ! Ведь всё тут как будто топором сработано ! Но ты, знать, по щепкам до древа докапываешься, а я по одним занозам пекусь !*

Ко временам *Пушкина*, Россия имела зрелую, более чем столетнюю традицию светской поэзии, прозы и драматургии - я, поджавши хвост, втираюсь в стан злопыхателей и, ожидая более веских опровержений, твержу, что до А.С. ровным счётом НИЧЕГО путного в российской словесности не водилось ! Причём, что самое грандиозное, - и в области звука и в области смысла !

По-русски сочинять возможно чисто, плавно - во всяком случае, не эта строка это доказывает !

И при Неве стяжать бессмертно имя славно - от такой смертной плавности – не до славы !

Препоны нет к тому - когда я слышу в Марселе : *горд званием марсельца*, мне ясно, что его грызёт комплекс неполноценности !

Ужель единый Галл

Лавровые леса себе отмежевал? - лавр, слава господи, в леса не сбивается и ходит всё особняком. Это то же, что петь об овсяном древе.

Сочиненной тем же *Карамзиным* Ярославне из липового *Слова о полку Игореве* – почему оно безусловно липовое, я тебе вроде бы уже писал - нет, не писал. Эдакая жалость !

Державин писал, что **слышен в нем дух Оссианов** - так, может быть, как раз и намекал, что это выдумка, как и Оссиан ?

С *Татьяной* мне и вовсе говорить не о чем - ну а как же письмо Татьяны ? Хотя тут, правда, скорее Чайковский руку приложил. Но где

это ещё было видано в литературе, чтобы девица первой заводила шашни? Это - любопытно, а не я буду век ему верна. Ну, не [Шекспир](#), но лучше Лотты или Юлии.

*Удивительную ты цитату из латинянина по-французски прислал – истинный Китай. Хорошо бы ещё узнать, кто это сказал – поговорка : **Anser, apie, vitellus, populus et regna gubernant.***

Есть ли он у тебя на полке - нету, и у [Случевском](#) не знаю ничегошеньки.

Сканнер не разбирает тексты **горячего набора** - а у тебя есть система буквенного кодирования сканнеризированных изображений? Я такой прелестью ещё никогда не пользовался. Говорят, доходят уже до 90 % верной кодировки.

Старый конфедераст - это о любителях конфет так говорят?

Прислать ли тебе кирилличные наклейки на клавиши? - о путях внедрения кириллицы и вытеснения *ахинеицы* с моей басурманской машины. Около 1-го февраля летит в Америку, через Париж, одна моя московская знакомая, объявившаяся на прошлой неделе, - Л.К. (предупреждаю, неизлечимая графоманка - лучше тебе с ней о литературе не заикаться, потом не отвяжешься!). Её телефон - *. Или E-mail : *, с указанием, в объекте, адресата.

проба Ижицы - сгнула, порадовав цепочкой квадратов.

Детство на Тань-Шане что-то значит - оттого ты и рвёшься парить, озирая панорамы, а я – таёжная натура - норовлю зарыться в лесную

берлогу и вкушать там свой микро-климат.

Прости нам долги (оскорбления) наши, чтобы и мы простили их должникам (оскорбителям) нашим - вместо чтобы, у католиков стоит подобно тому, как, что такая же уловка, что и любить ближнего, как самого себя - благодать тому, кто себя терпеть не может !

Ты меня прочил в магометанина, наверное, из-за моего прохладного отношения к идее игры. Оказывается, Магомет строго-настрого запрещал всякую азартную игру. И в *1001-й ночи*, несмотря на игривый тон, никакой игры, по-сути, нет. Как они там выкручиваются с своей соколиной охотой, гонками верблюдов, а нынче и с футбольной истерией – не знаю.

Империализм и аристократизм отнюдь не синонимы - первый - в хвате-захвате, второй - в хвате-самохватании. Нет двух слов, которые не могли бы стать синонимами, хотя бы по одной okazji. Когда аристократа перемутит в царстве хама или бакалейщика, ему, в припадке брезгливости, начинают лезть в голову имперские замашки. А в имперские годы, ему остаются ссылки, пажество да цикута.

*Когда, как ты полагаешь, машина будет способна перевести **Пьяный корабль** лучше меня? - через полвека. Повторяю, что искусству скоро придёт конец. Под натиском двух клещей : всё большее воцарение машины в человеке – не только в мозгах, но и во всяком чреве, и всё больше человеческого поведения в машинах. Есть, впрочем, третьи клещи : распложение спокойных совестей. Искусство всегда кормилось за счёт нечистой совести сильных мира сего, которая их побуждала искать искупления в виде подачек самым чистоплотным из бедолаг, артистам. Всеглядное око налоговой полиции – залог чистой совести и упадка меценатства.*

Прибаутки о первых попытках машинного перевода. *Spirit is mighty, but the flesh is weak* было переведено : *Водка крепка, но мясо с душком. Out of sight out of mind* обозначает, для машины, маньяка-невидимку.

Я ведь не против машины - главным предназначением машины было : избавить человека от занудных операций. Но произошла *проскачка* ; и машина принялась за ковырянье в наделах, где взращивались самые живые побегги. Вместо корчевания скуки, она иногда пускается в браконьерство. Аристократическая запертость угодий тем-то и ценна, что им не грозят ни проводники-гиды ни полу-проводники.

Из Германии пишут, что [Сьорана](#) там выговорили *Чьёраном*, но я ещё кой у кого разведваю. Это ч загоняет в Балканы человека, который весь принадлежит Западу.

Плоди и размножай словесную медвежатину, затворник. Тем более, что распложение у тебя идёт многократное. Видно, что оплодотворение происходило не в поту подмышек, а в поту чела, тобишь искусственное, в добром смысле слова. Витт, похоже, уже на сносях ?

Желаю тебе и жизни и малины.

Из семейства сосущих лапу Гера

13/01/1999

Доброе... что у тебя там за окном, сурочке? Вот это и доброе!

Рад, что 400 килобайт портрета работа Натальи Верди проскочили в Марсель, в отличие от *ижицы*, на которую вообще-то начхать, я держу её в силу того, что ни в одной другой гарнитуре нет полного набора знаков старого правописания, которое изредка требуется.

Есть у меня система буквенного кодирования изображений, есть у меня эта гадость! И не 90% текстов она распознает, а чуть не 98%, ну и дерьмо же это! Т.е. на сотню букв – две опечатки. И это в том случае, если дать для раскодирования компьютерно-чистый текст! В текстах времен *БВЛ* программа делает уже по 7-8 ошибок (принципиально принимая Д за Л, Ю за IO, – и очень длинное и т.д., не говоря уже о предложении прочесть ненормативные в правописательном отношении эмигрантские публикации 20-х – 70-х годов. А Я КНИГИ ИЗДАЮ. Мне нельзя и на десять страниц две опечатки сделать. Проще переписать от руки. Всю программу сканнера *Mustek* я попросил убрать из моего пентиума к ядрени фене. Исправлять ошибки всегда трудней, чем просто писать, в области этих программ *распознавания* машина ещё дитя – но верю, что лет через 20-30 она начнет расшифровывать текст прилично (хотя не рукописный, над этими программами плакать от смеха хочется). И в этой области я перекопал не только Интернет, но и *заинтересованные* ведомства. *Ведомства* со вздохом говорят, что *любой почерк* читают только старые редакторы (ненароком цитируя *Театральный роман*). А чего стоит система чтения с голоса... Лучше уж просто записать голос. Картинки мне и друзья скопируют, а нужно мне их две-три в год.

По поводу твоего обещания, что машина переведёт *Пьяный корабль* лучше меня через полвека: Сталин назначал коммунизм на 1965 год, Хрущев на 1980 – выбрав тот срок, до которого дожить маловероятно. Твой 2049 год из той же серии. *Переводить* стихи машина не научится не потому, что не сумеет, а потому, что никто её не будет этому учить, это как с видеотелефоном: 98% американцев высказались против его *изобретения*. Мы не умеем воспроизводить запах не потому, что не знаем природы феромонов (хотя и вправду почти не знаем), а потому, что никому ни на хрен это не нужно. Когда кто-нибудь докажет достаточно богатому тоталитарному режиму, что феромонная карта человека обеспечивает контроль над ним лучше, чем дешёвое телевидение – тут же такая карта будет создана (*искусственный нос*, помнится). И тут же будет создана система обмана этой карты. Замечу, что пока что по поводу запахов предпочитают пользоваться собакой: самовоспроизводимо, дешево, а в случаях с такими породами как *бладхаунд* (он же *гончая Св.Губерта*, кровавая гончая и т.д.) Искусству гарантирована свобода от машины в силу того, что машине искусство не нужно. Шахматы, чай, не искусство. Ты читал *стихи машин*? Прочти страничек сто... но не меньше.

Что-то у тебя болело, когда ты последнее письмо писал, не то поругался ты с кем-то, но обычный твой фейерверк острого ума (не остроумия, с этим, слава Богу, всё в порядке) на этот раз не совсем проявил себя: что-то нынче бездоказателен. Умудриться разобрать стихи графа Хвостова, которые я привёл вполне издевательски (да ещё про *Галла*) – этого я всё-таки не ждал. Гениальностью Ломоносова, *Сумарокова*, *Державина* зять Суворова всё-таки не блистал. И лучшая русская эпиграмма (*Баратынского*, кажется) – цитирую по памяти:

*Поэт Свистов немного простоват,
Но я люблю незлобного собрата:
Не он перед природой виноват,
А перед ним природа виновата!..*

Но это всё не к [Державину](#) и не к [Сумарокову](#), а честно, так и не к Кантемиру или дьякону Буслаеву (1735) относится – русская поэзия у них уже была вполне европейского класса, и читать её нужно учиться – так же, как нужно учить латынь, чтоб читать [Горация](#). Одическую поэзию [Пушкин](#) убил своей вполне по заказу сочинённой *Полтавой*, а уж *Стансы (В надежде славы и добра...)* и участие в сочинении государственного гимна России мне как-то трудно скинуть со счетов (У [Галича](#) такое было названо изящным словом *холуяж*). Чтобы добраться до великого [Пушкина](#), от *Тени Баркова* до *Медного всадника*, приходится читать его самому. *Письмо Татьяны* в качестве непревзойденного образца?.. Опохмелись, сурочке: такой пошлятины в России до [Пушкина](#) тоже хватало, а нынче как-то уж и традиционно стало из таких писем альбомчики составлять. Вот *Тень Баркова* (пародия на балладу Жуковского) – это, пожалуй, всерьёз и навеки, это не хуже [Рабле](#). И попытки привить к дереву русской поэзии бернсову строфу (*стандартный Габби*) – впрочем, это, как выясняется, я сам обнаружил – это серьёзно.

А насчёт *Письма Татьяны*, так ведь ты, не знаю, нарочно ли, нет ли, процитировал Белинского, того самого демократа, которому братья-демократы на свадьбу деревеньку с полусотней душ подарили! Впрочем, не буду хаять Белинского: этот *симпатичный недоучка* (выражение [Набокова](#) именно о нём) сыграл величайшую роль в развитии... преферанса! Я о нём написал основательную статью – как о преферансисте, разумеется, прочий Белинский просто скупен.

А когда Пушкин на неразвитом языке пишет лучше Ламартина... Прости, тоже мне, уровень. Гениальное лермонтовское *Когда волнуется желтеющая нива...* – между прочим, как раз перевод из Ламартина, только Лермонтов ужал оригинал вдвое, вот и появилось нечто такое, что Ламартину не снилось. Не хуже Мюссе? Возможно, но – хуже Гёте. Посиди с поздним Гёте месяц-другой, едва ли захочешь читать Мюссе. Хотя Мюссе в переводе Набокова оказался произведением истинного гения, будешь иметь удовольствие прочесть это всё в моей антологии, экземпляр я для тебя уже выкроил (по документам) и на следующей неделе получу.

Никакого прогнозирования в области языков и вправду нет: однако, если бы родным диалектом Данте был умбрийский, вся Италия говорила бы на нем и по сей день. Совсем не говорю, что это было бы хуже или лучше. Но личность Данте определила, на каком именно будет создаваться дальнейшая литература.

Китс считал наичистейшим английским языком язык... Томаса Чаттертона! А тот писал на воображаемом языке пятнадцатого века, полном исторических ляпов. Современники находили у Китса нелепости и просторечия. А в XX веке Англия считает язык Китса дистиллированно-чистым (мнение Уайльда, ставшее расхожим). Китс наташил в него *кокни*, наташил выдумок Чаттертона, а теперь это эталон! Пастернак набит *семейными* словами (нередко из идиша!), а для нас он уже незыблем, как пример. Так что гении и впрямь привлекают внимание к оттенкам, уже содержащимся в языке (твои слова) – вопрос в том, какие будут выбраны оттенки. Дж.Дж.Белли в девятнадцатом веке писал на римском диалекте – и уж не знаю, был ли в Италии этого века более значительный поэт. Не знаю, читают ли его в Италии, но в переводах Солоновича в России – взахлёб. Тоже

найдёшь в моей антологии. [Рильке](#) вообще в раннем творчестве (а *Часослов* мне и по сей день дороже всего прочего) то и дело писал на *нечистом* языке, который для нынешнего слуха стал абсолютно чистым. Ну, и так далее. *Язык зависит от поэта, а не наоборот*. Пока что серьёзных аргументов обратного ты не приводишь. Приведёшь – сдамся охотно. Сдался же я в области минералогии. Кстати, я некогда начинал переводить *Книгу о свойствах драгоценных камней* Реми Белло, но увял, сделав четыре стихотворения (из них опубликован только *Изумруд*, а *Гранат*, *Лунный камень* и *Сердолик* так и лежат неизданные).

Кстати, состряпал я очередной перевод из [Уайльда](#), где он определённо подражает одам Китса, однако *переворачивая* рифмовку (не 4+6 строк, как в большинстве од Китса, а 6+4, притом варьирование рифмовки внутри каждого блока *риф* довольно свободное). [Уайльд](#) основательно перемешал Елену Гомера с Еленой Стесихора–Горгия–Еврипида, да ещё прибавил римскую версию насчёт Афродиты; вспотел я, переводя, основательно, но раз уж ты оказался среди моих друзей практически единственным ценителем [Уайльда](#)–поэта, то вот тебе моё детище, пусть даже и сырое (авось получу замечания, в прошлый раз пришлось очень по делу, признаюсь честно).

Не уверен, что тебе понравится (в том числе и оригинал), но работать было интересно, – я всё–таки намерен отправить в производство общими усилиями сотворённый полный корпус поэтического наследия [Уайльда](#), для чего мне лично предстоит одолеть поэмку *Пантея*, Бог даст – до конца января. А это – сделал потому, что в своё время перевёл почти всего основного Китса (4 оды из 6, но две оставшихся, *Ваза* и *Осень* меня устраивают и в чужих переложениях), включая две

поэмы. Так что всё-таки тружусь.

Только что выловил твою записку. Ну, вздохнув, напишем – Чьоран. Получается даже не румын, получается венгр какой-то. И ведь какой раз в таком дерьме плещемся; сколько авторов имеют по-русски неверную фамилию, лишь не так давно я заставил публику говорить *Поль* (*Пауль* – имя безразлично) *Целáн*, ведь двадцать лет ударение ставили на первый слог! Бедный люксембургский гений Поль Хенкес (тоже Пауль, но сам-то себя он звал Поль) обрел правильное написание потому, что я запросил Люксембург, книга вышла... но Хенкес тем временем умер. К слову, вот тебе немножко Хенкеса в моём исполнении.

Впрочем, тут бедно представлено главное изобретение Хенкеса – ложно-белый стих, погляди на некоторые стихотворения, они *кажутся* только подрифмованными, но проверь – каждая строка имеет пару, впрочем, вторая часть пары может отстоять от первой вплоть до того, что в двадцатистрочном стихотворении первая строка будет рифмоваться с последней. В *хенкесовом сонете* это видно ещё лучше: первые семь строк зарифмованы со вторыми семью, и что-то из этого волшебное возникает. Я был им очень увлечен, когда переводил (1986/7), в 1988 году из переведенных 1200 строк около 1000 издал. За пределами Люксембурга Хенкес почти неизвестен, в Люксембурге – культовая фигура. Думаю, он понравится тебе в немецком оригинале (он стал серьёзно заниматься поэзией только после шестидесяти лет, до того были «пробы пера»). Между прочим, ещё один *тёмный* поэт.

А из французов мне нужно понять следующее – кто из поэтов последних 30-40 лет достоин перевода, достоин заканчивать мою антологию *700 лет французской поэзии*. На всякий случай в конце

письма размещу список тех, кого уже сейчас предполагаю в книгу включить – весь состав поименно, хотя, как ты понимаешь, включение в книгу сонета, приписываемого Сен-Жермену – шутка (однако перевод уже готов, хотя и не мой). Клод [Симон](#), с которым я тут познакомился году что ли в 1986-м, что ли, произвёл на меня впечатление человека, повторяющего: *Я ищу! Я всё время что-то ищу!* (Нобелевскую премию к этому времени он уже получил). Стихов его я не видел, прозу видел только в переводе на русский – и чуть не сдох со скуки. Кстати, прочёл я два десятка стихотворений Рене [Шара](#) (с параллельным текстом Козового, в котором, в отличие от оригинала, почти ничего не понял) – впечатляет и притом неожиданно. Это был неполный сборник *Утраченная нагота*, и – если не будет иного варианта – я на [Шаре](#) мог бы антологию и закончить. Но боюсь, что найдутся *более свежие* французы, которые за это меня съедят и живьём и посмертно.

Кстати, что это ты мне взялся доказывать, что в искусстве прогресс невозможен? Это МОЯ постоянная мысль, не буду я спорить сам с собой! Однако культур на Земле больше, чем одна европейская античность – так что поворовать кое-что у того же Китая мне иной раз в высшей степени приятно. Да и античность разная бывает: шумерская поэзия мало похожа на античную, а судя по переводам Шилейко и даже Игоря Дьяконова – очень хороша (речь идёт не о *Гильгамеше*, а обо всём прочем).

Однако же взлёты у разных литератур приходятся на разные века: посмотри на карту мира приблизительно тысячу лет назад и обозначь, ГДЕ и КТО в великих поэтах окажется.

Обнаружится в Армении Григор Нарекаци, – только что свергнутый император Ли Юй, который потому, наверное, и был свергнут, что был

не императором, а великим поэтом, – а в Европе из писавших на латыни вспоминается монахиня Хротсвита Гандерсгеймская (потрясающая была женщина: писала пьесы тогда, когда в Европе не было даже понятия *театр*), впрочем, год смерти её неизвестен, но тоже что-то около 1000-го года или немного раньше, про арабов помолчу – и т.д. И вот выходит, что за возможным исключением Китая, по-настоящему великий поэт в 1000-м году имелся лишь у армян! Притом ни до того, ни после у армян поэта такого масштаба не было. Выводов не могу сделать никаких, кроме того, что *Дух Божий* (искусство) *живёт и дышит, где хочет*. Ну да, были ещё события – окрестили Русь, открыли Америку, но это стало достоянием поэзии куда позже.

Продолжаю ломать голову над случайной находкой: *Конец Света* кто только на какой только год не предсказывал. Однако был такой случай: обещали его в год 7000 от Сотворения Мира. В переводе на счет Европы это 1492 год! (Америка, Гранада и т.д.). В нумерологию не верю и не люблю её, но сюжет поэтический уж больно соблазнителен.

А моя *Земля Святого Витта* написана на 80%, однако чем дальше пишу, тем медленней. всё-таки этот роман – *вставной* между двумя огромными трилогиями, из коих первая не только написана, но и продана, а вторая (*Кавель*) только начата, начало, впрочем, выходит в ближайшее время в Кёльне в эстетской русском издании.

Рвут меня на части авторы моей антологии – требуют авторские экземпляры. Так что пока заканчиваю, суроче, поздравляю тебя с Новым Православным Годом, и желаю тебе в следующем научиться читать на допушкинском языке, а то ты уж больно много теряешь. Книгу [Случевского](#) пришлю потом, а пока прочти такое его

восьмистишие (1901), которое на немецком языке стало классикой в переводе Целана.

* * *

*Упала молния в ручей.
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.*

*Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.*

Константин Константинович [Случевский](#) (1836/7–1904) – единственный великий русский поэт, чье творчество приходится на последнюю треть прошлого века. Остальные на много порядков ему уступают. Было в России безрыбье и бесптичье в поэзии, в Германии, впрочем, тоже – и тогда же, и там на эти годы один Либлиенкрон приходится. Но об этом разговор придется отложить из-за того, что [Случевского](#) нужно читать именно целой книгой, иначе ничего в нём не увидишь и не поймёшь, как нельзя взять один офорт Гойи и о нём вести разговоры.

Обнимаю (а ты, слышу, хрустишь)!

ЖЕНЯ

Ну, а ниже – пока что имеющий место состав «700 лет французской поэзии»

(пока исчерпано)

Кстати, не уверен, что не включу кое-кого из не-французов, по-французски писавших – от [Пушкина](#) до [Рильке](#) и Слауэрхофа (которого много переводил с голландского, но одна книга у него написана по-французски).

Е.

15/01/1999

Здравствуй, каторжник литературных копей !

Как ты ухитряешься с такой уймой дел управляться, ума не приложу ! Лентяи вроде меня или бросаются в яростный штурм, на денёк-другой, или предаются затяжной спячке ; ты же способен, похоже, поддерживать каторжный ритм в течении долгих месяцев (лет ?).

Есть у меня система буквенного кодирования изображений - пришли, если несложно.

*Переводить стихи машина не научится не потому, что не сумеет, а потому, что никто её не будет этому учить - ой, научат ! Найдётся в Америке добрый дядя, наживший состояние на бухгалтерском учёте, - даст миллион-другой виртуозам шахматного программирования, и заработает машина что твой Лозинский. Вместо *machine-aided* работы будет она *man-aided* ; безработные поэты будут пихаться локтями, чтобы вырвать доходную доправку переводов с сербо-хорватского на таиландский.*

Искусству гарантирована свобода от машины в силу того, что машине искусство не нужно. Шахматы, чай, не искусство - искусство рождается тогда, когда просвещённая забота о красоте превосходит заботу о востребованности. И в этом смысле даже латание сапог может приближаться к искусству, не говоря о шахматах. И искусство это не какой-то тайный цех, из которого загодя исключены машины или топоры, а потребность, данная каждому из нас, - потребность творить или восхищаться. А машине нужно то, что ей предопределил человек : то ли тараканов ловить, то ли дифференциальные уравнения

уламывать, то ли втискивать слова в заданный ритм. От *гарантированных свобод* искусству всегда было мало проку ; лучшее искусство рождается *вопреки* и лишь изредка – *благодаря*. Лучшее определение машины было бы : искоренитель скуки и нуды. Настоящему творцу машина не соперник, а вот подмастерьям, живущим лишь на технических поделках, и впрямь есть от чего забеспокоиться. Главное отличие человека от машины заключается в том, что христиане удачно называют благодатью : благодать разума – вдохновение, благодать сердца – любовь, благодать души – чувство красоты.

Что-то у тебя болело, когда ты последнее письмо писал, не то поругался ты с кем-то, но обычный твой фейерверк острого ума ... на этот раз не совсем проявил себя: что-то нынче бездоказателен. Умудриться разобрать стихи графа Хвостова - каков сукин сын ! - заманил в западню, а потом зубоскалит ! Я преданно пережёвываю поданный мне подножный корм, а в него подсовывают слабительного ! Ну, считай, что вместо львиного рыка или орлиного клёкота вышло даже не карканье и не хрюканье а – сам знаешь что. Но я не расстраиваюсь : часто важнее оказывается качество весов, чем весомость попавших под руку и почти случайных предметов. А насчёт доказательности, в самых занятных предметах ценен процесс уверенья, а не вымеренья. Подобно тому, как самые ценные из наших чувств скорее проигрывают от выведенья на свет. Доказательства тебя занимают гораздо больше моего ; с меня хватает стихийного разделенья (adhésion).

Письмо Татьяны в качестве непревзойденного образца? Опохмелись, суроче - если ты мне найдёшь пример более неожиданной и, для мужчины, весьма лестной, реакции влюблённой женщины, я с

интересом с ним познакомлюсь. Пока же повторю, что ни в *Юном Вертере* ни в *Новой Елоизе* такого диковинного женского типа нет. Примеров активной женской любви не так уж много : Сапфо, португальская монахиня, Л.Лабе, [Цветаева](#) – всё авторы, а не героини. Для завершения моего *позора* признаюсь, что и оперу почитаю одной из лучших в мировом репертуаре ; и не будь языкового барьера, она бы и числилась в первой десятке.

Посиди с поздним [Гёте](#) месяц-другой, едва ли захочешь читать [Мюссе](#) - мне и часа для этого не надо – мне никогда в голову не приходило ставить [Мюссе](#) рядом с [Гёте](#). Ничего подобного размаху [Гёте](#) во Франции нет.

[Пастернак](#) набит ... словами ... из идиша - не замечал ! Кажется невероятным ! Неужели он знал идиш ?

Часослов мне и по сей день дороже всего прочего - я, пожалуй, держусь того же мнения.

Язык зависит от поэта, а не наоборот. Пока что серьёзных аргументов обратного ты не приводишь - действительно, я думаю противоположное ! Тех микроскопических преломлений в красках языка, которые может привнести писатель, явно не достаточно, чтобы говорить о какой бы то ни было зависимости языка. Язык зависит от одной и только от одной вещи – употребления ; и вклады поэтов и водопроводчиков, лингвистов и охранников примерно одинаковы и не несут почти ничего преднамеренного и предсказуемого. А язык поэту что молоток скульптору : не ведающий мрамора молотком много что гвозди забивает или черепа прошибает ; не владеющий словом заменяет им визжанье, математическую формулу или дорожный

указатель. Как раз поэт-то и зависит больше всех от языка, ибо его горести и радости связаны с выуживанием из языка пружин, без которых обходятся *бессловесные твари*.

*Я некогда начинал переводить **Книгу о свойствах драгоценных камней** Реми Белло - если память не изменяет, ты мне их читал. Хотя, возможно, это был **Рильке** (Берилл ?).*

*Ты оказался среди моих друзей практически единственным ценителем **Уайльда**-поэта - я, всё же, несравненно выше ставлю его прозаические упражнения (парадоксы) и в его поэзию всерьёз не вникал.*

*Вздыхнув, напишем - **Чьоран** - ему ещё повезло, а вот бедного Шарля де Линь обозвали недавно, на Руси, - Чарльзом де Лигнесом ! Говорят, Жана Расина, в первых русских переводах, величали Иваном Корнем ! В детстве, один поляк ошарашивал меня такими именами, как Беаумарцхаис (то-бишь, б-е-а-у-м-а-р-ц-х-а-и-с, а не бомарше !) или Кауцхи (Cauchy !). Для меня это неприятная ломка : Сьорáн звучит хорошо на всех *основных* языках, а **Чьóран** - это Валахия и *цыгане шумною толпой*.*

*Кто из поэтов последних 30-40 лет достоин перевода - право же, кроме А.Мишо и Р.**Шара** у меня язык не поворачивается кого-то рекомендовать. Не бездарным же этим шекспироведом **Бонфуа** или Жакотте (Jacottet) ошарашивать Россию !*

*Клод **Симон**, ... чуть не сдох со скуки - это один из сотен непонятых гениев, которыми богата галльская земля. Каждый гений, во Франции, мечтает, чтобы на него ополчалась цензура, чтобы его мысли*

признавались вредными, чтобы его взгляды на неустройство мира были безумными и рискованными. Все призывают себе в сочувствующие собратья [Флобера](#) с [Рембо](#), а то и Расина с [Валери](#), а презренных современников обозначают лишь ругательно обобщающими словами : стадо, завистники, злопыхатели, приживалы. Упаси бог заикнуться о своей собственной принадлежности стаду ! А копни – главная причина их неуспеха – неодолимая скука !

Кстати, прочёл я два десятка стихотворений Рене [Шара](#) ... неполный сборник [Утраченная нагота](#) - на днях я тебе высылаю его книжицу, вместе с той злополучной Антологией. У [Шара](#) есть два типа стихов : о природе – что мне почти целиком чуждо, и своего рода словесная мистика, из которой очень причудливо вырастают самые интересные мысли. А ведь самоучка. Хоть и принимал у себя Гейдеггера. Жил неподалёку от Марселя, там же, где писал [Петрарка](#) да маркизы де Сад и Мирабо.

Что это ты мне взялся доказывать, что в искусстве прогресс невозможен? ...Дух Божий (искусство) живет и дышит, где хочет - так перестань морочить голову рассказами о развитии (прогресс !) норм и усовершенствовании языков ! Какая мощь – латынь, по сравнению с жёсткой французской немочью !

То ты к оправданию добра притягивал истину, а теперь у тебя дух божий (кстати, по-французски это звучит как *дыхание*, а не *esprit* какой-нибудь ! *Souffle de Dieu*) обручён искусству ! Искусство, слава тебе господи, живёт не там где *хочется*, а там где *можется*. Как мог Сын Божий, от которого ничего не утаивал Дух Божий, не упомянуть ни единым словом место красоты в жизни человека ! А купец Магометушка и вообще выше своей лавки не воспарял взглядом и

одним махом возбранил всякое пластическое воспроизведение человека.

Конец Света ... обещали его в год 7000 от Сотворения Мира... - 1492 год! - ни в одной стране, кажется, не было года подобного 1492-му, в Испании : открытие Америки, изгнание мавров, избрание первого испанского папы, вышвыривание евреев, появление первой испанской грамматики и что-то там ещё... Это у Рушди (Rushdie), кажись, есть книга *Последний вздох мавра*, где рассказывается, как последний калиф Гренады, покидая Испанию, разрыдался, и его мать сказала ему, с презрением : *Оплакивай женскими слезами то, что ты не смог защитить мужской рукой !*

*Упала молния в ручей.
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.*

*Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...*

И я прощу, и ты прости - удивительно уравновешенное чередование музыки и смысла !

Бегло просмотрел список поэтов. Вот кое-какие уточнения :

Анри Бод (1415/1420-1490/1495) – ?1430-1496

Жан Маро (ум.1526) (отец Клемана Маро) – ?1463-

Пьер Гренгор (1475?-1539?) – - ?1538

Жоашен дю Белле (1522-1560) – Жоаким

Луиза Лабе (1525?-1565) - 1524-1566

Жан Антуан де Баиф (1532-1589) - я дважды останавливался в его фамильном замке. Первые опыты в краже яблок.

Гийом дю Бартас (1544-ок.1590) – -1590

Жан-Оже де Гомбо (1570?-1666) - 1588-?1666

Бертело (годы жизни неизвестны) - Пьер Бертело (? - 1615)

Жермен Нуво (1851/2-1920) – 1851-

Альбер Самен (1858/9-1900) – 1858-

Адольф Реттэ (1863-) (подумать) – -1930

Шарль ле-Гоффик (1863-) (подумать) -1932

Виктор Маргерит (1866-) (под вопросом) Маргеритт -1926

Элен Вакареско (1866-) (тоже) -1947

Андрэ Спир (1868-) (подумать) -1966

Филеас Лебэг (1869-) (сомневаюсь) -1958

Камилл Моклэр (1872-) (сомнительно) -1945

Анна де Ноай (1876/8-1933) 1876

Морис Магр (1877-) (подумать) -1942

Хочу попросить тебя об одном совершенно естественном жесте :
приготовь список книг, которые ты хотел бы иметь, но, по каким-то
причинам, не достал. Глядишь, я что-нибудь и ссыщу. Давай, без
ужимок !

В последнее время много вожусь на машине по техническим нуждам –
тот самый *искусственный интеллект, представление знаний, сожительство структур и логики, естественный язык как язык диалога и правил.* Оттого и тон, небось, стал позатравленней и скрипучей.
Скоро пооттаю.

Царапаюсь сурочьей своей лапой по какому-нибудь чувствительному,

для медведя средней упитанности, месту. Наверное, по заливку !

Пока,

ГИ

18/01/1999

Суроче, здравствуй в виртуальной своей норе!

С утра лезу в Интернет, и вылавливаю твоё письмо – ну, значит, будет чем заняться в перерывах между прочими дневными делами, ибо именно так я пишу тебе письма (3-4 дня письмо, как ты заметил). Каких там *месяцев* или *лет* я выдерживаю каторжный ритм моей жизни? Десятилетий, и таковых уже больше трёх: как сорвался с цепи в 16 лет с небольшим и стал писать стихи – 1 октября 1966 года (а родился я 18 июня 1950 года) – так и не снижаю темпов с тех пор. Потому кое-что и успел в жизни понаделать, только две антологии от литературы ухожу: занимаюсь собаками, знахарством (это по полторы тысячи страниц сколько жизни забрали – прикинь. Иногда шутка, потому что массажистом мне трудиться надоело, но познания кое-какие остались), и – что чаще – просто меняю вид литературной деятельности, куда включаю всё, от изучения языков (хоть русского, хоть мальтийского) до эпистолярного жанра. Так что ты – тоже литература для меня. А откуда время беру? Телевизора не держу, только и всего... Что же касается энергии? Гера, я ведь эпилептик, хотя и весьма подлеченный, и один-два дня в две недели, вместо припадка, провожу почти целиком во сне (просто сплю). За это имею компенсацию: оставшиеся 12 дней могу работать как полтора-два человека. Никакой гордости этой *королевской болезнью* у меня нет, у меня она травматическая (взяли щипцами за голову, когда родился), припадки – изредка всё-таки бывают – *сумеречные*, без паданья на пол, но довольно длинные – штука настолько гадкая, что только идиот мог бы им радоваться; если хочешь представить – вообрази одновременно, что у тебя тяжелейшее похмелье и отравление, что тебя при этом бьют дубинами и трясут за ноги, ну, и т.д. Кроме этого страшные нарушения в восприятии времени (состояние, известное под

названием *кувшин Магомета*), когда за секунду проходит несколько часов. Словом, врагу не пожелаешь. Но уж как есть: не зря говорят, что такая эпилепсия и не болезнь даже, а способ выживания, выбранный травмированным организмом. К тому же «на сдачу» прибавлены кое-какие литературные способности, которым в моей купеческой семье вроде бы и неоткуда взяться. Думаю, завидовать такому способу жизни вряд ли кто будет. Отчасти из-за этого редко выезжаю из Москвы – побаиваюсь, что прихватит припадок просто из-за перемены климата (хотя не обязательно). Но это всё ни для чьего сведения, только тебе: охотников приписывать гениальность [Достоевского](#) его эпилепсии я уж и не знаю, в какое место посылать.

Сразу скажу, что от недостатка самоуверенности (честней – уверенности в себе) не помру. Может, машина и будет переводить *что твой Лозинский*, но я-то не Лозинский. Пусть машина научится переводить *лучше меня*, а не лучше Лозинского. А мои-то переводы начинаются там, где возникает тезис: ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД НЕВОЗМОЖЕН. В КАЖДОМ ОТДЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ ЭТО ИСКЛЮЧЕНИЕ. Тезис ещё один: ПЕРЕВОДЯ, НЕ БОЙСЯ СКАЗАТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ В ОРИГИНАЛЕ: ТЕБЕ ЭТО НЕ УДАТСЯ (комментарий: удастся, да ещё как – но это выяснится только постфактум). *Настоящему творцу машина не соперник, а вот подмастерьям, живущим лишь на технических поделках, и впрямь есть от чего забеспокоиться* – Вот потому я и не беспокоюсь. Поэтический перевод в том понимании, какое я сотворил в своей голове, никаким техническим поделкам непричастен. Был такой забавный хулиганистый гений в позапрошлом веке, португальский поэт [Бокаж](#), или, в глупом советском написании (имевшем место на его книге, вышедшей в Москве в 1988 году) – МАНУЭЛ МАРИЯ БАРБОЗА ДУ [БОКАЖ](#) (1765-1805)

Я перевёл 160 его сонетов, и в некоторых случаях нужно было – хоть подавись – перевести почти слово в слово, иначе становилось *не смешно* или просто непонятно, хоть выбрось. Ну, вот образец:

Привожу не потому, что это великая поэзия, а потому, что в процессе работы рифмы *афиши – выше – тише* просто один в один *легли на текст*. А четвертой, хоть удавись, нет в природе. Я сломал голову... и сам видишь, какой нашёл выход из положения (Виктор Топоров точно так же после всех мук вокруг знаменитого двустишия в элиотовском Пруфроке внезапно нашёл: *В гостиных разговаривают тёти / О Микельанджело Буонаротти.*) **Бокаж** издевается над шипящим произношением некоего бразильского мулата, пленявшего лиссабонскую аудиторию, и насыщает текст таким диким бразильянизмом, что от текста колики берут, а мне что делать? Ну, вот:

(можешь не считать: 25 щ!)

А что мне делать с треклятой игрой на словах *карвальо* и *каральо* (по-испански, понятно, было бы *карахо*). Ну, поломавши голову, сочинил:

Еще у того же мерзавца есть сонеты, где звук рифм почти превалирует над смыслом: он берёт *мужские* рифмы, сочиняет сонет только на них – возникает пятикратный диссонанс – и опять смешно. А по-русски в мужской рифме одного звука мало, нужно самое малое два (иначе будет только скучно). Ну, поломал голову, получилось:

Или вот ещё один – с похожим фокусом, но уже с иной *отмычкой*:

Ладно, хватит **Бокажа**, хотя иной раз он веселит даже меня (говорят,

что всё это – бледная тень подлинных сонетов Скаррона, но я толком издания поэтических опусов великого похабника так и не отыскал, только малость по антологиям , – *кстати, нельзя ли их найти?*).

Пикантность в том, что первый из процитированных пяти сонетов переведен чуть не слово в слово, а в последних вместо смысла воспроизведен ЗВУК, что же до точности, то до неё весьма далеко. Что же касается менее сложных задач – я только буду рад, если тексты *Телерамы* будет переводить машина (меньше цензуры устроит – есть слабая надежда). А вот насчёт [Пессоа](#) и [Рильке](#), [Бокажа](#) и [Рембо](#) – интересно всё-таки, ты надо мной издеваешься, или впрямь веришь, что машина сможет их переводить? Тогда это уже не машина будет, а человек, ну, так дай ей Бог...

Программу распознавания букв могу прислать, но тогда и сканнер нужен одинаковый, MUSTEK CG – 8000L, с совпадением прочих параметров, иначе от программы толку будет ноль целых хрен десятых. Если всё-таки нужно – пришлю, это около двух мегабайт.

Мой любимый пример *активной женской любви* – шведская королева Христина (1632-1654), которая – после отречения от престола – так славно служила музам, что, поссорившись в Риме со своим любовником-кардиналом, подкатила пушку к стене его дома и бабахнула отнюдь не холостым зарядом. И ведь когда померла в 1689 году, то похоронили её в Ватиканской усыпальнице! Кажется, там нет больше ни одной женщины – за возможным исключением Иоанна VIII Англичанина, больше известного как *Папесса Иоанна* (я люблю роман Ройдиса и хочу верить, что это и вправду была женщина). А *она королева, а ей плевать – Хочет он или нет!* ([Галич](#)). А если вспомнить, что накануне века [Пушкина](#) на российском престоле сменилось ПЯТЬ ЖЕНЩИН (Анна Леопольдовна двух недель не дотянула до коронации под именем Анны II) – смелость пушкинской Татьяны кажется, ну, так

скажем, не слишком потрясающей. Меня потому и привлекла идея написать предисловие к [Берберовой](#), что когда я прочитал её книгу (ещё в германском, первом издании 1972 года), я поглядел на фотографии её в юности и обмолвился, что встретиться она мне в соответственном возрасте – я немедленно бы на ней женился. Мне сказали, что она – ужас вымолвить – лесбиянка. А я и брякни, что на уме было: *Тогда тем более!*. Ну, а ей умницы это передали. Она осталась очень довольна, но мне было несколько неловко. Еще нужны примеры *реакции женщины*? Могу продолжать...

Идиша [Пастернак](#) не знал безусловно, но Леонид Осипович Пастернак его знал настолько, что был (гласным, что ли?) городской думы от еврейской общины, и всю жизнь говорил с легким еврейским акцентом. В домашней речи семьи [Пастернаков](#) было полно семейных выражений, восходящих к еврейским корням, ну, и многое попало в стихи. Кажутся эти слова иногда германизмами, но наши драгоценные антисемиты с горя, что не могут записать Бориса Леонидовича уж прямо в жида (не говорю о круглых идиотах, а о тех, кто «претендует» на объективность), десятка три кáлек с идиша у него поймали (вроде *чем свет взамен чуть свет*), – если тебе интересно, могу запросить специалиста по [Пастернаку](#). Он невероятно расширил русскую лексику, но... [Пастернак](#) о Северянине говорил *тургеневщина*. А Северянин о [Пастернаке](#): *Он украл у меня много стихотворных схем* (письмо А.Ранниту-Долгошеву в 1937 г.) [М.Гаспаров](#) по этому поводу пишет: *Если в «Сестре моей жизни» отслоить метафорические, привнесённые образы, то пласт их окажется очень северянинский: трюмо, рюмки, рислинг, запонки, купе, канапе...* От себя добавлю, что тоже в 18 лет бредил *всесильным богом деталей*, и верхом откровения мне казалась строка из *Спекторского* – *И ёлка иглы осыпает в крем*. Теперь вижу, что строка пошлая, как и вся поэма (особенно *всадница*

матраца в изъятом куске). Вообще я своё отношение к [Пастернаку](#) выразил, переведя на русский (с русского же) его *Гамлета* и *Август*. Печатать я эти произведения боюсь: одни примут за надругательство над гением, другие используют как антисемитское оружие, а мне и то и другое равно не нужно. Но роман – как ни странно – книга великая. Если б только не чудовищно скверные женские образы (женщин, увы, он то ли писать не умел, то ли вообще ничего в них не понимал), возможно, назвал бы её лучшей прозой русского поэта в XX веке. Снимаем изучив килотонны его писаний (кстати, писем) пришёл к выводу, что разговаривать мне с ним было бы не о чем (как и с [Ахматовой](#)). В отличие от [Ходасевича](#), который для меня как был тридцать лет назад лучшим русским поэтом XX века, так остаётся и сейчас.

Насчёт вклада водопроводчиков и охранников в развитие языка ты прав, конечно, да только без поэта ни хрена от этого вклада не останется: всё та же дзенская притча о дереве, которое упало в лесу и никто этого не слышал: был шум или не было шума? Ответ: раз есть разговор на эту тему, то и шум уже есть. А если речь идёт о другом дереве, о котором речи нет, то пошло оно на фиг – и дерево, и шум, и вопрос. Как на знаменитый дзенский коан *Все знают, как звучит хлопок двух ладоней. Как звучит хлопок одной ладони?* я умудрился дать два ответа (обычно не дают ни одного): 1. Как удар по уху. 2. Как 0,5 хлопка двух ладоней. Японисты обиделись насмерть (трое, в разные годы, едва ли знакомые друг с другом). До сих пор не понимаю, за что.

Насчёт же твоей аналогии между скульптурой и языком: а ты не ошибся ли? Может, мрамор-то и есть язык, а поэт высекает из него произведение искусства, удаляя всё лишнее (если не удалить – будет

словарь, а не искусство). У водопроводчиков все эмоции обычно укладываются в две формулы (речь дворника тов.Хабибуллина: *Как ни х... – так ё... твою мать! А как ё... твою мать – так х...!* Пишу с отточиями, иначе советский колорит пропадет).

(Анекдот советской эпохи: запустили космонавта Хабибуллина в космос, он летит – и забыл свои позывные. Орет в эфир: *Земля, земля! Я Хабибуллин! Забыл, я – кто?.. Я Хабибуллин!..* Земля отвечает: *Жопа, ты, – Сокол!* У анекдота есть продолжение. Моя жена много лет назад пришла на работу в издательство, в *Редакцию народов РСФСР*, работает первый день, в редакции нет никого. Раздаётся междугородный телефонный звонок, она снимает трубку и слышит: *Алло! Это Хабибуллин! Это кто?...* Она чуть не ответила...)

И язык им не нужен вообще, у моих собак слов больше (до 30-40, я проверял – не команд, а своих собачьих слов, которые я за долгие годы собачества научился даже сносно воспроизводить. Если же водопроводчик умеет говорить выразительно, значит, он тоже своего рода поэт, иногда даже и настоящий (слышано на птичьем рынке: *Это ж не кенарь! Это ж мечта моего счастья!*. – Слышано в Киеве: *То ж не ковбаса, то ж – мудоуе рыданья!* Последнее меня даже потрясло многозначностью – тут и прищемленные дверью тестикулы и много другого).

И не передёргивай: я говорил не о прогрессе в языке, а о его развитии, мог бы сказать и *мутация*. Латынь средневековая, между прочим, была сильно испорчена, а гениальные люди на ней писали, тот же Архипиита Кельнский и прочие ваганты.

Ладно, о языке и законах его мутации пусть кто-нибудь другой

беспокоится. Русский, слава Богу, много для чего (не для философии, но и для прозы и для поэзии – наверняка) годится. Пока что читаю на нём со словарем. Точней – со многими словарями (не с одним Далем, как Солженицын, подаривший русскому языку Даля же выдумку – *обустройство*). Так и намерен читать (и писать) дальше. Без словаря обойдётся упомянутый выше тов.Хабибуллин.

Насчёт *цыгане шумною толпою...*: поскольку красным вином Москву снабжает преимущественно Молдавия, иногда впору в обморок упасть: сейчас в продаже вино *Земфира*. Недостает только достопамятного торта *Отелло* (был такой лет 20 назад, и ходила байка, что это торт особый – ты его ешь, а он тебя душит). Я спросил у продавцов в соседнем шалмане (где я покупатель постоянный и со мной разговаривают честно): *Вы его сами пробовали?* Ответ: *Боимся...*

Кстати, насчёт того, говорил Сын Божий о красоте или нет – бабушка надвое сказала. Что записали евангелисты (даже Иоанн, который создал своего рода *Паралипоменон*) – это только то, что они записали. *Христос* несколько раз в разных версиях *чертит знаки на песке*, – у очень недурного голландского поэта по имени Геррит Ахтерберг (XX век) утверждается, что на песке *Христос* писал стихи; о том же есть в гностических евангелиях. А вот насчёт санитарного инспектора (нельзя отрицать, что тут у Магомета заслуги есть – правила поведения во время чумы и холеры он изложил верно), в прошлом погонщика верблюдов Мохаммеда – увы, не могу сказать в пользу собрата-эпилептика ни одного доброго слова. Впрочем, иранские миниатюристы начхали на его запреты и создали очень недурную живопись. А с *Сатанинскими сурами* Рушди беда: явно большой писатель, и даже где-то *мой*, только почему я эти *Суры* пятый год не могу себя заставить дочитать?

Насчёт недостающих мне книг: я не всегда знаю заранее, что именно ищу. Существует ли толком изданный Эташ Дешан? С другой стороны, поэт *романской школы* (т.е. из компании) Мореаса – дю Плесси – когда, где, кто его издал в собранном виде? Мой любимый Слауэрхоф написал длинную балладу о четырёх *великих проклятых* – [Вийон](#), [Бодлер](#), [Рембо](#), [дю Плесси](#). Что за компания?.. Интересны мне прежде всего поэты, как Дьеркс, скорее важные для истории культуры и поэзии, чем *великие* в непосредственном смысле этого слова. Робеспьера как поэта, можешь догадаться, я печатать не буду, но стихи Шатобриана возьму непременно. Во Франции иной раз неплохие стихи писали *вовсе не поэты*, – для прочих случаев это неважно, антологию же такие стихи (вроде Андре Бретона, что ли) могут и украсить. Переводчики у меня есть, да я и сам что-то хотел бы сделать – чего нет в пристойном переводе. А вот что: намечтай-ка ты свой *Искусственный рай*, составь список полусотни или сотни лучших известных тебе французских стихотворений! Вот тебе без ужимок! всё же хочется не штамповать в сотый раз одно и то же, а сделать что-то оригинальное.

Не нашёл я в Москве многого, что хотелось посмотреть: толком изданного Клемана Маро не нашёл, того, что [Вийона](#) *воскресил* – по моим подозрениям, там должна проявиться очень незаурядная поэтическая личность. Не нашёл и четверти того, что меня интересовало *возле Вийона* (не самого, он переведен весь, а то, что можно было бы обозначить как его *круг* – в частности, якобы сохранилось одиннадцать баллад поэтического состязания в Блуа, я нашёл только три). Не сумел понять – была вообще заметная поэзия во французском восемнадцатом веке, или сплошной Парни? А что касается XX века: выловил я несколько оглушительно несовременных,

но совершенно удивительных именно поэтому стихотворений человека по имени Патрис Латур дю Пэн: книги не нашёл, а вот уж кто *аристократ!* И так далее. Наши галлисты морочат мне голову Лотреамоном (издан уже четырежды, весь!) и Алоизиусом Бертраном, но это всё-таки стихи в прозе, а от этого жанра я хочу предельно избавиться просто потому, что по-русски он выглядит как мокрая курица и хуже. Крайность другая – мне начинают ругать уже существующие русские переводы [Гюго](#) и [Аполлинера](#) (может, и так – только мне многое в переводах нравится и не так уж много мне от каждого нужно), а на мой интерес к поэтам-либертинам задают невинный вопрос: *Это ещё кто такие?* И отнюдь не утешает то, что в Германии творилось бы то же самое. Но там в ответ на мои запросы люди или объясняют мне (изучив предмет), что данная тема не стоит внимания, или из-под земли выкапывают всякие *черновицкие школы* и сами бывают довольны, то же и в Голландии), Франция же своим невежеством отчего-то гордится, и поражает меня, что *только Франция*. Когда я интересовался Канадой – ведь выловили же мне Рину Ланье, и очень недурного немецкого поэта Вальтера Бауэра выловили, а поговори с Каталаньей или Люксембургом – так они в первую очередь покажут, как их изучила Россия. Комплекс (*Интересуйтесь мной! Ругайте меня!*) есть не только во Франции (в Москве тоже есть), но... не в такой же степени. Не верю я, что в стране [Рабле](#) и [Вийона](#) нет больше ни [Рабле](#), ни [Вийона](#). С горя возьму и вставлю десяток текстов Шарля Азнавура... Да ещё и сам переведу, благо на полке стоит.

Ты пишешь, что возишься с *искусственным интеллект*ом. Не худо бы разработчикам этой хреновины перенести акцент со второго слова на первый, а потом глянуть в словарь Даля на его значение. *Искусственный* – это *сделанный с искусством*, отнюдь не антоним

слова *естественный*. А тогда уже всё равно какой интеллект, был бы умный: клоды **СИМОНЫ** определённо изготавливаются без искусства, увы. У меня ощущение, что они размножаются не то митозисом, не то почкованием, как уэллсовские марсиане, а уж питаются-то точно как те же марсиане – человеческой кровью. Нашей с тобой. Не зря же вопль *Я всё время ищу!..* так напоминает страдания голодного вурдалака: тот, надо думать, тоже ищет.

Кстати, очередной вопрос из неожиданной области. Я в своей огромной антологии напечатал некоего Анри Делюи (р.1931), которого переводил твой тезка Герман Гецевич, и сейчас узнал, что этот абсолютно неведомый мне Делюи (просто сонет был хорошо переведен – я и взял, и никакой другой причины!) издаёт в Марселе какой-то якобы *престижный* журнал – и т.д. Я, кажется, влип в историю: что это за персонаж? Посмотри, как выглядит список поэтов в том, что я тебе прислал, ниже строки *Рене Шар*: у меня ощущение, что я набрал какую-то помойку. И ведь оцени моё жуткое положение: в этом моём ощущении я могу сознаться разве что тебе!..

Пока что обнимаю и отсылаю, что написалось. А то так буду трепаться неделю, забыв, что собеседник меня не слышит.

Женя

(Кстати – этот шрифт, «росчерк», проходит – или опять квадратики?)

19/01/1999

Привет, прилежный берлогожитель !

Ты – тоже литература для меня - увлечённость словом того же свойства, что продление рода или отягощение мощны – бессознательная тяга к бессмертию. Из всех иллюзий – это одна из самых неотразимых. Ты, кажется, лучше всех понял, что толковый человек проявляется не в безответном монологе, а в диалоге с Автором несомненного источника наших вопрошений. Среди понявших это – две категории : люди науки и люди искусства, чьим общим свойством является то, что их безотчётное воображение находит поразительное отображение в природе, внешней или внутри-человеческой.

Язык - это не средство представления мира, как утверждают почти все лингвисты и философы, а, прежде всего, средство диалога, в котором, в крайнем случае, один человек играет роли и вопрошающего и отвечающего. Мир мы представляем концептуально, а не словесно, хотя между этими мета-языками и много совпадений. В вековой трепотне о *signifié/signifiant*, то-бишь о мире и знаках о нём, совершенно упускается из виду третий, единственно интеллектуальный, уровень – уровень бестелесных и бессловесных понятий, который безнадежно путается то с вещами то со словами. Есть триада : мир, его модель и речь о нём. Божья машина, мозговая машина и машина языковая. Все - происхождения божественного, но последняя почти никогда не дотягивается до первой и пользуется второй, чтобы как-то воздействовать на первую. Самое изумительное, что наш язык абсурден и почти непостижим, что не мешает запросто понимать друг друга ; потому-то я и принимаю всерьёз

первоначальность слова. Всякая фраза, как гениально понял [Валери](#), это косвенные ссылки на вещи и связи между ними. После чисто лингвистической обработки (кодирования) фразы, эти ссылки интерпретируются в модели, происходят подстановки неизвестных, рождается концептуальное древо, которое возвращается нам, для извлечения следствий, например для воздействия на собственно мир.

Эпилепсия ... это всё ни для чьего сведения, только тебе - если смена климата не застрашала тебя окончательно, могу предложить тебе следующую оздоровительную авантюру, которую почти готов гарантировать. Ты приезжаешь во Францию, около 15-го сентября, 3-4 недели корпишь на уборке винограда, по 12 часов в день, без выходных. Прокорм и постоянный двор – за счёт хозяина. Зарабатываешь с тысячу долларов, что оплачивает дорожные расходы и скрасит пару недель мыканья вдоль Лазурного Берега.

Поэтический перевод в том понимании, какое я сотворил в своей голове, никаким техническим поделкам непричастен - поэтому ты-то можешь спать спокойно, а вот большинству твоих коллег скоро будет пора переквалифицироваться в секретарей, когда примется за их ремесло хитрая машина.

*МАНУЭЛ МАРИЯ БАРБОЗА ДУ [БОКАЖЕ](#) ...рифмы **афиши** – **выше – тише** просто один в один легли на текст. А четвертой, хоть удавись, нет в природе - а победиши здорово найдено, в пику императору Константину или эсэсовцам. Теперь я знаю, что к *плеши* подойдёт *камо грядеши*, а к *спесь* - *даждь нам днесь*.*

Виртуозность твоя в этих переводах – неотразимая ! Голландцам и португальцам надо бы тебе что-то вроде *Золотого Руна* присудить. Вот,

дай бог, подскочат цены на нефть – российское благосостояние упрочится – к русской культуре станут снова прислушиваться – и твой культуртрегерский подвиг будет оценён по-достоинству.

Насчёт Пессоа и Рильке, Бокажа и Рембо – интересно всё-таки, ты надо мной издеваешься, или впрямь веришь, что машина сможет их переводить? Тогда это уже не машина будет, а человек, ну, так дай ей Бог... - я не вижу ни одного неодолимого препятствия. Когда образ уже есть перед глазами, его передача почти целиком может, в принципе, быть препоручена алгоритму.

Программу распознавания букв могу прислать, но тогда и сканнер нужен одинаковый, МУСТЕК ЦГ – 8000Л – разужнаю, есть ли у кого...

*Мой любимый пример **активной женской любви** – шведская королева Христина ... смелость пушкинской Татьяны кажется ... не слишком потрясающей...Еще нужны примеры **реакции женщины** ? - за вскормление такого рокового для Европы оболтуса как Декарт нет ей оправдания ! Я ценю **активность**, когда она может подмочить репутацию ; а тащить себе в постель оруженосцев или гвардейцев – невелика честь для венценосиц ! А жеста, так щекочащего мужское самолюбие как письмо Татьяны, я действительно не знаю в литературе. Джульетта распалается с Ромео, можно сказать, ноздря в ноздю, а Татьяна не ждёт никакого подмигиванья – честь ей и хвала ! В том-то и дело, что у Татьяны не **реакция**, а **акция** ! Короче, когда я, в 15 лет, учил наизусть всего *Онегина*, больше всего меня занимало именно это письмо, с каким бы Белинским мне ни приходилось делить это юношеское приношение. Потом, после *Гарольда*, а особенно после *Фауста*, *Манфреда* и *Каина*, я уже не норовил возносить до небес то, что было простительно ребячьей запальчивости. И Татьяна*

осталась частью моего детства, с которым, как со вкусом и суеверьем, не спорят.

Похоронили её в Ватиканской усыпальнице! Кажется, там нет больше ни одной женщины – за возможным исключением Папессы Иоанны – легенду об Иоанне вернули к жизни [Петрарка](#) с Бокаччо, дружно поддержанные, позднее, злорадствующими протестантами.

*В домашней речи семьи [Пастернаков](#) было полно семейных выражений, восходящих к еврейским корням – моя первая жена была еврейка, и её отец – отменный еврейский художник. Кроме *мешигенер Катц* я ничего не запомнил. К еврейству, у меня, – за исключением иудаизма и падкости на *банкирщину*, – очень дружелюбное отношение. Мне по душе ощущение *изгнанничества* и *избранничества* (попускать или ополчаться – это уж как взбредёт в голову *всесильному богу капризов*).*

*[Пастернак](#) о Северяnine говорил *тургеневщина*. А Северянин о [Пастернаке](#): *Он украл у меня много стихотворных схем* – когда в поэты тщится [Пастернак](#)... – сравни с деликатностью [Гиппиус](#) : *мой лунный друг, о непрощённом [Блоке](#)*.*

[Пастернак](#), с которым, психологически и *тонально*, у меня нет ничего общего, – остаётся моим любимым русским поэтом. Я всё фанатически лопочу об иронии, а её нет ни у [Рильке](#) ни у [Пастернака](#). Но важнее всякой иронии – трепет ! И чем необъяснимее и оторваннее от земли – тем лучше. Источник – в высоте или, при бескрылости или бессилии, – в отказе от привязывания к осязанности. А *тургеневщина*, действительно, именно в этой наивной *привязанности* : если беда, то от несправедности общества или удара судьбы ; если красота, то

неприменно итальянка ; если гнездо, то уж обогретое дворянством.

Я своё отношение к Пастернаку выразил, переведя на русский (с русского же) его Гамлета и Август – пришли ! Это вызов, стократ занятнее обскакивания переводчиков Пьяного Корабля !

Но роман – как ни странно – книга великая – я описательства принципиально уже давно не читаю, но то, что бросается в глаза, в Живаго, это уникальность тона, без прецедентов в русской и в советской литературах (Пильняк, Замятин, Платонов, Булгаков, для меня, – советские писатели.). В романе нет традиционно русской благородности во взгляде на героев, но нет и этой советской размашистости в суждениях. Это космополитский роман, ближе Мишелю Строгоффу, чем Войне и миру. Его интеллигенты уже ближе совслужащим, чем мрачным затворникам Достоевского и Тургенева.

Женщин, увы, он то ли писать не умел, то ли вообще ничего в них не понимал – с какими коровами он жил и блудил – срам ! В нём было столько красок, что не было и нужды подыскивать что-то яркое ; его забавляло выведение из сери на кончике своего уравнительного языка. Вся органичность была целиком в нём самом, и ни в каких пригородах не водилась.

Ходасевича, который для меня как был тридцать лет назад лучшим русским поэтом XX века, так остается и сейчас – нам ещё не раз придётся обоюдно хвататься за голову от то ли провокаторств, то ли от безумной экзотики вкуса ! От такого возмутительного произвола у меня отнимается язык ! Ну назови ты В.Иванова или Кузмина, это можно списать на счёт дурачества в эстетстве, но Ходасевич – это можно говорить только серьёзно ! Да я всего Ходасевича за какую-

нибудь [Гиппиус](#) отдам, с доплатой ! Ты не только надо мной потешаешься, но и над здравым смыслом ! Это мне напоминает другой пьедестал : [И.Анненского](#), которому расточается столько фимиама, что я даже не разгляжу, как он, в сущности, писал-то ? Это всё, по-моему, одноразового пользования !

Без поэта ни хрена от этого вклада не останется ... раз есть разговор на эту тему, то и шум уже есть - в том-то и дело, что разговор будут вести, всё больше и больше, - водопроводчики с охранниками, а поэт не докричится даже до составителей словарей.

Как звучит хлопок одной ладони? 1. Как удар по уху. 2. Как 0,5 хлопка двух ладоней – это вроде рассуждений и совокуплении водиночку или без слабого пола : 1. онанизм 2. мужеложество или двоесущность (ubiquité).

Поэт высекает ... произведение искусства, удаляя всё лишнее - из какого сора растут стихи? - мне ближе образ колючей проволоки, вериг или конвоев.

Если же водопроводчик умеет говорить выразительно, значит, он тоже своего рода поэт - у поэта ценнее поразительность, чем выразительность. У водопроводчика, всегда, за словом торчит нечто, что нужно выразить. У поэта, порой, чем невнятней, тем вернее поражается то, чему он и сам пускается вслед.

*Я говорил не о прогрессе в языке, а о его развитии - **всё больше и больше норм** в поначалу **неоформившемся** языке – это и есть идея прогресса. То, что становится нормой для чиновников и адвокатов, никак не ущемляет и не расширяет прав поэта. Для современного*

творца, норм сегодня, я думаю, столько же, что и в самые безгласые периоды истории.

Латынь средневековая, между прочим, была сильно испорчена - что и заставляет мою бедную Настасью учить две латыни и даже сдавать два отдельных экзамена !

Говорил Сын Божий о красоте или нет – бабушка надвое сказала ...
Христос несколько раз в разных версиях *чертит знаки на песке*, ...
Христос писал стихи - он и изъяснялся порой стихами, но вот о принципе, делающем стихи ценными для человека, не обмолвился. Не хватает именно божественной размерности, а есть интеллектуальная – идея спасения, и деловая – идея искупления.

Намечтай-ка ты свой Искусственный рай, составь список полусотни или сотни лучших известных тебе французских стихотворений! - что проку, если в этом списке я, в отличие от тебя, не смогу блеснуть ни одним никому неизвестным именем, ни одним забытым стихотворением. Всё, что мне нравится, - среди всем известных авторов, и состязаться с *Жидом* или Помпиду не имеет никакого смысла.

Наши галлисты морочат мне голову Лотреамоном - есть такие имена вроде Лотреамона, Монтерлана, А.Бретона, Ж.Батай, Клоделя – все их произносят с великим придыханием, а откроешь – мрёшь со скуки ! Их имена очень даже складно вписываются в историю школ и течений в литературе, оттого они так живучи. Лотреамон был *открыт* сюрреалистами. Его лирическая *яростность (Малдорор)* действительно напоминает литературные дебюты *Рембо*, *Пастернака* или *Сьорана*, но острая недостаточность *зачелья* и скудость языка делают из него неплохого *вызывателя* только для восьмиклассников.

И Алоизиусом Бертраном, но это всё-таки стихи в прозе – не знаю такого. А стихи в прозе, кроме Бодлера с Шаром, пописывал, помнится, Тургенев. Толстой, с книгой для чтения, тоже к тому руку приложил. Да и Живаго - это, можно сказать, роман в прозе !

Мой интерес к поэтам-либертинам ... Франция же своим невежеством отчего-то гордится - могу сообщить тебе, что за последние 150 лет твой любимый Феофил был издан всего один раз, и притом, - в Италии, правда, по-французски ! Не без участия д'Аннунцио, небось. Кстати, о либертинах : что известно о подлинности пушкинских Тайных записок, которые ходят по белу свету, а мне кажутся немислимым подлогом.

Не верю я, что в стране Рабле и Вийона нет больше ни Рабле, ни Вийона - в стране, которая, не колеблясь, выбрала Мольера и славословит Бонфуа, кандидатам в Рабле не сладко (был, правда, Селин), а упрощённые варианты Шатобриана водятся – всякие там Соллерсы. Но поносить Францию, я думаю, тут не стоит. Твоя беда – неудачные собеседники. Не с журналистами же толковать о поэзии XVII-го века ! Я тоже некудышный чтец. Бессмысленны фразы : люблю музыку, театр, поэзию, - это то же самое, что : люблю рубашки, трубы, узлы. Кроме горизонтов, важна и – даже прежде всего ! – избирательность. Я читаю очень мало ; и в своей фанатичности, добился того, что десяти строчек мне довольно, чтобы создалось окончательное мнение об авторе. Одна загвоздка – смена жанров ! Оказывается можно быть совершеннейшим олухом в одном и светлейшей головой – в другом. Это, пока, для меня, за многими печатями...

Возишься с **искусственным интеллектом** ... перенести акцент со второго слова на первый, а потом глянуть в словарь Даля на его значение. **Искусственный** – это **сделанный с искусством**, отнюдь не антоним слова **естественный** – прагматическим антонимом искусственного является **человеческий**. Искус, то-бишь, соблазн докопаться до того, что предназначено человеку, – у истока искусства, и свойственно и искусственному интеллекту. А что такое естественный, я даже не знаю. **Жид** говорит, что это то, что ему приходит в голову, когда он видит, как пёс грызёт кость. Машинный интеллект в корне отличается от человеческого по той причине, что он непреклонно связан с представлением знаний, тогда как у человека всё основано на интерпретации без всякого явного представления. Я такого рода феномены называю тайной, как, кстати, и **Валери**. А в машине нет места тайне ; и основной заботой информатика, в этой области, является латанье интеллектуальных дыр в понимании нашего разума.

Анекдотец, приятный моему самолюбию, из этой сферы. Лет 8 назад, на одной международной конференции об иск.инт. было устроено полушутливое состязание : кто элегантнее и строже всех, и без всякой импровизации ad hoc, занесёт в свою систему знание о смертности Сократа. Я вышел победителем, из трёх дюжин претендентов, из всех развитых стран. Сценарий такой : *Создать человека ! Всякий человек смертен ! Сократ – человек !* После этого у машины можно спрашивать, например : *Почему Сократ смертен ?* или пытаться, безуспешно, заявить : *Сократ никогда не умрёт !* и т.д.

клоды **СИМОНЫ** ... размножаются не то митозисом, не то почкованием - как тут снова не вспомнить замечательную теорию **Р.Дебре** о трёх периодах культуры : идеосфера, графосфера, видеосфера. Мозги и

сердца формируются нынче по заготовленным образам, то-бишь, имиджам. Тогда как раньше присматривались к почеркам или идеям. Мы в веке экрана, а не Портика, и даже не бумаги.

*Неведомый мне Анри Делюи ... издаёт в Марселе какой-то якобы **престижный** журнал - есть такой журналишко *Action poétique*. Визуальная поэзия там в почёте. Роль воя или подвывания в заглывании дифтонгов. Когнитивное воображение как генератор поэтических образов. Это из тех, о ком **Вольтер** говорил, что они лучшие поэты среди геометров и лучшие геометры среди поэтов. Я как геометр им даже ни фиги, ни кукиша, ни языка показывать не хочу из-за неодолимой зевоты, а ты, думаю, не зачислил бы их в свой поэтический цех.*

*Ниже строки **Рене Шар** : у меня ощущение, что я набрал какую-то помойку - в кругообороте поэтически съедобного я и не знаю, куда их помещать : то ли на помойку, то ли среди одноразовых блевопредохранительных прокладок, то ли в ряды страдающих недержанием или логореей.*

*Женя (Кстати - этот шрифт, **росчерк**, проходит - или опять квадратики?) - проходит, тем самым курсивом, из **Берберовой** с Угрюм-Рекой. Кстати, не оттуда ли идёт моё фамильярное *мужайся, брат* ? Там где-то отец Ипатий, в большом подпитии, изгоняет, после исповеди, какую-то зарёванную бабу и произносит эту фразу, прежде чем пуститься домой, по стенке.*

Опять меня скосило на поношения, но ты меня сам на это натравил, - настроение у меня было самое мирное, соглашательское. Только соглашаться-то я могу только с голосом, а не с безликой долбёжкой

одной и той же околесицы, коей славны наши современники.

Так что не с остервенением, а очень даже примирительно жму твою
намозоленную пером шерстяную лапу, в твоей книжной берлоге-
читальне.

Твой неудавшийся скандалист

Гера

23/01/1999

Суроче лазурнобережный, salve!

Письмо от тебя выловил ещё вчера, но времени сесть за ответ не было, самое же главное – ломал голову над тем, что я сделал с [Пастернаком](#). Это ведь попытка применить к [Пастернаку](#) метод поэтического перевода самого [Пастернака](#). В частности, эта система велит *Август* уже в названии как *Август месяц*, сделать некоторое количество неизменных ошибок (заметишь, что просьба *пронести чашу* становится просьбой *унести блюдо*), ввести хотя бы один-два идишизма (в частности, что делать с выражением *годы безвременщины*, которые по-русски были бы годами *безвре́менщины*), ну, хотя бы несколько строк ввести в каждый перевод чисто пародийных – не ровен час, ещё примут потомки моё развлечение за оригинал и напишет будущий *Диоген Лаэртский*: *Было много Пастернаков* и т.д. Записываю по памяти.

Но это всё предисловие, тут и пародии-то почти нет. Забыл сказать, что предполагаемая публикация этих переводов непременно должна быть снабжена параллельными текстами оригиналов, что составляет идиотскую моду во всём мире и для любых переводов, а на самом деле просто удваивает объем книги и цену на неё. Ну, ладно.

Ну, вот я тебе *с потрохами* сдался: во-первых, меня запросто можно объявить антисемитом, во-вторых, попутелем святынь, а дальше по списку всех девяноста девяти смертных грехов, который имелся у кого из русских святых, то ли у Нила Сорского, то ли ещё у кого-то, не помню и вспоминать не хочу. Мне важно было – среди прочего – проявить очень высокую технику и пластику стиха, эффектную

аллитерацию, заслоняющую смысл (кажется, вышло: *олешник одолевши...*), при этом остаться в пределах точности перевода, и лишь плимутроками с леггорнами намекнуть, что это всё-таки пародия. Кое-где (на счёт землемерши-геодезистки) вышло чуть ли не дословно. Для меня этот пример перевода был интересен тем, что ему поддался только [Пастернак](#): из [Блока](#) ничего не вышло (ибо переводчиком [Блок](#) был плохим и никаких *принципов* и *методов* я из него не извлёк), в ещё одном случае вышло поразительно не смешно (вышли *другие хорошие стихи*, а этим никого не убедишь, а был это, увы, Бенедикт [Лившиц](#)), покушение на [Мандельштама](#) привело к головной боли – и т.д. С [Цветаевой](#) кое-что получилось, но только тогда, когда я взял её стихотворение, написанное по-французски, это нужно обработать – тогда пришло. Вот такое моё надругательство над родным пантеоном... Кстати, я давно разработал *тест*, без прохождения которого не принимал к себе в семинар. Если хочешь, проверь на нём себя. Вот рецепт.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ГЛАВНЫХ

Обдумайте, кто из русских поэтов XX века – ваши любимые, ваши *главные*. Это не иерархия ценностей, это – ваша книжный полка.

Ответ на вопрос *что есть XX век* таков (даю подсказку): [Случевский](#) – это ещё XIX век, ибо 99% написал всё-таки до 1900 года, Владимир Соловьев – тоже, а вот [Анненский](#) – уже XX век, ибо если у него и есть о чем разговаривать, то это всё создано после 1901 года, родился он в 1856 году, все прочие, кто может придти Вам в голову, неизбежно окажутся моложе. Не ограничивайтесь *Серебряным веком*. Хоть своих знакомых пишите, но это должна быть именно *оригинальная поэзия*, а не *Переводы Дубина из Борхеса*, как мне один хороший человек

написал. Ну, а теперь расположите их в следующем порядке:

1. Первая тройка – не первый, второй, третий, а именно *трое любимых*, без определения, кто кого главнее.
2. Вторая двойка: кто-то неизбежно в *первые* не поместился – впишите их сюда. Образовалась *Первая пятерка*
3. Вторая пятерка: *места с шестого по десятое включительно*. Не ломайте голову, кто *шестой*, кто *десятый* – пишите подряд, но именно столько, сколько сказано.
4. Вторая десятка на тех же условиях: *места с одиннадцатого по двадцатое*, тоже без определения *кто за кем*.
5. Последняя пятерка. Сюда впишите тех поэтов, которые – Вы это понимаете – на *великие* не тянут, но кто важен для Вас лично.
6. Последнее – факультатив (можно и не отвечать). Напишите несколько (не больше пяти) поэтов, вызывающих у вас резкую антипатию.

Вот и весь *тест*, ломай голову над ним хоть месяц, хоть не заполняй вовсе. Я собрал уже больше двух сотен ответов, и заранее скажу тебе, что солгать тут невозможно: тест выдаст тебя с головой и потрохами. Я после получения теста спрошу: почему у тебя нет (обычно всего две-три фамилии), дальше мне отвечают или *как же я забыл* и поправляют ответ (что можно и нужно делать), или *я не читал*, или *не люблю*: меня устраивает любой вариант. Я даже Евтушенко заставил этот тест сдать, и оказался его ответ таков, что не знай ты, кто автор – немедленно заподозрил бы, что это он и есть (впрочем, отчасти потому, что он во второй десятке назвал им же открытого Щиrowsкого (1909–1941), за что ему Россия вообще-то грехов сорок должна простить). Советую и тебе ответить. Добавлю, что ежегодно сдаю эту анкету САМ СЕБЕ.

Насчёт моих коллег, которым придется переквалифицироваться из поэтов-переводчиков в ещё кого-то ты не только прав – это уже случилось. От всей нашей переводческой школы только я и мои ученики и остались, остальные – печальные дилетанты (и просто графоманы). На памятник тому, что было, всё-таки поставил, издав свою антологию. Кстати, мне продолжают слать для неё материалы даже теперь, а я всё вспоминаю песенку [Брассенса](#) про Маринетту.

Насчёт *сбора винограда* – меня уже звали на это занятие в Италию, и я отказался – слишком жарко (Апулия). Разъясни, какова в это время температура воздуха, если она за 30 не особо заходит – приеду. В Испании и Южной Италии точно больше, а это означает для меня тепловой удар и приступ, так что ответ будешь знать заранее. Температура нужна именно *в тени*, к шляпе-сомбреро я приучен с детства, а такой тени мне достаточно.

Кстати, насчёт препоручения перевода машине: в том-то и дело, что алгоритма в этом занятии нет. Я и сам понятия не имел, что можно употребить церковнославянское *сим (не) победиши* в юмористическом сонете, покуда этого не сделал. Машине нельзя дать задачу, о которой ты вообще не знаешь, что она существует. Переводчику – не рядовому – запросто можно. У [Бокажа](#) Элвира орет: *Ты погибнешь!* Кабы мне не было жалко трёх других рифм, я бы эту – главную – не только не нашёл, *я бы её не искал!*

Насчёт легенды о папессе Иоанне – есть написанный в прошлом веке на новогреческом роман Ройдиса, переведен на русский (Вадим, который мой сын, смотрел в новогреческий оригинал, и говорит, что *один в один*). Пропаганда лютеран меня мало интересует, а легенда...

Ну, красивая легенда, и жаль её. Даже если это чистая выдумка – всё равно жаль. Ты, наверное, знаешь о том, что папы с именем «Иоанн XX» никогда не существовало: Иоанн XXI (Пьетро Юлиани) принял имя, ошибшись в счете! Не могу выяснить, использовал ли кто-нибудь этот сюжет. Здесь интересна не нумерология, а чисто [борхесовская](#) история папы, которого не было потому, что его номер выпал из счета. *Папесса Иоанна* затрахана так, что уже всё равно *была*, даже если Иоанн Восьмой или Девятый (смотря как считать) был мужчиной – была в литературе. А вот Иоанн XX, который даже *забыл быть* – для меня хороший сюжет. Трое шестых Далай-Лам, трое пап с именем *Иоанн Двадцать Третий* далеко этому уступают. Вторая часть *Дон-Кихота*, сочиненная Авельянедой, существует уже потому – и даже бессмертна – что [Сервантес](#) заставил её героев фигурировать в *своей* второй части.

А насчёт [Ходасевича](#), нет, *еже писах – писах*. Что думаю, то и написал. Если я сообщу тебе, что *основная* тройка в моём списке-тесте не меняется уже лет двадцать пять – тебя это не удивит, ты знаешь, что я человек верный. И будут это в добавку к [Ходасевичу](#)... Бунин с Клюевым, второй двойкой добавятся [Мандельштам](#) и [Блок](#), хотя я прекрасно понимаю, что для мировой литературы из всей этой компании важен только [Мандельштам](#), а для России кто угодно, но не Бунин. [Анненского](#) кто-то назвал символистом и замутил воду, был это чистейший и единственный в России импрессионист. В любимых поэтах его не держу, но бывают ночи, когда никого, кроме него, читать не буду. У [Гиппиус](#) очень высоко ценю дневники, изданные [Берберовой](#), а из её стихов запомнил четыре строки:

*Я Богом оскорблён навек,
За это я в него не верю*

*Я самый жалкий человек,
Я перед всеми лицемерю.*

На том интерес мой иссяк. Хотя в моей четырёхтомной эмигрантской антологии она есть, и книгу не портит. Просто это второй ряд, и только. А за 5-6 стихотворений *Европейской ночи Ходасевича – Соррентинские фотографии, Гляжу на грубые ремесла, Где пахнет чёрною карболкой, Я, я, я. Что за дикое слово...* и т.д. – боюсь, отдам всех поэтов второй половины века и сдачи не спрошу... Про Георгия [Иванова](#) мне трудно судить, я его трёхтомник издал и стихи уже распались на звуки, но он тоже не из великих, хотя во многом уникален. Вячеслав [Иванов](#) – великая школа, но никакой благодати. С [Кузминым](#) сложнее: на великого не тянет, но без него у [Ахматовой](#) читать бы нечего было (в *Поэме без героя* она ободрала его как могла). Я очень даже согласен спорить о достоинствах русских поэтов, но – сам вспомни – сперва я, а теперь и ты о поэзии [Хлебникова](#) (только о поэзии, о прочем речи нет) мнение немного сменили. В 20 лет это для меня был набор слов, в 35 – оказалось, что и поэзия, и пластика – всё на месте. Что не отменяет его безусловно безумия.

До составителей словарей водопроводчик докричится. Но всю лексику его (тов.Хабибулина) в прыдущем письме я уже привел. И она уже лет триста даже в пунктуации не меняется. Адам Олеарий (1625/6) был в Москве, просил у пьяного, полуголым валяющегося у дверей кабака, зачем он расточает достояние своё и своих родных. Пьяный ответил: *Jabut fui matir*, что Олеарий перевёл как *Не суйся не в своё дело*. Чем не образец художественного перевода? Так что язык у тов.Хабибулина мало изменился, сам посуди.

Перечисленные тобой как советские писатели (т.е. без бранного оттенка, без оскюморона, которым пахнет выражение *советский поэт*) – Булгаков, Замятин и т.д. – советские писатели и есть. Не-советских вообще очень мало ([Набоков](#), [Кржижановский](#), ну, ещё до десятка дотянем – и кончен список). А [Пастернак](#) вообще секретарь Союза Писателей, и скандал 1958 года ничего не меняет. Впрочем, прозу его ДО *Доктора Живаго* переносу с трудом. А в *Докторе* прямо хоть заклеивай баб папирсной бумагой. Тогда останется одна из величайших книг нашего века. А из стихов его, боюсь, лучшим стихотворением окажется... перевод из [Рильке](#), *За книгой*. Без соотношения с оригиналом.

Кстати, известна ли тебе такая история: [Цветаева](#) по просьбе Галлимара предоставила для антологии *Antologie de la littérature soviétique* (1935) одно своё стихотворение, которое глубоководные издатели семитомного собрания сочинений [Цветаевой](#) поместили в последнем томе с интереснейшим *примечанием*: *Русский оригинал стихотворения Снег пока не обнаружен*. Прочти стихотворение, а потом всплакни над этим *пока*.

И дата под этим *предположительная* – 1923.

Чтобы не разыгрывать тебя когда не надо, скажу сразу, что в разговоре с А.А.Саакянц, составительницей семитомника, я её спросил – всерьёз ли они предполагают, что у подобного стихотворения *вообще мог быть русский оригинал*. Она подумала, с кем-то посоветовалась и сказала, что я прав, что стихотворение будет считаться оригинальным, написанным по-французски, что мне принесут благодарность и т.д. Велика заслуга... Впрочем, я не стал Саакянц расстраивать, ибо я-то вполне мог бы перевести это творение на русский и устроить розыгрыш. Наше драгоценное литературоведение потрясает меня двумя качествами: девственной

безграмотностью и полным отсутствием чувства юмора. Первое я бы простил, второе – не могу простить никому.

Поэт высекает... и т.д. – прости, я цитировал сонет Микельанджело в переводе Вячеслава [Иванова](#): *Нет замысла, какого б не вместила / Любая глыба мрамора. Творец...* и т.д. Водопроводчик – обрати внимание – может и вовсе без слов обойтись. Лексику тов.Хабибуллина можно заменить жестами. Для литературы этого мало, а кино искусством пока что не стало (100 фильмов за сто лет – не доказательство, а исключение, сопоставь с истраченными на него деньгами).

[Христу](#), возможно, было не до поэзии. Но вот когда в антологии еврейской поэзии за 33 столетия молитва *Отче наш* переведена в столбик и записана как стихотворение (уж и забыл, как они там наименовали [Христа](#), но как-то по-арамейски) – после этого пропади пропадом вся поэзия. Мне даже *логи* иной раз говорят больше, чем, прости Господи, *синоптики*, у которых иной раз текст явно испорчен. Поэтому то, что Евангелиях есть часть детективная и отчасти даже юмористическая (посмотри в *Деяниях Апостолов* место, где по совету Гамалиила апостолам навешали по ушам и... отпустили их), а автор *Деяний* – всё тот же Евангелист Лука, заставляет меня читать Евангелие просто как живую хронику, где записано *далеко не всё*. Евангелисты записывали то, что было важно им – а не то, что важно нам. Поэтому я отнюдь не считаю сочинённое моим другом Кириллом Еськовым *Евангелие от Афрания* богохульством, – кстати, где-то она выставлена (некая *Библиотека Машкова*).

В Интернете, кода не знаю, но простая искалка книгу найдёте быстро – просто очень недурная книга, и только.

Стихи в прозе [Тургенева](#) – прости, вспоминать совестно, лучше уж граф Хвостов. По-русски пошлятина выходит, да и не стихи в прозе получаются, а плохие стихи, изложенные очень плохой прозой.

Aloysius Bertrand, Caspar de la Nuit – довольно сильная книга. Однако в русском переводе остались от неё рыбы ноги. Но уж то, что это интересней Лотреамона – подтверждаю.

А что известно о подлинности *Тайных записок...* М.И.Р. (Армалинский, Баевский, Соколов) бесплатно присылают мне все книги их издательства, провоцируя что-нибудь о них написать: но из этих писаний они складывают свою выпуски *Парапушкинистики* (только что прислали третий выпуск), а в этом дерьме я купаться не согласен. Заглянул я на их сайт, прочёл *Записки...* Плохо, скучно, без выдумки, к тому же как две капли мочи похоже на собственные писания Армалинского. *Записки* – даже не подлог, а просто скукотища. Если б мне больше нечего делать было, я пустился бы в локазательство подлинности этого произведения, притом исходя из того, что Армалинского не существует, Баевского не существует и т.д. – в силу того, что их мам трахали такими способами, при которых зачатие вообще исключено – и т.д. Ну, а [Пушкина](#) вообще не было, эти записки – единственный оставшийся от него подлинник, а всё остальное писал кто-то другой! Годится?..

Прости, но вся история с *Тайными записками* сводится к слову ЛАЖА.

А мой любимый Феофил – обрати внимание – очень неплохой поэт. И если его в Италии всё-таки издали, значит, у кого-то голова на плечах оказалось. [Вийона](#) между изданиями Клемана Маро (1542) и основным изданием аббата Пронсо (1832), напечатали тоже только раз (издание Кустелье при Филиппе Орлеанском, 1723): это один раз за почти

триста лет. Вийон хуже не стал.

Под твоим пассажем о машинном интеллекте я наконец-то готов подписаться. Хотя всё время вспоминается: *...Кай смертен. Следовательно – Кай хоть немного, да человек (Кржижановский).*

А ни Голландия, ни Португалия премий мне не дадут. Выдвигали меня за переводы из Фоккенброха на престижнейшую в Голландии (хотя откровенно масонскую) премию Принца Бернарда. Ну, провалили в каком-то круге, чуть ли не в последнем... Не жду я никаких премий, а те, что получил, считаю очень случайными. Это вроде как разговор о тм, почему Борхес, Набоков, Брехт, Эко, Павич и т.д. остались/останутся без Нобелевской премии. МНОГО ЧЕСТИ ЭТОЙ ПРЕМИИ БЫТЬ ПРИСУЖДЕННОЙ ПЕРЕЧИСЛЕННЫМ. Нет, она – для Шойинки, для Фо, для Гордимер, для Уолкотта и прочего пятого сорта. Честное слово, мне завтра ехать за экземплярами моего Китса в *Бессмертной Библиотеке* – а лучше бы посидеть и перевести кусок *Пантеи Уайльда* или страничку-другую романа написать. Мне ни гроша не нужно сверх минимума для работы, в том числе и признания. Впрочем, звучит уж больно кокетливо – после того, как я издал две самых больших антологии русской поэзии *как хотел*, без цензуры. Но ты поверишь, потому и говорю.

Кстати, вот тебе Фоккенброх – мой любимый голландский скарронист. Родился не очень точно известно когда, был врачом, от бедности уехал в Западную Африку и там пропал не очень точно известно когда. Часть стихотворений – вольные переложения Скаррона, Сент-Амана и ещё кого-то из французов.

Вот примерно половина того, что я у него напереводил. Он плохо издан, неважно изучен, что хуже всего – половину жизни извёл на

нестерпимо скучную пьесу. Последнее стихотворение – кажется, прислано уже из Африки, там, где-то в Гвинее, он и пропал. Во всяком случае, надеюсь, не заскучаешь (хотя сонет *Вы, исполинские громады...* – почти перевод из всё того же Поля Скаррона, но в те времена точная разница между переводным творчеством и оригинальным никому не была известна, но ведь и теперь – тоже).

А насчёт [Декарта](#) – не так всё просто. Достань *Ульмскую ночь* Алданова. Получается, что именно [Декарт](#) был столпом внечувственного познания мира. Ну, если не столпом – то методом такого познания здорово пользовался. Кстати, Христина после 1654 года венценощицей уже не была, а любовником её был, чай, кардинал. Ты опять кушаешь отравленную пилюлю: я всё-таки не всерьёз тебе Христину с Татьяной сопоставляю! Ты написал АКТИВНУЮ женскую любовь – ну, я тебе и предъявил АКТИВНОСТЬ: с пушкой. Эдак ты и мои *переводы* из [Пастернака](#) всерьёз примешь... В следующий раз приведу в виде примера Юлию Домну, или уж Мессалину, что ли.

Насчёт *Искусственных раёв* я всё же думаю, что написать свою центифолию французских стихотворений будет интересно тебе самому. Ну ясно, будет там и *Пьяный корабль* и *Кладбище* и, наверное оба *Лебедя* – но мне интересны не имена, а сами стихотворения, причем те, которые начнутся во втором-третьем десятке. К примеру: что [Шар](#) должен быть – я и сам знаю. А вот выбрать из него *главные* стихотворения легче тебе в Провансе, чем мне в Москве. Или другой пример: а что извлечь из того же [Гюго](#)? Ну, [Мюссе](#) обречён быть какой есть у [Набокова](#) (*Декабрьская ночь*), но таких случаев не особенно много. А чтобы не терзаться – *где остановиться* – так жанр центифолии освящен больно уж древней традицией. Единственная русская, мне известная, составлена В.Ф.Марковым и недавно издана.

Не согласен я в ней почти ни с чем, но всё равно очень и очень интересно, да и к кое-каким именам (того же дьякона Буслаева) именно он привлек моё внимание. Я ведь когда-то тоже не выдержу, составлю свою. Впрочем, в жанре центифолии неприменим принцип *одно стихотворение одного поэта*, так вот на него ты плюнь, вписывай столько на одного, сколько нужно твоей душе. Оговоримся, что Мистраль – это уже не французский язык (но [Брассенс](#) – ещё французский, в чем, кажется, никто сомнений и не питает). Кстати, что это за легенду мне принесли, будто кто-то нынче возрождает один из двух корсиканских языков (олтремонтанский, кажется, но я могу ошибаться)? Или это такая же лажа, как баскское возрождение? Пока что из всех этих ультралокальных языков убедил меня в своей реальности мальтийский, но и то потому, что он другой группы, да ещё потому, что у них своё государство есть – а это *способствует*. Кстати, добирался ли ты до Мальты? Пока что ни один человек, островки посетивший, не остался равнодушен (кроме одного, который сдуру завалился туда в августе, а там в это время под 50 Цельсия, что обеспечило добротный инфаркт, и человек рад, что жив остался).

Письмо опять разрастается до мегабайта – *генуг трепаться*. Обнимаю, суроче, спасибо за заботу – авось не ограничимся в оставшейся жизни виртуальным трепом.

Обнимающий тебя –

Женя

25/01/1999

Здравствуй, попиратель и глумитель !

Вот такое моё надругательство над родным пантеоном... - второе упражнение недурно. Чтобы растянуть наше обоюдное балагурство, попробую-ка я спародировать моих заклятых нелюбимцев, официальных философов. Скажем, держателя сорбоннской кафедры Конт-Спонвиля (потомка О.Конта), серого материалиста, доказывающего необходимость отчаяния. Этой породе свойственна мания цитирования, почти всегда ни к селу ни к городу. Вот, скажем, так :

Из¹ белобокой² коровы³, влачимой⁴ на убой⁵, малодушно⁶ струились⁷ блины⁸.

1. Строго говоря, нам следовало бы употребить предлого-наречеевую конструкцию : *посредством местопребывания*, как это совершенно справедливо замечал уже Гераклит, обращаясь всё же не к задне-настроенным, но пред-устремлённым извержениям (*Ad corovam rogatim, Sac dam po Grecoram*, Acad. edit., MCMXXXIX, Civitam Luthetiae, pp. 243, 542-673).

2. Я отдаю себе отчёт, что это вызовет массу возражений у моих коллег по Сорбонне, но я беру на себя этот риск, в силу следующих обстоятельств. а. Первое упоминание белобокосты, как это блистательно доказал мой ученик Ж.-Пх.Жопин, относится к 24-й династии фараонов... б. Несмотря на все усилия Гёттингенской (*Über Mühe und Kühe*, Opus Goettingenium Sapientium, 1889) и Оксфордской (*How to bow a low cow*, Advanced Psychological Studies, H.M.Grant

132/98/ITG, 1916) школ, так и не удалось доказать отсутствие белобокости на широтах к северу от полу-гельветов...

3. Велик соблазн пойти вслед Веданте (см. *Hindustan High School Selected Master-Pieces in Kobenhavn Congress of Cine-Epistemic Issues*, 1978, pp. 342-584) и ввести кота, а то и пса, вместо коровы, но плачевные результаты, полученные на этом пути рядом исследователей Сардинии и Патагонии, наводят на мысль, что избранная нами линия обещает наиболее перспективные находки.

4. Мы отнюдь не закрываем глаза на возможность не только влачить, но и тащить тотемообразное животное. Именно так следует интерпретировать не только Фукидида (*Ponos na Molocossos xot Rogonos*, 27-я песнь Питийского Оракула, §§ 54-91), но и Спинозу (*Bol Vanus Immensis*, Amsterdamis, MCML, pp.543-913).

5. Читатель, конечно, догадался, что мы заимствуем эту идею у Иоанна Патмосского (*Spilas, obos Salas*, в изумительном переводе Дж.Булла, *Drunk but not Pissed Off*, Chicago, Fresh Meat Edition, 1994).

6. Как не отметить, что столь же вызывающий эпитет был употреблён Ницше (*Weg mit den Tarakanen!*, *Eisenbahnhofhandgepäckaufbewahrungschefstochtersprüfungsfehlerverbesserungsmöglichkeiten*, 1893, Zürich), а также М.Фуко (*Les mots et les Cloportes*, NRF, 1978, Série *Les Pensées qui dérangent*).

7. Неуместны ссылки на близость санскритских и суахильских корней (*Kenyan Contributions to Transcendental and Dental Modern Thoughts*, Dakar, 1st Transcontinental Ontological Conference, Proceedings, 1995), ибо их родительный падеж множественного числа непременно

содержит придыхание, начисто отсутствующее в нашем примере, где господствует издыхание.

8. Сколько разноречивых комментариев вызвало введение этого понятия в научный обиход Тимофеем Фердыщенко (*In Gaunum Veritas*, Transl. From Russian, Труды Акад. Наук, Севилла, 1965, *Mordas y Jarias*)! Следует признать непереводаемость этого многослойного концепта ; наиболее удачна, на наш взгляд, перифраза Джованни Дуракки *Merdum Merdorum*.

Первая тройка... - мои любимцы – те же, что и у самого заурядного десятиклассника, чуть-чуть переваливающего через школьную программу, - ничего оригинального ! Пастернак, Мандельштам, Цветаева. Потом – Блок и Ахматова. Потом – Маяковский, В.Иванов, Сологуб, Бальмонт, Гиппиус. Потом – М.Кузмин, В.Соловьёв, М.Волошин, Г.Иванов, Ходасевич, А.Белый. Интереснее было бы указать тех, кого мы исключаем. Я : Анненского, Гумилёва, Брюсова, Хлебникова, Клюева, Северянина, Городецкого, Есенина, Эренбурга. А антипатий никто у меня не вызывает. В эпоху, когда большинство рук тянулось к ножу, всякая рука, берущаяся за перо, кажется чуть ни родным сообщником. Впрочем, кой-кто приложился, вольно или невольно, и к поножовщине : Н.Тихонов, что-ли ?

Тест выдаст тебя с головой и потрохами - выдаст ту часть головы, которая у меня не самая занятая, и ту часть потрохов, в которых немало несварения. Вся моя книжность остаётся на эпидерме, а внутри нутра – только струны, натянутые или расхлябанные, яркие или ржавые. Самое главное, что привожу их в движение я сам. Извне приходит ритм, а всё дело – в интерпретации (по-французски, как, впрочем, и по-английски, получается хорошая игра слов : и

переиначивание-прочтение и передача звуком и смыслом того, что было лишь знаком и намёком).

В тебе решительно утверждается обширность и глубина, к которым у меня крайне сдержанное отношение. Я готов, порой, навязать себе позу шарлатанства или любительства, только бы не оказаться в шкуре *профессионала*, хранителя достигнутых границ и горизонтов. Меня интересует высота эха, после моего вопля, всхлипа или стога, и высота голоса, который нам *бывает* в минуты напряжённого вслушивания или болезненной глухоты. В самых *отзывчивых* местах следовало бы пестовать благословенную пустоту-пустыню, в которой тем звонче раздавался бы глас Божий или же голоса заблудших пророков. Место знания – на периферии, где располагаются словари, цензуры и кассы.

*Насчёт **сбора винограда** ... Разъясни, какова в это время температуры воздуха - 15-25, после 15-го сентября. А в июле-августе – 22 – 30.*

Перевода машине: в том-то и дело, что алгоритма в этом занятии нет - я думаю, что есть. Возвращаясь к твоей теме случая, скажу, что из всех алгоритмов самым строгим должен быть как раз алгоритм порождения случая! В доле непредсказуемости машина уже подбирается к человеку. И однажды она объяснит свои решения паршивым настроением или мерзкой погодой на дворе.

Машине нельзя дать задачу, о которой ты вообще не знаешь - кроме собственно задачи, у машины уже есть когнитивная модель мира (по-человечески тенденциозная и неполная) и набор решателей-интерпретаторов (кантовских априорных знаний), умеющих

обходиться каким угодно туманным намёком, чтобы пуститься во возвращение из него стройного древа, почти по методу [Валери](#) !

Папесса Иоанна затрахана тах, что уже всё равно была - как и, прости за богохульство, [Иисус](#) ! Без *Полка Игорев* история русской литературы может обойтись, но без Нагорной проповеди европейская история бессмысленна. Есть два приемлемых прочтения Евангелий : затыкать уши от голоса невозможных фактов (как это делаю я) или закрывать глаза на невозможные мысли (как это делает Церковь).

У [Гиппиус](#) очень высоко ценю дневники - никакой историк, никакой свидетель или актёр так отчётливо не передал атмосферы и движущих пружин русской революции, как З.Г., в *Петербургских Дневниках*.

Отчего свобода, такая сама по себе прекрасная, так безобразит людей !

Перевод из [Рильке](#), *За книгой* - тоже одна из причин моего решительнейшего отказа от всяких потуг что-либо производить самому. Я ведь тоже перевёл эту вещицу, но когда сравнил с [Пастернаком](#), то густо покраснел и провалился сквозь землю, чтобы уж больше не появляться на той же ниве.

Qui suis-je et où vais-je ? – любой француз подхватил бы : *Où cours-je ? Dans quel état j'erre ?* Слух у [Цветаевой](#) уникальный и безупречный. Насколько невзрачен [Рильке](#) в своих французских *Vergers*, и насколько изумительна [Цветаева](#) в своих немецких письмах к тому же [Рильке](#) !

Поэт высекает... и т.д. – прости, я цитировал сонет Микеланджело в переводе Вячеслава [Иванова](#): *Нет замысла, какого б не вместила /*

Любая глыба мрамора. Творец... и т.д.. – я об этом догадывался. В переводах, что мне попадались, эта строфа перевирается до неузнаваемости – в ней гимн поётся не поэту, а уму !

Non ha l'ottimo artista alcun concetto

Ch'un marmo solo in se non circonscriva

Col suo soverchio, e solo a quello arriva

La man che obedisce all'intelletto – то, что я перевёл, в своё время :

Toute pensée peut se loger, pour un bon artiste,

Dans un bloc difforme de marbre. Mais seule la main

Qui suit l'intelligence, peut lui donner une forme.

Посмотри в *Деяниях Апостолов* место, где по совету Гамалиила апостолам навешали по ушам и... отпустили их) - да и пьянство как источник недоразумения с Пятидесятницей...

Стихи в прозе *Тургенев* – прости, вспоминать совестно – действительно, с этим жанром на Руси – худо. На Западе, вслед за *Бодлером*, стали обозначать этим термином и известную прозу *Ницше*, и Уальда, и *Шара*. Это вплотную подходит к жанру афористики, который в Скифии, кроме Шестова, кажется, никому не удавался. Знаточи что-то в Розанове унюхивают, но моему чутью это недоступно.

Прости, но вся история с *Тайными записками* сводится к слову ЛАЖА - слава тебе, господи, а то я уж бог весть что вообразил о состоянии умов ! Я видел только французское издание, без малейшего намёка на сомнительность этого предприятия.

А насчёт *Декарта* – не так всё просто - да я же не тягаться с *Декартом*

намерен, и мои прокурорские замашки дальше моей, совсем не иезуитской, камеры не идут. Просто то, что, в какую-то эпоху, вполне могло восприниматься как неслыханный по дерзости вызов, в нашу, звучит как мелочная возня с неинтересным соперником. Мне нравятся перчатки, поднятые той же рукой, что их и бросила.

Декарт был столпом *внечувственного познания мира* - познают мир теперь такие беспросветные олухи, что мне всё больше и больше охота *чувственного его незнания* ! Теоремы рождаются из поэмы, - и слава тому, кому остаётся доступен первоисточник ! Но жуток тот, кто ритмы и рифмы прослушивает сквозь теоремы !

Эдак ты и мои переводы из Пастернака всерьёз примешь... - когда во взгляде первенствует целительная ирония, серьёз соприкасается с зубоскальством и образует спасительный намордник перед самой опасной заразой – скучищей ! За *душой* у меня, почитай что, никакого накопленного ярлычного добра нету, и вздумай ты, завтра, колошматить мою Татьянушку, звонко и с ладной расстановкой, так я ещё и в ладоши стану бить. А вот когда ты скажешь, что раззевался на пятой строчке моего письма, то я и всерьёз смогу расстроиться.

Раскладывание по полкам – похвальное занятие для мозгов, но много похвальнее – возведение этих самых полок. Даже *виртуальное*, то-есть и без умения на них вскарабкаться и без добротного и весомого товара. Когда соседство воспринимается как явление архитектурное, а не коммунальное. Когда прослушиваются и просматриваются толстенные стенки, а сообщаемость вдруг становится интересным барьером, поверх которого бывает прелюбопытно глянуть.

Кто-то нынче возрождает один из двух корсиканских языков

(олтремонтанский, кажется - язык там, по-моему, один (на нём бывают еженедельные, в часик, передачи по телевидению). Происхождения он генуэзского. А ультрамонтаны это как заморские гости – загорцы : для итальянцев это французы, для французов – итальянцы. В одном Марселе больше корсиканцев, чем на всей Корсике. Очень интересен полифонический корсиканский фольклор.

Из французских поэтов-либертинов XX-го века могу порекомендовать приятеля Валери и Жида – Пьера Луиса (Louÿs). Вышло у него тысячестраничное *Œuvre érotique*, где водятся и романы и стихи.

Во Франции есть, поди, множество издательств, балующихся этой тематикой. Мне известно только одно : *Sortilèges* (дочерняя фирма более крупного заведения *Les Belles Lettres*), где выпущены сотни книжиц фривольного характера.

Vale,

Гера

28/01/1999

(Выше должен стоять гриф *И мой сурок со мною!* Пытался сочинить рисунок медведя и сурка, вдвоем обнимающих бутылку, но боюсь, что Интернет ничего этого не передаст, сперва нужно рисовать на бумаге, потом сканировать на полмегабайта... Словом, считай, что рисунок уже есть)

Привет, сурочек!

Вчера отослал тебя письмо, какое сочинял чуть не пять дней, ответа ждать рано, так что *заложил файл*. А письмо с экзерсисами твои вокруг коровы получил и основательно поржал. Видимо, доделаю свои маргиналии к твоим примечаниям, потом вместе отредактируем, после чего я через [Гаспарова](#) передам это в очень толстый журнал *Новое Литературное Обозрение* (НЛО), и там наш бред с гарантией напечатают. Пока что сообщи, откуда г-н Kutje Kunt (так его зовут, что ли?) фразу о корове извлек. Я обогащу всё это нидерландскими и португальскими источниками, жаль, ни ты, ни я, лыка не вяжем на восточных языках.

Теперь посмотри на свой список:

1. [Пастернак](#)
2. [Мандельштам](#)
3. [Цветаева](#)

4. [Блок](#)
5. [Ахматова](#)

5. *Маяковский*

6. *Вяч.Иванов*

7. *Сологуб*

8. *Бальмонт*

5. *Гиппиус*

11.*Кузмин*

12.В.Соловьев (извини, это прошлый век, что стояло среди условий!)

13.*М.Волошин*

14.*Г.Иванов*

15.*Ходасевич*

16.*А.Белый*

17.

18.

19.

20.

Курсивом выделены те, кого пишут действительно ТРАДИЦИОННО. А вот тебе мнение о прочей части:

Ты просто не дописал список – говорит это о том, что 25 русских поэтов у тебя в оперативной части головы сейчас нет. Каждая вторая анкета (в русской провинции – каждая первая) выглядит именно так. Поскольку Соловьев тут стоит явно незаконно, ты предъявил мне не 25, а 15 поэтов – что говорит о тебе очень много (прежде всего то, что к тебе многие книги не попадают).

Кроме того, вот тебе резюме на твоих *неприемлемых*: ты назвал их 9, а я просил только пять. Притом среди них двое таких, которых я никогда не видел ни в списках *любимых*, ни в списках *нелюбимых*:

Городецкого и Эренбурга (ну, среди *нелюбимых* Городецкий был один раз, кажется, Эренбург – никогда). Иначе говоря, ты активно не любишь... прочно забытых, притом по заслугам.

Про остальных моё мнение:

Анненского ты, похоже, *не прочёл*. Странно было бы любить Северянина (хотя он в списках бывает, и часто), имея голову на плечах, позже перепишу тебе пародию Адуева и Арго на него, котоая лучше, чем он сам). Есенин действительно пустое место, но для меня он половина пустого места, а вторая половина *того же самого* пустого места – **Маяковский**. Любить **Гумилёва** можно лишь в пределах двух стихотворений *Слово* и *Лес*, прочее с возрастом непременно проходит. Любить Брюсова – странно, хотя я такую любовь могу оправдать. Скорей уважаю: ведь 30-40% Брюсова не издано до сих пор! Во трудолюбие! Зависть берёт. Не любить **Хлебникова**? Это мы уже выяснили, не обязательно его любить – но у тебя вышло, что любишь ты **Маяковского**, который только в пределах поэтики **Хлебникова** что-то внятное лопотал, воруя горстями, а вообще-то был такой бесподобной сволочью (возведенной Сталиным в государственные поэты лишь после того, как в них не сгодился Есенин, **Маяковский** же был свой брат-грузин), что и писать о нём тошно, эсэсовец, да и только эсэс – сокращение прежних лет для выражения *советская сволочь*). Ну, о Клюеве разговора нет: ты сравни раннего Клюева с *Часословом*, местами сходятся один в один! (*Ты всё келейнее и строже, / Непостижимее на взгляд: Но кто же, милостивый Боже / В твоей печали виноват?*) Меня поразило именно сходство с **Рильке**, и лишь потом я разобрался в остальном.

Интересно в твоих заметках вот что:

Ни одного *сатириконца* (Саша Черный, Дон Аминадо и т.д.). Ни одного

обэриуэта. Ни одного имажиниста.

Ни единого *малого* символиста (кроме [Гиппиус](#), но – видать – что-то ты в ней нашёл, а я такие чувства уважаю). Никого, кроме Г.[Иванова](#), из *Цеха поэтов*. Ни единого поэта второй или третьей волны эмиграции. Ни одного поэта после 1950 года – ни [Бродского](#), ни [Галича](#) – вообще никого.

Ни одного эмигранта кроме *канонической тройки*.

Ни... [Набокова](#) (который в моём списке есть – и поэт он временами лучше, чем прозаик).

Ни...

Хватит? Видишь сам, сколько ты мне о себе всего сообщил не именами, а их отсутствием? Впрочем, допускаю, что ты получишь эти комментарии и свой *тест* переделаешь. Тогда этот будет *не в счет*. Трое из четверых после моих подсказок свои списки переделывают.

Я не вправе требовать с тебя тех поэтов, которые открылись *только что* (М.Зенкевич, у которого практически всё лежало в столе, Даниил Андреев, Сергей [Петров](#), даже Шенгели или Тарловский).

Тебя, понятно, и нельзя судить обычными мерками, ты не занят русской речью с утра до ночи. Но оценил же ты восемь строк [Случевского](#), мною присланных.

Словом, о русской поэзии подумай ещё раз – не торопясь и не вставляя Соловьёва из прошлого века. Бог даст, недели две-три поразмышляешь – пришлешь другой вариант. Если не пришлешь – не обижусь.

Что же касается Анненского – ты имей в виду, что всё с ним перепутано и перевернуто. Он вообще не был символистом – ни *старшим*, ни *младшим*, по возрасту вроде бы старше первых, фактически – ученик [Блока](#). Его импрессионизм дал русской поэзии что-то такое, что читаться начинает лишь теперь, и ценность

[Анненского](#) не там и не в том, что бормочут «литероеды». Однако все [Мандельштамы–Ахматовы](#) без него были бы просто хуже, чем оказались. Я в своё время обнаружил, что строка [Ахматовой](#) *Непоправимо белая страница* (кстати, чистый [Анненский](#), без примесей) написана в 1913 году, когда *почти ещё ничего не значила*. И как же много потом эта строка обозначила. Словом, погоди выносить приговор [Анненскому](#), отбрось глупости, которые о нём пишут, почитай сам и разберись. Как и у всякого поэта, у него важны не более 10-12 стихотворений. Но оговорюсь, что в иные дни моей жизни я никого, кроме [Анненского](#), *не понимаю*. Когда в сознании сумерки, тогда только и проступает смысл его пресловутого *Не потому, что от неё светло, /А потому, что с ней не надо света*. Народ в массе, кстати, считает это стихами [Блока](#).

Теперь о *либертинах*. Издание Пьера Луиса мне безусловно интересно, но на это дело я кое-кого отряжу, – хотя надо бы знать выходные данные книги. Что же касается либертинажа в поэзии, то не надо путать его со скучной порнухой. Посмотри сонеты и прочее творчество Фоккенброха и [Бокажа](#) (тоже своеобразных *либертинов*) и соотнеси... с [Брассенсом](#). В скарронистской поэзии интересно прежде всего филигранное чувство юмора и парадаксолизм, замешанные на эротизме (а иногда и без него), и поэтому от знаменитых сонетов Аретино испытываешь тоску (подумаешь, перечислил части тела), а по поводу *Фернанды Брассенса* дóхнешь со смеху. Потому я упомянул [Рабле](#). Кстати, Феофил тоже часто меры не знал, вместо филиграни получалась *голая истина*, а нет ничего более а-сексуального, чем всеобщая нагота. *Тень Баркова* или *Лука Мудищев* бессмертны не потому, что *эротичны*, а потому, что в них *либертинаж* введен в равновесие. Своего [Брассенса](#) у России нет (*helas*), в комедиях [Шекспира](#) вместо песенок используют (в *Современнике!*) мои

переводы из Яна Янссона Стартера, уроженца Англии, писавшего сперва по-фризски (родители увезли его в Леуварден из Англии от каких-то религиозных дел), потом на голландском, почти всё, что мне глянулось, переведено мною с первоиздания 1621 года (сидел в музее Книги и разбирал неровные буквы *Эльзевира*), а умер он тридцати лет в свите кайзера – на венгерской границе. Его *Любовные и пьянственные песенки* при первой публикации в БВЛ корректоры скопировали и пустили в самиздат, и это тогда было моим предметом гордости. Впрочем, вот тебе Стартер, если интересно, – немного, потому что сделано давно и в компьютере у меня этого нет – приходится переписывать.

Песенки, как раз те, что попали на сцену, похожи на приведенную выше, но не настолько виртуозны строфически – поэтому решил ограничиться этими образцами. Стартер отчего-то не любил французов, изобразив их полной пьянью; в одном месте нужно знать, что у Иакова I (англо-шотландского) в войсках было много голландских наемников. В остальном всё, полагаю, понятно.

А насчёт прочтения Евангелия – почему это только два способа прочтения? *Сын человеческий* о.Александра Меня, к приходу которого я всё-таки принадлежал – как раз третий способ (ближе к твоему, но без затыкания ушей). Я убеждён, что синоптики, всё-таки вертевшиеся вокруг одного протографа, и Иоанн, создавший свой *Паралипоменон*, отнюдь не записали *всего* и отнюдь не дошли даже их тексты в таком уж исправном виде до нас. Поэтому я прочёл всё мыслимое *неканоническое*, собственного сына сделал специалистом по апокрифам, и вижу, что иной раз нелепица сводится к совсем простым фактам (если тебе интересно, приведу примеры).

Опять получил от тебя замечательные строки на какой-то новой азбуке:

У Гиппиус очень высоко ценю дневники - никакой историк, никакой свидетель или актёр так отчётливо не передал атмосферы и движущих пружин русской революции, как З.Г., в Петербургских Дневниках.

Отчего свобода, такая сама по себе прекрасная, так безобразит людей!

Насчёт Дневников Гиппиус я согласен, только что означает последняя строка?

Кстати, ведь у подонка Армалинского ясно сказано, что эти его подложные записки – как-никак перевод с французского. А на французском их что же, выдали за оригинал? Вспоминается мне *Порнограф Брассенса*, только там смешно до слез, а тут хренота – и всё. Не трать времени даже на чтение этой фигни в интернетной версии. Это столь же похоже на Пушкина – как... словом, у либертинов очень был популярен сюжет о том, что муза, целуя поэта в лоб, ошиблась частью тела, и что-то облобызала другое. У разных поэтов – разное. У Пушкина и части-то тела такой не было, которую она (Муза) облобызала Армалинскому. Или там рядом была няня Арина Родионовна, которая любила шампанское и для воспитанника отбирала девок сенных (ну, и для гостей – тоже). Это не мой бред, это письма Пущина, Вяземского и ещё кое-чьи. Никак не корю Родионовну, ну никак. Но у неё такой орган, возможно, всё-таки был.

С грустью, глянув на твою попытку перевода с итальянского на французский, убедился, что как я всегда понимал итальянский лучше любого другого романского языка, так и теперь осталось. Германославянская моя душа, как и прежде, требует действительно *глубины* прежде всего, и нет для меня радости большей, чем читать пятый

смысл в восьмом слое записей палимпсеста (а [Данте](#) к этому меня во многом и приучил, хотя уже [Петрарка](#) – весь на плоскости). Что ты называешь обширностью – понимаю плохо. Но уж какая голова есть – другой нету... У меня в романе прошли дискуссии о необходимости превращения русского двуглавого орла – в трёхглавого. шёл спор недолго: царь обмолвился, что то, что хорошо Змею-Горынычу, то всё-таки неуместно византийскому наследному орлу, и дискуссия кончилась. Закончил двадцать пятую главу из намеченных тридцати.

А поскольку письмо опять становится бесконечным и беспредметным, лучше я его тебе отошлю.

Обнимаю, Суроче–Возле–Савойский (в роли мальчика-савояра, а также цыгана медведеводящего – видимо, Интернет)

Если и вправду не так жарко – Бог даст, доберусь до тебя.

Твой

ЖЕНЯ

30/01/1999

Привет, еретик и схизматик !

Я, кажется, понял, откуда в тебе падкость к возмутителям религиозного спокойствия. Витковский – Witte – Wittenberg. Ведь именно в Виттенберге [Лютер](#) выгравировал на воротах церкви свои знаменитые тезисы. Гамлет именно в Виттенберге натаскивался искусству отделения слов от дел.

Рисунок медведя и сурка, вдвоем обнимающих бутылку - увы, застрял в интернетских рогатках !

Сообщи, откуда г-н Кутэ Кунт (так его зовут, что ли?) фразу о корове извлек – профессор Сорбонны Конт-Спонвиль (Comte-Sponville) издал с три дюжины книжиц, немислимыми тиражами, и такого броского типографского качества, что их дарят на дни рождения дворничихам и вручают победителям сельских лотерей. Фраза же обязана своим происхождением исключительно моему злопыхательству. Твоя чёрная зверюшка (la bête noire), К.Симон, всё верещал Ищу, ищу, а наш Конт всё вещает : Пропал ты, брат, пропал ! Ты один : бога нет, правды нет, точек опоры нет ! Всем нам крышка ! Плюнь на надежду, дай тумака вере, лягни любовь – пойдя всё в тартарары – да здравствует моё одиночество, моё беспросветное страдание – чего и тебе желаю ! Всё это кокетливо переплетено дичайшими ссылками (в среднем – 12 штук на страницу) на великое множество мудрецов всех пошибов. Я предпочитаю глупого идеалиста, сюсюкающего о всеобщей благодати, умному материалисту, толково доказывающему пользу безысходности и плеванья на ближнего и на далёкого. А над бурёнушкой и я порыдал, учиня ей грандиозное заклятие. Как я был ошарашен,

когда узнал, что индусы почитают её по одной единственной причине : в выражении её глаз, индусу видится непостижимый символ добра !

*25 русских поэтов у тебя в оперативной части головы сейчас нет - у меня их там и полудюжины нет ! Честно говоря, даже первые трое вписываются в мою память пунктиром, а от остальных доходят лишь эдакие точечные туманности, через которые никакой линии не прочертишь и которые ни в какой убедительный объём не втиснешь. Я же всё время твержу, что никакой я ни прилежный читатель, и в знатоки ни в коей мере не мечу. Судить же берусь с охотой и о высказывании физика о своих догадках или о причитаниях поэта о своих просчётах. Шарлатанство ? – возможно. Ты замечательную теорию краж излагал ; мне бы впору пуститься в выгораживание шарлатанства. Я немало начитался профессионалов *научного познания*, где безраздельно, за редкими исключениями, владычествует скука и неумение выбраться из собственного сока. В них есть та самая *обширность*, которая тебе кажется (в моём изложении) чем-то весьма смутным, и глубина, то-бишь владение смежными знаниями, но нет высоты – умения разглядеть место своего ковыряния - в мироздании, где предсмертный хрип бомжа и благочинная речь академика пишутся теми же чернилами и нотами.*

*Вторая половина того же самого пустого места – [Маяковский](#) ... писать о нём *тошно* - ты опять станешь сокрушаться о моём вкусе, но я ценю [Маяковского](#) за одну, редчайшую в нашем веке, черту : желание, явное или неявное, не знаю, - желание воспроизвести интонацию [Шекспира](#) (кроме буквальных совпадений, вроде *лодки любви, разбившейся о быт*, я часто чувствую у него ту же свободу в выборе ящика для метафор, что и у [Шекспира](#)). Тяжелоступость как-то*

неважно вписывается в поэзию, и если кому-то это и удавалось, то только [Маяковскому](#). Я отпетый пораженец, но меня, может по контрасту, впечатляет мощь и горластость этого всегдашнего победителя. Я в этом вижу *сильный* вариант *музыкального* переживания истории, в смысле [Блока](#), у которого эта *музыкальность* была слабожильной. Не знаю ни одного русского поэта начала века, чей язык был бы настолько свободен от *серебряного* поветрия и, при этом, был бы столь же *беспорочен*, то-есть без притязаний на угадывание будущности языка (как это неуклюже делали [Белый](#), [Хлебников](#)). Трагедиями слабых испещрены все страницы истории литературы, но трагедии сильных – вещь настолько редкая, что они меня зачаровывают.

Ни одного поэта после 1950 года – ни [Бродского](#), ни [Галича](#) – [Бродский](#), своей серейшей прозой, где скудоумье бьёт через край, так меня расположил не в свою пользу, что я даже за приличными стихами бессовестно докапываюсь до неписанных дребедений. А [Галича](#) (с десяток стихов мне попадались) я поставил бы на уровне того самого [Брассенса](#), о котором ты часто упоминаешь – то-есть не очень высоко. Поэзия, для обоих, всё же что-то подручное, не предсердечное ; она, может быть, и крупное *дело*, но не дыхание их жизни. Ну, а уж по чистой придирчивости, я сказал бы, что без техники не может быть высокой поэзии. У [Бродского](#)-то все зачатки были, чтобы стать великим мастером, а вот [Галич](#) кажется каким-то недоучкой.

Видишь сам, сколько ты мне о себе всего сообщил не именами, а их отсутствием? - не думаю ! Мы, действительно, красноречивей всего выдаём себя своими дырами, но дырами – преднамеренными ! А упоминаемые тобой – случайные и выражающие ничтожную долю того, что мне самому, в себе самом, ценно. Меть я в литературоведы

или норови я сказать своё слово в русской поэзии – то все мои потроха явились бы миру, во всём их неприглядном состоянии. Я потому-то и выложил с лёгким сердцем этот список, что он *выдаёт* меня в той же мере, как если бы я перечислял страны, где хрен слаще редьки, или баталии, в коих вышиблено более всего рекрутских душ.

Я приглядываюсь к тому, как охается или ахается человеку, а не к тому, насколько полон и взвешен короб, предназначенный для испытания наших голосовых связок и слезоточивых желез. Мне более всего ценны движенья, доступные, в принципе, пещерному человеку, Вышагивание от нуля, тяга к непредвиденному, отказ от опор, предназначенных для хромоногих или узколобых, безымянность и безотчётность самых тонких человеческих движений и суждений. Интересные противопоставления не между смышлёным и туповатым, прямолинейным и заковыристым, а между отзывчивым и бестрепетным.

Тебя, понятно, и нельзя судить обычными мерками, ты не занят русской речью с утра до ночи - дело не в русскости, а в выборе тех языковых залежей, которые мне представляются ценнее всего, какой бы ни был язык. Среди поклоняющихся слову, есть сознательные каменотёсы-богословы – жанр аскетически-афористический – и суеверные лоботрясы-богаделы – поэзия безудержа и истерики (я, понятно, не о литературных жанрах говорю, а об обрядности взгляда на слово). Меня привлекают вспышки перед моими глазами, а не свечения поверх веков и библиотек. Причём вспышки не от почему или от как, а от где и от когда, то-бишь среди каких вещей и в каком ритме.

Погоди выносить приговор [Анненскому](#) - я, признаться, чаще чувствую себя на скамье подсудимых, чем под прокурорской мантией. К тому же безапелляционный приговор мне уже, за глаза, как бы и вынесен, и я скорее пользуюсь правом безнаказанности последнего слова, чем грожу кнутом разоблачённому мной проходимцу.

Не потому, что от неё светло, /А потому, что с ней не надо света - не светить надо, а быть светлым, буркнул бы [Л.Толстой](#). Хорошая иллюстрация технического приёма в поэзии : самые убедительные впечатления рождаются вопреки, а не благодаря. Что отрицается – никто не поймёт в наивном прочтении, и остаётся лёгкий и ностальгический туман, который можно развеивать в трёх-четырёх направлениях, по случайному выбору головы, а ещё лучше, ничего не развеивать и побыть, сердцем, в неразгаданных сумерках.

А насчёт прочтения Евангелия ... иной раз нелепица сводится к совсем простым фактам (если тебе интересно, приведу примеры) – интересно.

Опять получил от тебя замечательные строки на какой-то новой азбуке:

« Îò÷ââî ñâîáîâà, òàèàÿ ñàà ïî ñâââ ïðâèðàññàÿ, òàè áâçíáðàçèò èðââé ! - Отчего свобода, такая сама по себе прекрасная, так безобразит людей ! - это по азбуке Букинист !

Звуков хотим, но созвучий боимся.

Россия долго стыла в рабстве. И теперь, оттаивая, не оживает, а разлагается.

Кстати, ведь у подонка Армалинского ясно сказано, что эти его подложные записки – как-никак перевод с французского. А на

французском их что же, выдали за оригинал? - да, именно так. Перевод с русского. А французский – на уровне газетной хроники.

С грустью, глянув на твою попытку перевода с итальянского на французский - это был, с моей стороны, подстрочник, чтобы показать, как перевраны французские, немецкие и русские поэтические переводы.

Что ты называешь обширностью – понимаю плохо - тут никакой зауми и даже косноязычия нет. Это – геометрия эстетики. Касаясь словом любой вещи, мы неизбежно придаём нашей речи три размерности (это не Эвклид, но и не социалистический реализм) : глубину, обширность (то-есть вправо-влево и вперёд-назад) и высоту. Глубину мы доказываем уверенным вовлечением смежных вещей, опорой на них и искусным разбиением на рода и семейства. Высота – это выбор нашего собственного места, среди вещей, и качество бездоказательного вкуса. Наконец, обширность – это наша интуиция и воображение : умение переиначивать прошлое или вымышлять будущее, обшаривать горизонты и задавать шкалы и размахи. Я бы сказал : глубина это ум, обширность – знание, высота – доля мечты и благородства.

То, что хорошо Змею-Горынычу, то всё-таки неуместно византийскому - тут бы и сослаться на голубя, затесавшегося в налаженную пару отца-сына, и кончившего посрамлением и змея и рыбы и агнца. Беда в том, что орлиный фас, у плохого художника, неотличим от куриного. В профиль мы все орлы, но ковырни снизу или шлёпни сверху – хоть зажимай нос, отводи глаза и затыкай уши !

Если и вправду не так жарко – Бог даст, доберусь до тебя - ей-богу, сто́ит ! Франция, всё же, красивейшая страна в Европе и единственная

правомочная наследница Античности !

Коли томит тебя *беспредметность*, возьмись за суд над последней русской бедой. А то мы с тобой растекаемся бойкими словесы по бумаге, а чума стоит на дворе, и точатся ножи, и стервенеют голоса. Вот тебе предмет : в той самой *Литературке* (которой меня снабжает И.Пастернак) пишет Министр культуры : *В чём мы отличаемся от общемировой серости: русский интеллигент устремлён к высшей красоте и сосредотачивается на основных мировых вопросах; наше богатство не в нефти, а в сверходарённых интеллигентах.*

Анекдотец : в подмарсельском Арле имеется площадь [Берберовой](#). Рядом с древнеримскими термами, неподалёку от церкви Св.Трофима, на берегу Роны, перед единственным серьёзным провинциальным издательством *Actes Sud*, руководимым выходцем из России Ниссеном и где печаталась [Берберова](#). На том самом месте раскладывал свой мольберт ван Гог. А плывая по Роне, лодочники, до сих пор, говорят не о правом-левом берегах, а о королевском и имперском. В память о том времени, когда Прованс, 500 лет тому, был частью Германской Империи. Здесь же проходит граница между испанской и итальянской зонами влияния : там – коррида, здесь – танцевальная группа, там – горделивость, здесь – вертлявость.

Обнимаю,

Гера

09/02/1999

Привет, лучший из рода Marmota!

(после перебирания 13 видов сурков установлено, что ты – сурок Мензбира, Marmota Menzbieri, рисунок которого и отправлен на сканирование профессионалу)

Что ж выходит, я тебе письмо чуть не по неделе сочиняю, как художественное произведение, а ты мне сразу ответ? Импровизатор, однако, но *как постелишь, так и аукнется, а как откликнется, так и пожнешь* (киммерийская пословица), – ты что, думаешь, я тебе поверил насчёт [шекспировского](#) начала у [Маяковского](#)? Небось, думаешь, что я рассвирепею и пойду доказывать обратное? Я отравленную наживку не лопаю, и всё равно тебе не поверю. В *Разговоре с товарищем Лениным* ты его выискал что ли, а в роли Ленина не иначе как Ричард Третий (оболганный [Шекспиром](#) так же, как Сальери – [Пушкиным](#), а ведь чудесный был композитор)? Или в требовании, чтобы доклады о поэзии на политбюро делал товарищ Сталин? Давай уж лучше заведем дискуссию и обсудим вопросы *belobokosti* (внутренней) [Маяковского](#), которую он прикрывал *krasnoznamjonnomordostju*. По крайней мере спор будет продуктивен, и влияние *Интернационала* как государственного гимна республики Конго (*gde vse vyuc'ili russkij tol'ko za to, cto v n'om horosho razgovarivajut matom – И Ленин, и Сталин,/ И эти стихи, – пардон, но это уже Пастернак, который сочинял эти вирши, увы, с мокрыми штанами*). Я уж скорее поверю в [горацянские](#) корни Демьяна Бедного.

Ничего [Лютер](#) в Виттенберге не гравировал на дверях: он с помощью молотка и одного гвоздя прибил к северным воротам собора в Виттенберге свои 95 знаменитых тезисов. (Что там теперь – к [Лютеру](#) отношения не имеет). В силу того, что в полемике [Эразма](#) Роттердамского (*О свободе воле*) и [Лютера](#) (*О рабстве воли*) я на все 100% на стороне [Эразма](#), я (даром что мой отец был лютеранином) [Лютера](#) люблю более чем умеренно, если б не его дивный немецкий язык, то сказал бы, что вообще никак. Гамлет в Виттенберге (бывшем во времена [Шекспира](#) одним из самых молодых университетов в Европе, так что это *шекспировский* Гамлет, а не красивая фантазия Саксона Грамматика) учился медицине, если уж быть точным. Но вот фамилия моя и впрямь того же корня, что и та, которую носили Ян де Витт и С.Витте: Wittkowsky – так написано на могилах деда и прадеда на Немецком кладбище в Москве (могила прапрадеда не сохранилась, но была там же). Я давно выяснил, что всё это примерно как с фамилиями *Гесс* и *Гессен* – они ничего, кроме принадлежности к земле Гессен в Германии не означают, так и все Witt– всего лишь указывают на район Штеттина, т.е. кусок Западной Пруссии, исторически называвшийся некогда малопонятным словом, в корне которого этот *Витт* содержался. От [Лютеровских](#) мест, впрочем, недалеко, так что твоё утверждение, глядишь, и имеет что-то под собой. Во всяком случае, кровь псов-рыцарей (вероятней – их конюхов или псарей) во мне совершенно точно есть по прямой мужской линии (что не мешало моим предкам последние двести лет мирно заниматься купеческими делами, да и во мне торговых генов ощущается немало. НЕ то, чтоб я гордился отсутствием дворянских корней (мой отчим был дворянином с двенадцатого века!), но и сочинять себе родословню, как теперь делает тут чуть не каждый первый, не имею желания.

С [Галичем](#) и [Брассенсом](#) ты отчасти прав – сходство есть, но ты недооцениваешь обоих. [Брассенс](#) – типичный *либертин*, за то и люблю, а также за несколько любимых песен (*Завещание с просьбой похоронить на пляже в Сете, Песня для овернца*, ещё 5-6), которые всё-таки выхожат в настоящую поэзию (ещё напиши мне, что *Клодель* лучше). А [Галич](#) – именно поэтический виртуоз, гитара у него даже не подсобный инструмент, а *антураж*: кто-то чудесно сказал, что гитара спасла русскую поэзию от верлибра. Одной только технике рифмы, технике строфостроения у [Галича](#) приходится учиться: у него и аналогов-то нет, – прочти-ка ты хотя бы *Поколение обреченных* как стихи, потом вернемся к беседе. Увы, под твоими словами о том, что проза [Бродского](#) сделала его стихи хуже, чем были бы они без прозы – мне впору подписаться. Она обнажила его *скудость* по части мышления и по многим другим частям. Технически он просто однообразен, что, впрочем, не мешает оставаться ему кандидатом в ту самую *пятерку запасных*, которых ты в моём *тесте* не стал писать. Впрочем, некоторые листы-тесты прямо с него начинаются. Ну, и мне про человека всё так же ясно, как если бы он первым написал там Брюсова (случай был, но единственный).

А твой образ *свечения поверх библиотек* мне искренне нравится. Только за ним и гоняюсь всю жизнь. Вспышки тоже годятся, но уже как десерт. А в твоей геометрии эстетики всё, видимо, правильно и спорить с ней глупо: однако меня как-то никак не интересует моё собственное место в ней, оттого и любовь больше к глубине: люблю собеседников, с которыми никто не говорил уже столетие-другое. Потому мне [Сумароков](#) и [Державин](#) нужны, а Некрасов и [Ахматова](#) *дочитаны до конца*, и нет повода о них вспоминать без повода.

Не светить надо, а быть светлым – у Льва Толстого это скрытая цитата (была бы) из *Откровения* Иоанна Богослова. Переведенный мною (3 драмы, тонна стихов) Йост ван ден Вондел буркнул по поводу живописи Рембрандта: *Детям света нечего делать в темноте*. А пахать граф выходил исключительно к курьерскому поезду, чтоб из окошек глядели. Скучное (после *Войны и мира*) у русской революции было зеркало. Паоло Трубецкой, гениальный всё-таки скульптор, изваял свой знаменитый бюст Толстого, сказав графу чистую правду – что ничего он у графа не читал, кроме статьи о вреде курения, а с ней категорически не согласен. Паоло не давал графу посмотреть на скульптуру, потом сказал: *Вот, готово...*, потом подождал и передумал, с воплем *Ничего не вышло!* скульптуру разбил. Граф даже заплакал. После этого Паоло за несколько часов сделал тот бюст, что стал знаменитым. Но Толстого так и не стал читать. Так что создал Трубецкой этот бюст весьма вопреки.

Остервенел и устал, переводя *Пантею Уайльда* – сверх-странная строфа, которую он для этих пяти поэм выдумал, уморила бы кого угодно, поэтому я все пять заказал разным переводчикам, и я сам один из них – не то, чтоб она *Пантея* лучшей из всех, и не брался я за ту, что короче всех (хотя так и вышло), но я боялся, что именно её угробят: из всех пяти она единственная почти бессюжетная, это, строго говоря, объедки Китса на 180 строк длиной. Не уверен, что ты это читать захочешь (как едва ли вытерпел *Новую Елену*), но вот тебе Витковский от февраля 1999 года.

Я буквально сломал голову над вопросом – вводить в последней (семистопной) строке цезуру или нет, потому что двое других переводчиков решили эту проблему пополам: двое ввели, двое нет. Я сочинил компромисс: цезуру всё-таки ввел, но разрешил себе не ставить перед ней кое-где ударение. Пока переводил, ловил себя за

хвост: всё то интонации **Рильке** прорывается, то **Валери**, что в случае с **Уайльдом** никак невозможно. Словом, устал я сильно. А что вышло из стихов – станет видно (мне) не скоро.

Тут проло чуть не пять дней, – было мне не до компьютера, ибо идёт выдача авторских экземпляров моего огромного тома *Строфы века – 2*, авторов почти 400, а без моего подтверждения ни одного не выдают. Заодно сегодня (с опозданием на полтора года) пошёл в продажу четвертый том моей эмигрантской антологии – притом противозаконно, опять нужно скандалить, потому что авторских экземпляров мне не дали и договор просрочили... Ну, и так далее. В частности, ругался с *провайдером* (телефон работает хреновато). Чтобы не писать письмо слишком долго, засылаю.

Обнимаю с осторожностью (медведи всё-таки существа очень крупные...) – пиши, а то скучно. Меня уж дома спрашивают – *что Герман пишет*. А я-то знаю, что он пишет потому, что у меня письмо завязло.

Твой

ЖЕНЯ

10/02/1999

Привет, художник !

Установлено, что ты – сурок Мензбира - не этот ли ?

Глаза на макушке. Уши - подушки, а не антенны. Расчитывает только на нюх. Малознаком с гребнем. Когти в стиле медвежьих, но чешут лишь собственные бока. Впрочем, для жука сойдёт и за медведя. Девизы : *Дайте досмотреть сон !, Зато душа у меня, та что в пятках, даже очень весёлая !, Лягаться не умею !, Сдачи дам, но очень расстроюсь !, Вне объективов я выгляжу раскрепощённое !, Позировать научился у совы !.*

Ты что, думаешь, я тебе поверил насчёт [шекспировского](#) начала у [Маяковского](#) - анекдотец о поэтическом переводе : один француз

заинтриговал меня цитатой из [Маяковского](#) : *Je porte au siècle la haine du jour !*. Только я стал, вслед за поклонником ВМ, воспарять взглядом, как вдруг шлёпнулся оземь : да ведь это о злобе дня речь идёт !

В полемике [Эразма Роттердамского](#) (*О свободе воли*) и [Лютера](#) (*О рабстве воли*) я на все 100% на стороне [Эразма](#) - тут хоть [Достоевского](#) привлекай в третейские судьи : *начиная крайней свободой, я прихожу к крайнему рабству* (хоть человек я и не суеверный, но мне нравится, что я с ФД и с [Валери](#) родился в один день !). Желание относится к вере, как случай к закономерности, то есть видимость свободы при тонко замаскированном рабстве. То же самое происходит и с любовью : как только о ней заходит речь у [Шекспира](#), так тут же на языке рабство.

Не могу не притянуть к разбирательству мою любимую парадигму первого, промежуточного, предпоследнего и последнего шагов (редкая вещь : вместо привычной троицы, что-то занятное складывается, в этом случае, из четырёх вершин !). Говоря о свободе или рабстве, решающими вопросами было бы : источник первого, динамика вторых, ум третьего и *радиус действия* четвёртого. Безбожники потешаются над возможностью божьей тайны первого шага – и тогда как не сказать *всё дозволено* и не упиваться своеволием, то-бишь свободой. Более тонкий безбожник [Гёте](#) говорит : *Свободен только первый шаг, но мы – рабы второго* - обменяй местами свободный/рабский, и получается нечто вполне читабельное, хотя и менее метафизическое. Свободный, в банальном смысле слова, становится рабским, в смысле тонком, но приемлемом только для homo credens. Если бога нет, то первый шаг сродни последующим – и это полная свобода, в глазах безбожника, и беспросветное рабство, в глазах верующего. Если есть

Бог, то первый шаг – это божественная свобода или человеческое рабство. Наращивание шагов – занятие машинное, сполна вписывающееся в парадигму игры : с постоянной переоценкой ставок и перетолковыванием правил. Искусству, в отличие от науки, присуще особое место шага предпоследнего, на котором, в сущности, и должна бы обрываться речь художника, тогда как учёный обязан произносить слово последнее. Без *дочитывания* не может быть искусства – это уважение к свободе читателя и лишнее подтверждение своей собственной. У сильного мастера, последнее слово не столько завершает его повесть, сколько открывает новую : намёком, горизонтом, возможностью нового языка. Деланье последнего шага – не дело искусства.

В завершение этих мошеннических фокусов скажу, что случай – это одна из самых строгих закономерностей, тех, когда досконально известен закон разброса возможных значений. То-есть, случай – дело логики, как свобода – дело веры. Без логики нет ни случая ни алгоритма ; без бога нет ни свободы ни рабства. Чем строже мы в логике, тем спокойней мы воспринимаем случай как частный *случай* алгоритма. чем более мы проникнуты предчувствием бога, тем с более лёгким сердцем мы разглядим в нашей кричащей свободе – изумительное в своём смирении рабство.

Одним словом, спор [Эразма](#) с [Лютером](#), на мой взгляд, сводится всё к той же проблематике хрена с редькой, где, не кривя душой, можно ужиться и с одним и с другим.

*Гамлет ... учился медицине, если уж быть точным - как Ленский учился богословию в Гёттингене. Но учёности плоды, почему-то, оборачиваются лишь германским туманом : **Всё благо, бдения и сна ...**,*

Быть или не быть ... - анти-поэтические выкрутасы : называются обе крайности, вместо предоставления читателю свободы в досказывании многозначимо отрицаемого супротивника.

Брассенс – Песня для овернца, ... которые всё-таки выходят в настоящую поэзию - я полагаю, что это не только не настоящая, но и вовсе никакая не поэзия. Это частушки. Или баллады *Галича*. Я не прочь подрать глотку, и затягиваю частенько то *Стеньку Разина*, то *Окуджаву*, то *Брассенса*. *Брассенс* – это голос *Высоцкого*, словарь *Галича*, настроение *Окуджавы*.

Прочти-ка ты хотя бы Поколение обреченных как стихи, потом *вернемся к беседе* - так уж вышло, что я как раз ничего другого и не читал у него (где, кстати, он тоже берётся за *пастернаковского* Гамлета, отсылающего в монастыри *разномастных Офелий*). Это поэзия, в которой я не разглядываю обязательных, на мой вкус, интересных ограничений : в чём я себе отказываю, к чему не хочу прикасаться, на что не гляжу в упор... Советский словарь, советская тематика, советские интонации – даже в антисоветском исполнении - оставляют тягостное впечатление человека, чересчур зависящего от того, что у него происходит под носом. Может быть, самое обязательное ограничение – это расстояние между мной и злобой дня ; причём это расстояние может измеряться и в глубину, и в ширь, и в высоту... Мне чужды авторы, сливающиеся со своей эпохой, хотя бы даже и по отрицанию.

Твой образ свечения поверх библиотек мне искренне нравится... *Вспышки тоже годятся, но уже как десерт* - главное – умение быть в другом месте, откуда приязненно и пристрастно отвеждаются божьи яства да зелья, до которых не дотянуться, если оставаться в самом

себе. Без опьянения, крыши что подполья. Трезвость и сварение весомы, когда верховодит повар, а не блюстителю пира. Пир красен живительной жаждой, искусной сменой ароматов и красок, вспышками в глазах и гимнами в ушах. Книжность – это умение заказывать блюда и трезво их оценивать. Хотя я и ополчаюсь на засилье кухни, но признаюсь, что не знаю ни одного удавшегося застольника, который не был бы отменным знатоком печатных меню.

Меня как-то никак не интересует моё собственное место ... оттого и любовь больше к глубине: люблю собеседников, с которыми никто не говорил уже столетие-другое - говорить о чём угодно можно или тоном вечных истин, или от имени школы, племени и века, или врываясь в слово со своими, как ты говоришь, потрохами : смятением, чванством, предрассудками. Глубок всякий профессионал ; обширен человек, осенённый божьим даром ; а вот высоты может внести только наше самоличье. Речь идёт не о самоутверждении и не о самолюбивом взвешивании и примеривании к другим, а об уникальном наборе струн, со сбоями и срывами, несущем цельный тип отзывчивости. Отказываться от этого самоприсутствия – вроде Флобера – значит верить в самодостаточность знания, в существование объективных ценностей, понятных машине. Тем, кто эстетику учили не по Шлегелю, умение забываться столь же ценно, что и дар оживлять чью-то память.

Паоло Трубецкой, гениальный всё-таки скульптор - после его чудища, мужичища Александра III-го на битюге, показываемого во всех европейских школах как пример непревзойдённого варварства, – я тут не судья – приподнять его престиж будет непросто.

Мы видим сны подснежников, и даже

Вольны услышать маргариток рост - метафоры Шекспира со словарём Рильке !

Обнимаю с осторожностью (медведи всё-таки существа очень крупные...) - ты же ведь ММ – Медведь Минералогический, то-есть многовесомый. Я уж тогда СС – Сунок Сиволапый, или Сукин Сын, или выкормыш Гиммлера.

Как всегда, рад был тебя услышать ; у тебя всегда голос человека, власть имущего, - это, как в теннисе, придаёт ответному голосу часть усвоенной энергии. И если я злоупотребляю укороченными ударами, то видно оттого, что ты меня загонял по литературным углам ; и я, высунувши язык, порой препоручаю пяткам то, что должны бы были решать мышцы да мозги.

Обнимаю разнузданно и безнаказанно – право слабого !

Твой

Гера

14/02/1999

Привет, Мармота Мензбир!

Ты совершенно правильно атрибутировал свою сурковость, хотя фотография не из лучших: нет задумчивости и *высоты*. В остальном всё верно. Девизы очень понравились. Сочиню свои и пришлю десяток. Хотя *Сдачи дам, но очень расстроюсь* мне, боюсь, не перешибить. Bravo, суроче!

По поводу Паоло Трубецкого и его *Александра*. Бедная Европа, совсем чувство юмора потеряла. Паоло был *анималистом*, и по поводу своей скульптуры говорил: *Не занимаюсь политикой. Я лепил одно животное на другом*. Ну, а теперь глянь на это творение как на образец анималистики – это лучше, чем лошадка Фальконе, ей-Богу. Сейчас *Александр* стоит в тихом скверике возле Невы, за деревьями, и я – попадая в Питер – люблю на него поглядывать. Из питерских лошадок это лучшая, даром что битюг – но каков царь, такова лошадка. *Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать*. А его малая скульптура гениальна, это – боюсь – вообще один из величайших скульпторов Европы. Правда, был Цадкин – но это другая эпоха.

А насчёт свободы и рабства – обращал ли ты внимание на тот факт, что в этом диспуте допущение *Бога нет* немедленно аннулирует всю дальнейшую дискуссию, ибо есть свобода или нет – уже или безразлично, или просто имя Божье подменено словом *Свобода*, а тогда мы возвращаемся к исходной точке и спор просто идёт по кругу. *Эразм*, отвечая *Лютеру*, пишет: *Зачем нужно красноречие в рассуждении о свободе воли? Я не хвалюсь этим красноречием, не знаю его, не думаю о нём! <...> До сих пор я хотел быть один; я не*

отделяю себя только от католической церкви. Поэтому нет ничего страшного, если тебе, защищённому столь большим числом поклявшихся тебе, надо будет иметь дело с одним человеком, да и то безоружным. [Эразм](#) никакого спора не вёл – это [Лютер](#) в него полез. Ну, и проиграл спор... Литературный талант в конечном счете определил победителя: великий писатель [Эразм](#) такового имел поболее великого политика и умеренно талантливого литератора [Лютера](#), только и всего. Не было спора, не было! А вот рассуждения [Эразма](#) о том, что евреи исключили книгу Екклесиаста из своего канона Библии потому, что она *противоречила еврейскому духу* – это уже нечто более интересное. Так что в этом споре интересна отнюдь не сама полемика. Только что получил твой шикарный подарок: книгу от 29 января. Это мне читать и читать, прорва неизвестных фактов. И мелькают недурные стихи.

Пауза. Я ночь напролет читал присланную тобой книгу, и как-то даже освоился с хорошо забытым французским. Итак, да будет господам французам второй 1815 год! Жаль, в книге только отрывки, но и по отрывкам видно, что [Adrian Miatlev \(1910–1964\)](#), [Oleg Ibrahimoff \(né 1926\)](#), [Catherine Tolstoï \(née 1926\)](#) – просто важнейшие для французской поэзии люди, особенно родившийся в Царьграде Ибрагимов, который обширно разработал тему вещего Олега и его лошадки и так далее. Буду искать их книги, не найду – обращусь к тебе за помощью. Ужо-то я теперь знаю, на каких китах Франция стоит! Кстати, ты – если не ошибаюсь – говорил, что и [Макин](#) тоже стихами балуется. Если так, раздобудь, пожалуйста! Очень хочется рассказать им, из какого места... м-м... Европа растёт.

А если серьёзно, то многое совершенно мне неизвестное – безусловно интересно. Патрис Латур дю Пэн мне и так был известен (аристократ и

новый мистик), но у него *ученики* есть, оказывается – Jean-Claude Renard (né en 1922), из которого процитированы одни огрызки, но и они убеждают вполне. Словом, пришёл я к двум выводам:

А) поэзия во Франции таки-да есть,

Б) ни хрена Франция в ней не понимает, и отличить [Бонфуа](#) от [Валери](#), дыню от тыквы и хрен от сухой палки (не от редьки!) не в состоянии.

А к тебе просьба с моей стороны зловещая: поищи-ка ты наших соотечественников во французской поэзии (все равно какого века) ещё. К примеру, не включить ли [цветаевскую Вьюгу](#)? (уж переведу как-нибудь). Кстати, *режьюнализм* подаренной тобою книги мне сильно на руку: заставлю жителей Плон-дю-Канталь покупать книгу на русском языке! (Там и без того *Парфюмера* Патрика Зюскинда считают национальным писателем, – сам Зюскинд этим несколько ошарашен. Кстати, читал ли ты его знаменитый *Парфюм*? Книга блестящая до последней четверти, где герой надоел автору). Непременно вставлю всех *местных* поэтов, чтобы в местные музеи книга попала (идея, каюсь, подана тобой: из-за того, как ты преподавал провансальский язык). Кстати, ещё одна хулиганская идея: возможно, с помощью франко-интернетной искалки ты и найдёшь что-нибудь: не попробовать ли подобрать стихи одних поэтов, написанные на смерть других, для начала – написано ли что-нибудь памяти [Валери](#)?

Ты уж извини, но в трактате [Эразма](#) Роттердамского *О свободе воли* собственно о свободе ни слова нет. Там – вопрос о добровольно (свободно) выбранном первородном грехе и его вариациях – и всего-то. Я человек тоже не суеверный, но приятно, к примеру, что в мой день рождения не только умер Максим Горький, но также откинул копыта и Фридрих Энгельс.

А частушки, значит, не поэзия?

*Мы с миленком до утра
Целовались у метра,
Целовались бы ишшо,
Да болит влагалишшо.*

Весь Эренбург этого не стоит вместе с Александрой Коллонтай! Я, видимо, поэзию несколько шире рассматриваю. А Лука Мудищев что же, не великая поэма? А Сон Баркова (это уж точно Пушкин)? Честное слово, инъекция либертинажа тебе сильно не повредила бы. Кстати, о советском языке у Галича: у нас уже издан *Словарь языка Совдепии*. Эпоха, куда её денешь, и словарь для её понимания тоже нужен. Иди знай, что такое *стопятницы*? А это те, кому ближе сто пятого километра к Москве селиться не полагалось. Так же, как при переводе текстов сорокалетней давности иди знай, что blond – это движение подражательниц Мэрилин Монро. Галич (он лучше других, но не он один) – это эпоха, запечатанная как мошка в янтаре. И никуда не денешься от того, что он *анти/советская* – такая была, Елагин говорил, что для него – если поэт *вне времени*, то он же и *вне вечности*. Оттого и Высоцкий, после отсеивания фигни, процентов на 10 – тоже настоящий поэт (Окуджаву защищать не берусь, там одно *настроение*, а включать в свою антологию Азнавура я всё же побоюсь, хотя *Брассенса* включу точно, не в переложениях Кончаловской, а в переводах наших ровесников, которые иной раз лучше оригинала). Оттого Бродский в последние годы и похужел, что попытался быть *вне времени*. Ну, а Данте – так тот вообще счеты с личными вагами сводил, а кто против Данте, прости Господи, *вневременной* Петрарка? И нет никакого расстояния между мной и злобой дня; точнее, есть – но оно лишь в страницу толщиной. Из чего не следует, что ни о чём

больше писать нельзя. Во время войны Остроумова-Лебедева писала пейзажи мирного Петербурга – и почему-то *лучше*, чем в мирное. Однако среди чуждых (тебе?) авторов, сливающихся (всецело!) со своей эпохой, [Данте](#) будет первым в списке.

Это я-то тебя загонял по литературным углам? Да ты у меня ещё и бегать не начал, это так, разминка. Я всё собираюсь побеседовать с тобой о Тракле как о неудачном эпигоне Стефана Георге, о двуязычных (и более) поэтах, ещё Бог знает о чем – а ты уже *в аут*. Нет уж, не затем ты через четверть века воскрес в Интернете, а я не затем пережил советскую власть, сидя в Москве, чтобы беседу комкать. Писание писем – часть моей жизни, и притом важная часть. Так что, Суроче/Возле/Савойский, не вешай носа, раз уж отправился со мной *по разным странам*. Один мой друг в Италии в своё время от злости на меня съездил-таки в медвежий угол, Варалло, только чтобы убедиться, что брехня все мои разговоры о Танцьо да Варалло (Антонио д'Энрико) как об одном из величайших художников Европы; ну, и вернулся ушибленный Танцьо на всю жизнь, теперь говорит, что это лучше, чем Эль Греко (а вот в этом уже не уверен я). То же и Мальта. То же и Гауди (но здесь с тобой нам, кажется, спорить не о чем).

Какой я *власть имущий*? Разве что по сравнению с *ума не имущими* наподобие парижского Кутье-Канта (фамилию не запоминаю потому, что смысл тот же), который орет «вейз мир» на весь мир и думает, что это философия. Всей-то моей философии: помереть всегда успеете, а вот попробуйте, братцы, *жить*, да ещё учтите, что из тридцать пятого века глядит на вас потомок и видит каждое ваше дело, и читает каждую вашу мысль, и уж во всяком случае всякий будет поднят из могилы и приведен к словам и буквам, начертанным его рукой (это

последнее я где-то украл, но понятия не имею – где именно). В хеттском кодексе законов предусматривалось наказание владельцу того петуха, который своим криком разобьет кувшин у соседа. Ну что я после этого могу придумать? Мне фантазии не хватит даже на половину такого. Закон штата Нью-Джерси (если не Джорджии – путаюсь в восточных штатах) предусматривает наказание за содержание аллигатора в ванной. Ну и что остроумней? А то, что хеттские законы карали любую содомию, кроме... соития со своей кобылой, а ежели с жеребцом – так полагалось ещё и накормить обоих! А с этим уже и сопоставить нечего. Мои собеседники – хетты и хазары (по Павичу). Кстати, Павич есть в прекрасных переводах и на немецкий, и на испанский, и, думаю, и на французский и английский тоже. Но говорят, что лучше читать по-русски: сберегается прелесть кириллицы, а он довольно сильно зависит от алфавита. Очень тебе Павича, хотя бы Хазарский словарь советую – покуда он не осквернён Нобелевской премией по крайней мере.

Очень польщён, что Уайльда ты всё-таки прочитал. Я уже сильно его переделал, но в основном, конечно, осталось то же самое.

А твоё девизное самописание я, пожалуй, проиллюстрирую своим переводом из того же португальского полуфранцуза:

Ну, это просто тебе в качестве лекарства от скуки и очередного разъяснения на тему что Витковский отыскал в либертинаже. Вот это и отыскал. Твой список сурочьих девизов – истинное творение либертина (впрочем, часть вторую, видимо, инквизиция сожгла – там было много про разные другие сурочьи привычки! Не вздумай её искать в архивах – многоточие есть самая неприличная вещь на свете, и жалко, если эта моя мысль уже кем-то освоена).

Обнимаю тебя берложно и медвежно.

ЖЕНЯ

15/02/1999

Будь здоров, лапосос бесстыжий !

Что лучше : моя сбивчивая импровизация или твой, почти профессионально выверенный подход (словоноска, что-ли : яйценосность как залог плодотворного слова – тема мужского исследования и выпад в сторону мизогинов !) к эпистолярству ? Кто знает, главное – требовать от него того же, что и от жизни : выразить как можно больше энтузиазма, по самым складным и нескладным поводам. Жизнь не может не удасться, это надо твердить даже в самые беспросветные часы. Дурак, вроде Флобера, глядя на стройную девчущку, заводил глубокомысленную дичь о скелете ; а человек тонкий, и чей-то череп теребя, разглядит что-нибудь увеселительное, даже будь он совсем не гамлетовского пошиба и не йорикового лукавства.

Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать – если бы он вместо рыболовства, сгибанья в бараний рог да неумеренного поглощенья гречневой каши занимался внедрением европейских ремёсел или воспитанием Престолонаследника, глядишь не стояла бы сегодня Россия с пустыми сетями и у разбитого корыта. Сколько русских бед начинаются с просчёта Александра II-го, давшего приличное образование лишь злосчастному Николаю и махнувшему рукой на эту дубину Александра ! Два последних горе-царя с лихвой оправдывают все революционные брожения. Два мирных дикаря, устраивающих мужика, но мерзких в глазах лучших русских людей, понимающих и подлинные интересы мужика и возможное место России в европейском семействе. Большевицкое дикарство вполне согласуется со взглядами Александра III-го и Николая II-го на

обустройство русской земли под богоносным (коммуновселенским) началом. Насколько Витте, Столыпин, Милюков, Родзянко были развитее !

*Допущение **Бога нет** немедленно аннулирует всю дальнейшую дискуссию – почему же – и без бога (я писал Бог, когда все писали бог, а теперь пишу бог, потому что все пишут Бог), есть выбор между горестным фатализмом и сообщничеством предприимчивых синапсов. С богом, конечно, интереснее, потому что надо для начала решить, куда его сподручнее всего сбить : в изначальный Промысл, в мозговые или душевные извилины, в конечное спасение ? То ли он игрок, то ли судья, то ли картокрапитель, то ли затыкатель наших интеллектуальных дыр и прорех ?*

Зачем нужно красноречие в рассуждении о свободе воли? Я не хвалюсь этим красноречием, не знаю его, не думаю о нём! - без красноречия можно обойтись в бухгалтерском учёте и в дифференциальном исчислении, в остальном же – даже при порке или совращении малотетних – оно лишь и ценно. Ни одной вечной истины, вне стен геометрии, - нет ; и все, утверждающие обратное, - проходимцы, мошенники или самозванцы. Что кроме красноречия можно вложить в рассуждения о свободе воли ? Ум при ворошении камней называется знанием ; ум при ворошении слов называется красноречием. И судят здание не по прямоте, честности или непредвзятости краеуголий, а по жизненности стен, покоев, крыш и подполий.

Да будет господам французам второй 1815 год! - причём никакой прохвост Таллейран не смягчит заслуженной ими участи, а у расswireпевших меттернихов уже не требуется рыцарское

благодущие. Облагать контрибуцией надменных слововодцев, мнящих себя ростовщиками, - тут и без Священного Союза можно обойтись.

Макин тоже стихами балуется - нет, это я, помнится, о В.Волкоффе говорил. Хороший писатель, лучший из русаков в Галлии. Есть ещё Гаврила Мацнефф, большой специалист парижской литературной богемы, скандалист и благочестивый православный содомит. Есть М.Холоденко, есть та же А.Вяземская. Пописывали Н.Струве, С.Гинзбург, Р.Оссейн, М.Влади, Р.Вадим, С.Дистель. Из бардов, к С.Гинзбургу и С.Дистелю можно добавить и экзотического Мишу Полнарэффа, а к актёрам - Машу Мерыль (урождённую княжну Гагарину), Константина, киношного композитора В.Козьму, кинокомментатора П.Черню, телевизионщиков Л.Цитрона, братьев Гришку и Игоря Богдановых. Из музыкантов - М.Рудь, В.Самолётов...

Поищи-ка ты наших соотечественников во французской поэзии - приличных, кажись, не водилось.

*Не включить ли **цветаевскую Вьюгу**? (уж переведу как-нибудь)* - **цветаевское** чувство языка - уникально ; и этот стих поразителен по владению звуком и ритмом. Мне кажется, в текст закралась описка, вместо *Plus lance que rage Slave...* надо, наверное, *Plus franche que rage Slave...* Даже пренебрежение артиклями воспринимается в духе дю Баифа.

Парфюмера Патрика Зюскинда считают национальным писателем, - сам Зюскинд эти несколько ошарашен. Кстати, читал ли ты его знаменитый **Парфюм**? - нет. Но вся читающая Франция его знает.

Не попробовать ли подобрать стихи одних поэтов, написанные на смерть других, для начала – написано ли что-нибудь памяти [Валери](#)?

А частушки, значит, не поэзия?... Я, видимо, поэзию несколько шире рассматриваю - поэзия, для меня, начинается с умения отступить от ритмов осязаемой жизни и создавать ритмы, убедительней уличных. Души не чаю в неаполитанских песнях или в русских ямщицких рыданиях, но ярлыка поэзии к ним не подклеил бы. Я угадываю присутствие поэзии, когда не догадываюсь о причине возникшего удовольствия и волнения или сместившихся горизонтов и центров тяжести. За поэзией я чувствую нечто, более весомое чем я сам ; это глас божий, может быть и твёрже вписанный в предметы, чем мой мозг, но относящийся к сфере веры, а не понимания, чувства юмора или изощрённости.

И нъекция либертинажа тебе сильно не повредила бы - в этом жанре, на мой вкус, слово, по сравнению с изображением, бессильно и чуть ли ни неуместно. Здесь я целиком на стороне видеосферы. В эротике, идеальное расположение духа – это глаз, отключённый от мозгов и задающий музыку и движение.

*Если поэт **вне времени**, то он же и **вне вечности**... И нет никакого расстояния между мной и злобой дня - интересным антонимом злобы дня является не вечность, а жизнь другим ритмом, который, порой, может даже и совпадать, случайно, с бытовым. Посчитай, сколько раз упомянута эта самая вечность у мистиков, постмодернистов, метафизиков у антологических поэтов из книжицы, что я тебе выслал, - в этом прёт, как раз, нудная и досужая злоба дня – так нынче отправляется профессионалами поэтическое ремесло. Вне времени находятся абстракции – словарь науки и искусства. Только хороший*

математик может говорить одним языком о бесконечности и о таблице умножения ; только хороший поэт может вплести вечность в букет из простеньких цветов.

Среди чуждых (тебе?) авторов, сливающихся (всецело!) со своей эпохой, Данте будет первым в списке - потому и люблю Шекспира, Пушкина и Рильке, что по ним и не догадаешься (если, конечно, не копаться в них по-мелочному), откуда они взялись и в какие сапоги обряжались. От державинского Бога несёт Екатериной, а баратынскую Осень в какую угодно эпоху или край ни сунь, она везде звучит поэтически, то-есть свободно и самоуверенно.

Побеседовать с тобой о Тракле как о неудачном эпигоне Стефана Георге - при моём всеядстве, я и руководство по рукоделию или здоровой пище переварю, если ты возьмёшься за потрохи, а не за стихи.

О двуязычных (и более) поэтах - мне неизвестен ни один поэт, одинаково значимый на двух языках. Я думаю, это невозможно : поэзия - это самый требовательный сплав рефлексов, сухожилий, отступлений, предчувствий и дерзаний, которого не достичь никаким знанием, никакой тренировкой.

*Какой я **власть имущий**? Разве что по сравнению с **ума не имущими** - говорить как власть имущий дано, вослед Иисусу, тем, на кого выпадает самовольный дар божий (принимай он форму змия, ангела, голубя или прочей летучей, ползучей или кусучей нечисти - неважно !). Преображение, вид и смысл которого остаются непостижимыми для большинства наблюдателей, а порою и для носителя. Это свойство голоса и взгляда, а не рук или места в стаде*

или в муравейнике.

Все-то моей философии: помереть всегда успеете, а вот попробуйте, братцы, жить – вот видишь, и ты взялся Маяковского цитировать. Вот, кстати, анти-пример о месте злобы дня : его дореволюционные отрицания и послереволюционные принятия почти независимы от прообразов. Это то, что так тонко Блок называл музыкальным восприятием истории, в отличие от предметного. Какое мне дело до Партии или успехов госторговли, если я чувствую ритм, мыслимый и убедительный и на безлюдье ?

Всякий будет поднят из могилы и приведен к словам и буквам, начертанным его рукой - с таким-то настроением и надо, пожалуй, писать : как будто всё оправдание жизни сводилось к содержанию текущей страницы (экрана !). Оттого я так нетерпимо настроен ко всякому наполнению, дополнению, разворачиванию, размусоливанию – надо каждый раз выучиваться ходьбе, как будто тебя только что, впервые, спустила в жизнь отцовская рука, и всякая дорога готова вздыбиться и трахнуть в лоб.

Многоточие есть самая неприличная вещь на свете - будучи на редкость приличным, я превыше всех знаков препинания ценю кавычки или испанский вводный вопросительный знак.

По-грамматически, склонённо и спряжённо, обнимаю твою сослагательную головушку и желаю ей прорву творительного падежа !

Твой Гера

19/02/1999

Здравия желаю, Ваше Благосурочество!

Одинаково значимого на двух и более языках поэта не может быть по закону Швейцера, это я сам знаю. Закон, если помнишь, был выведен эмпирически: путем многолетнего опроса десятков негров, которых Швейцер лечил, – как называются на каждом языке кузнечные принадлежности, степени родства и т.д. – что у человека может быть родным в полной мере *только один язык*, – и единственное исключение из этого правила составляет случай, когда человек прочно переходит с одного языка на другой (то, что явно собирался сделать [Рильке](#) после *Элегий*, то, что сделал [Набоков](#) после *Solus Rex*). Но это не мешает иной раз кое-что приличное написать не на родном языке: та же [цветаевская Вьюга](#) тебе в подтверждение. Так вот я хотел попросить тебя повспоминать эти исключения. Кстати, в XVI–XVII веках закон Швейцера, похоже, ещё не действовал: в собрании сочинений [Хёйгенса](#) из девяти томов шесть нидерландских, два латинских, один французский; Саят-Нова – абсолютный классик и для армян, и для грузин, и для тюрков (хотя чтят его более всех армяне, а писал он на 70% всё-таки на тюркском). Говорят, что необходимых слов стало больше. Впору поверить.

Если не трудно, поищи стихи В.Волкоффа – я тут ничего пока не выискал, а нужно мне 2–3 стихотворения и справку о нём, не более. Насчёт же прочих – *приличные* они в оригинале или нет – почти не важно. Я их как рагу из зайца приготовлю (как известно, для его приготовления нужно иметь как минимум... ежа; кстати, у цыган *хочевичи* – жареный еж – считается деликатесом). Был в Голландии такой Паул Роденко: только я собрался таким образом повеселиться,

как выяснилось, что он просто хороший поэт. Ну. И охота веселиться пропала.

В твоём письме насчёт *стихов на смерть Валери* и т.д. – цитата из моего письма есть, а комментария к ней никакого. Вышло то самое матерное многоточие.

Отношение к эротике у нас с тобой оказалось просто разным. Я определённо *вербален*, ты больше *вуайеричен* (по терминологии сексопатологов, которая по-русски звучит очень глупо). Похоже, что и *Казанова* для тебя тоже мало чем привлекателен. Ну, тут физиология, её не переделаешь. Меня привлекает любой вариант, а вербальный чарует вдвойне – возможность соединить приятное с приятным (или хотя бы с весёлым). Но в каких же ты тогда отношениях с *Рабле*?..

Цитату из красноречия ты привёл странно – не из меня, а из *Эразма*. А ведь старец лукавил – он-то красноречием владел в шестнадцатом веке чуть ли не лучше всех. Я понимаю, что читать полемику *Эразма* с *Лютером* у тебя нет охоты, но ещё раз обращаю твоё внимание на то, что с помощью красноречия беседуя о свободе воли аксакалы беседовали вообще не о ней: *Лютер* вербовал свою секту-церковь (образ из Гуго Гроция), а *Эразм* занимался преимущественно тем, что над *Лютером* потешался. Не зря его *Похвала глупости* и *Разговоры запросто* по сей день в переводах на современные языки переиздаются ежегодно: если б это был умозрительный спор с *Лютером*, все давно бы об *Эразме* забыли.

Насчёт затраханности слова *вечность* с тобой не поспоришь, грустно. Но насчёт того, что от *державинского "Бога"* несет *Екатериной* – суроче, пропись! Если где и несёт за версту холуяжем перед царем,

так это в *Полтаве*, и так несёт, что даже больно. Холуйское творение у [Державина](#) одно – *Ода к Фелице*. Ну, так её и не читает никто всерьёз. Насчёт эклоги [Баратынского](#) (*Осень*) я сказать ничего не могу: перевёл бы ты их, как я, с десяток, тоже заработал бы на них аллергию. Таких элегий, прямо скажем, в русской поэзии не одна, не две, не три, не четыре, не пять, не шесть... и так далее. Шестистрочная *Молитва* того же [Баратынского](#) для меня как-то убедительней, к тому же последняя строфа *Осени* безнадежно смешит меня с давних пор *лысынами бессилья*, перед которой соловьёвская *сова благоразумья* просто должна крыльями закрыться и со стыда сгореть.

Насчёт [Рильке](#) спорить не буду, а на ногах [Пушкина](#) точно по мерке сидят сапоги Эвариста Парни, чтоб не сказать хуже (Байрона, которого воспринимаю иронически) – к счастью, этого не скажешь о *Телеге жизни* и прочем действительно бессмертном, чего у него на большой том (на пустячок *Я ехал к вам...*, боюсь, я всю *Осень* как раз и обменяю). [Пушкин](#) – романтик до мозга костей, и от эпохи его оторвать нет никакой возможности. *Солнце русской поэзии* светит нам с тобой разными лучами.

Помереть всегда успеете – а попробуйте, братцы, жить – цитата не из [Маяковского](#), а из мемуаров Фета, сильно озабоченного тем, что третий уже (не то пятый?) сосед-помещик застрелился со скуки, да ещё оставил на этот счет записку. В [Маяковского](#), как и в Эдуарда Асадова, я без крайней справочной нужды не заглядываю.

Очень интересная у тебя поправка слова *страницы* на (в скобках) *экрана*: ведь и в самом деле, как теперь пользоваться выражением *вышло из под-пера...* и т.д. Я своего [Уайльда](#) сделал без единого

прикосновения к бумаге, не считая конечного результата, извлекаемого из принтера. *Фер-то кё?*, как говорила Тэффи. И жалко... и слава Богу. Насколько же я больше могу сделать с помощью синего экрана и белых букв! Но я почему-то уверен, и что к словам, стираемым с экрана, каждый тоже будет приведен и тоже будет за них отвечать. Ощущение немного мистическое, немного глупое.

А насчёт знаков – я ведь не это имел в виду. Насколько непристойней выглядит ... *свою мать в ... костылем неизвестного солдата!*, чем та же фраза полным текстом. А испанских знаков-перевертышей мы лишены вдвойне – в русском языке даже вопросительное слово не обязательно. Поэтому студентам своим (с марта опять возобновляю семинар) я отдельно объясняю – как построить *безусловно вопросительное предложение* по-русски. Довольно премудрая штука. Впрочем, можешь проследить по моим переводам (коих я тебе уже наслал сверх меры), как я это стараюсь делать: похоже, что русский человек к вопрошанию вообще мало склонен.

У [Цветаевой](#) во французском тексте, как теперь выяснилось, действительно опечатка, но иная: Plus blanche que rage Slave... просто отлетела буква *b*, – твой вариант, видать, из подсознания, но у [Цветаевой](#) оказалось проще. Хотя опечатку пропустил мой пентиум потому, что имея в нём систему проверки грамматики на русском, немецком и английском я просто боюсь грузить в него ещё хоть один язык. 1,2 гигабайта только кажутся огромным числом, а как лишний словарь ввести – так приходится думать. А всё-таки пленительна глупость и темнота наших цветаеведов, которые всерьёз искали у *Вьюги* русский оригинал!

Попытался её перевести. Тут же началось что-то вроде акрофобии вместе с акрофилией, на одном *теле метели* далеко не уедешь, а

цветаевский звукоток уводит... уводит... прочь от оригинала в первую очередь. Но в принципе – перевести это можно, истратив на это занятие, как говорил А.А.Штейнберг, некоторое количество жопо/часов (единица измерения тупого сидения над текстом – прежде, чем что-то начнет получаться).

Вышла первая толковая рецензия на мои *Строфы века – 2* в газете *Экслибрис* (приложение к *Независимой*, присуждающей *Антибукера* – того гляди, получу его за этот год как литературовед, а не знаю, хорошо это или плохо: в смысле денег, наверное хорошо, во всех прочих – едва ли). По мере появления оной болтовни буду копировать и складывать в предназначенный тебе экземпляр. Забавно, что молодёжи понравились переводы *Берберовой* из Элиота, которые старших только забавляли. Притом одновременно появилась на прилавках книга *Неизвестная Берберова*, где собрали все её мелкие статьи, все стихи, причем кончается книга статьей об Элиоте, к которой в публикации прилагались переводы – а самих переводов нет. Зато они есть в моей антологии. Не пойму, кто кому рекламу сделал. Обнимаю, суроче, и ухожу на вечер прилетевшей из Филадельфии Валентины Синкевич.

Твой

ЖЕНЯ

21/02/1999

Здравствуй, дремучий пред-анти-букеровец !

Ты, порой, забываешь, с кем ведёшь речь. (Позиция эта, в целом, как раз хорошая, и я ею грешен : надо говорить *перед Богом*, а не перед чьими-то ушами и извилинами.) Ведь по социальному и моральному статусу, я ближе бродяге или беженцу, чем литературному критику или беззаботному глотателю журналистских новостей. Ты чрезмерно держишься *обоснованности*, но с прохладцей ценишь темперамент. Ищущие *знания и правды* плачутся о нехватке времени, чтобы исчерпать все кладези человеческой мудрости ; я же, напротив, горько сожалею, что потратил столько времени на *познавание* того, что было бы гораздо интересней лишь *угадывать*. *Овидий* мне близок и отношением к богам (*как пуста была бы жизнь без того, что не существует* - изумительная программа, стоившая ему изгнания, ибо к несуществующим он причислил и богов !) и как беженец (изгнанники – это моё любимое племя в дебрях искусства, более близкое, чем то, что отмечено бессоницей !)

Если книжная тематика выступает у нас чаще, чем зоологическая или градостроительная, то лишь по малодушию, по доступности подручных абстракций. Но слово мне неизмеримо важнее книги, и я о порке малолетних могу говорить столь же запальчиво и увлечённо, что и о достоинствах сонета.

Человек, забывая пока о теле, – это память, *интерпретационный мотор-решатель*, сердце и душа. Самая страшная беда, которая может приключиться с человеком, - это механизация, то-есть господство первых двух граней и потускнение двух остальных. Я не придаю почти

никакого значения содержимому моей памяти (весьма скромной и, к тому же, оснащённой редкостной мощи механизмом забывания и вытеснения), а следую лишь диктату вкуса. Предпосылкой хорошего вкуса является ссылка, в последней инстанции, к суду сердца или души. Сердце – это умение любить вопреки ; душа – это сознание, что самое яркое в нас существует благодаря. Чередование беспочвенных жертв и верностей. Хороший вкус – это равенство голоса в своём обращении с дерзостью и со смирением. Плохой – в резком предпочтении дерзости или смирения, то-есть негармоничности или слабоволия.

Мне с тобой интересно общаться не столько оттого, что в тебе есть и сила памяти и безупречность ворошащих её мозгов, сколько из-за предчувствия той редкой и желанной слабости, по которой узнаётся человек сильных чувств и тонких образов. Жизнь – поражение или триумф ? Триумф, если рассматривать её как диалог драматурга с демиургом. Поражение, если браться за неё, как лицедей за недопонятую роль или чародей за выучку к поступлению в цирк. Любая сцена жизни достойна и плача и смеха. Беда в том, что из театра выходит всё чаще лишь безошибочный, бесслёзный и неулыбчивый, алгоритм с запрограммированной реакцией стадной публики.

То, что явно собирался сделать Рильке после Элегий, то, что сделал Набоков после Solus Rex - в Рильке эта наивность была необъяснимой ; он даже французской просодии толком не чувствовал, а уж по-русски и совсем оконфузился. А вот Набоков – чудо из чудес ! Такого феноменально тонкого владения тремя языками – а по-французски он мог бы запросто писать романы – я не знаю ! Но стих это не роман, где за словесным лесом можно и не разглядеть плохо

укоренившегося дерева или неуместного пня. До чего всё же одарён русский человек ! Во всех областях, кроме, кажется, двух : коммерции и политики, где подвизается лишь какая-то вороватая, казнокрадная мразь. Французская литература родилась в салонах меценатствующих лавочников, русская – на каторгах, уготованных блюдителями государства.

Поищи стихи В.Волкоффа - я видел только его переводы из Тютчева. Посмотрю. Один из трёх-четырёх лучших французских романистов сегодня, и переводов заслуживает безусловно.

Стихов на смерть Валери и т.д. – цитата из моего письма есть, а комментария к ней никакого. Вышло то самое матерное многоточие - я начинаю с выуживания в твоём письме мест, заслуживающих отзыва, а потом мечусь, беспорядочно, между *параграфами*. Машинный подход, - стыдно !

Во Франции нет этой замечательной традиции стихов *на смерть поэта*. Смерть здесь вообще исключена из цикла жизни. Колышет это только книгоиздателей да авторов справочных пособий. В наше время, гении протягивают ноги в таком жалком состоянии, что рвать на себе волосы не придёт в голову даже самому рьяному почитателю. Не каждому удаётся хлопнуть перед уходом дверью, то-бишь револьверным спуском или литературной выходкой (как, кстати, это удалось одному из забытых мной русаков, Р.Гори/Гари, доказавшим, перед смертью, свой дар под новым псевдонимом, Е.Ажар : Гори ! – а Жар ?)

Похоже, что и Казанова для тебя тоже мало чем привлекателен - ещё как привлекателен ! Но только за тонкий свой язык. Его подвиги вызывают зверскую зависть по диковинности и заманчивости

обстоятельств, при которых он ухитрялся уламывать своих сотружениц, но эротизм его подмочен малоироничным стремлением сойти за благочинного дворянина.

Но в каких же ты тогда отношениях с Рабле?.. - очень дружелюбных, но опять-таки по причинам вербальным. Как ты знаешь, я ценю XVI-й век куда выше XVII-го, когда Расин, Корнель, Мольер заморозили французский язык, да ещё и в накрахмаленном состоянии, а ведь у Рабле и Монтеня язык настолько свободнее, безогляднее, не скучнее жизни.

Цитату из красноречия ты привёл странно – не из меня, а из Эразма - это нежелание ставить двойные кавычки. Интересные речи, в твоей передаче, я и из господ бога или И.Сталина возьмусь означивать !

*Насчёт того, что от **державинского Бога несёт Екатериной** – суроче, проспись! Если где и несёт за версту холуяжем перед царем, так это в **Полтаве*** - упаси меня бог судить о поэтах по их холуйству или мятежности перед престолодержцами ! Екатерина, здесь, метафора, а не живая баба на престоле – символ своего века. От Бога несёт, для моего носа, а не мозгов, оценщиков степени верноподданничества, - несёт тем XVIII-м веком, с его скованностью и серьёзностью, от которых нас навсегда отвадил вертопрах Пушкин. Я не знаю, что мне делать с этим набатным Богом (ведь это бледное подражание, и как всегда, с вековым опозданием, какого-нибудь Боссюэ, о котором я тоже мог бы сказать : *несёт Королём-Солнцем*, хотя у него и упоминаний-то нет никаких об Отце Нации), а с весельчаком Пушкиным мне хорошо дышится и в унынии и в радости ; его голос не привязан к веку Николая I-го, о котором и скажут-то когда-нибудь, что это был тиран пушкинской эпохи. А то, что Пушкин

с [Достоевским](#) виляют задом перед самодержцами или охаивают *полячишек*, - ничем не отражается в моём взгляде на них как художников. То же самое, кстати, и с [Маяковским](#). Нам, вживе знавшим бездонное хамство советчины, трудно отрешиться от мысли, что всякое ей потворствование бросает на художника несмываемое пятно позора. Уже лет через десять, новому поколению любителей словесности будет наплевать на то, кто чем запятнал свою репутацию *борца за свободу*, и читателя будут занимать только слог и тон. А замечать будут только *облако, напоминающее верблюда*, или *облако в штанах*. [Маяковский](#) – явление такой многослойности и непрямоты, что на нём можно перепробовать множество толкований или освещений, чего никак не скажешь о прямолинейных слабачках вроде [Ходасевича](#) или [Гумилёва](#).

Ты мне всё : *проспись, опохмелись, опомнись* - а по мне, речь без опьянения годится только для полицейских протоколов или казённых диссертаций. [Пушкин](#) – *олух*, [Пушкин](#) – *светоч* - мне всё равно, единственное, что меня занимает, это – под каким углом смотреть, каким понятийным словарём пользоваться, на какую высоту иронии взбираться.

*Насчёт эклоги [Баратынского](#) (Осень) ... Таких элегий, прямо скажем, в русской поэзии не одна, не две, не три, не четыре, не пять, не шесть... и так далее. Шестистрочная *Молитва* того же [Баратынского](#) для меня как-то убедительней – и на строгий твой рай силы сердцу подай (чем не мои подражания английскому !) лучше чем и вдруг бесплодных *дебрей созерцатель* или *и тощая земля в широких лысинах бессилья* ? Что до *лысины*, то ты-то лучше меня знаешь, что это *прогалина, голь*, как в *Лысой горе* ; и метафора эта блестяща не только смыслом, но и звуком и двусмыслием. Нет, поэта, написавшего такое :*

*Век шествует путём своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.*

я никак не могу отнести к заурядю ! Дело тут совсем не в нытье или чванстве, а в слоге и слове. Если ты мне дашь справки о пяти-шести ... елегорожцах, не уступающих Е.Б. по качеству письма, то заткнёшь ещё одну из неисчислимых дыр в моих познаниях, но, прямо скажу, не могу этому поверить.

Пушкин – романтик до мозга костей, и от эпохи его оторвать нет никакой возможности. **Солнце русской поэзии** светит нам с тобой разными лучами – для меня романтизм не свойство какой-то эпохи, а тип мировосприятия. Во все времена водятся и классики и романтики и ... балагуры-журналисты, что-ли, эти – самые многочисленны. (Тит-Ливий – классик, Тацит – романтик, Светоний – журналист). Там где балагур скажет *Национальное Собрание приняло законопроект об обустройстве боен*, классик возгласит : *Государственные мужи склонились над судьбоносной скрижалю о заклании наших четвероногих собратьев*, а романтик понесёт что-нибудь вроде : *Гнусное скопище скотоподобных недоносков осрамилось мерзоснейшей дичью о скоте рогатом.*

А насчёт знаков – я ведь не это имел в виду - я понимаю, что тебя интересует матерный заряд многоточия, по сравнению с прямолинейным уханьем плеча непечатным словом. В обоих – твоём и моём – случаях (многоточие или кавычки) речь идёт о способах ухода от прямого взгляда. Многоточие говорит : *Хряснул бы я здесь*

разухабистым словцом, да у тебя это ещё хлётче выйдет ; кавычки признаются : Слово это то ли заплёвано, то ли, напротив, уж больно безвкусно, - встань не напротив него, а поверх.

Похоже, что русский человек к вопрошанию вообще мало склонен - а как же с *что делать ?*, *Кто виноват ?*, *Как обустроить ?... ?* - беда, может быть, наибольшая - в размашистости ответов : высоты или сияющие или зияющие, глубины или неисчерпаемые или пустопорожние, широты или задушевные или бездушные.

Во всяком человеке уживаются поросёнок, соловей, баран, павлин, попугай, волк и муравей. И чистого голоса, идущего лишь от одного из этих персонажей, у нас почти никогда не бывает. Даже в соловье можно докопаться до свинских мотивов, в баране похвалить муравьиную преданность, за волком признать павлинью горделивость, у попугая подметить признаки творчества.

Моя сурочность всего понемногу от них берёт. Сегодня, кажись, пробивается волк, хотя я обошёл бы и свиньей. Не посетуй !

Обнимаю, впрочем, совсем невзъерошенно, а почти игриво. До чего богатый, кстати, корень : проиграть, заиграть, выиграть, обыграть, разыграть, сыграть, отыграть, переиграть, доиграться, разыгаться, уиграться, сыгаться, выиграться – всё употребимо без всякой игры !

Твой собутыльник (жду картину звериных возлияний !)

Гера

P.S. Если помышляешь забраться в этом году к Галлам, то пришли,

пожалуйста, свой *Curriculum Vitae* и *Список Трудов* (не только печатные, но ящиковые). Кроме виноградарства, судьба которого решится в мае, можно будет предпринять что-нибудь, годное и не только для пахарей.

04/03/1999

Привет, суроче, я соскучился!

Писем уже две недели, притом никому. Балаган вокруг моей антологии *Строфы века* – 2 только начал разворачиваться, идут разнообразные рецензии, несмотря на диковатую цену, книга в тех очень немногих местах, где продаётся, распродается бешено, а я с утра до ночи сижу на телефоне – обеспечиваю поэтов и наследников экземплярами. Кстати, из-за её веса послать по почте не могу (почти 4 килограмма), между тем экземпляр для тебя лежит. Сочини какую-нибудь оказию – тут же получишь свой законный экземпляр. Но можно и не торопиться – никому я *твой* экземпляр не отдам, получишь всё равно.

Не жди сегодня от меня, измотанного телефонным террором, ни глубоких мыслей, ни философии. Я весь с ушами и макушкой в следующей антологии – *Семь столетий французской поэзии* (1300-1999). А это компьютер, ксерокс, распечатки, расклейки и т.д. – 100 печатный листов (тоже выйдет книжечка килограмма на два). Твоя подарочная книга создала кучу проблем, приоткрыв кусочки и уголки, о которых я знать не знал. XX век переведен у нас клочковато, к тому же хреновато, напротив, ранняя поэзия – от Гийома де Машо до Клемана Маро – обширно, но плохо поэтически. А летом книгу сдавать. Обо многих поэтах, которых обнаруживаю в русских переводах, ничего не могу выяснить – а это обидно, если переводы хорошие. Кто такой, к примеру, Ноэль Гарнье (не ренессансный, а тот, что жил в начале XX века), видимо, участвовал в первой мировой? И так далее... А 100 листов – это 70 тысяч строк, пересчитай, скажем, в сонеты (в *Сонетах к Орфею* у [Рильке](#) – 1, 1 листа). А помощников – никаких (впрочем, не считая тебя). И не в том

дело, что мне не хватает материала – переводов из одних только *главных* - (Вийона, дю Белле, Ронсара, – кого там? Беранже, Барбье, Гюго, Мюссе, Бодлера, Малларме, Эредиа, Верлена, Рембо, Корбьера, Аполлинера, Валери, Кокто, Арагона, кого-то ещё, имен 5–10: это те, кто переведён едва ли не целиком, а иные по 10–15 раз целиком) у меня и без того переизбыток. Кстати, мой французский стал оживать на неожиданном месте: читал стихи Жана Кокто и что-то увлёкся, никогда не думал, что стихи его мне просто начнут нравиться. Чего не скажу о Клоделе: тихо затошнило, да еще лезет в голову полупародия *Брассенса*. Вот тебе полная история того, чем занята моя голова, не считая сортов клея, бумаги, катриджей, спирта (коим промывают промышленный ксерокс каждые 500–600 копий).

Словом, я напоминаю себе Мартина Идена в прачечной, только эта прачечная почему-то литературная, и дописать последние пять глав *Святого Витта* нет ни сил, ни головы. всё, на что я сейчас способен – это без блеска сочинить записку тебе, чтобы ты не решил, что я без должных оснований впал в запой (или что ещё там можно насочинять – сам не знаю). Разговаривать со мной сейчас можно – к моему ужасу – почти только об одной французской поэзии.

Кстати, всё ты врешь о том, что во французской поэзии нет стихов *На смерть* – я их нашёл уже больше десятка (самое знаменитое – Вьеле-Гриффен на смерть *Малларме*, но есть и Дюпон на смерть Эжезиппа Моро и так далее, чем дальше в прошлое – тем больше, вплоть до Фруассара на смерть Гийома де Машо!). На смерть *Аполлинера* – уже три стихотворения. Впрочем, это не в упрёк тебе: имей в виду, что этот жанр есть во всех литературах мира, исключений не знаю. Для антологий, подобных моей, такие стихотворения служат чем-то вроде цемента.

О выходе полного Пьера Луиса в Москве не знают: если можно, узнай выходные данные книги, а? Мне нужны его стихи (просто стихи, не *Билитис* и не романы). Поэт он средний, но наши нимфоманки-лесбиянки очень жаждут *много Луиса*. Мне жалко, переводить они будут сами, а платить я им, как догадываешься, не намерен, они свой кайф поймут в другом месте.

А мой *Вийон* печатается четвёртым тиражом! Мне не доплачивают, но случай исключительный. Прислать? Это примет и почта, книга небольшая.

Пока умолкаю. Авось сутки подержу письмо, не отправляя, смогу говорить не на эту единственную тему. Но завтра вечером всё равно отошлю.

Через сутки. Пребываю всё в том же безумии на почве французской поэзии, просвета не видно. Так что отсылаю.

Обнимаю.

Женя.

06/03/1999

Бью челом, книжник ! (или книжницу(?)) ; как быть со старче ? ведь в старике-то к, как и в сурке ? А что выйдет из дурака ? А вече не от века ли ?)

Весь мир сокрушённо качает головушкой при упоминании имени России : сразу же возникает образ или взьерошенного пьянчуги, или звероподобного разбойника, или дремучей бабуси, скребущей оледенелую мостовую, или толсторожего чинуши, полощущего сукном по увядающим ушам, - а ты, проказник, пишешь о весёлой кутерьме вокруг поэтической антологии, о девицах, млеющих от одного присутствия книги, книги не об инопланетянах или похождениях заморских кинозвёзд, а книги поэзии ! Ни в одной стране мира это немислимо ! Загадочная, непостижимая душа ! что я ни толкуй, по-картезиански или по-царь-салтански, о причинах чудачества на Руси, - сам я признаюсь, что ни черта в этом не понимаю ! Твоёго сооружника по языкоедю и рифмоплётству, А.Делюи (H.Deluy, известному, кстати, прежде всего по переводам с голландского и с португальского, - есть ли на белом свете третий такой чудак !?), его и 700 проданных экземпляров ошарашили бы от счастья.

Сочини какую-нибудь оказию – тут же получишь свой законный экземпляр - совал я тебе то усачей, то красных девиц, но всё, видно, не под руку. Попробую притянуть к этому несмыслённых чад : с 13-го по 27(?) марта, в Ст.Петербурге будут пребывать, целым классом, марсельские детишки, предводимые одной моей приятельницей, Ниной Кехаян (автором нашумевших в своё время книжиц о Совдепии). Она должна связаться с моей питерской знакомой, Соней Фейгиной. Сонин

телефон : 254-64-62, и адрес : 197216 СтП., пр.Народного Ополчения, 23-18.

Ксерокс - невзлюбил я это слово ! Почему не говорить, как во всём мире, - фотокопия ? Ксерокс – это название одной из сотен фирм, производящих копирующие машины. Это мне напоминает неуклюжий советский неологизм *иномарка*, обозначающий и япошек, и американок, и европейек (машин !).

Кто такой, к примеру, Ноэль Гарнье, что жил в начале XX века - чёрт его знает, в моём справочнике не числится.

*Я напоминаю себе Мартина Идена в прачечной, ... дописать последние пять глав **Святого Витта** нет ни сил, ни головы - то-есть, по Шопенгауэру, нет мира деятельного, который, якобы, есть воля и представление, а артист – это мир вымышленный : своеволие и интерпретация, - всё наоборот. Мир Шопенгауэра заносим в машину, мир художника – вне памяти и граней, одни вершины. Каково утешил ! Давай, брат, стриги купоны, береги, втихаря, поклонниц и плюй в потолок, на котором рано или поздно явится тень взбешённого Витта, и сами собой польются сконфуженные речи воспрянувшего отступника.*

Чтобы ты не решил, что я без должных оснований впал в запой - то, что ты описываешь, так похоже на запой, что у меня нет оснований считать, что я ошибся. В самые трезвые минуты жизни, как мечтается о голове во хмелю !

Разговаривать со мной сейчас можно – к моему ужасу – почти только об одной французской поэзии – рад слышать ! А то ты всё ополчался

на бедолаг, у которых так и не находилось смышлёного защитника. Чего-чего, а уж любопытно устроенных мозгов в Галлии явно поболее будет, чем во всех остальных странах.

*Кстати, всё ты врешь о том, что во французской поэзии нет стихов **На смерть** – а ведь мог бы охлестнуть мои замашки ещё и не так благодушно, чуть ни играючи, - спасибо, книжник! Я говорил, помнится, о традиции, а не о существовании самого жанра (об экзистенциальности и универсальности судят память и методы её ошаривания, а художника должна, поди, больше занимать абсолютность). В России, какой-угодно агроном, аптекарь или завхоз (о брокерах, имидж-мейкерах и дилерах судить не берусь) знал о том, что почившего в бозе народного певца полагается помянуть разъярёнными строфами, поносящими травителей, душителёв и охаивателёв. А здесь, задал я вопрос одной профессиональной поэтессе, что привело её в оторопь – я и брякнул сдуру свою ересь, хорошо что ты не такой уж доверчивый стал, смекнувши, небось, что я приврать горазд.*

*О выходе полного Пьера Луиса в Москве не знают: если можно, узнай выходные данные книги, а? Мне нужны его стихи - пока только напомню, что издательство называется *Les Belles Lettres*, серия *Sortilèges* (та самая, в которой вышел *Дневник Пушкина*, в переводе с русского и с предисловием упоминавшегося тобой проходимца).*

А мой [Вийон](#) печатается четвертым тиражом! Прислать? - сунь, сунь вместе с чем-нибудь о Раскольникове/Рейснер, за коих, коли пошлёт бог энтузиазма, возьмусь вскорости. Опус мой, в конце концов, в печать не пошёл. Обойдусь, я совсем не графоман, и никакого одушевления от появления своей писанины в публичных местах не

ожидаю.

Я человек барочный, и с чистыми классиками или романтиками уживаюсь туговато. Барочность это голос, опережающий размышление и не видящий в знании ни опоры ни цели, самое большое – один из употребимых словарей. По видению места и свободы слова мне, из русских поэтов, ближе всего [Цветаева](#).

Классик тот, кто считает, что есть божий глас и божий язык, и дело художника вслушиваться в них и передавать предельно точно угаданные ритмы и мысли. При этом сам он как бы самоустраняется из своей собственной речи, чтобы слышен был лишь замысел божий. Отсюда идёт культ *незаменимых* слов, ремесленническая шлифовка описательств, за которыми зритель/читатель/слушатель должен разглядеть кисть/слово/ноту божьи. Это - передача чего-то существующего. Вера классика - это прямота и душевный покой. Его уязвимые признаки - самонадеянность, чрезмерное прислушивание к стаду, условность содержания.

Романтик, напротив, понимает, что никакого языка у бога нет, что никакой возможности докопаться до его слов или образов нет и впомяне, и божье присутствие может как-то чувствоваться лишь сугубо личным, прерывающимся, порой неверным, но то ликующим, то рыдающим голосом. Это - создание чего-то, более убедительного, чем всё сущее. Вера романтика - это стыдливость и волнение. Его слабые места - истеричность, неумение видеть извне свой труд, рыхлость формы.

Романтик превращается в барочника, когда роль его звезды научается играть и свечка.

Классик вырождается в барочника от приступа стыда или от назойливого мельтешения в глазах зубастой ведьмы с косой в руках.

Обнимаю, трудяга, и искренне рад и за тебя и за страну и за лавро-(и чего там ещё)-носиц !

Гера

23/04/1999

Привет, профессионал !

Два месяца минуло с твоего последнего явления Интернету и моих безответных призывов. 13-го мая я встречаюсь с виноградарем, которому могли бы пригодиться твои *батрацкие* услуги. Если тебя это ещё интересует и не коробит, то пришли-таки паспортные данные для оформления приглашения.

30/04/1999

Привет, сурочеч!

Авось моё молчание кончилось, ибо французская антология уже понемногу становится корректурой таковой, т.е. я всё меньше и меньше имею к ней отношения, а стало быть – появляется свободное время. Развлечения ради прилагаю тебе нынешний вариант содержания оной антологии, который можешь стереть, не читая. Забавные вещи я нашёл при раскопках: несколько поэтов в русском переводе книги Реми де Гурмона нашлись в переводе М.Кузмина. При выяснении, что это за поэты, в справочниках устойчиво обнаруживалась фраза: *Поэт замечателен прежде всего тем, что о нём писал Реми де Гурмон*. Однако и литературоведы же, что у вас, что у нас...

Ты, я вижу, разжился кириллицей? Было бы радостно... На сбор винограда в этом году явно не вырвусь: после французской антологии мне сдавать (к концу лета) трёхкилограммовый кирпич *Юмор века* (кстати, ведь и французский тоже!), и сразу следом мною же придуманный такой же том *Изгнанники века*. Кстати, *Юмор века* мною поделён на десять разделов: *Юмор девятисотых*, *Юмор десятых* – и т.д. до *Юмора девяностых*. Притом отнюдь не только русский юмор, притом безразлично – стихи, проза или ещё что (не годятся только очень длинные вещи по понятным причинам. Ну, с русским и англоязычным юмором я разберусь (а над немецким только вздохнуть могу – одни фекалии; впрочем, Ведекинда и Рода-Рода возьму), – а что насчёт французского посоветуешь? Над чем смеялись французы в XX веке (только так, чтобы к концу нашего века этот юмор в жуть не превратился – уже имел такое).

Кстати, по твоей наводке ЧЬОРАН уже переводится, притом я пришлю тебе русскую версию – глянь по диагонали общее впечатление, не сверяй ни в коем случае.

На мою восьмифунтовую антологию уже больше десятка рецензий, и странно – никто не рискнул всерьёз ругать.

Французских поэтов в Москве мною выявлено уже четверо – и все постепенно переходят на русский язык. Все графоманы. Похоже, нам решили отомстить...

Ладно, подай голос – тогда напишу полномерное письмо.

С медвежьей ловкостью объятий –

ЖЕНЯ

02/05/1999

Здравствуй, борзописец !

Нелегко восстанавливать опавший ритм. Ритм это полноценное древо, от корней до крон, хотя бы и с мышинной вознёй у почвы, с червоточинкой в коре, с нередкой бесцветностью неудающихся завязей. С чего браться раскачивать новую мелодию ? Со славословий твоим подвижническим трудам ? С причитаний по поводу мировых безобразий ? Со скулежа о своей запустелой норе ? Ну уж как выйдет ! И не многообещающий саженец, и не безнадёжный пень. Какая-нибудь ботаническая бестолочь, пока не наладится наша новая зоологическая поступь.

Ты, я вижу, разжился кириллицей? - кириллица-то у меня водится издавна, да вот с клавиатурой беда ; мышить мочи нет.

На сбор винограда в этом году явно не вырвусь - напомню, что упражнение это происходит в конце сентября, начале октября.

*Мною же придуманный такой же том **Изгнанники века*** - это славно придумано ! Меня этот взгляд на особенности письма давно занимает. От **Данте** с **Петраркой** до **Набокова** с **Сьораном**. Байрон и **Пушкин**, Гоголь и Гейне, **Ницше** и Уальд, Эйнштейн и Пикассо.

А что насчёт французского посоветуешь? - советчик я, в этом жанре, неважнецкий. Меня очень позабавил безбожник Каванна (F.Cavanna) своим *Священным Писанием (Les Saintes Écritures)* – слёзы брызгали многократно. Кстати, у того же Каванны есть недурная новелла *Les Russkoffs*, со скорее трагическим душком, где встречается довольно

редкий западный взгляд на русскую *душу*. Из народных потешников – наиболее распространённый нынче жанр - мне приглянулся Депрож (P.Desproges).

Чем я пробавлялся, пока тебе плела лавры критическая братия ? Изрядно энергии ушло на дичь. Чуть ли не по моему наущению [Р.Дебре](#) ввязался в свирепую перепалку с гнуснейшими из здешних интеллектуалов. Предмет распри : что важнее - внутренняя музыка художника, *величавость* его позы или груз его знания. (Я-то считаю, что они чуть ли ни одинаково весомы : музыка как дар божий, поза как неуклонимая высота и знания как наиболее долговечный словарь.) [Дебре](#) полагает главной предпосылкой искусства – основательность знаний и пристальность непредвзятого взгляда. А удачу сулит только идущая из нас самих, непревносимая извне музыка. Он уязвляет своих недругов упрёком в плебейском следовании довлеющим вкусу и гласу века. Его противники, Ф.Соллерс, Б.-А.Леви, А.Глюксманн, - типичные в наше время *всехваты* : роман, философия, критика, живопись, журнализм - всё под оглушительным сопровождением злобы дня и без единоличья ни в дыхании ни в словоплетении. Всё бóльшая бескрылость со всё более бесцеремонной поступью. Цепляние за имена и расхожие лозунги и неумение вымерять расстояния своим собственным шагом. Подлинный *умница* отличается не умением рассуждать пуще прочих, а умением изолироваться, *отлучаться*, как говорил [Блок](#). Хороший писатель тот, кто создаёт убедительную тайну вокруг чуда первого шага.

На меня периодически нападает гипохондриа. Вдруг становится недостаточно иллюзии, за которой обычно умолкает всякая грызня в зарёберье. А жить в лад можно только под гусли иллюзии. От дудок быта, барабанов буден, фанфар знания у меня пропадает охота

угадывать меры и ритмы. Иллюзия это согласие с предначертанной мелодией, в которую вписываются, будто бы, наши дела или мысли. А когда, рано или поздно, сбиваются голосом или фальшивят, то принимаются судорожно за настраивание новых гамм в расстроенных струнах. И так всю жизнь. Впрочем, это, по-видимому, свойственно лишь людям-инструментщикам, тем, кого больше увлекает шлифование линз, а не исправление близорукостей, а, тем более, не увлечение разглядываемыми предметами.

Уловка толкового - в искусно рассчитанном запаздывании, а не в упреждении, как убеждены наивные. Когда нас окатывает беда или просто скука, нужно не отряхиваться тотчас же, не обсушивать подмоченные места под первым попавшимся лучом, а делать вид, что за дрожью зубов кроются будущие мелодии, не зависящие от климатов над нашими головами. Допущение смуты в передание когда-то испытанного света – это одна из форм того самого запаздывания. Это вроде той гегелево-минервиной совы, принимающейся за свои хищные дела лишь на закате. Что ей не по душе во дне ? – крикливость событий или невыразительность сплошного света ? что ею движет ? – стремление запоздать или призыв теней ? Толкователи склоняются к первой версии, но мне ближе вторая.

Предоставится, вскорости, четвёртая возможность переплавить книжицы. 12-го мая, в Москве, играет в футбол марсельская команда. Там будут и болельщики – человек 200-300 -, и среди них мой приятель, партнёр по теннису, Robert Piémonte. Выходи с кумачовым полотнищем : *ROBERT*.

Твоя очередь подтягивать наши охрипевшие куплеты. Или уж рявкнуть по-медвежьи то, что не удалось моему сурочьему повизгиванию.

Жму лапу,

Гера

14/06/1999

Привет, суроче,

я более или менее вылез из бесконечной болезни и бесконечной хвори. Ты послал меня на Красную площадь в день, когда вокруг неё стояло оцепление, – сам-то я прошёл бы, но с антологией весом почти в четыре килограмма мог лишь залететь в милицию (откуда вышел бы, ясно, БЕЗ антологии). Между тем она (экземпляр для тебя) у меня всё лежит. Похоже, что в этом по крайней мере сентябре мне вместо виноградника светит прилавок Книжной Ярмарки и надписывание моей трёхкилограммовой французской антологии. Корпус книги уже проходит вторую корректуру, я доделываю предисловие и самое скучное дело на свете – справки об авторах. Ну и начитался я французских стихов!.. Кстати, из поэтов 20-х – 30-х годов рождения выделил для себя с десятков очень неплохих (Шарпантро, Деги, Ноэль и т.д.) Переводы взял *какие были*. Оторвут мне голову за моё открытие – поэтический перевод в России и стихотворение в прозе во Франции выросли из одного и того же *позыва*... Впрочем, лучше пошлю-ка я тебе черновой кусок предисловия к моему чудовищу (переделывать буду ещё недели две).

Пока что отсылаю, позже продолжу.

Женя

14/06/1999

Здравствуй, голубчик !

Рад заново тебя услышать. Тебя травит хворь, а меня безынициативность. Ни к чему кроме *творческого* эха я, видно, не приспособлен ; а с пустого места впопыхах схваченные вещи излучают произвол и смуту. Пиши, брат, а то, ей-богу, увязну в лопоте да лепете перед потворствующими сами себе.

Между нами установилась-было эта ценная *отрицательная* динамика – диаметрально противоположный взгляд на место знания. Я как-то растерял прежнюю задиристость, а ведь ты опять распластываешь передо мной россыпь сведений, над которыми в самый бы раз позубоскалить. Но отложу до следующего раза, когда, надеюсь, в руке у тебя, порой, на смену перу окажется дубина.

А пока, вот сиюминутные заметки над твоей прозой.

В каждом сердце о Франции грезы свои - я бы написал :

В каждом сердце, о Франции, - грёзы свои

Я привередлив в правописании и никогда впустую запятых, тире и прочей дребедени не употребляю. И е вместо ё никогда не пишу.

Дьявол-мыслитель... К счастью... не стал символом Франции - к дьяволам *гаргули*-химеры не имели никакого отношения. Хотя они и играли декоративную роль, но смысл их был чисто утилитарный –

водосток. А происхождения они *процессуального*, от средневековых *процессий*, шествий, сопровождавшихся сжиганием чудовищ-химер.

На юге по сей день считают, что Прованс присоединен к ней с помощью грубой силы - на юге Франции отсутствует идея нежелательной *аннексии*, как, скажем, в Савойе. Зато есть, действительно, отрицательное отношение к северной *грубости*. Это, прежде всего, живучее воспоминание о трагедии катаров, на Юго-Западе, более тонкий вкус - в одежде, в отношении к женщине -, более избалованная связь с природой, сентиментальное отношение к южной, более музыкальной, фонетике. Прованс вошёл в состав Франции вполне мирно, по завещанию короля Рене (отца пресловутой Иоланты, для потехи Чайковского). На Юге нет ни тени какого бы то ни было сепаратизма. Провансальцы и лангедокцы стали неизмеримо ближе бретонцам и норманцам, чем пьемонтцам или каталонцам.

И по-французски писали не одни французы; ... кое-что весьма значительное осталось и от Фридриха Великого, и от Марии Стюарт, и от Райнера-Марии Рильке, и от Марины Цветаевой - Казанова ! Хотя ты только о поэзии твердишь...

Химера на колокольне шутики шутит - строго говоря, они не на колокольне, а на краю всей церковной крыши, то-есть ниже колоколен, которые надстроены над церковью.

Немногими годами позже состоялся процесс тамплиеров, и непосредственно под присмотром нотр-дамовской Химеры сгорел на костре Великий Магистр Жак де Молэ - ты, поди, знаешь, что автор *Проклятых королей*, М.Дрюон, - русских кровей и отменно изъясняется по-русски.

А химер там наберётся с несколько десятков.

Строго говоря, костра от Нотр-Дама было не видно ; он находился в полу-километре и был заслонён большим числом домов. Зато с Нельской башни открывался великолепный вид – с первых лож !

Всю королевскую семью начисто истребили многочисленные революции - истребили, положим, всего двух порфириносцев (в яви или в помышлении) : Людовика XVI-го – по робеспьеровской кровожадности, и Герцога Энгенского – по бонапартовской глупости. Это в России счёт шёл на десятки, да и там сыскалось аж три Романова, притязателя : Георгий (потомок Вел.Князя Кирилла), Николай (потомок Вел.Князя Романа), Павел (потомок Вел.Князя Димитрия).

Да и у другой династии, императорской, тоже нет прямых потомков - престолонаследие учитывает не только прямых потомков последнего правящего монарха, но и предусматривает возврат к наследникам предыдущих. Так что не угасли ни Французский ни Русский Дома, Бурбонов и Романовых.

Как государство Франция известна с 843 года ... непрерывно существующая с тех пор, как внук Карла Великого Карл Лысый стал её королем - сами французы ведут летоисчисление своего государства с пятого-шестого века, с Хлодвига, и видят в Карле Великом и его потомстве лишь наследников, а не основателей новой династии. Германия (как и Лотарингия с Ломбардией), по этой версии, - лишь отколовшаяся часть древне-французского государства.

А 843-й (вернее, 842-й) год интересен для франко-русских отношений : это первый документ на французском языке (верденский

договор между внуками Карла Великого) и рождение кириллицы. Двамя годами раньше, на берегу того же Рейна, сын Карла, Людовик Благочестивый, допрашивал перехваченных послов Киева в Константинополе, пробиравшихся почему-то в Скандинавию и оказавшихся варягами-норманнами. Это, как будто, первый контакт между Русью и Францией.

1300 год для начала этой антологии – дата почти произвольная - а за Песнь Роланда (начало XII-го века) никто не брался ? В пику Вещему Олегу !

Гениями *Валери, Аполлинера, Кокто* - не обесценивает ли этот список слово гений ?

Франция, не дав Реформации (гугенотам) утвердиться на своей земле, подготовила тем самым плодородную почву атеизму, он же принес революцию, рушащиеся стены аббатства Ключи - атеистов в протестанских странах больше, чем в католических. А рушат стены, с одинаковым остервенением, и религиозные фанатики и отпетые атеисты. Дело тут во французском темпераменте, а не в роли и месте вероисповедания.

Бернард Клервосский, ..., не только лучший друг тамплиеров, он – француз, родившийся возле Дижона - почему не сказать, как в русских переводах В.Скотта, - храмовников ?

Строго говоря, Св.Бернар был не французом, а бургундцем, поскольку Бургундия была присоединена к Франции полутора веками позднее.

Жоржа Брассенса, чьи песни по сей день звучат в тысячах кабаков во Франции - в кабаках уже давным давно никто не поёт. Их поют на

дружеских вечеринках безнадежно отставшие от своего века старомодники (вроде меня). 99 % французов вообще ничего никогда не пьют, а 95 % слушают только рок... А в кабаках царит вино, устрицы и прелюбодеяние...

Н.И.Балашов писал: Разные формы поэтического произведения в прозе стали появляться во Франции XVIII в. из-за стеснительной регламентированности позднеклассицистических стихотворных норм, которая вела к постепенному умерщвлению стиха французской поэзии XVIII – начала XIX в; основы для стихотворений в прозе складывались также как следствие стойкой во Франции традиции переводить иностранные поэтические произведения прозой - не сказано главное : место поэтического образа (наряду с техникой и словарём) во французской поэзии. Именно её вес, гораздо значимее, чем в иных европейских школах, объясняет, на мой взгляд, серьёзность этого жанра. То же соображение, но, к сожалению, с плачевным эффектом, приложимо и к поэтическому переводу.

Слово в русском языке может быть использовано порою больше чем в двадцати формах - не слово, а семейство слов. Богатство языка, в первом приближении, это количество и качество возможных шагов, отправляясь от одного слова. Суть этих шагов может быть морфологическая, лексическая, поэтическая, концептуальная, семантическая, интеллектуальная. Русский силён первыми тремя, французский – последними.

Андре Шенье – пламенный контрреволюционер - его братец, между прочим, пописывал революционные стишки и не больно-то хлопотал за обаятельного единоутробца.

Теофиль де Вио Майи Квятковской - видел давеча роскошное издание 1905-го года с предисловием де Гурмона...

*Французский титул **короля поэтов*** - во Франции говорят о *принце поэтов*.

Хорошо ты прошёлся по этому выскочке [Бродскому](#). Только какая уж там метафизика в его изложении? Да ещё и противопоставленная герметистике! Главное отличие англо-саксонской культуры от романской – это сведение к статистике всего, что оставляет след. Это увлечение средствами передачи сообщений в ущерб самим *сообщениям*. Это постоянное предпочтение геометра танцору (как подмечал уже Мольер).

Прости, пока, как-то, не вяжется речь. Возьмись-ка ты за что-нибудь вызывающее, чтоб заговорило *нутряное*.

Жму лапу.

Гера

14/06/1999

Суроче, рад твоему фырку!

Во-первых: весьма тебе благодарен, и с твоего позволения хочу как-то принести тебе благодарность в книге, поскольку, как увидишь в пристегнутом файле, я многое из твоих замечаний учел. Вообще-то я сегодня предисловие закончил, первого июля книга уйдёт в подготовку макета, первого сентября должна лежать на прилавке. Если что ещё настоятельно рекомендуешь переделать – шли замечания, ещё успею исправить. А пока кое-какие возражения.

В каждом сердце о Франции грезы свои – не могу же менять знаки препинания в чужом переводе!

Мыслителя называет Дьяволом Марк Алданов. Я повторяю только один раз, дальше по твоему совету использую прижившуюся в русском языке *горгулью*, благо она ещё и женского рода.

Эх, если б [Казанова](#) стихи писал – это я бы сам и переводил... Я пишу только о поэзии, стараюсь даже в драматургию не очень соскальзывать. Кстати, стихотворение Марии Стюарт я в антологию всё-таки вставил, исходя из её природной национальности.

Географию химер я отчасти в предисловие внёс, а насчёт Дрюона – знаю и всегда знал. Мы с тобой ещё острили про [Макина](#), Кисля и Дрюона. Кстати, его природная фамилия (у Труайя-то – Тарасов, это все помнят) куда-то упорхнула у меня из головы. И супруги Голоны со своей затраханной Анжеликой – тоже вроде бы не китайцы...

Насчёт королевской семьи – прости, но даже в дипломатическом протоколе оговорено, что сами французские дворяне считают для Франции титул ПРИНЦА КРОВИ – иностранным, поскольку свои истреблены. Если возводить дело к Меровингам, то и мы с тобой их потомками окажемся (800 лет назад каждый из нас имел 1 200 000 предков, а дальше считать страшно, столько народу в Европе не было). Что же касается Романовых, то тут я могу читать лекции (благо мой первый роман как раз об этом): ПОСЛЕДНИЙ РОМАНОВ, НОСИВШИЙ ТИТУЛ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, УМЕР В 1957 ГОДУ. У князя Кирилла титул *великий князь* за мезальянсный брак был Николаем Вторым сперва отнят, потом сохранён БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ ПО НАСЛЕДСТВУ, и дети его (и Виктории) должны носить фамилию князей Кирилловских; над Собчаком, похоронившим Владимира Кирилловича как *великого*, потешались даже монархисты. При подобном положении никто не пользуется преимущественным правом, монарха должен (как в 1613 году) выбирать Земский Собор. Был бы у нас законный царь – я считал бы себя монархистом. А в нынешнем положении Царь Юрий ничем не хуже любого другого (по крайней мере Москву отстроил – загляденье). Если тебе вся эта наследственная история интересна, пришлю книгу Михаила Назарова *Кто наследник русского престола*. О почти ни в чем не ошибается, и мои подсчеты дали одинаковый с ним результат. Дело в том, что русский царь – титул ДУХОВНОГО ЛИЦА (патриаршество нынче вполне самозванное), главы русской церкви, и требования по уложению Павлу Первому к будущему царю к одной генетике не сводятся.

А 1300 год я взял *механически* для того, чтобы не начинать книгу с кошмарных переложений Рютбёфа, которые наквасил... Александр Блок, не хотел его позорить (хороша книга, где Блок проигрывает моим ученикам!). К тому же внутренне для меня это действительно

дата путешествия [Данте](#). Старофранцузская поэзия у нас переведена преизобильно, но тогда мне пришлось бы и трубадуров брать. Я решил начать, что называется, с середины, с того места, где язык теряет название *старофранцузского*.

Насчёт рухнувших стен Ключи – я писал об атеизме, а не об аббатстве. Предисловие сравнительно небольшое – необходимы *шумовые эффекты*.

Насчёт песен, которые звучат в кабаках – ты прав, если их НЕ СТАВЯТ НА МАГНИТОФОН, что я и имел в виду. У нас – ещё как (благо мой приятель Марк Фрейдкин напел его кассету в своих переводах, и эту кассету крутит вся Москва. А по соседству, в армянском кабаке, крутят его же ленту по-армянски. В России тоже САМ очень редко кто запоёт, но слушают чаще отнюдь не рок, а то, что называется *попсой* (Шуфутинского), ну, а ещё больше – Высоцкого, по индексу цитирования уже лет десять не сползающего с первой строки. Насчёт же *дороги в кабак* – можно идти в кабак, никуда не отлучаясь из дома.

Насчёт Мари-Жозефа Шенье: этого убудка печатно называли *брат Авеля Шенье*, но в антологии я кое-какую мерзость сохраняю – *Гимн Верховному Существо*, благо есть перевод Бенедикта [Лившица](#). А к самому Андре Шенье у меня нынче образовалось отношение самое серьёзное (начитался я всяких Грекуров и Пиронов на всю жизнь....).

Нужно будет поискать статью Реми де Гурмона о Теофиле де Вио (Майя его переводит, она пусть и ищет). Русское издание двух *Книг масок* принесло мне неожиданный урожай: с десятков хороших переводов Михаила [Кузмина](#), которых там никто не замечал. Плохо,

что сами де Гурмон оказался у меня только в переводе Эренбурга – это уже последний уровень, который я брал только от отчаяния.

Насчёт *Принца поэтов* и *Короля поэтов*: из-за многолетней клоунады Макса Волошина с выборами *Короля поэтов* и *Принца* – величиной постоянной, *королем* всегда был Волошин, а принцем когда кто – менять русскую традицию *короля* я не могу: устоялось с 1900 года. Одного французского *короля* я переводил – Дьеркса, и очень жалею, что нет времени сделать ещё; очень тёплые воспоминание о Дьерксе написал [Аполлинер](#), кстати.

А [Бродский](#) взбеленил меня дважды: помимо хамства с [Гюго](#) и [Бодлером](#), заявил, что [Набоков](#), никакой не петербургский писатель, а *какой-то московско-берлинский*. Даром что [Набоков](#) в Москве никогда не был – не [Бродскому](#) бы чирикать...

Ну, вот я на первый раз ответил на ответ. Имей в виду, что писать буду снова, из жизни я выпадал ровно *на антологию*: грех было упустить случай.

Пристёгиваю законченный на сегодня вариант текста.

Обнимаю, твоё Лазурнобрежие, – и не ной, что годишься только *быть эхом*. С матерящимся эхом, впрочем, лишь нелюбопытный пень не побеседует. И на роль матерящегося эха уж скорей я гожусь.

Окончу писать справки об авторах антологии (иногда тяжёлые, но это самый конец книги и в сроки я уложусь) – допишу *Землю Святого Витта* – и буду писать лучший на русском языке абсурд, своего

Кавеля. Оттиск из *Пастора* попрошу тебе послать из Кёльна, или сам перешлю.

Давай, не закисай – даже если жарко.

Женя

15/06/1999

Суроче дорогой,

А ты думал, что я четыре месяца (или сколько там) молчал от хорошей жизни? Прицеплю-ка я тебе файл, содержащий ещё и СОДЕРЖАНИЕ моей антологии – пробеги мельком и сотри, всё равно каждый день что-нибудь пока что меняется. Послезавтра приедет из Питера мой издатель (а из Харькова – второй, тот, у которого права на мою первую прозаическую трилогию) – поскольку 18 июня мой день рождения, из-за противостоянности Новому Году, что ли, воспринимаемый моими друзьями как общий праздник (даже не очень связанный со мной, кажется). Я люблю свой день рождения за то, что в этот день умер не только Максим Горький, но то же самое сделал и Фридрих Энгельс. Из этого обстоятельства я вывел очень любимый мною приём *обратной предикции*, попавший как раз и в предисловие к французской антологии, и много ещё куда. Примечание: на разные шрифты в содержании книги не обращай внимания, это след очередного введения версии и указание даты получения текста.

Если есть мысли по моему предисловию – пришли, я боюсь ошибок. Впрочем, у меня их обычно всё-таки меньше, чем у *коллег*, которые переписывают друг друга, чего за мной не водится. А вот поменять в слове *горгуля* гласную никак не могу – словарь не велит. Мне-то и хотелось бы (а то лезет в голову сумасшедший Горгулов, убивший французского президента; впрочем, с той же фамилией связана дивная история узурпатора Скосырева, перед второй мировой войной захватившего власть в Андорре. Об этой истории ни каталонцы, ни испанцы разговаривать не любят, а в России она известна понаслышке – словом, ты её должен знать лучше меня).

Насчёт *первого французского документа* – напишу *один из первых*. Мало французам того, что Франция БЕЗУСЛОВНО древнейшее в Европе государство с непрерывной традицией (даже Ватикан независимость терял, Франция – нет), нужна ещё и рожа Хлодвига...

Ладно бы Карл Мартелл – всё-таки остановил арабов, а Хлодвиг что сделал? Так русские дворяне очень любят происходить от *крестившихся татарских князьков*: **Набоков** то ли в шутку, то ли неизвестно как утверждал, что происходит именно от такого типа (по имени Набок).

К наследующему престол предъявляется в уложении Павла Первого тьма требований: он не должен происходить от *разведённых*, сам не должен быть таковым, должен знать русский язык (и даже литургию вместе с церковнославянским языком!) и ещё *сто бочек арестантов*. Мне это всё встало поперек горла, когда я сочинял родословную своему герою, царю Павлу Второму, прямому и знатному потомку Александра Первого, родившемуся от брака, в который Александр вступил в 1836 году, после десятилетнего траура по супруге, – а поскольку от престола он никогда не отрекался, вместо него был похоронен его двойник, умерший от третичного сифилиса – чьей смерти он и отправлялся дожидаться в Таганрог) – то Николай Первый занял престол *по отсутствию брата*, а не по отречению, и по тайному соглашению обязан был вернуть престол по первому требованию... Это вообще-то мой роман, но очень много взято подлинных фактов: кстати, двойника, *барона Тавернье*, я отчего-то назвал *потомков таких древних марсельских пирожников, что торговали пирожками они ещё при древних греках в Массилии*. Кто его знает, сочиняя всё это в 1980 году, я видимо, думал о тебе в Марселе, не иначе. Кстати, за роман

харьковское *Фолио* заплатило мне аванс в прошлом июне, в будущем – их права кончатся вне зависимости о того, издадут они книгу или нет. На аванс я оброс диким количеством компьютерной техники (три ноутбука, три принтера, бесполезный сканнер, сидиром-драйв: кстати, наши огромные пиратские сидиромы всё ещё стоят около двух долларов диск – т.е. вся БРИТАННИКА – 6 баксов!), и аванса имею право не возвращать. Но в итоге сижу с неизданной книгой.

Насчёт [Набокова](#) я могу подписаться под твоими словами, а насчёт [Бродского](#) думаю, пожалуй, даже хуже: но не могу говорить об этом кроме как в случаях откровенного ляпа ([Бодлер-Гюго](#)) потому, что его памяти косвенно посвящена моя антология русского поэтического перевода XX века. Вообще я о нём стараюсь думать поменьше и пореже.

Что же касается русского мата – не зря же весь мир им пользуется, кроме венгров, у которых брань ещё *круче*, он очень уж кровавая, да и язык из не самых распространенных, деликатно говоря. Между прочим – что смешно – тюркская (татарская) брань оказалась ЗАИМСТВОВАННОЙ ИЗ РУССКОГО (татары тут же за этот факт ухватились: вот, мол, чем нас победили!..), в русском же все слова из разных мест, но одна загадка налицо: название *главного органа* почему-то шкипитарское (т.е. албанское). Очень люблю слышать совершенно неизвестный мне язык, пересыпанный матюгами (при мне так ругались два японца, и это потом попало ко мне в роман – по-японски ругательств нет, кроме *бака*, японцы пользуются букетом из китайских и русских). Еще одна *инвестиция* России (кроме преферанса и подкидного дурака, которые теперь кодифицированы международной федерацией карточных игр, и оба претендуют быть олимпийскими видами спорта).

Так что Собеседника (себя) я тебе возвращаю. Не соскучишься.

Е.В.

15/06/1999

Ваше Медвежье Многородие !

Ты мне прямо рикошетом отпалил. С духом не дал собраться. Но парирую немедля. Конечно, куда мне с моим *фырком* супротив твоего *рыка* !

Прижившуюся в русском языке горгулью - надо бы писать гАргулья.

В дипломатическом протоколе оговорено, что сами французские дворяне считают для Франции титул ПРИНЦА КРОВИ – иностранным, поскольку свои истреблены - как это дипломатия может вмешиваться в дела династические ? 95 % монархистов не сомневаются в достаточности притязаний Графа Парижского (и его сына, Графа Клермонского), идущих напрямиком от Людовика XIII-го (уже имевшего, кстати, другого коронованного потомка, Луи-Филиппа). Испанская же ветвь Бурбонов, не говоря уж о неаполитанской, почти не принимается всерьёз во Франции. А принцев крови (или их немецких эквивалентов – эрцгерцогов) пруд пруди. это Николай II-й благоразумно ввёл ограничение на употребление титула Великого Князя, ограничившись двумя поколениями после царствующего монарха. Потому-то Великих Князей уже не может и быть, но прямых наследников предостаточно.

Если возводить дело к Меровингам, то и мы с тобой их потомками окажемся - потомков Людовика Святого – тысячи, Генриха IV-го – сотни, Людовика XIII-го – десятки. Так что даже до Каролингов добираться не надо.

Сгоряча я спутал Верденский Договор (843 год, разделение Королевства Карла Великого (Людовика Благочестивого) на три части) со Страсбургской Клятвой (заключённой между двумя из наследников, Карлом/Шарлем и Людвигом/Людовиком Германским, в пику третьему, мошеннику Лотару, в 842-м году, и в которой клятва Людвига написана по-французски, а клятва Шарля – по-германски !).

Царь Юрий ничем не хуже любого другого - по известной русской теории лысые и лохматые чередуются у государственного руля, начиная с Павла. У Юрия – неоспоримый аргумент на заливке.

Русский царь – титул ДУХОВНОГО ЛИЦА (патриаршество нынче вполне самозванное), главы русской церкви, и требования по уложению Павлу Первому к будущему царю к одной генетике не сводятся - уложение Павла, помнится, говорит об обязательной принадлежности претендента и его родителей к Православной Церкви, но никак не касается его духовного, иерархического титула внутри Церкви (в этом деле Петруша наломал дров). Царь как глава Церкви мне представляется отжившим анахронизмом, никем кроме Петра всерьёз-внесерьёз не воспринимавшимся.

Бродский ... заявил, что Набоков, никакой не петербургский писатель - петербургский, для русского уха, значит европейский. И у России не было более европейского писателя чем Набоков, в компании Уальда, Рильке, Кафки, Боргеса, Цвейга, Валери. Ни один из писателей, практикующих в чуждом мне « описательском » духе, не внушает мне столько уважения. А вот в господине Бродском я никакого европейца как раз разглядеть не могу. А вижу гомососа (homo sovieticus). Недаром Америка с ним так возжалась. Ей что кхмеры что тутси что европейцы, лишь бы нудили что-нибудь по линии Госдепартамента.

Из жизни я выпадал ровно на антологию - добро пожаловать среди жизнелюбцев ! И доброго плавания твоему непотопляемому поэзоносцу.

С матерящимся эхом, впрочем, лишь нелюбопытный пень не побеседует - до русского мата я, пока, не дорос. Тема эта презанятная и заслуживающая филологического освещения. Ничего подобного, в европейском обиходе, нет и в помине.

Пока доковыляем до пней, переберём небось кой-каких цветочков-ягодок ?

Гера

16/06/1999

18 июня мой день рождения - всем французам этот день известен как *День Национального Достоинства*. Мятежный генерал де Голль, в 1940-м году, обратился в этот день с призывом не признавать поражения и верить в вечную Францию. Одной этой датой французы отмываются от своего неслыханного, пятилетнего посрамления.

Ничего-то я не знаю о самом себе - плакался М.Фуко – *я даже даты своей смерти не знаю.*

История узурпатора Скосырева - самозванец был скорёхонько усмирён особым нарядом французских жандармов в 4 дубинки (даже не штыка).

Недавно открыл ещё один русский след : оказывается, бывшая недавно министром здравоохранения Мадам Барзак – русского происхождения и языка не забыла. О премьер-министре Береговом ничего не помню.

Ладно бы Карл Мартелл – всё-таки остановил арабов, а Хлодвиг что сделал? - так он же принял, первым, христианство ! И выкидывать его за пределы французского государства то же самое, что забыть о Св.Владимире и повести русскую державу, скажем, с Ярослава Мудрого.

Деланьем, при Меровингах, занимались не бездельники-короли, а управляющие их челядью, вроде, как раз, Шарля Мартеля. А сарацинские разбойничьи гнёзда водились в Провансе вплоть до

десятого века. Они занимались набегами и о захвате государств не помышляли.

Франция Меровингов и первых Каролингов была на три четверти государством франков-германцев. Франция Каролингов, последних, и Кепетингов была уже на три четверти офранцуженной, а с Людовика Святого пропадает почти всякий след франков, хотя в Константинополе и во владениях крестоносцев на Ближнем Востоке эти франки продержались до XIV-го века.

*Русского мата – не зря же весь мир им пользуется – занятный анекдотец выкопал для меня И.Пастернак. В здешней газетенке была статья о недостойном поведении русских (почему это все пишут нынче – российских ?) болельщиков, на теннисном турнире в Париже. Для подбодрения русского игрока эта публика скандировала (во французском правописании) : *À ta couille !* - то-бишь : *Бей его по яйцам !* Знатоков русского языка в редакции, по-видимому, не водилось, и до безобидного *Атакуй !* никто не докопался.*

17/06/1999

Здравствуй, юбиляр !

Сегодня, между прочим, день рождения ещё и И.Пастернака (49 годиков !). Так что обещаю поднять бокалец шампанского и за твой день рождения.

Дай тебе Бог хранить как можно дольше эту завидную страсть к искусству, которая у нас на глазах ищезает во всех развитых головушках, в угоду злобе дня или общечеловеческой слабости.

Чтоб не иссякали потоки удивления, восторга и радости от встреч с книгами, людьми и образами.

Любящий тебя,

ГИ

27/06/1999

Привет, художник !

Если я и в самом деле в чём-то оплошал и не отправил тебе поздравления, то сечь меня надо как сидорову козу...

А последний месяц и впрямь выдался у меня оживлённый. Не знаю, докатилось ли до Москвы эхо скандала, учинённое моим другом [Р.Дебре](#) по поводу Косово ? Он слетал туда втихаря, на десяток дней (это у него вышел своеобразный реванш за неудавшуюся поездку, со мной, в Чечню) и потом обратился к Президенту Республики с открытым письмом о бредовости в общественном мнении Европы о балканских судорогах. В результате, на него ополчилась вся *политически корректная* Франция. Если к этому добавить ещё и свирепые распри, которые вот уже несколько месяцев бушуют между ним и литературными и интеллектуальными « баронами » - все эти Соллерсы да Леви – то получается неслыханная картина : травля, в три стаи, одиночки, с самыми блестящими, в этой стране, биографией, пером и темпераментом. И мне, конечно, очень приятно, что в этой катавасии я ему оказался самым близким человеком. А об анафемах, которые ему расточаются, можно только мечтать ! Завидно ! Для [Бодлера](#) с [Флобером](#), в своё время, нашлось немало сочувственных голосов, когда за них бралась паскуднёвская юстиция, а тут – всё, что *мыслит* и *творит*, единодушно показывает [Р.Дебре](#) свой одномастный оскал.

Мы собираемся издать, вчетвером-впятером, под дебрееву дудку, сборничек заметок об утверждении сегодняшнего единомыслия у Галлов. Выйдет, небось, в конце июля. Пришлю.

Прости ещё раз за эту дурацкую неразбериху в межэкранной возне. С электроникой, в недотёпах оказаться проще, чем во времена перекладных у царёвой почты.

Жму лапу. Пиши в провокаторском духе, как это у тебя бесподобно выходило.

Твой ГИ (получается, вроде бы, рядовой американской армии)

28/07/1999

Привет, Скиф !

Вернулся из Италии, после двухнедельной беготни по городам венецианской губернии и Эмилии-Романьи. На редкость радостные ощущения, и вместе с тем в голове презренная каша ; идеальное состояние, чтобы не вязнуть в формулах и полагаться на голый энтузиазм.

В Венеции мы оказались ради ярчайшего в мире праздника, Festa del Redentore. Моих недавних дантескных упражнений – по твоей наводке – оказалось достаточно, чтобы уломать одного рыбака из Къёджи, в 40 км от Венеции, свозить нас на ночь в его шаланде. К 11-ти часам вся лагуна была заполнена тысячью всевозможных лодчонок, гондол, катеров, парусников. Некое подобие Букентавра, легендарной ладьи венецианских дождей, расцвеченной множеством красок, выплыло на середину, где была произнесена средневековая формула : *Я беру тебя в жёны, о Море, в знак моего владычества* и брошено в лагуну обручальное кольцо. На всех судёнышках разливались песни и вина ; и мы побаловались *risi e bici*. Потом начался грандиознейший в мире фейерверк. Но самое изумительное зрелище нас ждало уже далеко за полночь : исход по Большому Каналу. Атмосфера конца света, с райской стороны. Набережные полные ликующих зевак ; баркасы и гондолы в пять рядов, на всех горланит веселейший народец в мире, перекликаясь с восторженной публикой на Риальто, на балконах дворцов и террасах таверен. Вихрь поцелуев и песен, объятий и пританцовываний. Плеск воды под вёслами, перекличка гондольеров. И всё это часами и часами. На рассвете – и каком рассвете ! – за островом Сан-Микеле (где поставлено на вечный прикол столько славных русских имён - оглушённые, измождённые, счастливые, мы

возвращались в нашу рыбацкую деревушку. У карнавалов, в Венеции или Рио, или в испанских фиестах, когда незнакомцы, столкнувшись на перекрёстке, вдруг начинают неистово оттанцовывать фламенко, - у всего этого есть своя таинственная прелесть. Но такого переполнения светлым ликованием, как на этом Празднике Искупителя, я ещё никогда не видел !

Это зрелище затмило всех Тицианов, Веронезе, Гуарди, Каналетто, на которых, грешным делом, мы смотрели уже чуть потушенным оком.

Две недели на ногах ! Равенна, удивительная интермедия между канувшей античностью и близким закатом всякой культуры. Напрасно Чаадаев ополчается на *презираемую всеми Византию* ; в 4-10-м веках не было в Европе кроме византийской вообще никакой культуры. Дивные равеннские базилики – Сан-Витале с мозаиками Юстиниана и Теодоры, два Сан-Апполинария с поразительно хорошо реставрированными мозаиками, две Крещальни (одна почему-то названа православной), мавзолеи Теодорика и его жены. На шестом веке всё обрывается. Остаётся лишь упомянуть Могилу Данта. В музее его имени – гробик, в котором его кости пролежали два века, тайком замурованные в стене соседней церкви, чтобы коварные тосканцы не проведали и не выкрали мощи изгнанного ими и наконец прощённого поэта.

Феррара, следы козней Лукреции Борджиа. чтобы попасть в склеп капеллы, где она захоронена, приходится извлечь весь мой запас богобоязненных слов, чтобы монашка-кармелитка, не имеющая права вступать в контакт с миром, после долгих переговоров сквозь перегородку, пропустила нас через три электронно-открываемые двери в святая-святых злодейства и коварства. Родительский дом Ариоста. Не забыт и Тассо. Чудесные фрески Скифаноя. Память о студенте Копернике и профессоре Галилее. В Ферраре увидишь и Красное кремлёвское Крыльцо и Грановитую Палату !

Падуа. Капелла, изукрашенная десятками фресок Джотто. Я предпочту её капелле сикстинской, да простит меня Микель-Анджело ! В церквях – Мантенья и Веронезе. Вокруг имени Святого Антония – налаженная коммерческая машина. Следы студенческого словесного бунтарства на стенах. Надо благодарить извечные итальянские междуусобицы ! Нет двух похожих городов ! Причём у каждого века – свой единственный лучший представитель.

Верона, самый гармоничный из итальянских городов ! Красивейшая в мире площадь – Piazza dei Signori – со всесущим Дантом посередине и полудюжиной грациозных дворцов, вроде бы и не имеющих меж собой ничего общего, но создающих удивительно тонкий ансамбль. Прямо на площадях – гробницы позднего Ренессанса, в форме пирамид, увенчанных конными рыцарями. На римской арене – представления Аиды и Кармен. Вокруг имён Ромео с Джульеттой – хорошо прослеживаемое лавочное паломничество толстокожих англо-саксов.

Винченца – последний всплеск итальянского гения перед глубоким сном, дрящимся по сей день. Дворцы и виллы Палладио в числе, сопоставимом разве что с парткомами в брежневой Москве. Одна из самых изящных и высоких колоколен. Постоянная выставка русских икон. Олимпийский театр в античном духе, всё того же Палладио. Порой чувствуешь себя словно в Петербурге – перенято палладиевых идей на императорской Руси немало. Другой постоянный намёк на происхождение русской архитектуры – это попадающиеся на каждом шагу кремлёвские зубцы, тютелька в тютельку. От Милана до Болоньи. В завершение наших прогулок – город-музей Болонья. Здесь не улицы пересекаешь, а переходишь из зала в зал. Стиль аркад – а их превеликое множество – меняется каждые 20 метров. Сногшибательных размеров спаренные колокольни ; одна – умышленно скособоченная. Фельтринелли, герой Живаговской истории, распространяет даром последние книжицы У.Эко, профессора

здешнего университета. Колоссальных размеров собор с незаконченной мраморной облицовкой, из которого нас бесцеремонно изгоняют за чересчур обнажённые плечи и колени.

Вот так, кучей-малой, выплёскиваю свои впечатления, от которых ещё не пришёл как следует в себя.

Пиши, голубчик, а то опять мой русский язык захиреет, и почну я нести всякую несуразицу на каком-то вымышленном наречии.

Жму медвежью твою лапу,

Твой ГИ.

29/07/1999

Привет, суроче водоплавающий!

Покуда ты ловил кайф от созерцания венецианского праздника (на том же городе с тем же праздником рехнулся мой сын – впрочем, в этом году они с Машкой для разнообразия мотались на Кипр, где... отпраздновали сколько-то там лет своей свадьбы, – недурное место всё-таки, родина Венеры) я вкалывал в поте морды каплющей на клавиатуру – температура на солнце доходило до 60 Цельсия, и до 40 с чем-то в тени, отчего масса народа поумирала. И писал я справки к своим *Трём векам французской поэзии*, где в самом конце обнаружился... поручик Кижэ! А именно: Жан Ришпен (1849-1926) сам по себе, но откуда-то выплыли переводы из ЖАКА РИШПЕНА (1880-1914?), по ближайшему рассмотрению оказавшиеся как минимум наполовину всё-таки стихами вышеупомянутого ЖАНА. Перевёрстывать было поздно, я взял да и написал в справке об авторе... чистую правду (закон Марка Твена: когда не знаешь что соврать, говори правду) – что вообще сомневаюсь в существовании этого поэта. Поскольку кроме тебя и Юлии Гинзбург мне вообще никто в работе над книгой не помогал – счёл себя вправе откреститься и от ответственности. Книга уже в печати, в сентябре выйдет (больше двух кг).

Вышел в свет РУССКИЙ ПРЕФЕРАНС Дмитрия Лесного: примерно процентов на 20 книга написана мной, мною же собраны и литературные произведения *золотого века* преферанса (1841-1856). Увы, тираж всего 1000 экз – и никаких авторских. В продаже (даже если без наценки) – 50\$, и едва ли книга не распродается за два месяца (в Россию попадет не больше половину тиража: 200 экз.

забрал Израиль, 200 – США, остаток, боюсь, пойдёт в брак (в каждой упаковке хоть один экземпляр да дефектный). Это вернут деньгами, но тираж у книги окажется ещё меньше. Интересно, что бриджисты, сев за преферанс, продуваются со страшной силой (игра проще, да нервов больше), любители немецкого СКАТА играют лучше, но и интереса проявляют меньше. Венский ПРЕФЕРЛЬ (от которого русский преферанс и произошёл, что составляет моё открытие) собирается переводить книгу на немецкий. А я ехидно требую, чтобы – как есть Белинский один из первых русских великих преферансистов – чтобы во всех школах имени Белинского ввели преподавание преферанса (с альтернативной заменой маच्याном, го и прочей ахинеей – до *драконьего покера* включительно, – а это уже выдумка фантаста Р.Л.Асприна, для которой я сочинил русский свод модификаций). Хорошо в этом то, что работа эта, оконченная в 1996 году, грозила вообще не выйти в свет: два инвестора последовательно разорились, автор математической части умер через три дня после окончания работы, умер коллекционер, дававший материал для иллюстраций – словом, автор (Д.Лесной) к выходу книги остался с одним соавтором (это со мной), прочие помре – отчего холодок бежит по шкуре.

Семь столетий ещё не вышли, а со мной ведут разговоры: *Следующей книгой будут **Шесть веков английской** или **Три века американской**?* А я почем знаю. За что заплатят, то и сделаю. На отдыхе от антологий почти дописал *Землю Святого Витта* (осталось три главы, страниц 35 такового, как здесь, текста). Первый роман (трилогия) якобы отправлен *на плёнки* (впрочем, первые два тома без третьего). Когда выйдет – понятия не имею (но скоро узнаю, со дня на день должен приползти тираж трёхтомника **Рильке**, составленного мною – а это одно издательство).

Надежда напечатала свой *Дым отечества* (книгу стихотворений 1974-1985 г.г.) в микротиражном журнале *Антология мировой поэзии*. Журнал *вертикального рынка*: платит ерунду, номера не даёт – но если уж хочешь номер, то обнаруживаешь, что он стоит... 165 \$!!! И три сотни крупных библиотек, подписываясь на него, обеспечивают ему недурное существование. Авторы получают оттиски. Я почем зря сдал сбрасывать в этот журнал свои архивные находки – как в мусороутилизатор. Всё идёт.

Насчёт карнавала: покойный Перелешин, живший в Рио-де-Жанейро, меня подобными описаниями перекормил. Сын – добавил (именно Венецию!). Теперь и ты туда же. А я всё питаюсь теорией Карнавальской культуры Мартина Бубера (в России взявшего псевдоним Михаил Бахтин). Кстати, написал в романе сцену поминок, устраиваемых бобрами по усопшему родичу. Эдакий *фин-ахан* по усопшему бобру по имени Уэк Кармоди. Начитался Джойса... Жаль, не похож ты на бобра. Но я тебя ещё куда-нибудь впишу.

Насчёт мыслей: объявляю (собственно, уже объявил) конкурс на десять наилучших (читай – самых бредовых) антологий мировой поэзии. Идея проистекла оттого, что дебил М.Синельников составил антологию на тему *НЯНЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ*. А почему не извозчик?

Словом, идеи принимаются, десять лучших будут опубликованы, 3-4 самых лучших будут составлены и изданы. Издал же мой приятель Ян-Паул Хинрихс антологию *Венеция в русской поэзии* (голландец в Лейдене! Притом за составление он взялся задолго до смерти и перепохорон [Бродского](#)).

Обнимаю, сурочке. Представляю, какого ты нонече цвета. А я всё того же беломедвежьего – от компьютера носа не поднимаю.

Женя

09/08/1999

Как не онеметь от оглушительного молчания, с которым ты встречаешь мою, самую ценную в моих собственных глазах, словесную продукцию. То ты мою *Книгу Книг* замалчиваешь, то мою последнюю мазню, хоть и не из высших литературных перлов, но всё же нечто достаточно редкое, заслуживающее кое-какого вздёргивания бровей и дружелюбного огляда или хотя бы пинка. Я знаю, что из впадающих в мегаломанию почти все - безнадёжные графоманы. Я решительно и бесстыдно притязаю на уникальное сочетание ума, тона, насыщенности, вкуса и стиля. Три года назад я принял вызов [Ницше](#) и [Валери](#), и перечитывая сегодня свой опус, твёрдо скажу, что больше не краснею, как при дебюте, а скорее ещё более впадаю в заносчивость.

Какой к чёрту Лец ! Я же не юмором увлекаюсь ! Не потехи и не забавы ради я схлёстываюсь с лучшими перьями, выходя победителем из большинства из скрещиваний словесных копий ! Лучший стилист современной Франции, [Р.Дебре](#), говорит о *гениальном стиле* и *блистательной глубине* (даже сбрасывая со счёта *гениальность* и закрывая глаза на путаницу *глубины* с *высотой*, автора такой писанины нельзя замалчивать !)

Встают несколько гипотез. Первая : литературная требовательность на Руси достигла таких высот, а высококлассные книги прут таким широким потоком, что мои потуги не достигают минимальной напористости и вязнут в рутинной макулатуре. Благословенна литература, на фоне которой мой слог пренебрежимо слаб ! Только я позволю себе показать ей преогромную фигу (как, впрочем и литературе французской, но лучший из её борзописцев поздравляет меня со вступлением в клуб *лучших* французских писак, а один из

лучших русаков не решается даже высказать своего мнения, настолько оно должно быть уничтожающе безапелляционным.) Вторая гипотеза : за сотней издательских забот, глаза у тебя не дошли, а вместе с ними и мозги, - до всматривания в мои домыслы. В таком случае хотелось бы мне огреть тебя какой-нибудь дубиной, чтобы на какое-то время ты забыл о своей косолапости и сплясал бы кое-что примирительное под мою дудку. Третья гипотеза : французский для тебя остаётся системой отвлечённых символов, без живого соучастия в стилистической изворотливости авторов. Это маловероятно; с твоим поэтическим чутьём нельзя пройти мимо столь явно провозглашённого призыва к образности и иронии.

Это раздражение никак не мешает мне любить твою изумительную поэзию и глубоко уважать твои многосторонние познания. Что до твоей прозы, то для меня это скорее проблема жанра, чем стиля. То есть, мой нетерпимый вкус отвергает заранее, загодя, всякую описательность, независимо от яркости и одарённости пера. Никогда я не любил и любить не могу Данта, Пруста, Джойса. Оттого и русскую великую литературу превозношу превыше всех прочих, за предпочтение тона - кадру, климата - пейзажу, голоса - тексту.

Ей бы ещё впрыснуть изрядную долю абстрактности, и тогда она совсем стала бы непревзойдённой. Да заново открыть пушкинскую иронию, которую кроме [Набокова](#) никому в России не удавалось да, кажется и не хотелось, подхватить.

Куда девалась твоя живость ? Давай сбрасывай ты эту вялость, а то совсем разучишь меня стервенеть !

Твой ГИ

27/12/1999

Здравствуй, голубчик !

Приветствую тебя по двойной okazji: сменой и адреса, и года, столетия, тысячелетия.

Желаю тебе всех наилучших радостей творца, то-бишь хорошего слуха — чтобы слышать глас Божий -, хороших глаз - чтобы люди узнавали твоё лицо даже среди твоей статистики -, хорошего взгляда - чтобы не было нужды клониться долу для разглядывания следов и подошв.

Если снова возникнет у тебя охота до наших препирательств, то буду душевно рад. Ну а ежели нашлись собеседники занятней моего, то бог тебе судья ; знать отловы эха, у нас с тобой, производятся сетями с уж больно разнородными ячейками.

Ты - человек классической формации ; потребность в знании у тебя так же жизненна, что и у астронома или инженера. А я человек сугубо барочный ; знание, для меня, всего лишь одна из глав словаря, а никак не собеседник, а тем более не судья. В классические периоды истории знание было почти синонимом культуры ; сегодня они - почти антонимы. Учёным и политикам мне сказать нечего ; я чувствую себя ближе к бродягам и к монахам (по келейности, а не библиотечности!). Фанатики опущенной головы и опавших рук, стыдливо прячущие свой взгляд в никому ненужное и всеми охаянное, а то и загаженное поднебесье. Я человек бестелесной и непритязательной мечты, той самой, что явилась десятилетнему мальчугану, которому мне приятно быть верным, без натуги и не по нужде.

Опять разболтался, извини.

Готовлюсь к переезду в Америку. Европе не до упражнений в Искусственном Интеллекте, а мне ничего другого делать не хочется.

Ещё раз - с Новым Тысячелетием, поэт!

С нежностью тебя поминающий,

ГИ

30/12/1999

Прощай, братец, вместе с 20-м веком, с Европой, с Россией !

Еду прощаться с Европой – в РИМ ! Дело с Америкой – почитай-что решённое и невозвратное. Не за длинным рублём/долларом гонюсь, а хватаюсь за единственную соломинку, которую мне протягивают люди в моём затянувшемся кораблекрушении.

А брошенные за-борт оголошённые бутылки пойдут, небось, ко-дну, не прибившись ни к одному из берегов, - уж больно бдительна нынче береговая охрана.

Посылаю тебе, вроде последней запечатанной бутылки что-ли, - 15 введений к 15-ти главам моего опуса. Не помню, может быть я уже их и высылал тебе...

Коли упомянешь опять Леца, то озверею окончательно.

Vale

ГИ

06/10/2001

Дорогой Герман! Ничего, что так фамильярно? Самой трудно придумать, как обратиться к незнакомому человеку в первый раз, вот и взяла формулу, с которой начиналось когда-то наше знакомство с Женей Витковским, фраза которого и вынесена в гриф (только в ней, естественно было *вам*, а не *нам*). Ничего? Впрочем, *незнакомым* мне считать Вас трудно...

Не знаю, рассказывал ли Вам Полярный Зверь обо мне, вроде бы - да, что рассказывал, правда, не знаю, но мне о Вас - довольно много: как об одном из тех немногих людей, которых считает настоящими своими друзьями.

Вообще-то я сама хотела написать Вам, потому что потихоньку, очень потихоньку двигаюсь по Вашей книге, получая от этого огромное удовольствие. Потихоньку - по разным причинам. Прежде всего потому, что в каждую строку хочется вчитаться, а понимаю я, признаюсь, не всё (хотя все и говорят, Женя - первый, что перевожу хорошо, но французский, скорее, чувствую, чем знаю), всё, может быть, могла бы понять, если бы стала переводить, - а руки чешутся, - но в этом никакой необходимости нет, поскольку Вы это сделали бы куда лучше меня, если бы захотели увидеть книгу по-русски. Какую-то такую фразочку закрутила, что сама осознать не могу: понятно - нет? Надеюсь, что всё-таки - да. И вот это чувство языка говорит мне, что Ваш французский - просто волшебный. Мало того, что ИНТЕРЕСНО (это для меня, как и для Акимыча - знаете ведь Акимыча? - очень важное, почти самое главное слово), мало того, что чуть ли не каждая строка заставляет остановиться и задуматься, мало того, что просто потрясает эрудиция, да не просто накопленные знания, а через душу

пропущенные (не так разве?), так ещё и в языке просто купаешься. Ну, как поверить, что не родной? Хотя мне в нём чудится не то чтобы славянский акцент, вот уж чего нет - того нет, но какие-то такие тончайшие нюансы, которые позволяют понять, что душа-то у Вас, где бы Вы ни жили, русской быть не перестает. Ошибаюсь - не ошибаюсь?

Больше всего на свете боюсь лопухнуться и вместо того, чтобы поблагодарить за радость приобщения к такому новому и неожиданному для меня миру, вместо того, чтобы похвалить, - обидеть, а то и ранить. Не дай Бог. Если всё-таки что-то не так, Вы не стесняйтесь - скажите. Мне было бы вообще очень интересно узнать, что Вы-то сами об этой огромной работе своей думаете, как вообще Вам пришло в голову её затеять, как долго она сочинялась-собиралась... Да чего там - что захотите рассказать о себе и о Книге, то и рассказывайте, мне всё интересно будет. А если Вам чего про меня интересно, да ради Бога - спрашивайте, опять-таки не стесняйтесь, на любые вопросы отвечу. Договорились?

Я написала бы раньше, но только вчера вышла из больницы, где провела месяц и где особо приглянувшиеся Ваши афоризмы цитировала разным умным и хорошим людям, которым тоже было очень интересно, и они даже завидовали, что вот я-то до конца дочитаю, а им не светит. Но когда дочитаю - одному Господу ведомо, и двигаюсь, как говорила, не быстрее улитки, и времени маловато: работы своей полно и Жене кое в чем помогаю, и то и другое, особенно второе, делаю с радостью, но сутками-то у компьютера не просидишь. Да и в сутках, увы, часов не так уж много... И потом, когда читаешь медленно - я далеко не сразу это поняла - удовольствия больше. У Вас не так?

Пожалуй, на сегодня комплиментов хватит, да? Но и капли дегтя тоже не будет - пока не заслужили. Заслужите - не скрою, но пока что-то не похоже.

А в Марселе я когда-то была, почти двадцать лет назад, зимой, в феврале, там такой особенный воздух на берегу, поблизости от порта - даже не просто воздух, ветерок такой особенный, до сих пор на вкус его помню. Если бы я выбирала, где жить: в Париже или в Марселе, то выбрала бы Марсель с наездами в Париж, а не наоборот. А Вы там - по выбору или случайно так получилось?

Нет, стоп, Наталья! Этак не годится: новых вопросов не надо. Дождемся ответа на уже заданные. Новые оставим на потом?

Будем считать, что чуть-чуть, совсем немножко познакомились. Жаль, что не на самом деле, когда Вы летом были в Москве. Но, даст Бог, всё ещё впереди.

Женя с утра и до позднего вечера на работе - заканчивает чудную книжку [Хёйгенса](#), то есть переводы-то давно сделаны, но сейчас он их малость подправил, а теперь надо предисловие и комментарий писать, чем собственно он и занимается вот в эту самую минуту. А вечером попозже они с Олей придут к нам и, я знаю, он будет очень рад, что я всё-таки решилась Вам написать.

Останавливаюсь, заболтала я Вас. Всего Вам самого доброго. Теперь буду ждать ответа.

Адрес надо писать отдельно?

Наташа, она же - как утверждает Полярный - Панда.

06/10/2001

Дорогая *Наталья* (фамильярность за фамильярность)!

Не знаю, как воспринимают маститые авторы читательскую похвалу. Я-то ведь совершенно непричастен к окололитературной возне, и у моего самолюбия как-то не возникало потребности в признании. Я, конечно, тёртый гордец и лучше себя писателя не знаю, хотя об этом кроме меня догадывается всего один человек, единственный мой читатель, он же лучшее французское перо нашего времени. Женя - второй мой читатель. Он отмалчивается. Как я часто отмечаю, в общении со словом есть три критерия мастерства : слово как материал, слово как инструмент, слово как инструментальный смысл. Классическая литература вся в первом усилии, и наш Женя - классик. Об инструменте в России почему-то толкуют лишь филологи да библиотечные крысы, а об искусстве создания самих инструментов размышляют зануды-историки да неяркие философы. Во Франции тенденция почти обратная : лучшие перья и головы обращаются к абстракциям, и всякую увлечённость *вещами* и всякое письмо в *контакте с вещью* обзывают журнализмом. Это не мода, это встроено во плоть французского склада ума и, самое главное, является основой мистики этого языка, как в мистике русской заложен тон стопа, шёпота или самобичевания. Я писал для взгляда, умеющего ставить слово на самый высокий уровень бестелесности, невовлечённости в сиюминутные перипетии. Чтобы ценили не само творение и даже не инструмент этого творения, а ту высоту, с которой я перед этим инструментом преклоняюсь. В моей книге почти нет так называемых прямоты и естественности ; почти всё надумано, выведено пунктиром и опустошено до предела, дабы глубже, а вернее выше, звучала музыка слова, отрёкшегося от вещей.

Достоинства этой книги : стиль, тон, ум. Ни размаха, ни пейзажа, ни убедительности. По-русски это не может хорошо звучать, и я не стану и пытаться передать то же настроение на языке своего детства. Кстати, никакого отпечатка этот язык на книге моей не оставил. Я владею французским (как и немецким) в такой же степени, как я владел языком алгебры, обращаясь к подножным числам ; то-есть даже при уклоне от житейских мерил, высшее и последнее слово всегда останется за мной, за моей наукой, как и за моим искусством.

Русская ли у меня душа ? - у меня душа изгнанника, что так близко кочевью русскому настрою. Я понавыдумывал себе несколько родин - географических, литературных, вкусовых - с той лишь циничной целью, чтобы всегда иметь под рукой подходящее изгнанничество. Как и для [Набокова](#), Россия, которая мне нужна, всегда со мной. Но это очень похоже на ностальгию по Периклу у грека из Нью-Йорка.

Мысль о книге мне подал тот самый мой французский друг, лучший из современных стилистов, после нашей годичной переписки. На неё у меня ушло два года. Впрочем жанр реплики-афоризма я изобрёл сам, без подсказки ; вот только его бессмысленность, то-есть почти полное отсутствие мыслимого читателя, была оттенена и нейтрализована моим другом. Но ТАК не писал никто, хотя я и испытываю братские чувства к таким авторам как [Ницше](#), [Валери](#) и [Сьоран](#). Подстать Жене я считаю, что всякое глубоко оригинальное творчество - это перевод, манипуляция теней, а не испускание света, вживание в платоновскую пещеру, толстовское *не светить, но быть светлым*.

Эта книга не роман, и я сам, перечитывая порой пару страниц, на

долгие минуты засиживаюсь почти над каждой строчкой, восстанавливая, а то и первооткрывая то перспективу, то новую насыщенность, то намёки и параллели.

В Марселе я осел вполне сознательно : здесь мне ни с кем ничего не надо делить. Здесь я могу жить полностью в шкуре зрителя, без всяких потуг на собственное актёрство, что неизбежно в столицах, где у самолюбия пробуждаются всякие мелочные чесотки. А живописности здесь хоть отбавляй. Да и климат сыграл свою роль : писать под оливковыми деревьями, вдыхая горький запах розмарина, перекивая цикад, облепивших пинии с окрестных гор, залитых сезанновым светом, - тут сама собой сгущается желчь, у пера, которому написано не знать жизни.

Я не знал, что Женя переводит [Хёйгенса](#). Не *Homo ludens* ли? Это милое шарлатанство, в духе фрейдовского, структуралистского или лингво-поворотного - свести к одной, широченной парадигме все сценарии человеческого общения. Я как математик предпочитаю обратное движение : введение новых неизвестных в уже известные уравнения искусства, дабы из *воссоединения* (unification) возникало новое древо, с новизной в ветвистости, укоренённости, типе цветения или устремлённости небу.

Прошу прощения, что не упоминаю о Ваших днях и заботах. Наш конспиратор Женя ни о ком из своих близких мне толком не писал. Я, право, и не догадываюсь, какими глазами Вы смотрите на мою болтовню. Впрочем, у взгляда Вашего явно немало пронизательности и компетентности. Раскройте его пошире или повыше, как знаете, буду рад Вас слышать.

Герман

09/10/2001

Герман, дорогой, извините, что не ответила сразу - как Вы, но причина более чем уважительная: в ночь с субботы на воскресенье, почти сразу после того, как мы с Витковскими отметили - очень тепло и очень радостно - возможность наконец-то, после двух месяцев, когда то Женя, то мой муж Коля, то я находились по больницам, собраться всем вместе, у Коли случился повторный инфаркт (первый был 27 июля, спустя четыре дня после того, как Женя попал в Лефортово) с отеком легких, его ночью увезли в реанимацию, где он находится до сих пор, и состояние сейчас тяжелее, чем прежде.

Так что, Вы понимаете, мне просто не до умных и интересных разговоров сейчас, как бы ни хотелось. Просто мысли все - в больнице. Конечно, работаю - и с собственными переводами, и с Жениными, но отвлечься удаётся с огромным трудом и ненадолго. Простите уж меня, что и Вас грузю своими печальями (мягко сказано), но я же должна объяснить, почему так невежливо молчу. Я потом напишу подробнее, ладно? А пока просто отвечу на вопросы.

Женя не отмалчивается. Он очень переживает потому, что не может почти ничего понять в Вашей книге, и всё время повторяет одно: французский-то у меня - седьмой язык, и мне трудно хоть что-то понять... Не сердитесь на него, не надо. Книга у Вас замечательная, но действительно трудная: чтобы осознать глубину мысли, надо хорошо язык знать, да и времени много требуется, а Женя бедный - в постоянном цейтноте. Вот сейчас, я очень надеюсь, они с Олей сумеют уехать на несколько дней в Питер, а потом на пару недель в Коктебель, отдохнут хоть немножко (хотя в Крым Женя берёт с собой

компьютер, но - для нового романа, для Чертовара, так что я уж и не спорю, сама его жду, читая чуть не по страничке), это им обоим необходимо: вымотаны до предела.

Из Ваших любимых авторов я более или менее хорошо знаю только [Валери](#). Взглядов [Ницше](#) в основном не разделяю, Чьорана не читала вовсе, а Женя говорит, что мне и не надо. Что же до [Валери](#), то мы придумали книжку: там будет цикл *Charmes* - в основном Женины переводы, ещё [Петров](#) и немножко - не помню, кто (осталось перевести только *Пифию*), *Мемуары поэта*, которые я открыла для себя совсем недавно и очень хочу перевести (поможете, если трудно будет?) и кое-какие письма, к этому же циклу относящиеся, тоже я буду переводить. Картинки будем искать в старых изданиях. Книга обещает быть очень интересной и красивой (серия *Триумфы*, в которой у меня только что вышел Катрель с иллюстрациями Доре, а Женя готовит туда [Хёйгенса](#) с *малыми* голландцами, чудное послесловие только что закончил, полчаса назад отослала ему последнюю правку), но торопиться с ней некуда, делать, наверное, её будем довольно долго. Ну, как Бог даст...

Как хорошо Вы написали про Марсель, я будто бы снова вдохнула этот напоённый морем и розмарином воздух...

А с Жениным Хейгенсом Вы, к сожалению, все перепутали. *Hoto ludens* - это не [Хёйгенс](#) (Гюйгенс), это [Хёйзинга](#). Две большие разницы, как говорят у нас в Одессе. Понимаю, что нечаянно, по созвучию фамилий получилось. У [Хёйгенса](#) это - совершенно замечательный цикл 1623 года, написанный всего за три месяца и три дня, - *Надизательные картинки*. Если хотите, пришлю Вам Женины переводы, правда, чистового варианта с окончательной правкой у

меня пока нет. Но я там не слишком гуляла: в основном по знакам, хотя и слова кое-какие переводчику тоже пришлось поменять.

О днях своих и заботах я рассказала в самом начале, а глазами я на Вас смотрю серыми - с такими уж родилась. всё, что Вы захотите, про себя расскажу: открытости мне не занимать, хотя и горю не этом порой, но по-другому просто не умею. А Женя велел нам с Вами подружиться.

Вот вроде бы и всё. Еще раз извините, что бедой своей поделилась, но уж очень болит.

Ваша Н.

09/10/2001

Наталья. Я как-то безапелляционно и разнузданно закопошился среди Ваших бед, прошу прощения. Я не прислушался как следует к Вашим невесёлым заметкам и нёс свою самовлюблённую дичь, не пытаюсь вслушаться в подногтную Ваших горестей. В подражание Вам, вот краткие мои реплики на Ваше письмо.

*Женя не отмалчивается. Он очень переживает потому, что не может почти ничего понять в Вашей книге - если её не понимает Женя, то возможных читателей у меня в России не сто, как я полагал, а скорее небольшой десяток (на Францию я великодушно отводил тысячу). Это меня вполне устраивает. Это подтверждает высоту требовательности, заложенной в её замысле : исключить как можно больше случайных глаз на моих страницах. Я думаю, что и на десятом иностранном языке я бы почувствовал весомость написанного. Я боюсь, что настоящий-то женин вопрос не *что понятно*, а *почему это интересно*. А это уже дело не знания и обилия, а вкуса и жажды. Я боюсь, что ему видится хаос там, где царит высокий, но не прямой порядок.*

*Чтобы осознать глубину мысли, надо хорошо язык знать - дело как раз в том, что никакой особенной *глубины* - то-есть знания, взвешенности, ответственности, охвата - у меня нет, зато есть *высота*, то-есть, в сущности, поза, по которой и должен бы распознаваться поэт. И в этом доскональное знание языка не такая уж обязательная штука, Хотя, конечно, язык, в моём опусе в ответе за добрую половину всех достоинств.*

Из Ваших любимых авторов я более или менее хорошо знаю только [Валери](#). Взглядов [Ницше](#) в основном не разделяю, [Чьорана](#) не читала

вовсе, а Женя говорит, что мне и не надо - я упоминул эти три имени не потому, что это мои любимые авторы, а потому, что в лучших сторонах их творчества отражены критерии, по которым раскладывается моя книга. Паскаля, Леопарди, Рильке, Пастернака я люблю ещё больше, но у меня нет их тоски, хандры, мистики или жизнелюбия. В Валери уникальна интуиция, создающая неотразимую и изумительную иллюзию безошибочного ума. Но мне совершенно чужда его самоустранённость. У Ницше есть благородная надменность одиночки и нигилиста (сколько бы он ни отрекался от аскетов и анахоретов). Но с его задиристостью мне делать нечего. Со Сьораном меня роднит аристократический энтузиазм, среди стыда и падения. Но ворчливого взгляда на катящийся в тартарары мир у меня нет и в помине. Я, действительно, считаю, что афоризм - самый аристократический жанр, хотя мои излюбленные авторы - поэты и философы. Сьоран - лучший французский писатель этого века, и не читать его грешно. Что касается *разделения взглядов*, то я признаюсь, что я сторонник самого поверхностного к тому отношения : писатель близок или ценен мне исключительно качеством своих метафор. Сколько невыносимой серости я открывал в тех, кто *думает как я* ; сколько восторга я испытывал в тех, кто талантливо утверждал вещи, противоположные моим.

А с Жениным Хейгенсом Вы, к сожалению, все перепутали - слава богу ! Хёйзинга - из тех безликих культуртрегеров, имя которым легион, а вернее стадо. Уж этот Хёйгенс - которого знавал лишь по курсу оптики - будет, небось, поживее.

Глазами я на Вас смотрю серыми - с такими уж родилась. А Женя велел нам с Вами подружиться - а ведь я тоже сероглаз, с голубинкой в ясную погоду. Женины советы, при всех обстоятельствах,

оказывались толковыми, и не прислушиваться к нему, в этот раз, нет никаких оснований.

Простите, что не могу как следует разделить Ваши невзгоды. Со временем, быть может, придёт и чтение и письмо между строчек. Отвечаю я, как Вы видите, всегда моментально, а коль не отвечаю, то либо сгинул куда, либо ноги протянул, либо интернетовские заводицы отгородили меня от благодатной Паутины.

Желаю Вам и близким Вашим избавиться поскорее от боли.

Ваш Герман

13/10/2001

Дорогой Герман, спасибо за слова участия, за сопереживание, нам действительно и было, и есть очень тяжело, не знаю, когда оправимся от этого горя, да и оправимся ли.

Но жить всё равно надо, к работе я уже вернулась, хотя Колю только вчера похоронили, и вот - на письмо отвечаю тоже.

Совсем Вы не безапелляционно и не разнузданно себя вели, я так понимаю, что подсознательно просто хотели немножко меня отвлечь от моих бед, действительно страшных, но тогда ещё - непонятно, насколько страшных.

Что - будем отвечать *поабзацно*, как терпеть не может Женя, отчего большая часть вопросов к нему так без ответов и остаётся, но как (мне тоже кажется) удобнее всего?

Вы не поняли: Женя не книги не понимает, Женя французский плохо понимает, просто не хватает элементарного знания языка, чтобы ХОТЬ ЧТО-ТО в Ваших афоризмах (он их называет *максимами*) понять. Хорошо, горестно говорит он, когда в одной из десяти хоть пару слов связать могу... И действительно ведь в последние годы он с французским почти не имел дела, а он у него, повторяю, - седьмой, что ли, потому ничего удивительного. Я только и делаю, что перевожу с оного, но и мне трудно, я писала уже, что многого не понимаю, просто чувствую, а что язык волшебный - это поняли мы оба, не сговариваясь. Потому он и дал мне Вашу книгу. Ну, и как я уже говорила, в надежде, что мы с Вами подружимся.

Так что зря Вы думаете, будто читателей у Вас в России не может быть более десятка, наверное, куда больше, но пока не знаю, каким образом до них добраться. Если Вы не станете возражать, попробую показать для начала одной своей подруге (очень хорошей переводчице, с семейной даже традицией: и отец был переводчиком, и дочка её тоже): интересно, что она скажет. Но это будет не сразу: сейчас у неё очень срочная работа месяца где-то на полтора-два, при которой она просто не бывает дома у компьютера, так что, увы, и переводческие все дела пришлось временно забросить - деньги для семьи нужны позарез, а там, на этой непонятной для меня работе, вроде бы хорошо платят.

*Я думаю, что и на **десятом** иностранном языке я бы почувствовал весомость написанного. Я боюсь, что настоящий-то женин вопрос не что понятно, а почему это интересно. А это уже дело не знания и обилия, а вкуса и жажды. Я боюсь, что ему видится хаос там, где царит высокий, но не прямой порядок.*

Ну, честное слово, не знаю, как объяснить, вот совсем неправильный этот пассаж. Наоборот, и весомость написанного он чувствует, и интересно ему, и никакого хаоса не ощущает, а просто - понять не может. По словам не может, трудно ему. А сосредоточиться, просидеть несколько часов, разгадывая, что написано, просто некогда, потому как рвут его на части со всех сторон, да и чувствует он себя в последнее время препогано, одна надежда, что в отпуске хоть немножко в себя придет, а после - поклялся мне, что собой займется всерьёз и самодеятельность в лечении бросит.

Чьоран мне уже Женей обещан - после того, как я пересказала Ваше письмо, но это будет опять-таки после отпуска, потому что он

(Чьоран) живет временно у Микушевича, и его надо отобрать. Паскаля я знаю, к сожалению, плохо, Леопарди вовсе не читала (видите, какая необразованная? Как со мной общаться-то будете?), а Рильке (увы, только в переводах, потому не всего) и Пастернака (особенно - последнего) очень люблю. С Валери у меня только-только начинают устанавливаться отношения, как со всяким автором, к которому с опаской подступаю (а подступаю, когда это серьёзно, всегда с опаской), в Мемуарах поэта, которые буду переводить, к счастью, никакой самоустранённости не ощутила, совсем наоборот. А уж - вкупе со стихами...

Надменность одиночки и нигилиста (то, что Вы считаете проявлением благородства Ницше) моей душе чужда. Господи, сколько копий было сломано из-за этого, когда в моём любимом ленинградском ТЮЗе ставили зальтеновского Бемби, инсценировка которого была вся на этом построена. Спектакль был дивный, но по самой идее глубоко не мой. Я отнюдь не тусовщица (знаете это слово?), но без людей жить не могу, и, хотя очень люблю побыть одна, и с самой собой никогда не бывает скучно, но - именно побыть, а не строить из этого философию. Не знаю, грамотно ли и понятно ли объяснила.

А вот близость или ценность писателя ТОЛЬКО В СВЯЗИ С КАЧЕСТВОМ МЕТАФОР... Ох, Герман, либо Вы лукавите, может быть, и с самим собой, либо нам тут с Вами не сойтись. Мне очень важно - КАК, да, важно, но, если говорить о прозе, мне не менее, нет, куда более важно то, ЧТО у человека (в данном случае - писателя) болит, зачем, почему он это пишет. И от этого зависит, откликаюсь я на него или нет. Есть у нас такая Люся Улицкая - на мой взгляд, просто писатель номер один в России сейчас. И вот на неё-то я откликаюсь мгновенно и безусловно, даже не задумываясь о средствах, какими

она пользуется (а там всего хватает). Хотите - пришлю Вам совершенно неожиданно вылившуюся (сказала бы *из-под пера*, так ведь компьютер...) у меня маленькую рецензию (это так другие её называют, я-то сама не поняла, что получилось, и вообще было ощущение, будто не сама писала, а надиктовали мне её - тем более, дело было в два часа ночи) на Женину *Землю Святого Витта*? Там кое-что про это сказано. Кстати, а его прозу-то Вы читали?

Чтобы закончить с прозой, - вот почему я говорю *лукавите с самим собой* - ведь в Ваших же собственных афоризмах отнюдь не один аристократизм мысли чувствуется, души, как мне показалось, ничуть не меньше, и что у Вас болит - тоже во многих-многих случаях очень понятно. Или я слишком самонадеянна?

А если о стихах говорить, то тут, конечно, КАК, пожалуй, может, и на первый план выходит (хотя и о том, ЧТО - забывать нельзя): в стихах я слышу прежде всего музыку, ощущаю какое-то почти физиологическое их воздействие. Поверять алгеброй гармонию (чем я занимаюсь сейчас с Жениными переводами) поэтому бывает очень трудно. Но вообще я не люблю теоретического подхода к искусству (в том числе, естественно, и к литературе) - грешна! - предпочитаю для себя лично чисто эмоциональный: берёт - не берёт, душу задевает или нет, а если одну только голову - мне это уже не близко. Вот и судите сами, что есть, а чего нет, в Вашей книге, от которой, хоть и пользу по ней не быстрее улитки, оторваться не могу.

Жениного [Хёйгенса](#) просто прикладываю: посмотрите, мне (и ему, естественно, ещё в большей степени) очень интересно Ваше мнение. Есть ещё примерно недели три для того, чтобы внести какие-то

изменения. Это - вариант, выправленный не до конца, особенно - послесловие, в котором мне удалось многого (в частности, хоть в какой-то степени исповедальной интонации) от Жени добиться, но, на мой взгляд, ещё нужно немножко ему поработать. Обещал - посмотрим, успеет ли. Если выскажете какие замечания, буду очень Вам благодарна и непременно ему передам. Он появится в Москве на один день - 18-го, не знаю, увидимся ли, скорее - нет, но как знать, а потом - только числа 10 ноября. Про того [Хёйгенса](#)-Гюйгенса, который Вам знаком по курсу оптики, тоже в послесловии прочитаете.

А голубые в ясную погоду у меня тоже случаются, особенно - если настроение хорошее. Но - где там ясная погода и какое уж там хорошее настроение сейчас.

Мы (с дочкой) выпрашивали у Жени, есть ли у него Ваша фотография, говорит - нет, что-то такое пытался описать, но понять оказалось невозможно. Надеюсь, что всё-таки в Москве Вы ещё побываете, ну, так свидимся, да?

К Жениным советам вроде прислушались. А вот как интересно: Вы надеетесь (да и я тоже), что со временем и между строчками что-то можно будет прочесть, а вот Женя встает на дыбы и начинает просто-таки вопить, что между строк читать ничего не желает и близко таким никогда не занимался. Хотя я уверена, что это не соответствует действительности, - иначе откуда бы такие стихи? Да и проза...

Я всё-таки надеюсь, что Вы никуда не сгинете, про *ноги протяну* и слышать не желаю, интернет пускай работает как положено, а значит

- Вы быстро, как всегда, ответите. И я постараюсь тоже не тянуть с ответом. В этот раз - не от меня зависело...

От боли нам теперь не избавиться никогда, но жизнь продолжается и жить надо. всё равно ведь все встретимся - потом, там, за поворотом дороги на Мидделхарниссе... Знаете любимую Женину картину? А я знаю, что Вера Вам не чужда, потому поймёте, даже если не знаете...

Пишите.

Ваша Н.

15/10/2001

Герман, дорогой, я уже волновалась, почему нет ответа: не случилось ли, не дай Бог, чего (сами понимаете, теперь напуганная - по делу и без дела), а вот пришло Ваше письмо, и даже не знаю, как самой-то отвечать.

Нет, конечно, никакой бестактности, а тем более равнодушия с Вашей стороны я не ощущаю, ну, что Вы, просто я чувствую какую-то свою полную несостоятельность, невозможность для себя мыслить постоянно столь высокими категориями, а уж тем более - отвечать такими же умными словами. Не знаю, как Вам это объяснить, но ведь я куда проще, чем Вам, может быть, кажется, и дело вовсе не в том, что *высоких категорий* для меня не существует, дело в том, что я привыкла говорить обо всем куда более простыми словами, не залезая в дебри, где чувствую себя неуютно - не самой собой. Ну что - попробуем быть проще? Или это Вам неинтересно? Как?

Я не обращена ни в прошлое, ни в будущее, прошлое, оно всегда со мной, будущее, разумеется, тревожит, но всё равно - полагаюсь на Бога, надеюсь, не оставит. А живу в настоящем: работаю, говорю с друзьями (их, слава Богу, за десятилетия накопилось много, люди они замечательные, и очень меня и нашу семью любят - без них бы мы в эти ужасные дни просто не выжили), пытаюсь лечиться от своих болячек, от которых, к сожалению, совсем вылечиться нельзя, но сделать что-то, чтобы окончательно не стать обузой для близких, всё-таки можно. Такая обычная жизнь, в которой быт и Дух не то чтобы соседствуют, но уживаются, но я думаю, что и Вы живете не только Духом, что и у Вас есть какие-то вполне обычные, повседневные

заботы, и, поверьте, если Вы захотите поделиться ими, мне это будет ничуть не менее интересно, чем мысли о Высоком, больше того, для меня вообще самое главное в жизни - возможность чем-то помочь, ощущение собственной необходимости, потому - если я способна сделать для Вас что-то полезное или просто приятное, не стесняйтесь и пишите: большей радости доставить не сможете.

Искусство действительно не просто обезболивает (боль-то на самом деле никуда не денешь), оно спасает - не ОТвлечением от быта (от него тоже никуда не денешься), а ВОвлечением в совершенно другой Мир, в котором и себя другим человеком ощущаешь.

Насчёт *поабзацного* метода, как видите, абсолютно с Вами согласна, но и Вы, как Женя, отвечаете не на всё, или, может быть (скорее), просто я жадная и мне всегда всего мало.

Очень мне нравится определение *адажио* для Вашего цитатного отдела, правда, как точно, но Женя, бедный, до этого отдела так и не добрался, увянув где-то гораздо раньше. Английский, тем более - высокой пробы, сравнивать с французским просто не могу, потому что хотя и знала английский (понятия не имею, какой пробы) в юности хорошо, сейчас совсем забыла и вспоминаю что-то только тогда, когда сравниваю оригиналы с переводами, да и то больше угадываю, *интуичу*, чем понимаю на самом деле. У Жени с английским тоже, как мне кажется, не лучшие отношения, во всяком случае, он долго мучился с подстрочником Смарта, не зная, с какой стороны к нему подойти, в конце концов, подстрочник этот сделала Оля, а он уже радостно стал обнаруживать, где она наврала: это оказалось куда как проще. И перевод получился потрясающий. Читали? Он был закончен в начале июня. Также могу прислать, если Автор не присылал, но что-

то Вы мне и про [Хёйгенса](#) ни словечка не сказали...

Мудрая мысль насчёт стыда и ужаса на подступах к красоте, но во-первых, мне бы и в голову не пришло сравнивать себя с теми людьми, о которых Вы пишете, вот уж точно - слишком высокие категории, а во-вторых, у меня-то присутствует и то, и это, может быть, не в такой сильной степени: скажем, не *ужас*, а всё-таки *опаска*, и не *стыд*, а *растерянность* или *смущение*. Но надеюсь справиться со всем, потому что обычно справляюсь: просто перестаю об этом думать, когда начинаю работать. Работаю и всё, даже не стараясь сделать как можно лучше, стараться не надо - само то, что работаешь, как мне кажется, это *старание* подразумевает, иначе - зачем?

Над Вашим абзацем, посвященным [Валери](#), мне ещё думать и думать. Да и не знаю, пойму ли до конца. Попробую. Может, Женя, когда вернётся, как-то попроще объяснит: он-то уже почти привык к тому, как со мной надо обращаться (см. гриф и начало), а у Вас ещё всё впереди. Но очень надеюсь, что и Вы привыкнете, а не откажетесь от общения - видите: комплексовать начинаю, что мне весьма свойственно. На очень важное Вы мне не ответили: если у меня с [Валери](#) будут какие-то проблемы, - поможете с ними справиться?

Вот уж не могу согласиться, что *человек* и *люди* - синонимы для женского восприятия. Или я не женщина (с чем тоже категорически не согласна!), или восприятие у меня не типичное. Но мне всегда важен ЧЕЛОВЕК, а люди - общество, там, или человечество в целом - не важны вовсе. Мне интересен и важен именно конкретный человек и, повторяю, главный аспект тут: что могу сделать, чем могу помочь. И вообще затрёпанная донельзя и превращенная почти что в пошлость формула *мы в ответе за тех, кого приручили* для меня остается живой

и действенной. А к [Ницше](#) я не придираюсь: просто чего-то не понимаю, а что-то чуждо, это же естественно...

Философия - это умение довести до стадии руин всякое сооружение, сулящее нам безопасный кров - вот и этой Вашей фразы не поняла. Говорю же: попробуем проще. Зачем доводить до стадии руин? Я думаю, у меня никакой философии как таковой и нет вовсе. Я строю не философию, а жизнь и отношения с людьми, стараясь делать так, чтобы никому не было больно. К сожалению, не всегда получается, но стараюсь поступать именно так.

*Так ведь КАК это и есть качество метафор. ЧТО у человека болит - у всех болит примерно то же самое, да не всякий об этом интересно сказать умеет - а это и есть **качество метафор**. В письменности всегда есть три не сводящихся друг к другу ипостаси : то что испытано, то что сказано, то что воспринято читателем. И думать, что вычитаешь, что **у человека болит**, - несбыточная, да и мало интересная иллюзия, которую наголову превосходит великая иллюзия **качества метафор**. **Зачем он пишет** - в лучшем случае этот вопрос того же порядка, что и **зачем верить** или **зачем любить**. Для настоящего писателя, зов пера такое же таинственное чудо, что и воплощение в Творце или в даре любви. Но без **качественных метафор** это упражнение, кроме беспомощного графоманства, ничего породить не может. Это изнасилование, по сравнению с самозабвенным и **высококачественным и метафористичным** (?) слиянием двух встречных порывов (в литературе тоже ведь обязательна встречная речь-приглашение языка). Так что совсем даже не лукавлю, а выражаю то, что глубоко чувствую.*

| Извините, если невольно обидела Вас этим лукавством, но теперь вроде бы получается, что мы говорим об одном и том же разными

словами. Вы - умными, я попроще, но об одном и том же. Вот только насчёт иллюзий мне надо ещё подумать, потому как для меня это вовсе не иллюзия (или, может быть, иллюзия, но неосознанная), для меня чтение - диалог с Автором, если это МОЙ автор. Вот потому я и позволяю себе думать, что понимаю: где болит и зачем пишет. *Зачем пишет* не равносильно для меня *зачем любить*, для меня это - что Автор хочет мне, именно мне сказать. На что душа моя откликается.

А Вы попробуйте почитать Улицкую - только не в переводе, конечно. Для меня самая дорогая у неё вещь - *Весёлые похороны*, но каждый - из тех, с кем я о ней говорила, - находит своё. Может быть, Вам окажется ближе самый последний её роман - *Казус Кукоцкого*. Вот только не знаю, как Вам его передать, потому что пока дочка в Марсель не соберётся (а очень хочется, но наши последние события - жуткое слово, но эвфемизм здесь как-то легче ставить - отодвигают это на неопределённое время), оказии не вижу.

О Жениной прозе. Жанрового определения найти ей на самом деле никто, в том числе и он сам (ясно же, что *реалистический реализм* - игра, не более), никто не может, да и зачем. Но ни в коем случае он и не рассказчик, и не о-писатель. Кроме того, новый роман (не дописанный) резко отличается от первых, хотя и продолжает их. [Данте](#) он обожает, но я-то родства с *Божественной комедией* никакого не усматриваю, а в чём видите Вы? Нанизывания перлов на за уши притянутые нити и связи совсем не вижу (приложу всё-таки свою *песенку* про *Землю Святого Витта*, может, яснее будет, что думаю). Сейчас многие относят его прозу к жанру фантастики (что полная чушь), даже выставлены в Интернете они - повторно - на сайте *Веселая фантастика*, но это - только для того, чтобы люди, не имеющие возможности купить книги в магазине, где их попросту нет,

могли прочесть. Очень уж он тоскует по читателю. Но как бы ни нравилась мне его проза, я счастлива, что наконец-то решил он вернуться к стихотворным переводам, которые (вопреки ему самому) всё-таки считаю главным делом его жизни, что и к старым возвращается, совершенствуя их, и планы строит на будущее. А то ведь - совсем было хотел забросить это всё и отдаться только прозе.

Одна из черт аристократизма заключается в прислушивании к душе и сердцу с не меньшим, а то и большим вниманием, чем к разуму. Это и желание их примирить, то-есть употребить язык с глаголом-разумом, существительным-душой и прилагательным-сердцем. Аристократизму больше всего противопоставляется как раз расчётливость, уважение лишь победителей, а главным победителем, в наше время, является прикладной разум, сводящий нас всё больше и больше до уровня бездушных роботов. Враг аристократа - робот !

А вот этот пассаж неожиданно оказался мне и понятен, и очень близок. Простите, что сразу не осознала (ну, повторяю который раз: со мной о Высоком надо просто!), теперь - да. И хотя сама в жизни не могла бы так красиво сказать, но наверное, это не главное: главное - понять друг друга.

*А их не надо противопоставлять. Всякое высокое произведение искусства содержит три источника удовольствия : сама вещь (форма, содержание), сделавший её возможным **инструмент** (знание, стиль), сам творец (личность, темперамент). Теоретизирование - это описание переходов от одного из этих источников к другому. А делать это можно и **эмоционально**, тем более когда красота присуща всем трём средоточиям. Всякий **теоретик**, к тому же всегда*

оказывается лишь скромным **практиком**, для более высокого, чем его собственный, взгляда.

И тут мне всё понятно и близко. Никогда не была и не старалась быть никаким *теоретиком*, но именно сегодняшняя практика, когда совершенно неожиданно для себя самой вдруг занялась критикой и правкой (!) Жениных переводов, что поначалу ничего, кроме комплексов, не вызывало, а сейчас - сплошное удовольствие, осознала и то, что эмоциональность только помогает охватить все *три источника*, и то, что алгебру с гармонией делить не надо. Смешно, но у Вас с Женей здесь получилось такое странное совпадение - может, не совсем на тему, но вроде бы - близко. Он всё уверял меня, будто литература (читай - Дух) важнее жизни, потому что мы уйдем, а Искусство останется. А я отчаянно спорила. Потом вдруг поняла: а зачем их делить-то? И написала об этом. Ну, и получила в ответ такой вздох облегчения: Господи, да неужели Вы до сих пор делили? Ну, слава Богу, одной глупостью меньше... А то ведь - сколько копий было на эту тему поломано - не счесть.

А про чтение между строк - конечно же, Вы правы. О том я всё время и говорю, а Женино утверждение, что он *близко этим не занимался*, опять же, скорее всего, лукавство с самим собой. Или, что более вероятно, желание самого себя в этом убедить.

Вот насчёт *надежды - позади* совсем не поняла. Как это? Тяга к теплу и свету - ясно, но *позади* - сбивает с толку. Объясните, пожалуйста.

И расскажите, если не трудно и не неприятно, просто про свою каждодневную жизнь: чем занимаетесь, с кем общаетесь, ну, чего тут

объяснять: я же очень мало знаю о Вас, всё интересно. Взаимно, если интересно и Вам, обещаю полную открытость. Да, насчёт круга общения: у дочки в Марселе есть приятельница: очень красивая и симпатичная женщина, переводчица с языка малалаяма (если я правильно запомнила), по имени Доминик. Они познакомились и подружились в Арле. Если Вам хочется, можно познакомить: вдруг да тоже подружитесь? Правда, полгода она живет в Индии и только оставшиеся шесть месяцев в Марселе (тоже потому, что Марсель предпочитает Парижу). Хотите, нет? А то - пришлем координаты. Это не сватовство, сами понимаете, просто - расширение того самого круга, а значит - *увеличение процента* роскоши, которая, и я считаю, есть лучшее определение сути общения между людьми.

Вот вроде бы и всё. Как всегда, жду Вашего письма (нет, вру, больше, чем всегда, потому как в связи с отпуском Витковских моя с ними переписка почти на месяц прервалась, и это очень чувствуется, несмотря на обилие других корреспондентов).

Ваша Н.

15/10/2001

Ради бога, если Вам послышится какая-то бестактность в моих словах, несоразмерных с Вашим горем, то спишите это на счёт неуклюжести, а не равнодушия. С другой стороны, Вы сейчас должно быть целиком повернуты к прошлому. а это лучшие из наших моментов, когда заговаривает наша подлинная отзывчивость. В будущем копаются люди со слабым воображением.

Поражён Вашей стойкостью. И поздравляю с этим непростым выбором : обратиться к к обезболивающему средству последнего шанса - искусству. Большинство, малодушное, отворачивается в такие минуты от всего *искусственного*, чтобы оказаться в *гуще жизни*, которая оборачивается бессмысленностью или непроглядным ужасом.

Поабзацный метод хорош тем, что воссоздаёт иллюзию прерванного диалога, когда вы снова заговариваете со страниц вашего собеседника. Да и как-то честнее получается. В монологах почти не может быть искомого смысла ; всякое осмысливание проходит через диалог.

*Женя не книги не понимает, Женя французский плохо понимает, просто не хватает элементарного знания языка, чтобы ХОТЬ ЧТО-ТО в Ваших афоризмах (он их называет **максимами**) понять* - он терминологически прав. У афоризма неважная этимология, идущая от определения, а это мне совсем не подходит. *Максима*, это очень точно : стремление к лучшему, к высшему слову. А к разделу цитат подошло бы слово *адажио*, как оно встречается в балете, где подвизается партнёр, но в не совсем благодарной роли подпорки ; торжество лирики на фоне прислужницы-физики.

Зная английский высокой пробы, то-есть язык отвлечённостей, французская лексика должна казаться простой и незатейливой. Соль французского строя ума - в сближении вещей, не сталкивающихся в реальной жизни - противоположность англо-саксам, где нудная эмпирика торчит за каждой мыслью.

Подступаюсь, когда это серьёзно, всегда с опаской - по соседству с чувством красоты оказывается, почему-то, то ли стыд, то ли ужас. Мне (и Паскалю, и Толстому, и Сьорану) ближе первое состояние, а Вам, кажется, (как и Гёте, и Леопарди, и Рильке) - второе.

В Мемуарах поэта, которые буду переводить, к счастью, никакой самоустраненности не ощутила - насколько я помню, ни разу он не упомянет ни своих ненавистей, ни своего стыда, ни своей растерянности. Валери - великий эстет, и это первейшее требование к человеку, захваченному идеей совершенства, но в совершенном писателе он должен быть дополнен аскетом и себялюбцем, с бичом и лавром, со змеиным жалом и голубиной нежностью. Рельеф и ритм слова должны образовываться не только движением мысли, всегда классической, но и пульсом (со)мнений, всегда романтических, а то и барочных. Но ни в одном авторе я не находил столько импульса для нового, в сени нового языка, нового прочтения внежитейской, то-есть художественной, мудрости.

Надменность одиночки и нигилиста (то, что Вы считаете проявлением благородства Ницше) моей душе чужда - это исключительно мужская черта. Человек и люди - синонимы для женского мировосприятия, и почти антонимы для мужского. Настоящий мужчина должен быть надменен перед людьми и смиренен, до самоуничужения и

пресмыкания, перед человеком (и это почти противоположность [Достоевскому](#), с его *выбором* между любовью к людям или к человечеству). Позы, почти невыносимые для женщины. Из всех светлых побуждений ни одно, пожалуй, так не замызгано всемогущей серью как благородство. Уже поэтому не стоит придирается к тому, кто первым стал строить теорию благородства, с его первым камнем, дионисийством и волей сверхчеловека (Вы, может быть, добрались до того места в моей книге, где я отвожу этому сверхчеловеку положенную ему четверть, не больше и не меньше, нашей сути).

Очень люблю побыть одна, именно побыть, а не строить из этого философию - всякая интересная философия рождается в пещере (подполье, воздушном замке, руинах), среди потерянности и боли. В залах (читальных, театральных, конференциальных), безболезненно рождаются правила, забывающие о насильнике-роботе, который внедряется повсюду вплоть до колыбелей. Да философию и не строят. Философия - это умение довести до стадии руин всякое сооружение, сулящее нам безопасный кров.

Близость или ценность писателя ТОЛЬКО В СВЯЗИ С КАЧЕСТВОМ МЕТАФОР - Вы лукавите - Мне очень важно - КАК, более важно то, ЧТО у человека болит, зачем, почему он это пишет - так ведь КАК это и есть качество метафор. ЧТО у человека болит - у всех болит примерно то же самое, да не всякий об этом интересно сказать умеет - а это и есть качество метафор. В письменности всегда есть три не сводящихся друг к другу ипостаси : то что испытано, то что сказано, то что воспринято читателем. И думать, что вычитаешь, что у человека болит, - несбыточная, да и мало интересная иллюзия, которую наголову превосходит великая иллюзия качества метафор. Зачем он пишет - в лучшем случае этот вопрос того же порядка, что и зачем

верить или зачем любить. Для настоящего писателя, зов пера такое же таинственное чудо, что и воплощение в Творце или в даре любви. Но без *качественных метафор* это упражнение, кроме беспомощного графоманства, ничего породить не может. Это изнасилование, по сравнению с самозабвенным и *высококачественным и метафористичным (?)* слиянием двух встречных порывов (в литературе тоже ведь обязательна встречающая речь-приглашение языка). Так что совсем даже не лукавлю, а выражаю то, что глубоко чувствую.

Есть у нас такая Люся Улицкая - на мой взгляд, просто писатель номер один в России сейчас - её и во Франции много переводят. Не читал. То, что попадает мне на глаза, на русском языке, так удручает стилистической беспомощностью, вернее неозабоченностью стилем, что, признаться, предпочитаю читать французского бездаря, преследующего недоступные ему тонкие *отвлечённости*, русскому умнице, вываливающему на страницы попавшиеся ему на глаза грузные *вещи*.

Кстати, а его прозу-то Вы читали? - у Жени препона - язык, у меня - жанр. Я ему писал о родственности его детища с *Божественной Комедией*, и это всё же не бранная отговорка. Но подобно *Валери*, я пришёл к выводу о бессмысленности всякого *рассказочного* жанра. Он обрекает нас на нудное нанизывание перлов на за уши притянутые нити и связи. *Наполнение пустот* становится почти неизбежной, а часто и основной, операцией. И это меня решительно отталкивает от рассказчиков и о-писателей.

В Ваших афоризмах отнюдь не один аристократизм мысли чувствуется, души, как мне показалось, ничуть не меньше - одна из черт аристократизма заключается в прислушивании к душе и сердцу с не

меньшим, а то и большим вниманием, чем к разуму. Это и желание их примирить, то-есть употребить язык с глаголом-разумом, существительным-душой и прилагательным-сердцем. Аристократизму больше всего противопоставляется как раз расчётливость, уважение лишь победителей, а главным победителем, в наше время, является прикладной разум, сводящий нас всё больше и больше до уровня бездушных роботов. Враг аристократа – робот !

Я не люблю теоретического подхода к искусству, предпочитаю эмоциональный. Поверять алгеброй гармонию бывает очень трудно - а их не надо противопоставлять. Всякое высокое произведение искусства содержит три источника удовольствия : сама вещь (форма, содержание), сделавший её возможным инструмент (знание, стиль), сам творец (личность, темперамент). Теоретизирование - это описание переходов от одного из этих источников к другому. А делать это можно и эмоционально, тем более когда красота присуща всем трём средоточиям. Всякий теоретик, к тому же всегда оказывается лишь скромным практиком, для более высокого, чем его собственный, взгляда.

Женя между строк читать ничего не желает и близко таким никогда не занимался - это игра в слова. Язык, и это одно из его чудес, бессмыслен (или тысячесмыслен, что одно и то же). А понимаем мы его почти без всякого усилия, и как раз благодаря этому постоянному чтению между строчек. Это почти то же самое, что происходит и со слухом и со зрением : головой (то-есть зрением между пятнами) мы видим больше чем глазами и слышим больше (слушанием между шумами) чем ушами. Так что занимается этим Женя, и всегда и повсеместно, как все остальные. Сплошь рутинного чтения, по одним строчкам, почти и не бывает, а доля междустрочия растёт по мере

допущения всё более дерзкого произвола между открывающимися друг другу людьми.

*Все равно ведь все встретимся...я знаю, что Вера Вам не чужда - есть интересный критерий разбивания людей на две непростые категории : парящие с надеждой или тонущие в безнадежности. Мне безусловно ближе первые, хотя я и вкладываю в слово *надежда* совсем иной смысл, чем люди общепринятой веры. Надежда, для меня, не впереди, а позади. Это то, что оправдывает тягу к теплу и свету, каким бы убедительным ни был глас бесстрастности и тьмы.*

Дружески – Герман

15/10/2001

А Вы бойчее меня оказались, на Паутинных аренах. Мне за Вами не угнаться.

С просторечием у меня беда. Неслыханной (Пастернак) может быть только выдумка, и вряд ли простота (которой не дотянуться до ереси, а суждено застрянуть на уровне суеверия). Я весь в надуманности. Язык богат и выразителен по способности увильнуть от прямолинейности и зеркальности. Никогда я не смогу встать в позу судьи жизни ; в ней я сплошной невежа, и ни истолкованием ни пророчеством ни отражением её злободневностей заниматься никогда не буду. Люди дела соблазняют начальников, меценатов, женщин ; мы, люди мечты, каторжане слова или ноты, мы отпугиваем своим неистовством или исступлением, и любят нас только после нашей смерти. Простота - это желание понятности в перебирании житейских вещей, а поскольку я к эдаким и не прикасаюсь вовсе, то мне она и не к чему. Простота это плохая иллюзия несуществующей на самом деле прямоты между фактом и словом. Она всего лишь рутинное, конкретное воспроизведение того, что по сути было, изначально, столь же абстрактно, что и всякий *сложный* взгляд. Любой грузчик или журналист постоянно манипулирует символами и абстракциями, не отдавая себе в этом отчёта (подобно мольеровскому Журдену). Но повторение штампов, самих по себе абстрактных, воспринимается часто как простота или простодушие, в пику позёрству и искусственной усложнённости. Образ, приходящий мне в голову, когда мне твердят о простоте - говорил А.Жид - это пёс, грызущий кость. Поскольку я заговорил о *мучениках*, то как не лягнуть и простоту *святую*, подбрасывающую хвороста к нашим кострам. Да простит мне Толстой, но познавши прелести подлинной сложности, обращаться к

услугам простоты можно лишь с *гигиенической* целью.

Я привыкла говорить обо всем куда более простыми словами, не залезая в дебри. попробуем быть проще? Или это Вам неинтересно? - человек либо ошарашивающее, непостижимое чудо, либо конечное минералогическое явление - надо выбирать. Если делать второй выбор, то надо следовать простоте датчиков, самописцев и геометрии. Мой-то выбор, без секунды колебания, первый. Упомянуть о чуде тем же языком безыскусных будней, что и о бытоустройстве или о календарной суете, - это или глупость или кощунство. Маркиза вышла в пять часов или корова бежит по улице или проекция небытия на плоскость сущности - одинаково далеки от человека, осознающего, что тому, что творится в нём в звёздные часы, нет имени, и возомнить, что от него существует простой и прямой путь до самого точного слова, - это большая глупость (разделявшаяся, впрочем, даже такими толковыми людьми, как Флобер). Простое слово - дело журналистов и учёных, а художнику с ним делать нечего, оно замызгано рутинной. Художника мучит безгласность несказанного и сознание невозможности слияния чувства и слова (откуда, кстати, и рождается стыд как наиболее естественный двигатель или источник творчества). Художник кончает тем, что понимает, что проявляет себя в растерянности лучше, чем в уверенности, а язык растерянности - сложность, тогда как убеждения всегда просты и заражены криводушием. Да, в дебрях, вернее в подпольях, воздушных замках, развалинах, мне больше по себе, чем на прозрачной плоскости жизнеустройства. Быть проще значит, для меня, вставать на четыре лапы...

Я думаю, что и Вы живете не только Духом, что и у Вас есть какие-то вполне обычные, повседневные заботы, и, поверьте, если Вы захотите поделиться ими, мне это будет ничуть не менее интересно, чем мысли

о *Высоком* - вот этого я делать не умею. Между жреческими и обывательскими обязанностями я выложил такую непроницаемую стену, что жрец совсем перестал понимать обывателя, и я им в этом всячески потворствую. У меня почти нет *мыслей о Высоком*, а есть высота мысли. Вкус к высоте почти исключает серьёзную одержимость Высоким. Высота это ирония и невесомость, Высокое это напыщенность и вес. Мои мысли, чаще всего, бестелесны и безвещны. Подлинная мысль ничем не должна быть обязана предметам, которых она, к несчастью, должна касаться.

Смарта. Читали? что-то Вы мне и про Хёйгенса ни словечка не сказали - о Смарте я уже с Женей объяснился. О Гюйгенсе мне ещё труднее писать. У первого хоть есть какая-то чертовщинка, а второй уж больно погрязает в о-писательстве. Не судья я в этих жанрах.

Не ужас, а все-таки *опаска*, и не стыд, а *растерянность* или *смущение* - нет, Наталья, так в искусстве нельзя! Ужас и стыд - это свойства жреческого взгляда на творчество, а их обывательские *эквиваленты* убивают этот взгляд. Глаза на месте взгляда!

На очень важное Вы мне не ответили: если у меня с Валери будут какие-то проблемы, - поможете с ними справиться - с удовольствием. Валери вполне дастся переводчику-женщине. Вот меня или Сьорана перевести сможет только мужчина! Нужна солидная доля нахальства и неистовости. Деликатный Валери даже о Прусте похвальные статейки пописывал, он-то, полнейшая противоположность Прусту! Другого б тошнило, но бесстрастный Валери всё делает в масках и перчатках.

Мне интересен и важен именно конкретный человек и, повторяю, главный аспект тут: что могу сделать, чем могу помочь - человек стократ менее конкретная вещь, чем люди! Тем-то он и велик. Человек, для меня, это не мой сосед или соперник или собутыльник, а божья тварь, не сталкивающаяся с Создателем в деле и тянущая к Нему загадочные нити слов и видений. Человеку нельзя помочь, он обречён и неизлечим, помогают потребителю, инвалиду, биологическому, а не божественному существу. Человека боготворят, посвящают ему слезу, молитву или стих. Люди — конкретны: правилами, стадными инстинктами, земным притяжением.

*Формула **мы в ответе за тех, кого приручили** для меня остается живой - Сент-Экзюпери подписался бы под этой формулой. Для того, кто себя самого часто видит в клетке, даже без галдящей вокруг публики, для приручения остаётся лишь его собственный, единоутробный хищник, под одеждой, вроде того самого лисёнка...*

***Философия - это умение довести до стадии руин всякое сооружение, сулящее нам безопасный кров** - вот и этой Вашей фразы не поняла. Я строю не философию, а жизнь - философия - это сведение первого шага к нулевой отметке (там, где наука или искусство опираются на многие слои уже достигнутого). Поэтому хороший философ начинает с того, что развенчивает всякие потуги вселиться в некое солидное, но чужое здание, сулящее безопасные стены (от набегов глупости), высокие потолки (для свободного дыхания) и широченные окна (на ставший доступным мир), и показывает, что всё весомое и обитаемое - дело нашей божественной свободы, произвола или *своеволия*. Умение жить без опор, не теряя равновесия и величия. Противоположность философии - приложение известных правил. Философия - напоминание о высшей ставке игры.*

Родства с Божественной комедией никакого не усматриваю, а в чем видите Вы - *Святой Витт* написан, как и *БК*, в духе минералогии. Так я называю (любопытно, что *Мандельштам* употребляет ту же терминологию и по отношению к подобным же литературным явлениям) один их трёх респектабельных подходов в литературе, вместе с зоологическим (где бьёт ключом жизнь) и мистическим (где света источник таинственно скрыт).

Стихотворным переводам, которые (вопреки ему самому) все-таки считаю главным делом его жизни - совершенно с Вами согласен.

Он все уверял меня, будто литература (читай — Дух) важнее жизни, потому что мы уйдем, а Искусство останется - и оно канет. Искусство - иллюзия, как и всё остальное (мораль, знание, созидание). Но оно единственное прибежище благоговенного взгляда на жизнь. В жизни мы мямлим, в искусстве - молимся.

Насчёт надежды - позади совсем не поняла - это противопоставляется двум распространённым взглядам на разумность или неразумность энтузиазма : верить, что после наших сегодняшних мытарств придёт, завтра, некое утешение, или же твердить себе, что за всяким сегодняшним порывом придёт неизбежное разочарование. Моё утешение приходит от взгляда назад, где живут мои настоящие современники, поверх веков и границ. И мои разочарования (дело суетливого разума) я помещаю ДО знакомства, которому сулю порыв и ... надежду. То-есть я решительно против нытиков-безнадёжников, но и надежда моя смотрит не в ту сторону, что большинство.

У дочки в Марселе есть приятельница. Хотите, нет? - жду.

Ну вот и побыли мы вместе часок, и мне было приятно с Вами пошутить. У Вашего письма, как будто бы, было приложение, но его ФИЗИЧЕСКИ не оказалось.

Ваш Герман

|16/10/2001

Ну, Герман, с каждым днем Вы озадачиваете меня все больше. Бог с Вами - какие состязания? Я даже не знаю, что Вы имеете в виду под Паутинными аренами, где Вам за мной якобы не угнаться. Интернет, что ли? Никаких гонок. Пишу - когда получается, что думаю, как думаю, и все. И именно потому прошу простоты. Отнюдь не *просторечия*, хотя и Жене сто раз говорила, и Вам тоже, что *длинных умных* слов просто не понимаю, начинаю комплексовать, чувствовать своё несоответствие и могу замкнуться, что совсем уж ни к чему, правда?

Выдумка - неслыханная ли, какая другая - может быть прекрасной. Выдумать можно человека, можно отношения, мало ли что. И можно в этой выдумке жить. Но когда-то это все равно кончается, и жизненные проблемы, реальные жизненные проблемы, от которых никуда не спрячешься, все равно выходят на первый план. Я вовсе не призываю Вас к прямолинейности, тем более - зеркальности, я просто привыкла быть открытой и честной даже не только с друзьями, просто с людьми, с которыми общаюсь, иначе не могу, не умею, да и не хочу. Поэтому способность языка от чего бы то ни было увливать, меня не колышет. Я думаю о том, как строить фразу только тогда, когда перевожу (или писала *от себя* - в прошедшем времени, потому как за последние пятнадцать лет, с тех пор, как из-за болячек пришлось уйти на ивалидность, только и написала, что одно стихотворение и рецензию на *Землю*, которая в тот раз не дошла, а сейчас попробую передать снова, но в обоих случаях было ощущение *диктовки*, так что опять же ничего не строила). В письмах - никогда, что из души выльется, то и выльется, а как - неважно, главное, чтобы искренне. Судить жизнь, а

тем более - людей, нам не дано, хотя, конечно, и грешим - судим... Но ни об *истолковании* или *отражении злободневостей* (это, мне кажется, просто не интересно), а тем более - о *пророчествах* (этого нельзя!), вроде бы у нас с Вами и речи не шло. С чего Вы взяли, что мне этого от Вас хочется. Ничего подобного.

Люди дела соблазняют начальников, меценатов, женщин ; мы, люди мечты, каторжане слова или ноты, мы отпугиваем своей неистовством или исступлением, и любят нас только после нашей смерти. Это очень красиво сказано, Герман, но это неправда. На самом деле неправда. Не обвиняю Вас во лжи, разумеется, мне просто кажется, что не везло Вам на людей. Такое может быть? Люди мечты, каторжане слова и ноты, как Вы пишете, не отпугивают, а привлекают своим неистовством, все как раз наоборот. С ними трудно, но разве променяешь такое - на обыденную серость? Так что неправда это. И любят их при жизни куда сильнее, чем других, причем неважно - счастливо или не очень. Конечно, не могу поручиться за всё человечество, но собственный жизненный опыт говорит именно об этом, а он не так уж мал.

Простота это желание понятности в перебирании житейских вещей, а поскольку я к эдаким и не прикасаюсь вовсе, то мне она и не к чему.

И это не совсем так. Мне нужна понятность не в перебирании житейских вещей (к которым, осмелюсь предположить, коли Вы живете на свете, то все-таки и прикасаетесь, хотите того или не хотите), мне нужно понимать то, о чем со мной говорят. Потому и прошу - попроще! Это отнюдь не значит - примитивно. Это значит - уважая собеседника, учитывая его уровень восприятия. Нет такого предмета, о котором нельзя сказать так, чтобы другой понял, если, конечно, понимание это входит в задачу того, кто ведёт диалог.

Поэтому я не принимаю слова *поза*, если речь идёт о диалоге между людьми. Мне ближе - *обмен душами*. Мне интересно, что у Вас на душе (или не у Вас - у того, с кем говорю), я меняю открытость на открытость, а открытость никакой позы не терпит. Разве не так? Поэтому и все, что Вы говорите дальше, хотя со многим я согласна (в частности - насчёт журналистов, к племени которых сама когда-то принадлежала, и грузчиков), представляется мне все-таки скорее выбранной Вами для разговора со мной *позой* (выбранной, не знаю, по какой причине, скорее всего - просто стесняетесь быть откровенным, быть самим собой, боясь показаться неинтересным), чем Вашей истинной сутью. Что-то Вы прячете, что в книге-то проглядывает, что-то у Вас болит, что Вы скрываете за всеми этими такими красивыми, но такими холодными словами. Господи, да я же не призываю Вас немедленно броситься мне на шею и поплакать в жилетку, конечно же, нет, мы ещё слишком мало знакомы, да и не все такое любят, сама не люблю, но мне бы не хотелось, чтобы Вы как бы выстраивали свой образ, мне бы хотелось, чтобы образ этот был настоящим, живым и тёплым. Я готова ждать.

Да, человек - ошарашивающее, непостижимое чудо. Совершенно с Вами согласна. И самый маленький ребёнок, и - когда голова ясная - самый глубокий старик (совсем недавно с таким познакомилась и подружилась, вообще люблю таких стариков с юности). И коли уж мы оба - и оба без секундного колебания - сделали первый выбор, то давайте все-таки договоримся, что и о чуде лучше говорить не *будничными* (зачем путать понятия), но простыми, доходящими до сердца, а не требующими долгого *ломания головы* словами. Никакого кощунства тут нет. Глупости тем более. И вообще - зачем бояться выглядеть глупым? Мне кажется, страшно выглядеть (ещё страшнее - быть) жестоким, а это вроде бы ни мне, ни Вам не грозит. А глупым...

Знаете, совсем-то уж душой я себя не чувствую, а если не знаю чего - так ведь никогда не поздно научиться. А вот это я очень люблю, и всегда благодарна тем, кто чему-то меня учит. Так, наверное, до поворота на Мидделхарниссе и будет, тоже - иначе не умею и не хочу. Неправда, что простое слово - дело журналистов и учёных (последние, кстати, только и умеют оперировать, что сложными), что оно замызгано рутинной, поэтому художнику с ним делать нечего. Куда в таком случае девать великую поэзию, которая больше всего за душу берёт, когда слова самые простые? Вы же любите [Пастернака](#) - ответьте. Простые слова - не обыденные и ничем не замызганные. Простые, они от души сказанные, а не изобретённые после долгих раздумий. Вот и всё. Да, художника мучит безгласность, но иногда он находит самое простое слово, и миру остается шедевр. Мало примеров? Опять же - не лукавьте. Или, может быть, точнее - не загоняйте сами себя в угол. Вы, как мне по письмам кажется, себя самого придумываете и Вам с самим собой очень трудно. Это - судьба всякого настоящего художника, но человеческие отношения позволяют эту судьбу не то чтобы обмануть, но чуть облегчить, что ли, оставив ему только муки творчества, без которых - никуда, но подарив радость общения. Если Вы под *жизнеустройством* подразумеваете обычную нормальную жизнь, ту, которую мы все проживаем, пока по земле ходим, то уж никак, дорогой мой, это не *прозрачная плоскость*, и я не знаю, что сложнее (да и что важнее): общаться при помощи *умных* слов на высотах Духа или просто прийти на помощь друзьям, когда они в тебе нуждаются. Вот, чтобы не говорить о незнакомых Вам людях, - сейчас Жене очень плохо, Оле - тоже, они ещё два дня пробудут в Питере, дозвониться туда трудно, помочь отсюда ничем нельзя, и так душа из-за этого болит, что какие уж там дебри или воздушные замки. Разве Вы такого не ощущаете? Разве у Вас нет потребности помочь близким людям всем, что Вы можете и даже не

можете сделать? Не поверю! Причем тут *четыре лапы*? Бога ради, о том ли речь? Я совсем не то имела в виду, когда говорила *попробуем проще*. Если опять непонятно объяснила, простите, но сейчас вокруг меня сложилась такая обстановка (дело отнюдь не только в потере самого дорогого мне человека, не только в бедах сегодняшних Жени и Оли, у многих моих друзей, к несчастью, бед хватает), что я четко ощущаю: не слова им всем умные нужны, а хотя бы тепло и участие, если ничем конкретным помочь не могу, как бы ни старалась.

Вы проговорились, Герман: *Между жреческими и обывательскими обязанностями я выложил такую непроницаемую стену, что жрец совсем перестал понимать обывателя, и я им в этом всячески потворствую.*

Вы именно что - *выложили стену*, нарочно её выстроили, и нарочно сводите разговор о жизни (даже с самим собой) к понятию *обывательщины*. Это не синонимы. Отнюдь не синонимы. Обывательщина чужда и мне. Жизнь, живая жизнь - совсем другое. Мне интересны Ваши рассуждения о Высоком и высоте мысли. Но высота мысли отнюдь не исключает, ну, скажем, высоты всё тех же человеческих отношений, которые для меня были, есть и останутся навсегда главным и единственным моим богатством.

Мои мысли, чаще всего, бестелесны и безвещны. Подлинная мысль ничем не должна быть обязана предметам, которых она, к несчастью, должна касаться.

Просто не знаю: счастье или беда - потребность и умение вот так классифицировать свои мысли. Я об этом вообще не задумываюсь. О том, подлинна моя мысль или не подлинна. А зачем? И не уверена в том, что необходимость для мысли касаться каких-то *предметов* - всегда к несчастью. Как знать... Может быть, порой совсем наоборот.

Ну и что - что с Женей объяснились о Смарте? Мне тоже интересно, тем более, что уж чего-чего, а чертовщинки я там никакой не обнаружила, а Хёйгенс-Гюйгенс мне как раз очень нравится. О послесловии ничего не скажете?

Опять же не уверена, что можно категорично судить о том, что в искусстве можно, а чего нельзя. Снова очень красиво звучит: *Глаза вместо взгляда*, но ощущение есть ощущение, я себя в жрецы не возвожу и до обывателя не опускаю. Просто делюсь тем, что чувствую. О Чьоране поговорим, когда он ко мне наконец попадет, за обещанную помощь с Валери - громадное спасибо (*бесконечное*, сказал бы Женя, как-то полюбился нам этот германизм). Не могу согласиться с делением переводчиков по половому признаку, было бы время, вот назло бы попробовала хоть кусочек махонький из Вас перевести. Вы бы поняли, что нахальства мне не занимать, насчёт неистовства - не мне судить, но вроде бы тоже всегда хватало. А совсем уж бесстрастным Валери всё-таки не назову... Нет, не согласна!

Человек стократ менее "конкретная" вещь, чем люди ! Тем-то он и велик. Человек, для меня, это не мой сосед или соперник или собутыльник, а божья тварь, не сталкивающаяся с Создателем в деле и тянущая к Нему загадочные нити слов и видений. Человеку нельзя помочь, он обречён и неизлечим, помогают потребителю, инвалиду, биологическому, а не божественному существу. Человека боготворят, посвящают ему слезу, молитву или стих. Люди - конкретны : правилами, стадными инстинктами, земным притяжением.

А уж тут у меня просто слов нет: надо же так всё перевернуть с ног на голову! Вы только что согласились мне помочь, если возникнут проблемы с [Валери](#). Как - кому? Как потребителю или как инвалиду? Ох, Герман, Герман, да о чем Вы? А молитва - не помощь? Да тут просто нет проблемы для спора. Я могу сколько угодно боготворить, но если в тот момент, когда человеку, которого я боготворю, плохо, а я откажу ему в конкретной, да-да, именно конкретной помощи, я буду просто сволочь последняя, а не божественное существо. Только так себя буду чувствовать. Нельзя красивыми словами подменять сути отношений между людьми. Не верите мне - спросите у Жени: мне просто врезалась в память написанная им после Лефортова фраза о том, что человеческая любовь способна превратиться в Чудо Господне. Это правда. И сейчас я особенно остро это чувствую, хотя знаю, что никакого чуда не произойдёт, но с теми, кто меня любит, и с теми, кому я необходима, только и можно выжить. Да, и обречённому, и неизлечимому. А из правил я признаю только одно: жить так, чтобы по возможности никому не было из-за меня больно. Увы, не всегда получается, но очень хочется. Земного притяжения (я не имею в виду, как Вы догадываетесь, физические законы) никто ещё не отменил, и мы не отменим. А стадные инстинкты - это не про нас.

Сент-Экзюпери под этой формулой и подписался. Господи, а *в клетке* - это Вы про себя? Герман, Герман, да что же можно сделать, чтобы Вам хоть немножко, хоть совсем чуть-чуть уютнее на этом свете жилось?

Всего пассажа про философию по-прежнему не понимаю. Подумаю ещё.

А расскажите-ка Вы, пожалуйста, чуть подробнее про *минералогию*: по своему, не по [Мандельштаму](#). Мне очень интересно. *Зоологический* и *мистический* подходы Вы раскрыли, а этот нет.

Искусство - иллюзия, как и всё остальное (мораль, знание, созидание). Но оно единственное прибежище благоговенного взгляда на жизнь. В жизни мы мямлим, в искусстве - молимся.

Опять не во всём согласна. И в жизни не всегда мямлим. А что в Искусстве молимся, - да, да, сто раз да. Ну, а Любовь? её куда Вы денете?

Насчёт надежды мне очень понравилось. Я ещё не успела согласовать со своими взглядами на это, но вроде бы - близко. Наверное, не сумела бы это выразить так, как Вы.

Адрес Доминик пришлю, как только починят Санькин (это дочка) компьютер, то есть через несколько дней.

Ничего себе - *посудачили*... Надо мной уже вся семья посмеивается и спрашивает, какого, по-моему мнению, размера Ваш почтовый ящик? А мне кажется, разговор только начинается. Разве нет?

Сейчас прицеплю свой *всхлип* по поводу *Св.Витта*, надеюсь в этот раз дойдёт. Как всегда - жду.

Ваша Н. (А Женя зовет меня Пандой, чаще почему-то по-голландски, наверное, из-за [Хёйгенса](#)).

|

17/10/2001

При Вашей-то страшной беде, Наталья, мне крайне не хотелось бы сойти за бесчувственного хама, но боюсь, что диалога у нас не получится. Когда говорят, что нельзя служить одновременно двум божествам, то исключают при этом не одного Маммону, но и всякого другого идола, даже выступающего за самые светлые побуждения. Я служу Слову, это моя единственная религия. Добру, задушевности, честности я несу дань, не жертвоприношения. Мне даже совестно заметить, что я, пожалуй, не безжалостнее, не равнодушнее и не злораднее тех, кто любит твердить о *желании творить добро*, но мне *говорить* об этом нет никакой охоты, не интересно. *Жречество* это не какой-то внешний чин или ранг, а фанатическая внутренняя *поза*, не допускающая в храм *оглашённых*, но и оставляющая всякую обрядность при оставлении его стен. Женя - жрец, мы с ним, мне кажется, так и не упомянули ни одного факта за годы эпистолярного общения. Но я даже и не задумывался над этим, это выходило само собой разумеющимся. Нет у меня ни жеманного нежелания *открываться* ни лицемерного желания *покрываться*.

Выдумать можно человека. И можно в этой выдумке жить. Но когда-то это всё равно кончается, и жизненные проблемы, всё равно выходят на первый план. способность языка от чего бы то ни было увилить, меня не колышет - у меня они никогда не выйдут ! Я познал житейской жути на зависть графу Толстому и зеку Солженицыну, но я поэт, а не жалобщик, не изобличитель, не показушник. И жить умею только в выдумке, и единственно интересная сторона человека - начисто выдуманная. Описью отпечатков наших рук, ног и мускулов мне

скучно заниматься. Жить по уши в сегодняшнем дне я предоставляю сильным мира сего или слабакам воображения. Язык должен создавать ритмы, обращённые к богу, а не воспроизводящие наши жалкие, совсем не музыкальные *проблемы*. Не просто *увилить* надо от взгляда в упор на любой *опыт*, но и отгородиться от него китайской стеной. Когда в руках у нас перо, налившееся беспричинной слезой или желчью, стыдно царапать по злободневной, кричащей случайности.

*Что из души выльется, то и выльется, а как - неважно, главное, чтобы искренне. открытость никакой позы не терпит. стесняетесь быть откровенным, быть самим собой - да нет, главное, чтобы воспроизводило то, что есть в нас самого ценного, а оно, это ценное, - самое непередаваемое, самое шаткое и неуловимое - какая тут искренность ! Не бывает искренности в слове ! Слово - не только преломление, слово само творчество, поиск наощупь, навздох. Вы словно видите в искренности противоположность заурядному плутовству, а это предчувствие, что лучше что есть в нас никакой прямою невыразимо. Какая *открытость* ! - мы выражаем себя не открыванием дверей, а владением кирпичами, путеводителем по нашему пейзажу или нагнетанием нашего климата. А это знание и чувство границ и барьеров. То-бишь, поза, от которой никому не дано уйти, да только у большинства она лишена *необщего выраженья*. Я не завидую тем, кто *умеет быть самим собой*. Я из тех, кто не знает себе места, кто крайне смутно представляет себе своё предназначение. В *самом себе* я ищу повода для восхищения, но рождается оно из той благодатной пустоты, что существует будто бы лишь для заполнения гласом Божиим.*

Что-то у Вас болит, что Вы скрываете за всеми этими такими красивыми, но такими холодными словами. мне бы не хотелось, чтобы Вы как бы выстраивали свой образ, мне бы хотелось, чтобы образ этот был настоящим - с плохим термометром Вы брались за мои слова. Мой жар бестелесен, я им трачусь стыдливо, да и нерасчётливо - какой от него прок обширным руинам, которые приняли меня как благодарного жильца. Что это за настоящий образ ? В духе протоколов ? Все строят, разница лишь в выборе материалов, архитектурном даре, излюбленном угле : салоне, мастерской, крыше, подполье.

Неправда, что простое слово - дело журналистов и ученых (последние, кстати, только и умеют оперировать, что сложными) - слово просто, если оно следует причинной логике, событийной или формальной. Когда выход за неё происходит не по воле случая, а по высшей логике гармонии, тогда-то и рождается искусство, которое всегда сложно.

Не могу согласиться с делением переводчиков по половому признаку - я мог бы столкнуться с Гиппиус или Цветаевой, но таких женщин уже давным-давно нет и в помине. Та поза, что может украсить мужской образ, может обезобразить женский.

Надо же так всё перевернуть с ног на голову! Вы только что согласились мне помочь. Как потребителю или как инвалиду? да о чем Вы? Да тут просто нет проблемы для спора - я повторяю, что мне о делах говорить не хочется. Делают руки, мозги - сердце, если угодно - при-кладная сторона человека (Ницше бы добавил : неполноценного, а я и вообще исключаю её из понятия человек, которое интересно мне лишь своей с-кладной гармонией и с которой я ищу резонанса. Абсолютно невозможного в деле !)

Нельзя красивыми словами подменять сути отношений между людьми - чего Вы ополчаетесь на эти злосчастные *красивые слова* (я даже и не знаю, что это значит). Есть слова яркие или тусклые, талантливые или скучные, затасканные или оригинальные, а вот красивых я просто не знаю. Могут быть красивы связи между словами, но никак не сами слова. Никакое слово не заменит взгляда или ласки, но зачем же опять противопоставлять красоту словесную красоте *отношений* ? Тем более, когда ни улыбками ни объятиями друг до друга не дотянуться !

*Расскажите-ка Вы, пожалуйста, чуть подробнее про **минералогию** - в зоологическом подходе мысль - живой отпечаток, в мистическом - невозвратное эхо, в минералогическом - чужеродное, неживое тело. Минерологу нужны факты, выдуманные или пересказанные. Минеролог - в непрерывности, последовательности, законченности, подвижности. Что делать, я предпочитаю *дискретность*, фрагментарную цельность, вз-(под)-вешенность на неподвижной высоте.*

И в жизни не всегда мямлим. Ну, а Любовь? её куда Вы денете? - зачем нужно бы было художественное слово, если бы у лучших наших движений были свои слова ! Нет их ! В том-то и смысл искусства, что артист вы-думывает (так Вам не нравится это слово, а в нём вся *инструментальная* суть творчества), вкладывает в уста разума то, что *мямлят* наши безгласые чувства. Потому-то ещё и является всякое истинное творчество делом перевода.

Прицепка Ваша к письму опять была недоступна. Боюсь, из-за каких-то вредных букв в её названии. Смените.

Всего доброго — Герман

22/02/2002

Здорово, молчальник !

От твоих непредсказуемых исчезновений у меня только руки опускаются. Я кажусь себе эдаким навязчивым пустобрехом, отвлекающим тебя от творческих затей.

Я же очень сожалею, что наш диалог прервался. Признайся, что ведь мы с тобой, в наше сволочное время, едва ли не одни из самых интересных собеседников. Такое это всё непростительное расточительство талантов. Не вложить ведь в книги всего, что просится из жизни – к слову.

Надеюсь, что ты, тем временем, сладил с хворью и что от её звериного оскала у тебя остались лишь вполне зарубцевавшиеся воспоминания. Твоя знакомая, Наталья, усматривала в моём молчании изрядное свинство. Так оно может быть и есть, со стороны ; только я не привык совершать механически очевидные жесты. Есть стыдливость в облачениях и стыдливость в сути. Я думаю, ты умеешь их различать не хуже моего.

Ты подал мне как-то мысль, открыть сайт с моей книжицей. Попробовал я её воплотить на любительском уровне. Глянь на <http://www.philiae.com> ; вдруг у тебя под рукой водятся умельцы этого дела, чтобы привести в божеский вид эти разношёрстные страницы.

Здрав будь !

Твой сурок.

24/02/2002

Суроче дорогой,

даже с помощью *штирлица* твоё письмо не прочиталось, пришлось вспомнить, что где-то в архивах трёхлетней давности у меня есть файл *клинопись* (в него неизбежно превращалось любое кириллическое письмо от Глинки-младшего из Вермонта, ну, пришлось отладить *дешифровку*). Нашёл, расшифровал, теперь даже ответить могу. Надеюсь, что твой компьютер не проделает с моим письмом *Обратную операцию* – на таковой случай прицепляю и систему расшифровки, и оба варианта твоего письма.

Два года *службы в штате* довели меня до двух за полгода попаданий в больницу, и я, послав всё куда подальше, опять выкинулся на вольные хлеба: нигде в штате не работаю и никому ничего не должен иначе, как по договорам. По ним, впрочем, приходится трудиться по 12 часов в день – но ДОМА!.. А я устал именно ХОДИТЬ В ПРИСУТСТВИЕ. И роман (пятый уже) дописывать надо, издательство требует. И – по соображениям прокорма – взял в постороннем издательстве несколько составительских работ, в частности, подрядился составить огромный кирпич стихов (русских, не-русских и вообще всех на свете), посвященных ВИНУ, ВИНОПИТИЮ, ВЫПИВКЕ и прочему, что на это тему написано. Если припомнишь какие-то стихотворения (не важно, переведено уже или нет, были бы тексты), особенно посвящённые КОНКРЕТНЫМ СОРТАМ вина – очень буду благодарен. Нашёл, к примеру, итальянские стихи о... МОНТЕПУЛЬЧАНУ. Иди знай, что оно такое...

Ну, своих переводов на оную тему у меня тоже оказалось немало,

притом в ту же тему попадают и эль с пивом, а тут уж ваганты на средневековой латыни настарались: и спор вино с водой, и спор вина с пивом (все возьму, а был бы спор пива с водой, так и его бы взял). С большим удивлением обнаружил, что из русских поэтов чуть ли не больше всех о вине написал Н.М.Языков! Взял я у него... двадцать пять стихотворений, а остальные эдак брезгливо отбросил, хватит мне и этого. Почему-то единственным стихотворением о ДЖИНЕ по сей день остается стихотворение Барбье (перевод, заметим, Осипа [Мандельштама](#)) – не французский какой-то напиток, я бы сказал. Следом получил заказ на книгу того же огромного объема – *Юмор висельника* (то бишь хоть [Вийон](#) туда годится, хоть Моргенштерн, хоть все наши черные юмористы). Опять же если что вспомнится...

Сам видишь, не скучаю, и тебе не желаю. Сайт у тебя пока что сиротливый, но вопрос о веб-мастере и для себя, и для сложившейся близ меня писательской группы (признавшей меня вроде как *фантастом в законе* – а мне не всё равно, лишь бы читали) я сейчас решаю. Решу – автоматически решу и твои дела. Фотография там твоя хорошая (интересно, какого года?), но уж больно маленькая. Ты мне в формате jpg её пришли на всякий случай, но не тяжелей, чем на 250-300 килобайт, даже и столько-то размещать трудно.

Мою **бывшую** знакомую Наталию, как выражался покойный Игорь Чиннов, я прямым текстом послал к ЕБЕННЕЙШЕЙ матери. Полгода мыкался с ней, давал твою книгу читать (уж не знаю – что она там поняла, язык вроде бы знает лучше меня – вот я и решил ей твою книгу дать почитать) – а потом начался такой командирский тон (с её стороны), что я заподозрил неладное. Проверил через друзей – так и есть, стукачка советского времени... Так что и тебе желаю её отправить туда же.

Моё молчание в прошлом году было не столько свинством, сколько симптомом явно прораставшей во мне болезни. Думали в июле, что инфаркт – оказалась грыжа пищевого отдела желудка, что лечится ПОЖИЗНЕННЫМ ЗАПРЕТОМ НА ПЕПСИ-КОЛУ и любую другую шипучку! Ну, это я как-нибудь осилю – а от болевого шока, как мне потом сказали, мог помереть даже с большей гарантией, чем от инфаркта. Словом, не гожусь я для штатной работы, ещё раз повторяю...

Если можешь, разберись всё-таки со своей кириллицей. Расшифровывать письмо как розеттский камень – перебор, согласись. От моей Ольги тебе неизменный привет, даром что французский она знает, пожалуй, даже хуже меня. Впрочем, за историю с магаданской *Пантерой* мне бы надо ещё и самому перед тобой извиниться, да какие уж между нами извинения... Жизнь для них коротка.

Обнимаю.

Твой

Полярный

30/12/2003

Не ожидал встретить тебя в такой компании, на *стихире*. Демократия-технократия-логократия. Твоя фигура слеплена настолько из других слов и настроений, что ты воспринимаешься как чужестранный монумент, да ещё и какого-нибудь XVI-го века.

С наслаждением перечёл твоего [Рембо](#) - непревзойдённо!

Больших тебе Новогодних радостей и побольше - благодарных читателей.

Твой Герман

30/12/2003

Дорогой Сурок,

я совсем не в той компании! На Стихире я играю роль крысолова с дудочкой. А зазываю я переводчиков К СЕБЕ:

<http://www.vekperevoda.org/>

Это мой совершенно готовый, хотя ещё не до конца выложенный сайт, где есть форум, а он – и есть мой интернет-семинар поэтического перевода.

Ну, а второе – иной раз стихирные поэты хотят хорошо издаться. Наш (на троих) *Водолей* всегда готов принять заказ и за месяц-два по средним ценам очень хорошо издать заказную книгу. Так что Стихира для меня ещё и дойная корова.

На *Веке перевода* очень много есть чего почитать, в особенности в смысле ценностей исторических, – сам увидишь.

У меня же в жизни много чего: Ольга теперь моя ЗАКОННАЯ жена, живём мы всё там же. С сыном Вадимом я по ряду причин перестал разговаривать, зато ко мне сбежал мой младший сын Владислав (р.1981), решивший разделить со мной профессию. Ну, и прочие новости в том же духе.

Словом, если твой компьютер работает хотя бы в режиме аттачмента – пиши!

Пятый роман я дописал и отправил в ипографию, но всё никак не дождусь выхода.

А теперь, Суроч, объясни: ТЫ-ТО ЧТО ДЕЛАЕШЬ НА СТИХИРЕ?

Обнимаю.

Медведь

30/12/2003

Привет, Косолапище!

Крысолов, говоришь, как R.Browning, [Цветаева](#), [Бродский](#)...

Встрясок в твоей жизни, как будто бы, не поуменьшилось; твоё
больное сердчишко, небось, радо-радёшенько.

Заглядывал я и на *векперевода* - добротнo, весомo.

А на *стихирь* завела меня одна девица, чуть ни год назад; просила
перевести кое-какие из её афористических упражнений для её
французских друзей. Что я и сделал

(<http://www.stihi.ru/poems/2003/01/27-406.html>).

Я себя неловко перед тобой чувствую за жадность в похвалах. Твой
язык в *Павле*, которого недавно перечитывал, - это такая
самодостаточная - и живая, а не минеральная - стихия, что и [Данте](#) и
[Набоков](#) тебя бы зазвали в свою компанию.

Обнимаю - Сурок, чуть завистливый, но безобидный.

31/12/2003

Заполярное моё чудище,

Славная *очепятка* - на стихире слово выужено ! - у тебя вышла : *встаивайся*. Впрочем, может быть, и впрямь речь идёт о *стае*, а не о *строе* ?

Обещанными тобой книгами я завален уже был, и многократно, - доотказа! Так и не удосужилась ни одна доползти...

О моём появлении на стихире, как ты это и сам понял, - по comment. Пустячки, но при моём затворничестве почти любой голос порой доносит отзвуки удаляющейся жизни, а уж потом мне самому тшиться вносить в них то созвучия, то ритмы, то чуть ни эхо. Как нынче изъясняются вьюноши : виртуал, подменяющий реал.

Ну вот, сегодня можно уже без натяжки говорить о Новогодии. Желая тебе - одному из последних хранителей красоты и свободы русского языка - того редкостного равновесия между *губкой* и *фонтаном*, которым тебя, до сих пор, так щедро одарял Господь.

Преданный тебе - Суток норовой.

18/01/2004

Привет, Косолапище.

Почитал дифирамбы - нисколько не узурпированные ! - твоим романам. Мне кажется, что русская литературная критика, по-прежнему, превосходит европейскую по числу и глубине вспахиваемых слоёв и по свежести околкультурных, а не чисто писательских взглядов на письменность.

Я вижу, ты опять взялся за издательские дела. Надо бы тебе устроить перевод кое-каких частей моей книжищи. Я думаю, что главы *Russie, Cité, Hommes, Solitude* - четверть по числу и десятая часть по объёму, страничек 100-150 - представила бы несомненный интерес для русского читателя, соответствуя его пристрастиям к темам *родины и политики, стада или единоличности*. Впрочем, *Action* и *Souffrance* вписываются в то же течение. Для меня, и тематически и хронологически и *идеологически* важнее *Aristocratism, Intelligence, Ironie, Art*.

Для меня эти упражнения были вызовом [Вольтеру](#), утверждавшему, не без веских оснований : *желание сказать всё - вернейший способ нагнести скуку*.

Кстати, о твоём *фамильном Wittenberg'e* ; оказывается, там не только Гамлет и Д.Бруно - примерно в одно и то же время ! - но и Фауст подвизался (вычитал у Marlowe). Мне сочетание именно этих трёх имён очень нравится. (У меня появился профессиональный тик, связанный с моим неумеренным чтением латыни - переворачивать фразу для выуживания литературных эффектов : *нравится мне очень трёх имён именно этих сочетание !*)

Я когда-то брался за Рембо и припоминаю конец *нининых отповедей* (у тебя, конечно, ярче; хотя *прогул* я тебе дарю...) :

Не будет ласкам конца ни краю -

Я всё смекнул -

Тебя на пляс я подбиваю...

... и на прогул !

Из моего сурочьего прозябания ...

25/01/2004

Суроче,

не терзай моих *зелёных*, ты мне весь форум распугаешь. Бога ради, зайти в КОНКУРСЫ, там есть тема – перевод американской поэзии, и выложен труднейший Аллен Тейт. Попробуй оценить три выложенных перевода, мне надо спровоцировать появление ещё хотя бы двух-трёх. И прими во внимание, что все трое нам с тобой в дети годятся по возрасту.

Между прочим, ко мне сбежал с Урала мой младший сын (1981 года рождения), о существовании которого я молчал, да и не думал почти, пока он меня сам не нашёл и не объявил, что хочет заниматься поэтическим переводом и только им. Живёт теперь у меня, учит голландский, африкаанс (и полюбившийся ему из-за поэзии украинский). Так что если Владислав тебе напишет – не удивляйся, он допущен к моему компьютеру полностью.

Вообще ты бы мне написал – как тебе глянулся сайт (не форум, а именно сайт). Вот-вот выложим переводчиков вплоть до [Бродского](#), а дальше всё пойдёт под горку. Целиком-то текст сайта готов, но веб-мастерам работы много.

Мне сайт ни копейки не стоит, но и не приносит. Делай выводы.

Твой

Приполярный Белый.

25/01/2004

Сурочье охреневшее,

педагог из тебя, как вижу, тот ещё. Учить приходится тех, кто учиться хочет – а этому семинару два месяца.

Владислав свободно владеет английским, по-французски и по-немецки с трудом читает, прочее в зачатке. Ни о чем, кроме поэзии (предпочтительно переводной) с ним говорить не стоит.

А ученики мои тут (уж которые по счету), за вычетом полониста Шоргина, ещё ничего в смысле вклада в поэзию создать не могут, зеленые они. Но в смысле творческого заряда тут всё в порядке – они ХОТЯТ, значит, из одного на десять выйдет то, что я хочу. Стало быть – 4-5 поэтов, в иных странах и того нет.

Ты же не зря не воспринял моего Смарта – тебя перевод, выполненный с многократным умножением лексики, тоже в ярость привел. Нынешний мой Сервис тебя и вовсе доведет до белого каления, видимо. Я создаю СВОЮ школу перевода, мне уже давно ясно, как надо (главное – ЧТО) делать, но диктовать никому ничего нельзя. Должны сами понять. Вот и кормлю народ слегка отравленной привадой. Кто выживет, станет человеком.

Твой сайт у меня хорошо грузится, но почему-то только у меня. Коллеги по сайту в Бельгии и США в один голос жалуются. Почему бы? У меня тот же кабельный интернет, что у них, а оперативной памяти компьютера наверняка меньше.

Ладно, Нэ журысь.

Полярный Довольно Злой.

27/01/2004

Косолапое полярище,

Забыл отозваться о сайте.

По *функциональностям* - очень профессионально.

По удобству - надо бы поразнообразить меню и внести побольше графики (в виде кнопок или, например, национальных флагов для связи с языком или страной, портретов царей или генсеков - для эпох).

По живости и содержательности общения - намного выше средне-мирового уровня...

А уж твой язык, смесь дидактики, провокаторства, иронии и чуткости, - выше всех похвал...

Так держать!

Сурук завидуший

01/02/2004

Дорогой Суроче,

я бы и рад, но ты сам видишь - английский, испанский и польский на сайте процветают, а французский и даже отчасти немецкий - в загоне, французский (к тому же плохо) знает человека два-три. Кто на твой сайт не заберётся, никто ничего не понимает. Не скажу, чтоб я там всё понимал, но хотя бы около половины, а тут - только людей раздражать.

Двадцать первый век на земле, французы между тем заботятся о своей экспансии разве что в Канаде.

Так что, увы, толку не будет.

Твой полярный

01/02/2004

Да я просто тебя потешить хотел. Если ты, конечно, понял о чём идёт речь. Я-то посмеялся от души. Таких забав я в других языках не знаю. (Я о твоём пристрастии к либертинам вспомнил).

Что до засилья английского или польского, то помимо экономики или географии у этого явления нет веских причин.

Для меня французская литература остаётся - вместе с немецкой - на две-три головы выше всех остальных. Поэтому меня-то могут лишь удручать эти унылые *конкурсы* по переводу третьестепенных американцев. Во мне - неизлечимая аллергия к американскому типу отзывчивости или воображения. Раздели американский ВВП (*валовый национальный продукт*) на 100, и вся эта пресловутая, дутая культура оставит не больше следов, чем Босно-Хорватия. Жаль, что и среди русских переводчиков - лучших в мире ! - доллар стал играть такую зловещую роль.

Да, сегодня французская письменность находится в более чем плачевном состоянии, но у остальных, за исключением, может быть, немцев, - и того хуже. Когда во Францию приезжают *number one* американских *интеллектуалов* - а это слово к ним вообще не приложимо - то у французов вырывается вздох облегчения, - оказывается за океаном интеллектуал ещё более жалок, чем у нас... Но я должен признать, что едва ли ни самый светлый сегодня интеллектуал в мире находится в англо-американской среде - *G.Steiner*, хотя он, как и [Набоков](#), троякоязычен. В нём ещё чувствуется атмосфера Вены начала прошлого века : Kafka, Wittgenstein, Freud, Kraus, Rilke, Mahler, Musil...

А сегодня, между прочим, в Америке отмечают *День Сурка*. Как же ты, с твоим новым американским уклоном, этого не заметил, чтобы меня поздравить?

Сегодня на дворе - солнце, а поэтому сурку - по американской легенде - положено продрыхнуть ещё пару-другую недель...

Жму тебе лапу, косолапый, и переворачиваюсь на другую сторону...

02/02/2004

Всё я понял, Суроче.

Только мне приходится иметь дело с теми членами семинара, какие есть, а не с теми, какие мне мечтались бы. Американскую поэзию мне читать скучно, хотя Южные штаты, да и Канада, кое-что интересное содержат, как всегда в провинции. С американцами не просто скучно, с ними занудно. Польша кое-что накопила непереведённое, но нынешней тоже никакой нет. У Франции - кто? Деги?.. [Бонфуа](#)?... Не смей меня. Я говорю только о поэзии.

Думаю, ГДЕ-НИБУДЬ да есть. У нас, в частности, есть, хоть и мало – притом это поколение от 30 до 50 лет.

А в интеллектуальные игры мне играть совсем неохота, у моей *молодежи* надо быстро мозги на место ставить. Кстати, насчёт Босно-Хорватии, точнее, Сербии - а что, где-то сейчас есть прозаик лучше [Павича](#)?

Да и вообще мне всегда скучно с тем, что СЕГОДНЯ. Всегда хочется немного отстоявшееся обследовать. Вот и роюсь в англосаксонской культуре, с интересом обнаруживая, что Карл Орлеанский вообще-то по-английски лучше писал, чем на родном. Хотя бы потому, что на Островах в его времена поэзии был ноль, а во Франции - как раз рассвет.

Так что с Днём Сурка тебя, хоть он уже вроде бы и прошёл, но на Аляске, думаю, ещё длится.

Твой Полярный

03/02/2004

Не вполне понимая, отчего мои французские заметки не воспринимаются, и подражая твоей методологии, я хотел бы предложить, для начала, очень простой опыт. Вот, наудачу, три фразы. Можешь ты ответить : 1. понятно ? 2. интересно ? 3. элегантно ? 4. почему ? (ответ может быть и *нет,-,-,-*).

1. *Mon ambition littéraire est de faire du langage un opérateur, un instrument d'exposition et de déduction.*

2. *Au **fond**, toute philosophie est une affaire de **forme**.*

3. *Les idées deviennent **matière** au moment où l'on les **travaille** sans altérer l'image principale.*

Недоумевающий сурок

27/05/2004

Поддай голос, Суроче!

Я для кого извлёк кошмар под названием Уильям Топаз Макгонаголл?
Я кому голову морочу переводами пародий на *Ворона* и самого *Ворона*
- это ведь и оценить некому!..

И есть серьёзный вопрос. Итальянцы претендуют на изобретение сонета. Я не верю - на мой взгляд, должен найтись провансальский прототип.

Словом, до встречи...

Е.Полярный

27/05/2004

Странно, но письмо твоё дошло читабельным, а не со сплошными вопросительными знаками, как это обычно приключается с бедной кириллицей. У тебя, небось, есть какой-то секрет? Поделись.

В Эксе (Aix-en-Provence) существует Академия Сонета, где хранятся тексты трубадуров XII-го и XIII-го веков (напр. Arnaud Daniel, Geoffroi Rudel). Данте замышлял свой Ад в Бо-де-Прованс (les Baux-de-Provence) ; Петрарка владел провансальским не хуже, чем Казанова - французским. И тот и другой были последователями трубадуров (а Петрарку провансальцы так и называют трубадуром). Брат скандального провансальца Мишеля Нострадамуса, Жан, причислял Петрарку к своим поэтам. Он же и упомянул первым семью де Садов... (Кстати, последний сильный французский поэт, Р.Шар, проживал там же, где и Петрарка !) До XIX-го века, сонеты Canzoniere воспринимались провансальцами как свои, ибо довели до совершенства образцы той техники, что была обнаружена Петраркой в Провансе, у трубадуров. Провансальцы считают канцону, секстину и сонет своими изобретениями, хотя я не знаю неопровержимых доказательств (до Маро, я не знаю ни одного французского сонета... Английские появились в то же время.). Документально засвидетельствован сонет итальянца Дж. да Лентино - 1230 г., кажется, при сицилианском дворе, куда уже была импортирована провансальская секстина. С другой стороны, между Тосканой и Провансом, в XII-м - XIV-м веках, обменов было куда больше, чем с Сицилией.

Так что мне думается, что докопаться до стоящих провансальских допетрарковых образцов сонета уже не удастся.

О *Вороне*. Об этом столько сказано, что ни о какой свежести комментариев уже не может идти речь. Анекдотца ради : мне недавно довелось слушать, в исполнении автора, перевод Есенина-Вольпина.

Теперь о твоём сайте. В своём последнем письме (ЛС), я тебе подробно описал причины своего устранения. У тебя - мастерская, а мне по душе - салон. Знание и ремесленничество, для меня, - дело, конечно, важное, но не самое захватывающее. Стилль, вкус, мысль, игра меня привлекают гораздо больше, чем владение предметом. У тебя воцарилась какая-то мрачноватая братия, по-уши увязающая в фактах, в технике, в документализме, и недоступная лёгкому остроумию, тонкой иронии и провокационному парадоксу. Нет открытости, нет любопытства к стороннему взгляду на мастерство, нет радости от встречи с чем-то непредвидимым.

Не пойми превратно, но твои чудесные переводы, твой уникальный язык прозы, твоё удивительное мастерство *несоприкосновения* с вещами в мире магии и чудес, всё это впечатляет меня неизмеримо больше, чем твои - пусть даже и уникальнейшие и респектабельнейшие ! - познания. Я - человек радикальной поверхностности. Слова мне ценны тогда, когда моментально уводят по ту сторону вещей; идеи интересны почти одними метафорами; знания впечатляют только высоким и отстранённым взглядом на них. Я понимаю, что страсть без гения - чёрная дыра, но гений без страсти - пшик соломенный.

Может быть, кое-кто из раздражающих меня на сайте олухов нам в дети годится, и как-то негоже поворачиваться к ним с такой свирепой рожей, - нелепица виртуала...

Так что когда откроешь *салон*, где у визитёров, при входе, будут притуплять когти и заострять язык, - всегда готов. Какой-то загадочный разлад - столько подчас утончённости в строках стихотворных и столько серости - в отвлечённых рассуждениях. Незрелость. Неумение - или нехотение - искать нулевую точку отсчёта; ссылки на авторитеты, на данные. Непомерная односторонность интереса к мировой литературе, в котором жалкая американская культура занимает ничем кроме экономики не оправдываемое центральное место. Такой перекосяк, впрочем, свойственен и Европе ; ведь даже и во Франции, 80/100 млеют от восторга перед американской *продукцией*, будь это кино, роман, живопись или музыка.

Твой Г.Нороватый

28/05/2004

Полагаю, Норный, что и это письмо ты получишь нормально. Для этого нужно зайти к нам на сайт и вызвать в *пользователях* опцию *имэйл*, а потом писать. Автоматически включится ВВСкод, а он в письме проходит.

Как ни странно, если первым языком, на котором писались сонеты, был итальянский, то вторым, выходит, был иврит. Маноэлло Джудео, он же Эммануил Римский, чуть моложе [Данте](#), уже писал сонеты (и по-итальянски тоже). Интересно то, что он написал и нечто вроде еврейского *Декамерона*. Поскольку это литература *ассимилянтская*, евреи и не думают это переводить ни на какой язык. Читал кое-что в пересказе - надо бы издать. Получается, и тут евреи всех опередили.

Что же касается мастерской, в которую я превратил Форум - у меня другого выхода нет. Искусство должно быть передано, а никто молодежью заниматься не хочет. Еще хуже то, что у всех в запасе один английский, иногда испанский, а другие языки словно и не существуют, - разве что среди античников. Между тем уже через полвека английский языком межнационального общения уже не будет. Германия стремительно перестает его понимать. А у нас немецкий чуть ли не утрачен. Вот я и подсовываю им французские баллады прерафаэлитов (с Шарлем Орлеанским и Чосером они не справятся): нехай учатся. Понятно, что мне Эсташ Дешан был бы интересней, да кто ж из них в нем разберётся. А кто разберётся - тот пока стихи писать не научился. Вот и оказался я директором школы, где сам же чуть не все предметы преподаю во всех классах.

Не могу я себе позволить роскошь вести светскую беседу - положение не то. Язык находится на грани нового всплеска поэзии, и каким этот всплеск будет - получается, что от меня и зависит. [Бродский](#) уже не питателен. А Бенн - очень даже.

Обнимаю.

Полярный

28/05/2004

Да, ты, действительно, подвижник и более чем в одном смысле. И уровень твоих дискуссий - в мастерских! - порой просто головокружителен. Но есть, всё же, опасность - зарыться с головой (вот, себе же противоречу - высота и - зарыться...) в техническую сторону письмотворчества. И вот тут поджидает основной порок американизма : потеря вкуса, боязнь произвола, применение одной и той же мерки к вещам несопоставимым. Иногда я проделываю такой эксперимент : в американском труде о поэзии заменяю слово *поэт* на *водопроводчик* или *менеджер* - и ничего, порой даже убедительней звучит !

Пока, слава Богу, России такая напасть не грозит ; и кроме мозгов, у неё водится ещё немало прочего добра, незаменимого в поэзии.

Мне пришла в голову очень забавная деталь, объединяющая обе мои вчерашние выходки, с одной стороны - провансальцы, с другой - поверхностность и игривость : до образования компании *фелибригов* (Félibriges), с Мистралем, их первое печатное издание называлось *Le Gay Saber - Le Gai Savoir - La Gaya Scienza - die fröhliche Wissenschaft - la ciencia jovial* - не спёр ли мой дружище [Ницше](#) название одной из своих лучших книг у развесёлых фелибригов ?

Твой Нороватый (смесь *виноватого* и *вороватого* - в норах-то, какое там чувство долга или частной собственности...)

Послесловие

Я, вероятно, так и не узнаю, что стало причиной ненаписания этого послесловия самим Е.Витковским. То ли это застарелая болезнь, то ли застарелое раздражение.

Безусловно, я бывал с ним неуклюж в слове, несправедлив в суде, невнимателен в предметах. Для человека уникальной литературной культуры этого могло быть достаточно, чтобы быть и уязвлённым и разочарованным.

В моей последней юности не было более вдохновенных дней, чем те, что я проводил с Е.В. за чтением стихов европейских поэтов. Его познания в истории поэзии были безграничны, его вслушивание во внутреннюю музыку каждого языка было безупречным, его чувство гармонии русского стихосложения было изумительно, а поэтический дар убедителен, свободен, самобытен.

Эгоистично, я благодарен ему за то, что, сравнивши его поэтические приёмы со своими, я быстро прекратил своё тяжеловесное рифмоплётство и надолго превратился лишь в любопытного читателя.

Много позднее, окунувшись в философию, я удержал в ней две исчерпывающие темы - утешение и язык. Классикам ценен универсализм языка, романтикам - личные переживания, обычно меланхолического свойства. Е.В. - классик, я - романтик.

Критерием значимости я установил раз и навсегда место вкуса,

темперамента и благородства автора. Из всего этого постепенно вырисовывалось кардинальное различие двух подходов к литературе в целом - о-писательство или в-писательство, минералогия или нарциссизм, глубина знаний или высота взгляда, строгость или дерзость, связность или озарения, верность зримому или проповедь незримого, спокойная или же беспокойная совесть.

Ясно, что эта дихотомия интересна лишь в приложении к людям талантливым и совершенно бессмысленна, и даже смехотворна, среди прочих.

В своих переводах, Е.В. начинал с романтиков и переводил романтически, а кончил классиками и стал писать классически.

Он писал свои историко-фантастические романы в духе Данте, тогда как я трепетал над Бл.Августинном и начинал свои философские опыты в стиле растрёпанных афоризмов. Моя резкость, а может быть и бестактность, в оценке его трудов по-видимому покорили и его вкус и его самолюбие и его представление о дружбе.

К этим личным обстоятельствам добавилась тогдашняя драма русской интеллигенции.

В СССР существовал культ людей науки и искусства. Учёные и художники не только чувствовали себя элитой нации, но и были признаны огромным большинством населения, задушенного, в будничной жизни, серостью, безысходностью, ложью и произволом.

Современная Россия американизирована, то-есть, учитывая степень самодурства и варварства в русских головах, - африканизирована. Коммерческий подход поставил искусство в ряд с супер-маркетами, перекупщиками и телохранителями, и в этом состязании особенно

чувствительное поражение потерпело искусство словесное.

Е.В., пожалуй, единственный сегодня русский писатель, чутко и глубоко воспринимающий качество языка. Но тиражи его книг унизительно низки. Есть от чего придти в отчаяние мастеру и знатоку, когда царят подмастерья и невежды.

На закате нашей жизни я шлю Евгению свои запоздалые, но искренние слова благодарности за дружбу, которой он меня когда-то одарил.

Указатель имён

Аввакум	30	Бахманн И.	60	Брассенс Ж.	110,123,124, 126,163,263,270,284, 286,296,303,309,333, 352
Бл.Августин	103,104	Бахтин М.	377	Браунинг Р.	442
Авельянеда А.	264	Бедный Д.	295	Брентано Ф.	170
Авсоний	46	Белинский В.	222,251, 376,	Бретон А.	246,255
Автономова Н.	27,104	Белли Д.	223	Брехт Б.	40,268
Алданов М.	269,322	Белло Р.	224,233	Бродский Д.	120,131, 283
Алешковский Ю.	125	Белый А.	35,43,188, 210,274,281,290	Бродский И.	27,37,47, 290,297,309,354,357, 361,364,377,442,447, 461
дон Аминадо	282	Бенн Г.	13,95,461	Бруно Д.	445
Амьель А.Ф.	32,36,139, 143,147,154,161,	Беранже П.	33,143,147, 333	Брюсов В.	170,274,282, 297
Анакреон	62	Берберова Н.	3,156, 160,242,258,264,294, 323	Буало Н.	87,102,115
Андреев Д.	88,102,126, 187,283	Бергсон А.	179	Бубер М.	377
Ангелиус С.	43	Бердяев Н.	176	Будда	152,180
Анненский И.	254,261, 264,274,282,283,284, 291	Берлиоз Г.	69	Булгаков М.	139,253,265
д'Аннунцио Г.	256	Св. Бернар	352	Бунин И.	187,264
Антокольский П.	87,101, 120,137,	Бернс Р.	24	Буслаев	14,222,270
Антонич	188	Бертран А.	246,256, 267	Вадим Р.	315
Аполлинер	89,103,247, 333,351,357	Бетховен	14,91,190	Валери П.	7,10,11,13,20, 22,36,47,53,59,60, 62,65,69-72,77-85, 90,91,93-99,102-105, 109-114,123,124, 126-128,131,135,137, 141,144,148-150,155, 157,162,163,169,194, 234,249,270,275,279, 298,301,308,320,326, 333,351,364,379,389, 392,394,395,398,405, 412,414,428
Арагон	19,333	Бёме Я.	35,43	Ван Гог В.	294
Ариосто	21,372	Блаватская Е.	90	Ведекинд Ф.	341
Аристотель	57,64,89, 90	Блок А.	252,261,264, 274,280,283,284,290, 318,344,355	Верлен П.	21,121,196, 333
Армалинский М.	267,286, 292	Бобров С.	121	Верн Ж.	29,253
Асадов Э.	321	Бобышев Д.	168	Веронезе	373
Афанасьев Ю.	26,29	Бодлер Ш.	5,7,39,120, 135,141,170,196,246, 256,277,333,357,361, 369	Визель Э.	41
Ахматова А.	194,243, 265,274,280,283,284, 297	Божнев Б.	4,155	Вийон Ф.	7,26,29,30,49, 196,246,247,256,268, 333,334,337,437
Ахтерберг Г.	245	Бокаж М.	239,241,250, 251,263,284		
дю Баиф Ж.	315	Бокаччо	252,460		
Байрон Д.	107,124,251, 321,343	Бомарше П.	26,233		
Балашов Н.	352	Бонфуа И.	7,56,60, 98,99,108,113,114, 233,256,308,454		
Бальзак О.	19,26	Борхес Х.	7,10,14,15,17, 21,31,57,58,64,65, 67,132,139,143,170, 186,261,263,268,364		
Бальмонт К.	274,281	Боссюэ Ж.	327		
Баратынский Е.	221,317, 320,321,328,329				
Барбье О.	333,437				
Батай Ж.	255				
Бауэр В.	247				
Бах И.	92,135				

Вилье де Лиль-Адан	61, 66,68,92	Големба А.	121	Дрюон М.	56,349
Вио Т.	29,38,47, 353,356	Голон С.	322	Дю Белле	333
Виппер Б.	130	Гомер	35,134,224	Дюпон Д.	333
Виргилий	21,194,203	Гораций	32,35,194, 202,212,222,295	Дьеркс Л.	121,131,356, 357
Виттгенштейн Л.	452	Гордимер Н.	46	Дьяконов И.	226
Вейль С.	17	Городецкий С.	274,281	Дюма А.	62,89
Влади М.	315	Горький М.	308,359	Евтушенко Е.	262
Волкофф В.	18,315,319, 325	Гракх Ж.	108	Елагин И.	7,309
Волошин М.	132,274,281, 356	Гран Э.	24,29	Есенин С.	274,282
Вольтер А.	40,62,71,101, 258,445	Грасс Г.	37,47	Есенин-Вольпин А.	458
Вондел Й.	94,145,170, 201,297	Гречанинов А.	91	Еськов К.	267
Высоцкий В.	303,309, 356	Гроций Г.	320	Жакотте Ф.	191,233
Вяземская А.	107,108, 213,315	Гумилёв Н.	97,132,188, 274,282,328	Жид А.	22,193,194, 206,255,257,279,417
Вяземский П.	107,286	Гурмон Р.	341,353,356	Жирар Р.	19
Вьеле-Гриффен Ф.	333	Гюго В.	61,89,103, 161,170,196,247,270, 333,357,361	Жубер Ж.	103
Гайдн И.	91	Даниэль А.	457	Жуковский В.	222
Галилей Г.	372	Данте А.	21,30-35, 41,43,44,62,70,78, 92,97,117,124,126, 132,138,143,170,177, 188,189,192-194,196, 201-203,206,210,212, 215,223,286,309,317, 343,355,372,380,407, 414,420,442,457,460	Закс Н.	60
Галич А.	222,241,283, 290,296,297,303,309	Дарио Р.	15	Замятин В.	188,253, 265
Гари Р.	326	Дебре Р.	7,10,17, 20,73,92,107-109, 179,257,344,369,379, 388	Зенкевич М.	283
Гарнье Н.	332,336	Дега Э.	68	Зенон Эл.	83
Гарсен Ж.	197	Деги М.	347,454	Зюскинд П.	308,315
Гаршин В.	9	Декарт Р.	72,73,251, 269,277,278	Иванов В.	32,88,118, 119,253,265,274,276, 281
Гаспаров М.	45,46,96, 127,189,242,280	Делёз Ж.	104	Иванов Г.	46,144,187, 265,266,274,281,283
Гегель Г.	68,140, 144,148	Делюи А.	248,258,335	Иисус	19,20,47, 103,180,245,255,266, 267,276,317
Гейдеггер М.	41,234	Депрож П.	344	Ильин И.	55
Гейне Г.	170,178, 343	Державин Г.	14,130,187, 195,203,204,215,221, 222,297,317,320,327	Ильф И.	61
Георге С.	47,309,317	Деррида Ж.	41,93,104, 110,122	Ионеско Е.	198
Гераклит	21,272	Деснос Р.	19	Искандер Ф.	41
Герцен А.	39	Дешан Э.	245,460	Йейтс У.	15,91,170
Гецевич Г.	248	Джойс Д.	101,139, 214,377,380	Кавальканти Г.	202
Гёте В.	11,17,19, 32,36,39,188,196, 217,223,232,251,301, 412,445	Джотто	373	Каванна Ф.	343
Гинзбург С.	315	Диоген Лаэртский	260	Кавафис К.	15
Гинзбург Ю.	375	Донн Д.	44,102,117	Казанова Д.	22,86, 101,320,326,349,322, 457
Гиппиус З.	252,254,264, 274,276,281,283,285, 433	Достоевский Ф.	188,239, 253,301,327,413	Каюа Р.	73,93
Глюксманн А.	344			Кальвин Ж.	25,31,35, 38,44
Гоголь Н.	31,62,116, 188,343			Кальдерон П.	10,105
Голдинг У.	46,132			Камознс Л.	188,196
				Кант И.	68,92,275
				Кантемир А.	14,203,222
				Кантор М.	27,29
				Карамзин Н.	31,47,52, 122,134,143,187,195, 205,216
				Кастанеда К.	155

Катулл	32	Лец С.	46,52,379,	Мейринк	15
Кафка Ф.	22,139,364,		383	Мелвил Г.	169
	452	Лёффлер З.	121	Микельанджело Б.	240,
Кейрош Э.	188	Ли Юй	226		266,276,373
Кессель Ж.	56,322	Лившиц Б.	13,98,113,	Миллер Г.	101
Кехаян Н.	335		120,261,356	Милош	46
Киплинг Р.	3,17,156,	Лилиенкрон Д.	228	Мильтон Д.	102,117,
	164,168,169,176,185,	Линь Ш.	233		135
	186,189,192	Лозинский М.	230,239	Мирабо	234
Китс Д.	7,223,224,	Ломоносов М.	14,187,	Мистраль Ф.	189,196,
	268,298		203,221		270,462
Клодель П.	69,108,	Лондон Д.	200,333,	Мицкевич А.	210
	255,297,333		336	Мишле Ж.	35
Клюев Н.	264,274,282	Лопе де Вега Ф.	10	Мишо А.	233
Кнут Д.	29	Лоренс Д.	101	Мольер Ж.	118,256,
Козовой В.	157,225	Лотман Ю.	45,205		327,354,417
Кокто Ж.	22,333,351	Лотреамон	246,255,	Монтень М.	102,117
Кольмар	60		267	Монтерлан А.	255
Конт О.	272	Луис П.	279,284,334,	Моравиа А.	35,139
Конт-Спонвиль А.	272,		337	Моргенштерн Х.	437
	288	Лютер М.	31,35,134,	Мореас Ж.	245
Конфуций	29		139,288,295,296,301,	Мориак Ф.	7,10,13,
Копланд Р.	156		302,306,307,320		213
Корбьер Т.	333	Ма Чжи-юань	189	Моро Э.	333
Корнель П.	327	Маас А.	26	Моцарт В.	69
Крамер Т.	157	Макин А.	18,24,29,37,	Музиль Р.	452
Краус К.	452		157,307,322	Муравьев М.	47,88,
Крейд В.	46	Маланюк Е.	188		119
Кржижановский С.	15,	Малер Г.	452	Мюссе А.	213,222,223,
	107,118,170,265,268	Малерб Ф.	102,118		232,270,333
Кудинов	120	Малларме С.	21,61,68,	Набоков В.	18,31,
Кузмин М.	188,253,265,		69,79,97,150,151,		61,121,130,170,187,
	274,281,341,356		333		222,223,265,268,270,
Купер Ф.	137	Мандельштам О.	21,91,		283,319,325,343,357,
Кэрролл Л.	7,90,135,		132,193,194,202,205,		360,361,364,389,442,
	169		261,264,274,280,283,		452
Лабе Л.	232		421,429,437	Нарекаци Г.	226
Ламартин А.	213,222	Мандзони А.	39,44	Некрасов Н.	62,71,
Ланггессер Э.	60,62,66	Манн Т.	60		297
Ланье Л.	47,247	Мантенья А.	373	Нил Сорский	260
Ларошфуко Ф.	32,46,52,	Марвелл А.	201	Ницше Ф.	9,21,22,32,36,
	133	Маркес Г.	46,58,143		39,67,126,161,177,
Ласкер-Шюлер Э.	60	Марков В.	14,170		277,343,379,389,392,
Латини Б.	43	Маркс К.	19,125		394,395,399,405,412,
Лафонтен Ж.	196	Марлоу К.	445		433,462
Леви Б.-А.	344,369	Маро К.	246,268,332,	Нострадамус М.	32,457
Левик В.	196,208		457	Ноэль М.	347
Леконт де Лиль	169	Марти Х.	107	Овидий	32,35,
Лентино Д.	457	Мартынов Л.	120,130,		41,177,194,202,212,
Леопарди Д.	35,38,44,		131		324
	51,62,395,398,412	Мацнефф Г.	315	Оден У.	16
Лермонтов М.	118,161,	Машо Г.	332,333	Окуджава Б.	303,309,
	178,187,195,205,222	Маяковский В.	274,281,	Ольжич	188
Лесков Н.	41,58		282,289,290,295,300,	Оношкович А.	189
Лесной Д.	375,376		301,318,321,328	Опперман Й.	134

Ориген	144	Прутков К.	37,38,47,	Рютбёф	356
Осоргин М.	7		52,90	Саган Ф.	215
Осейн Р.	315	Пушкин А.	14,22,27,32,	Сад Д.	213,234,
Павич М.	132,133,		65,94,102,107,108,		457
	143,156,268,311,454		148,161,178,187,195,	Самойлов Д.	120
Павлова К.	187		204,205,213,215,216,	Сан-Антонио	14
Парни Э.	246,321		222,227,228,231,241,	Санд Ж.	61
Паскаль Б.	19,20,31,35,		242,251,268,269,277,	Сапфо	232
	36,49,90,109,395,		278,284,286,295,309,	Сарамаго	46
	398,412		317,321,327-329,337,	Сартр Ж.П.	41,108
Пастернак Б.	17,70,		343	Саят-Нова	319
	63,141,170,178,180,	Рабле Ф.	30-35,41,91,	Светоний	329
	194,223,242,243,253,		188,222,247,256,284,	Свифт Д.	41,62,132
	255,256,260,261,265,		320,327	Северянин И.	242,252,
	274,276,278,280,295,	Расин Ж.	19,233,234,		274,282
	303,373,395,398,417,		327	Севинье М.	101
	426	Ратушинская И.	133	Сезанн П.	390
Пастернак И.	63,108,	Рейн Е.	168	Селин Л.Ф.	29,31,34,41,
	211,294,367,368,	Рейснер Л.	337		256
Паунд Э.	158	Рембо А.	56,59,	Сен-Жермен	225
Перелешин В.	86,126,		120-122,128,130,137,	Сент-Аман П.	269
	377		128,155,156,164,178,	Сент-Экзюпери А.	420,
Перельмутер В.	108,118		180,189,196,208,218,		429
Перуц	15		220,234,241,246,251,	Сервантес М.	10,41,106,
Пессоа Ф.	15,46,91,		253,255,270,333,439,		116,132,188,264
	139,143,147,153,161,		445	Сергеев А.	46
	170,241,251	Ремизов А.	58,167	Симон К.	46,215,
Петрарка	31,101,	Ренан Э.	19,23,104		225,233,257,288
	117,182,202,212,213,	Рильке Р.М.	3,7,11,13,	Скаррон П.	47,269
	234,252,286,309,343,		18,25,70,62,63,77,	Скотт В.	124,352
	457		91,94-96,99,111,113,	Слауэрхоф	228,245
Петров С.	25,119,		114,126,127,139,147,	Случевский К.	47,187,
	120,128,156,283,392		161,170,194,210,223,		195,206,217,227,228,
Пикассо П.	343		228,233,241,251,252,		261,283
Пильняк Б.	253		265,276,282,298,305,	Смарт	404,419,
Пиндар	79		317,319,321,325,332,		427,448
Платон	90		349,364,376,395,398,	Соболевский	130
Платонов А.	253		412,452	Сократ	257
дю Плесси А.	245,246	Ж.Ришпен Ж.	375	Солженицын А.	245,431
Плиний Мл.	116	Роб-Грийе А.	7,10,	Соллерс Ф.	256,344,
Плиний Ст.	44		13		369
Плотин	91	Роденко П.	319	Соловьёв В.	261,274,
Плющ Л.	193,202,	Рожанский	3		281,283,321
	210-212	Рождественский Р.	97	Сологуб Ф.	198,274,
По Э.	39,169,	Розанов В.	277		281
	456	Розендорфер Г.	49	Солонович	223
Позов А.	135	Роидис Э.	263	Спиноза Б.	22
Полнарефф М.	315	Роллан Р.	31,34	Стартер Я.	284,285
Поло М.	116,117,	Ронсар П.	47,62,102,	Стендаль	39
	189		196,333	Струве Н.	315
Пригов Д.	46	Руссо Ж.Ж.	40,217,	Стюарт М.	349,322
Пристли Д.	101		232	Судзуки	155
Прокофьев С.	69,91	Рушди С.	235,245	Сумароков А.	14,47,88,
Пруст М.	102,122,	Рыклин	27		118,187,203,204,215,
	214,380,419	Рюдель Ж.	457		221,222,297

Сьоран Э.	20,36,66,93, 126,157,164,178-181, 191,198,219,233,255, 342,343,389,392,394, 395,398,412,419,428	Флоренский П.	210	Чиннов И.	156,188, 437
Тагор Р.	176,189, 197	Фо Д.	46	Чосер Д.	460
Тальман де Рео Ж.	62, 117	Фомин Е.	91	Шамфор С.	32
Тарановский К.	118,205	Фоккенброх	268,269, 284	Шар Р.	17,22,32, 47,225,226,233,234, 248,256,258,270,277, 457
Тарловский	283	Фосколо У.	44	Шарль Орл.	454,460
Тассо	118,372	Франс А.	170	Шарпантро Ж.	347
Тацит	329	Св.Франциск	202	Шатобриан Ф.	102,246, 256
Твен М.	37,47,52,375	Фрейд З.	11,177, 390,452	Швейцер А.	319
Тейт А.	447	Фрейдкин М.	124	Шекспир В.	19,30-36, 70,188,189,194,196, 216,233,284,289,295, 296,301,303,304,313, 317,445
Тертуллиан	103	Фруассар Ж.	333	Шенгели	87,88,102, 117,283
Тит-Ливий	329	Фукидид	273	Шенье А.	353,356
Тихонов Н.	274	Фуко М.	273,366	Шенье М.Ж.	356
Толстой Л.	19,23,64, 69,151,188,253,256, 292,297,298,412,417, 431	Хазан В.	29	Шервинский С.	13,32,43
Том Р.	197	Харди Т.	169	Шергин Б.	61
Топоров В.	240	Хвостов Д.	204,221, 231,267	Шестов Л.	32,36,277
Траколь	309,317	Хенкес П.	224,225	Шёнберг А.	91
Тредьяковский В.	203, 213	Хёйгенс К.	44,45,58,66, 117,156,319,390,392, 395,400,404,419,427, 430	Шилейко В.	226
Труайя А.	24,56,322	Хёйзинга Й.	9,11,15, 74,124,392,395	Шиллер Ф.	27
Тувим	170	Хини Ш.	46	Шимборская В.	46
ла Тур дю Пэн П.	246, 307	Хлебников В.	31,35,43, 51,61,210,213,265, 274,282,290	Шишков В.	148,160, 258
Тургенев И.	64,188, 252,253,256,267,277	Ходасевич В.	187,243, 253,264,274,281,328	Шлегель Ф.	304
Тхоржевский И.	120	Холоденко М.	315	Шопенгауэр А.	21,68,336
Тэффи	321	Холст А.	15,169	Шпенглер О.	9
Тютчев Ф.	325	Христина Шв.	241,251, 269	Штейнберг А.	5,117,200, 322
Уайлдер Т.	168	Цвейг Ш.	364	Штейнер Д.	452
Уайльд О.	5,22,39, 153,156,161,164, 167-169,172-176,185, 208,223,224,233,269, 277,298,311,321,343, 364	Цветаева М.	144,170, 178,194,205,232,261, 266,274,276,280,308, 315,319,322,337,349, 433,442	Штейнер Р.	35,43,155
Уланд Л.	61	Целан П.	121,198, 224,227	Штраус Д.	19
Улицкая Л.	399,406, 407,414	Чаадаев П.	116	Шубинский В.	120
Уолкот Д.	46	Чайковский П.	69,91, 216,349	Щировский	262
Успенский Л.	121	Чапек К.	144	Эврипид	224
Фадеев А.	34,41	Чаттертон Т.	223	Эйнштейн А.	22,343
Феофил	102,256, 268,284	Че Гевара А.	107,108, 125	Эко У.	44,132,138, 139,170,268,373
Ферри Л.	104	Чернышевский Н.	168, 177	Элиот Т.	240,323
Фет А.	120,321	Чехов А.	61,69,101, 155	Эльснер	120
Флобер Г.	64,101, 214,234,313,369,418	Чёрный С.	282	Энгельс Ф.	308,359
				Эразм	296,301,302, 306-308,320,327
				Эредиа Ж.	333
				Эренбург И.	274,281, 309,356
				Юлий Цезарь	183
				Языков Н.	187,437

Таблица

Введение

I

1998-й год

07/28 ЕВ ГИ 3
08/19 ЕВ ГИ 6
08/20 ГИ ЕВ 10
08/23 ЕВ ГИ 13
08/24 ГИ ЕВ 17
09/05 ГИ ЕВ 21
10/22 ЕВ ГИ 24
10/30 ГИ ЕВ 26
11/01 ЕВ ГИ 29
11/05 ГИ ЕВ 34
11/07 ЕВ ГИ 41
11/10 ЕВ ГИ 43
11/12 ГИ ЕВ 51
11/24 ЕВ ГИ 57
11/24 ГИ ЕВ 64
11/25 ЕВ ГИ 75
11/25 ГИ ЕВ 77
11/27 ЕВ ГИ 86
11/29 ГИ ЕВ 101
12/10 ЕВ ГИ 116
12/16 ЕВ ГИ 130
12/16 ГИ ЕВ 137
12/18 ЕВ ГИ 143
12/21 ГИ ЕВ 147
12/28 ЕВ ГИ 153
12/29 ГИ ЕВ 160

1999-й год

01/01 ЕВ ГИ 167
01/02 ГИ ЕВ 172
01/05 ЕВ ГИ 185
01/06 ГИ ЕВ 192
01/09 ЕВ ГИ 200
01/10 ГИ ЕВ 210
01/13 ЕВ ГИ 220

01/15 ГИ ЕВ 230
01/18 ЕВ ГИ 238
01/19 ГИ ЕВ 249
01/23 ЕВ ГИ 260
01/25 ГИ ЕВ 272
01/28 ЕВ ГИ 280
01/30 ГИ ЕВ 288
02/09 ЕВ ГИ 295
02/10 ГИ ЕВ 300
02/14 ЕВ ГИ 306
02/15 ГИ ЕВ 313
02/19 ЕВ ГИ 319
02/21 ГИ ЕВ 324
03/04 ЕВ ГИ 332
03/06 ГИ ЕВ 335
04/23 ГИ ЕВ 340
04/30 ЕВ ГИ 341
05/02 ГИ ЕВ 343
06/14 ЕВ ГИ 347
06/14 ГИ ЕВ 348
06/14 ЕВ ГИ 354
06/15 ЕВ ГИ 359
06/15 ГИ ЕВ 363
06/16 ГИ ЕВ 366
06/17 ГИ ЕВ 368
06/27 ГИ ЕВ 369
07/28 ГИ ЕВ 371
07/29 ЕВ ГИ 375
08/09 ГИ ЕВ 379
12/27 ГИ ЕВ 381
12/30 ГИ ЕВ 383

2001-й год

10/06 Нат ГИ 385
10/06 ГИ Нат 388
10/09 Нат ГИ 391
10/09 ГИ Нат 394

10/13 Нат ГИ 397
10/15 Нат ГИ 403
10/15 ГИ Нат 411
10/15 ГИ Нат 417
10/16 Нат ГИ 423
10/17 ГИ Нат 431

2002-й год

02/22 ГИ ЕВ 435
02/24 ЕВ ГИ 436

2003-й год

12/30 ГИ ЕВ 439
12/30 ЕВ ГИ 440
12/30 ГИ ЕВ 442
12/31 ГИ ЕВ 443

2004-й год

01/18 ГИ ЕВ 445
01/25 ЕВ ГИ 447
01/25 ЕВ ГИ 448
01/27 ГИ ЕВ 450
02/01 ЕВ ГИ 451
02/01 ГИ ЕВ 452
02/02 ЕВ ГИ 454
02/03 ГИ ЕВ 455
05/27 ЕВ ГИ 456
05/27 ГИ ЕВ 457
05/28 ЕВ ГИ 460
05/28 ГИ ЕВ 462

Послесловие 463

Указатель имён 467

Не думаю, что найдётся в Европе знаток одновременно и славянской и германской и романской поэзий, сравнимый с Евгением Витковским. Я считаю своё знакомство с ним, порой принимавшем тональность чуть ли ни дружбы, одним из замечательнейших событий своей жизни. Совсем уж сблизиться мешали частенько противоположные черты наших характеров и привязанностей. Культура, ответственность, дидактичность, с его стороны, и вкус, темперамент, предубеждения, нарциссизм - с моей. Во мне - пренебрежительное отношение к месту знания в качестве литературной писанины. В нём - скрупулёзность, точность, исчерпанность.

www.philiae.eu/Archives/Bio/103_WitLet.pdf